

Т. М. Сабирова

**ФИБУЛЫ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.**

Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
Удмуртский государственный университет

Т. М. Сабирова

**ФИБУЛЫ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.**

Ижевск
2019

ББК 63.4 (2)
УДК 903.2
С12

Рецензенты:

д.и.н. Т. И. Останина
к.и.н. Н. А. Лещинская

Ответственный редактор
д.и.н., проф. Р. Д. Голдина

Сабирова Т. М.

С12 Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н. э.: Монография / УИИЯЛ
УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск: Изд-во «Шелест», 2019. – 238 с.

ISBN 978-5-6042700-4-2

Монография посвящена систематизации и обобщению информации о фибулах – застёжках, являющихся важным археологическим источником для реконструкции многих аспектов жизни населения Камско-Вятского региона в первой половине I тыс. н. э. В результате применения комплексного подхода к рассмотрению отдельной категории археологических предметов проведена классификация вещественного материала и создан интерактивный каталог фибул Среднего Прикамья. Определены пути поступления в Прикамье импортных экземпляров, уточнены датировки некоторых местных типов находок. Исследованы технологии изготовления фибул; с помощью рентгенофлуоресцентного анализатора выявлен состав металлических сплавов. Зафиксированное с помощью структурно-семиотического метода единообразие в декоре и стилистическом оформлении позволило установить производственный центр, который располагался на территории современного Сарапульского района Удмуртии.

Издание предназначено широкому кругу читателей – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам, школьникам, студентам.

ISBN 978-5-6042700-4-2

ББК 63.4 (2)
УДК 903.2

© Сабирова Т. М., 2019
© УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019

Содержание

Введение	4
Глава 1. История изучения и методы исследования прикамских фибул	7
1.1. Находки фибул в Среднем Прикамье	7
1.2. Изучение прикамских фибул в отечественной археологии	11
1.3. Методика исследования	15
Глава 2. Классификация прикамских фибул	20
2.1. Классификация местных и привозных фибул	20
2.2. Декор бабочковидных фибул	27
Глава 3. Археологический контекст находок фибул	34
3.1. Хронологические группы комплексов с фибулами	34
3.2. Использование фибул в погребальном обряде	52
Глава 4. Изучение производства фибул	57
4.1. Состав металла фибул	57
4.2. Технология изготовления фибул	62
Заключение	70
Список сокращений	74
Список использованных архивных материалов и литературы	75
Приложение I. Рисунки	82
Приложение II. Таблицы	171
Приложение III. Каталог фибул	191

ВВЕДЕНИЕ

Фибулы – застёжки одежды, современным аналогом которых являются броши. За столетия, отделяющие нас от времени их бытования, неоднократно трансформировался внешний облик этих застёжек, но неизменными оставались две вещи – основа (игла или игла и пружинный механизм) и декоративное оформление различных конструктивных элементов застёжки. Именно совмещением этих двух составляющих – функциональной нагрузки (застежка одежды) и декора (украшение) – фибулы интересны для целого ряда специалистов.

Самые ранние из археологических фиксируемых находок относятся к гальштатской культуре эпохи раннего железного века (IX–VI вв. до н. э.). Расцвет их использования пришелся на римское время, когда они активно распространились по обширным территориям юга Восточной Европы [Амброз, 1966]. В Прикамье в первой половине I тыс. н. э. на основе привозных импортных фибул сформировался свой специфический вариант этих застёжек одежды, который отличался сильным своеобразием в декоративном оформлении.

Их комплексное разностороннее изучение представляется крайне актуальным, поскольку к настоящему времени у исследователей нет единого мнения о территории, периодизации и археологических культур Прикамья первой половины I тыс. н. э. Археологические материалы этого времени представлены довольно обширно: с одной стороны, они отличаются типологическим разнообразием, с другой – содержат устойчивые комплексы вещей, свидетельствующих об определённом культурном единстве.

Фибулы как археологический источник обладают огромным потенциалом для реконструкции многих аспектов древних обществ: демонстрируют консервативность и устойчивость традиционной культуры, свидетельствуют об уровне развития ремесла и ювелирного дела, определяют торгово-культурные контакты племён, характеризуют преемственность поколений, эстетические принципы эпохи и т. д. Изучение фибул как части костюмного комплекса позволяет установить половозрастной, социальный и имущественный статус их владельцев.

Большая часть фибул выполнена из сплавов цветных металлов на основе меди; в силу своих физико-химических свойств такие изделия имеют лучшую (по сравнению с железными) сохранность, что позволяет эффективно использовать различные современные методики определения технологии их изготовления. Фибулы являются одними из самых технически сложных изделий среди прочих категорий украшений и принадлежностей костюма, поэтому реконструкция технологии их изготовления в полной мере отражает набор производственных операций и приёмов работы с металлом, которые были доступны населению на определённом этапе исторического развития.

В изучении прикамских фибул условно можно выделить два направления: 1) изучение привозных экземпляров (использование их в хронологических построениях, определении направлений торгово-культурных контактов населения); 2) изучение собственно местных типов фибул, развившихся из группы импортных фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника, с целью определения относительной хронологии материалов.

Работы первого направления представлены, прежде всего, публикациями А. К. Амброза [1966], А. С. Скрипкина [1977], М. Г. Мошковой [2000], В. Ю. Малашева [2014 и др.], В. В. Кропо-

това [2010]. Предметом всех этих исследований является корпус фибул юга Восточной Европы: классификация, датировка фибульного материала, выявление локальных территориально-хронологических групп фибул в разных культурных ареалах данной области.

Авторы публикаций тех прикамских могильников, которые содержали импортные фибулы, опираясь на общепринятые классификации А. К. Амброза и А. С. Скрипкина, а также на аналогии привозным фибулам на сопредельных территориях, датировали при помощи этих данных как комплексы погребений с фибулами, так и материалы могильников в целом [Васюткин, Калинин, 1986; Останина, 1992; Голдина, Красноперов, 2012 и др.].

Среди специализированных публикаций, посвящённых рассмотрению импортных фибул первой половины I тыс. н. э. в Прикамье, следует отметить работы Т. А. Лаптевой, которая на основании южных аналогий и культурно-стратиграфического анализа, учитывающего сопровождающий фибулы инвентарь, выделила хронологические группы, включив туда как импортные застёжки, так и синхронные им местные фибулы. Среди поднятых ею тем – начало массового местного производства аналогов импортных застёжек [Лаптева, 1996]. Н. А. Лещинская в ходе изучения корпуса привозных фибул Тарасовского могильника (его коллекция насчитывает как минимум 29 таких экземпляров) поставила вопрос о сложности выявления среди фибул с пластинчатым корпусом и завитком на конце приёмника самых первых образцов фибул местного производства, стилистически ещё схожих с импортными. Также она наметила возможные пути поступления неместных фибул в Прикамье, связывая их появление с позднесарматским населением Южного Приуралья [Лещинская, 2010].

Второе направление в изучении фибул связано с разработкой классификации и хронологии специфических фибул прикамского производства. Наиболее полно это направление представлено в монографии Т. И. Останиной, занимающейся изучением прикамских материалов мазунинского времени (III–V вв.). Она разработала рабочую классификацию местных фибул, определила хронологические рамки их бытования, а также провела пространственный анализ встречаемости разных типов фибул на мазунинских могильниках, выявив ареалы их распространения [Останина, 1997, с. 42–47, табл. 16, 33, 34].

Отдельно следует отметить использование фибульного материала для уточнения хронологии погребений Тарасовского могильника: благодаря планиграфическому анализу удалось подтвердить, что фибулы на памятнике встречаются только в погребениях поздней группы III–V вв., кроме того был установлен планомерный характер поступления в Прикамье импортных застёжек, уточнены взаимонахождения разных вариантов местных типов фибул [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 48]. В 2017 г. появилась работа, посвящённая хронологии женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника [Голдина, Бернц, 2017]. Благодаря анализу взаимовстречаемости находок, в число которых входили и фибулы, авторам удалось выявить 12 групп захоронений, имеющих внутреннее сходство по набору инвентаря. Фибулы входят в группы 1–4, 6, 7, 8. Их бытование в тарасовских материалах в период с первой половины III в. по вторую половину V в. было подтверждено.

Комплексный подход к изучению археологических источников предполагает исследование предметов не только с точки зрения классификации материала и его хронологической и культурной атрибуции, но и определение его функциональной нагрузки, семантического смысла, технологии изготовления, состава металла, из которого они сделаны. Массив фибул пьяноборской культурно-исторической общности ещё не был предметом специального комплексного изучения. Однако следует отметить появление работ, посвящённых изучению металла Камско-Вятского междуречья при помощи естественнонаучных методов, среди которых: диссертация П. М. Орехова, посвящённая бронзолитейному производству постананьинского времени в бассейне р. Вятки [Орехов, 2006; Лещинская, Орехов, 2007]; коллективная монография, авторы которой комплексно подошли к анализу материалов клада VII в. [Кузубаевский клад..., 2011]; работы по изучению состава металла памятников II в. до н. э. – V в. н. э. [Первошиков, Сабирова, 2013, 2014, 2014а; Голдина, Первошиков, Сабирова, 2012]; наработки автора в области определения технологии изготовления застёжек одежды [Григорьева (Сабирова),

2005, 2006, 2007; Сабирова, 2014, 2019]. В области изучения декора и семантического анализа прикамских фибул важны две работы – статья М. Г. Худякова [1934] и небольшой раздел в монографии В. Ф. Генинга [1967, с. 51–52].

Обзор археологических публикаций, посвященных изучению прикамских фибул и наработкам в области междисциплинарного изучения источников, показывает актуальность и перспективность изучения фибул, особенно в области наименее изученных направлений – технико-технологического и морфологического. Автор работы ставит целью всесторонний анализ фибул на основе возможностей современной методической базы с акцентом на использование естественнонаучных, статистико-математических, компьютерных методов.

Наибольшая часть использованных в исследовании фибул (254 экз.) хранится в фондах Археологического музея УдГУ – в коллекциях Тарасовского, Тураевского I, Боярского «Арай», Заборьинского, Дубровского, Ошкинского, Нырғындынского I, Худяковского, Кудашевского, Бобья-Учинского, Красноярского могильников; а также Аргыжского и Зуевключевского I городищ. Остальной массив фибул хранится в фондах музеев, архивов и кабинетов археологии Удмуртской Республики и соседних регионов. В частности, материалы Покровского, Ижевского, Нивского, Мазунинского, Сайгатского, Нырғындынского II, Чегандинского II, Бырғындынского I могильников, а также Чужьяловского, Чегандинского I и Нырғындынского III городищ находятся на хранении в Национальном музее Удмуртской Республики им. К. Герда (г. Ижевск). Полевые материалы Усть-Сарапульского могильника хранятся в Музее истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул). Коллекции Старо-Кабановского, Бирского*, Сасыкульского, Старо-Муштинского и Югомашевского могильников находятся в музейных учреждениях Республики Башкортостан (Национальный музей Республики Башкортостан, Музей археологии и этнографии).

Руководство полевыми археологическими изысканиями различных памятников в разные годы осуществляли: А. А. Спицын, Л. А. Беркутов, С. Г. Матвеев, А. П. Смирнов, В. Ф. Генинг, М. А. Бухтеева, Г. И. Карпова, М. А. Ланько, В. А. Семенов, В. Е. Стоянов, Н. А. Мажитов, Н. Б. Попова, С. М. Васюткин, Р. Д. Голдина, Л. И. Ашихмина, К. И. Корепанов, Т. И. Останина, В. К. Калинин, Л. Д. Макаров, Г. Н. Ключева (Журавлева), Н. Л. Решетников, Г. Н. Гарустович, Н. В. Водолаго, Н. И. Смирнов, О. В. Арматынская, Н. А. Лещинская, О. А. Казанцева, И. Ю. Пастушенко, Е. М. Черных, В. А. Бернц, А. М. Вязников.

В процессе сбора и изучения материала использованы были отчёты об археологических исследованиях, хранящиеся в архиве Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ; публикации раскопок соответствующих погребальных и поселенческих памятников; научно-исследовательские статьи, монографии, диссертации и другие исследования, посвящённые различным аспектам изучения истории Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н. э.

* Бирский могильник содержит 692 погребения III–VIII вв. [Султанова, 2000, с. 13], из которых часть (около 70 захоронений) считается ранней и относится к башкирскому варианту мазунинской культуры по Т. И. Останиной (мазунинскому этапу чегандинской культуры пьяноборской общности по Р. Д. Голдиной) [Останина, 1997, с. 20, 33]. В работе учтены только фибулы из ранней части могильника.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИКАМСКИХ ФИБУЛ

1.1. Находки фибул в Среднем Прикамье

Большинство фибул обнаружены в различных могильниках в количестве от одной до полутора сотен находок. Количество изделий зависит от размера могильника, степени его изученности и степени распространённости фибул среди населения, оставившего конкретный памятник (рис. 1). Кроме могильников, фибулы иногда были обнаружены на площадках городищ (Чеганда I, Ныргында III и др.), единично – в составе клада. Характеристика каждого археологического памятника, содержащего в составе коллекции находок фибулы, – его месторасположение, датировка, насыщенность этими застёжками – позволит представить общую картину распространения фибул в Прикамье.

Территория распространения фибул – Среднее Прикамье от устья р. Тулвы до устья р. Ика, включая левобережные притоки р. Камы: р. Тулва, р. Сайгатка, р. Белая с притоками, р. Ик; правобережные притоки: бассейны р. Иж и р. Вятка.

Наиболее представительна в отношении наличия фибул группа археологических памятников Среднего Прикамья (чегандинская археологическая культура ПКИО). Большая их часть находится на правом берегу р. Камы – Тарасовский, Покровский, Тураевский I, Ижевский, Нивский, Боярский «Арай», Дубровский, Усть-Сарапульский, Заборьинский, Мазунинский, Ныргындинские I и II, Чегандинский II, Быргындинский I, Бобья-Учинский могильники (в порядке убывания количества фибул на памятнике); а также Зуевключевское I, Ныргындинское III, Чегандинское I, Чужьяловское городища. На левобережье р. Камы (Пермский край и Республика Башкортостан) чегандинская археологическая культура представлена шестью могильниками, содержащими фибулы: Старо-Кабановский, Бирский, Сасыкульский, Старо-Муштинский, Югомашевский некрополи.

В бассейне р. Тулвы, левого притока р. Камы находятся два погребальных памятника с фибулами в коллекциях археологических находок – Красноярский и Кудашевский могильники. Принадлежность этих могильников к пьяноборской общности до сих пор окончательно не выяснена и этот вопрос носит дискуссионный характер. Так, В. Ф. Генинг относил всю тулвинскую группу к осинской культуре, сопоставляя её с гляденовской и чегандинской культурами [Генинг, 1988, с. 191–199]. О. А. Казанцева, занимающаяся стационарными раскопками на площадках обоих могильников, отмечает множественные аналогии с материалами пьяноборской и карабызской культур, истоки родства которых – в погребальных традициях ананьинского населения. Вместе с тем, своеобразие погребального обряда и сопроводительного материала позволили от-

нести оба памятника к позднему этапу гляденовской культуры, население которой испытывало определённое влияние со стороны пьяноборского и кара-абызского населения [Казанцева, 2012, с. 52–55]. Р. Д. Голдина считает, что эти памятники составляют красноярский вариант (красноярскую культуру) пьяноборской культурно-исторической общности [Голдина, 2014, с. 37]. Материалы Красноярского и Кудашевского могильников содержат фибулы, что позволило рассматривать их в рамках изучения фибул пьяноборской общности.

Среди могильников вятского локального варианта ПКИО (*худяковская археологическая культура*) фибулы обнаружены в Ошкинском и Худяковском могильниках. Кроме этого, из бассейна р. Вятки происходит еще одна находка фибулы (клад Аргыжского городища).

Вся информация о памятниках собрана в единую сводную таблицу, где указаны его территориальная привязка относительно существующих административных границ; годах и авторах полевых работ; датировка памятника с указанием источника получения этих данных; общее количество захоронений на могильнике, количество могил с фибулами, количество экземпляров фибул на памятнике, номера этих фибул по каталогу (табл. 1).

1. *Красноярский* могильник I–V вв. находится на коренной террасе правого берега р. Тулвы, левого притока р. Камы в 0,1 км к северо-востоку от современного татарского кладбища д. Краснояр II Бардымского района Пермского края (рис. 1-1). Памятник стационарно изучался под руководством О. А. Казанцевой в 1987–1989 гг. Общее количество погребений на могильнике – 144. Единственная находка фибулы происходит из сбора с поверхности памятника [Казанцева, 2012].

2. *Кудашевский* могильник IV–V вв. расположен на юго-западной окраине д. Кудаш Бардымского района Пермского края, на выступе правого берега р. Бол.Амзя, левого притока р. Тулвы, левого притока р. Камы (рис. 1-2). Памятник исследуется с 1990 г. О. А. Казанцевой (в 2003 г. – В. А. Бернц), к 2014 г. количество изученных погребений уже свыше 330. Среди находок – как минимум 1 фибула [Казанцева, 2004].

3. *Нивский* могильник III–V вв. занимает небольшой мыс берега р. Сива, правого притока р. Камы, в 1,4 км к югу от д. Нива Воткинского района Удмуртской Республики (рис. 1-3). Обнаруженный в 1956 г. В. А. Семёновым, могильник изучался в 1972 г. В. Ф. Генингом и в 1973–74 гг. – Т. И. Останиной [Останина, 1978]. Общее количество погребений на могильнике – 156, количество фибул – 17 (рис. 4-2).

4. *Сайгатский* могильник конца III – 1-й пол. IV в. находится на склоне мыса, обращённого устьем к р. Каме между бывшими деревнями Ольховка и Сайгатка (сейчас – г. Чайковский) Пермского края (рис. 1-4). Работами 1914 г. (Л. А. Беркутов), 1956 г. (В. Е. Стоянов), 1966 г. (Н. Б. Попова) изучено 47 погребений, в составе инвентаря которых зафиксировано 7 фибул (рис. 7-1).

5. *Усть-Сарапульский* могильник IV–V вв. находится на юго-западной окраине д. Усть-Сарапулка Сарапульского района Удмуртской Республики, на берегу безымянного ручья, впадающего в р. Каму (рис. 1-5). Благодаря работам Н. В. Водолаго (1983) и О. В. Арматынской (1984–1986) на площадке могильника выявлено 115 захоронений с разнообразным погребальным инвентарём [Арматынская, 1986], в том числе – 10 фибул (рис. 5-2).

6. *Заборьинский* могильник IV в. расположен на правом коренном берегу р. Кырыкмас, левого притока р. Иж, правого притока р. Камы в центре д. Заборье Сарапульского района Удмуртской Республики (рис. 1-6). Раскопки на памятнике проводились в 1983 г. под руководством Н. Л. Решетникова и в 2002 – под руководством В. А. Бернц [Бернц, 2008]. Памятник изучен частично: вскрыто 31 погребение, в которых зафиксировано 10 фибул (рис. 6-1).

7. *Мазунинский* могильник середины III – IV в. занимает вершину небольшого холма на правом берегу р. Камы в 2 км к западу от с. Мазунино Сарапульского района Удмуртской Республики (рис. 1-7). На площадке памятника В. Ф. Генингом (1954–1956) было изучено 69 погребений [Генинг, Мырсина, 1967; Останина, 1997], в 9 из которых найдены фибулы (рис. 6-2).

8. *Тарасовский* могильник I–V вв. содержит самую большую коллекцию фибул: 147 экз. (рис. 2). Памятник занимает мыс коренной террасы правого берега р. Камы, находится в 1 км к юго-востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской Республики (рис. 1-8). Его изуче-

нием на протяжении 17 лет (с 1980 по 1997 гг.) занимались отряды КВАЭ под бесменным руководством Р. Д. Голдиной; общее количество вскрытых погребений – 1880 [Голдина, 2003, 2004].

9. *Боярский «Арай»* могильник III–V вв. расположен в 4 км к западу от д. Боярка Каракулинского района Удмуртской Республики на мысу коренного берега р. Камы (рис. 1-9). Материалы могильника содержат 16 фибул и их фрагментов (рис. 5-1). Некрополь стационарно изучался отрядом КВАЭ под руководством Е. М. Черных в 2002–2005, 2007–2009 гг., общее количество захоронений – 186, материалы могильника не опубликованы [Голдина, Черных, 2011, с. 84].

10. *Югомашевский* могильник V в. расположен на левом берегу р. Урман-Гора, правого притока р. Гарейка, правого притока р. Быстрый Танып, правого притока р. Белой, левого притока р. Камы в д. Югомашево Янаульского района Республики Башкортостан (рис. 1-10). Памятник исследовался Н. А. Мажитовым (1967) и С. М. Васюткиным (1975). Материалы могильника, состоящего из 82 погребений, не опубликованы; известна информация об одной фибуле [Васюткин, Калинин, Обыденнов, 1975].

11. *Бирский* могильник III–VIII вв. расположен на правом берегу р. Белой, левого притока р. Камы в окрестностях г. Бирска Республики Башкортостан (рис. 1-11). Археологическое изучение памятника осуществлял Н. А. Мажитов в 1958–1960, 1962, 1978, 1981, 1983–1985, 1990–1991 гг., в общей сложности было выявлено и изучено 692 погребения [Султанова, 2000, с. 3–15]. В хронологической части III–V вв. [Султанова, 2000, с. 134–138] или IV–V вв. (по Т. И. Останиной) последняя выделила около 70 погребений [Останина, 1997, с. 20, 33], которые содержат как минимум 6 опубликованных фибул [Мажитов, 1968].

12. *Старо-Муштинский* курганно-грунтовый могильник III–IV вв. находится на правом берегу р. Белой, левого притока р. Камы в 0,5 км к юго-юго-востоку от с. Старая Мушта Краснокамского района Республики Башкортостан (рис. 1-12). Раскопками под руководством Г. Н. Гарустовича (1982, 1988–1989, 1991, 2002) выявлено 102 захоронения, в двух из которых зафиксированы фибулы [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004].

13. *Старо-Кабановский* могильник IV–V вв. н. э. находится на надпойменной террасе правого берега р. Белой, левого притока р. Камы у д. Старо-Кабаново Краснокамского района Республики Башкортостан (рис. 1-13). Памятник почти полностью вскрыт отрядами под руководством Н. А. Мажитова (1959) и С. М. Васюткина (1967–1971), в результате работы которых изучено 155 погребений [Васюткин, Останина, 1986]. Среди вещевого материала могильника – 22 фибулы (рис. 7-2).

14. *Чегандинский II* могильник III в. до н. э. – II в. н. э. [Генинг, 1971] известен с 1954 г., находится на правом берегу р. Бол.Ямаша, правого притока р. Камы, между с. Чеганда и д. Быргында (рис. 1-14). Исчерпывающие раскопки памятника проведены отрядом под руководством В. Ф. Генинга (1954 – 1956 гг.). В ходе работ выявлено 220 погребений, среди основной массы находок зафиксировано 2 фибулы [Генинг, 1970; Генинг, 1971].

15. *Чегандинское I* городище III в. до н. э. – 2-я пол. I тыс. н. э. занимает один из мысов овражной системы, устье которой выходит к правому берегу р. Камы в 3 км к югу от д. Чеганда (рис. 1-15). Раскопки памятника были начаты в 1910 г. Л. А. Беркутовым, продолжены в 1954–1956 гг. В. Ф. Генингом; в 1978–1979, 1998 гг. – Т. И. Останиной. Среди коллекции археологических находок с городища – 1 фибула [Генинг, 1970].

16. *Быргындинский I* могильник V в. н. э. расположен на левом берегу р. Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р. Камы в 0,5 км от д. Быргында Каракулинского района Удмуртской Республики (рис. 1-16). Раскопками В. Е. Стоянова в 1956 г. и Р. Д. Голдиной в 1969 г. изучено 12 погребений, в одном из них найдена 1 фибула [Голдина, Черных, 2011, с. 85].

17. *Нырғындынский I* могильник II – нач. III вв. н. э. занимает боровую террасу правого берега р. Камы в 2,8 км к восток-юго-востоку от д. Нырғында Каракулинского района Удмуртской Республики (рис. 1-17). Раскопками А. А. Спицына в 1898 г., Л. А. Беркутова (начало XX в.), В. Ф. Генинга (1954), Р. Д. Голдиной (1969–1971), Л. И. Ашихминой (1975), Г. Н. Ключевой (1979) вскрыто 323 погребения, среди погребального инвентаря которых выявлено 2 фибулы [Голдина, Красноперов, 2012].

18. *Нырғындынский II* могильник* III в. до н. э. – II в. н. э. [Голдина, Черных, 2011, с. 91] расположен на широком мысу второй надпойменной террасы правого берега р. Камы на юго-западной окраине д. Нырғында Каракулинского района Удмуртской Республики (рис. 1-18). Раскопки могильника проводили А. А. Спицын (1898) и В. Ф. Генинг (1954, 1968–1969). Общее количество изученных погребений составляет 268, в 4-х из них обнаружены фибулы. Материалы памятника не опубликованы [Голдина, Черных, 2011, с. 91].

19. *Нырғындынское III* городище находится на левом берегу р. Ижболдинка, правого притока р. Камы, в 1,5 км к северо-северо-западу от д. Быргында (рис. 1-19). Памятник изучался А. А. Спицыным (1898), Л. А. Беркутовым (1912), М. А. Бухтеевой (1954), В. Е. Стояновым (1956–1957). Единственная фибула с площадки городища происходит из дореволюционных сборов [Голдина, Черных, 2011, с. 73].

20. *Зуевключевское I* городище VI в. до н. э. – V в. н. э. [Голдина, Черных, 2011, с. 60] расположено на подтреугольном мысу третьей надпойменной террасы правого берега р. Камы в 1,5 км к юго-юго-западу от д. Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики (рис. 1-20). История археологического изучения памятника очень обширна, археологическим обследованием и изучением городища в разные годы занимались: А. А. Спицын (1887–1888); Л. А. Беркутов (1912); Г. И. Карпова (1954); В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина, Л. И. Ашихмина (1970–1972, 1975); Г. Н. Ключева (1977); И. Ю. Пастушенко (1992); Е. М. Черных (1997–2005). Из культурного слоя памятника происходят 2 фибулы [Черных, 2004].

21. *Сасыкульский* (Ново-Сасыкульский) могильник I–III вв. занимает песчаную дюну правого берега р. Иж, левого притока р. Камы, расположен на восточной окраине д. Сасыкуль Бакалинского района Республики Башкортостан (рис. 1-21). Раскопки С. М. Васюткина и В. К. Калинина в 1976–1977, 1979–1980 гг. выявили 418 погребений [Васюткин, Калинин, 1986]. В составе погребального инвентаря зафиксировано 14 фибул (рис. 8-1).

22. *Ижевский* могильник III–V вв. содержит 211 погребений, вскрытых отрядами В. Ф. Генинга (1957), Т. И. Останиной и Р. Д. Голдиной (1975) [Генинг, 1967а; Останина, 1984]. Общее количество обнаруженных фибул – 43 (рис. 4-1). Памятник занимает мыс левого берега р. Иж, правого притока р. Камы (на данный момент – Ижевского пруда) и находится в черте г. Ижевска Удмуртской Республики (рис. 1-22).

23. *Чужьяловское* городище IV–V вв. расположено на левом берегу р. Пироговки, правого притока р. Иж, правого притока р. Камы в 0,2 км к восток-юго-востоку от д. Чужьялово Завьяловского района Удмуртской Республики (рис. 1-23). Изучение памятника начато С. Г. Матвеевым (1926), В. А. Семеновым (1955, 1971), в 1978–1979 продолжено Т. И. Останиной. В культурном слое городища, наряду с украшениями костюма, обнаружена 1 фибула [Останина, 1988].

24. *Покровский* могильник IV–V вв. располагается в 0,7 км к востоку-северо-востоку от д. Сизяшур Малопургинского района Удмуртской Республики на мысе левого берега р. Сизяшур, правого притока р. Постолки, правого притока р. Иж, правого притока р. Камы (рис. 1-24). Работами К. И. Корепанова (1973), Р. Д. Голдиной (1975), Т. И. Останиной (1977, 1980, 1982–1984) вскрыто 364 погребения [Останина, 1992]. Количество найденных застёжек – 55 (рис. 3-1).

25. *Бобья-Учинский* могильник III–IV вв. занимает коренную террасу левого берега р. Бобинка, правого притока р. Иж, правого притока р. Камы и находится в 1,6 км к северу от д. Бобья-Уча Малопургинского района Удмуртской Республики (рис. 1-25). Первоначально памятник выявлен А. П. Смирновым в 1932 г., обследован Т. И. Останиной в 1980 г.; в 2009 г. в ходе разведочных работ отряда КВАЭ под руководством А. М. Вязникова в сборе с поверхности могильника зафиксирована 1 фибула [Вязников, отчёт за 2009 г.].

* Автор выражает благодарность к.и.н. Г. Н. Журавлевой за возможность ознакомления с неопубликованными материалами Нырғындынского II могильника.

26. *Дубровский* могильник* IV–V вв. находится на левом берегу р. Шехостанки, правого притока р. Кырыкмас, левого притока р. Иж, правого притока р. Камы, в 0,5 км к северу от н.п. Дубровский Киясовского района Удмуртской Республики (рис. 1-26). Раскопки памятника продолжаются, к 2014 г. работами В. А. Бернц (2009, 2010) и Е. М. Черных (2012, 2013) вскрыто 144 погребения, в которых найдено 13 фибул [Бернц, отчёты за 2009, 2010 гг.; Черных, отчёты за 2012, 2013 гг.]

27. *Тураевский I* могильник IV–V вв. н. э. находится на коренной террасе правого берега р. Камы у д. Тураево Менделеевского района Республики Татарстан (рис. 1–27). Раскопки грунтовой части могильника производились в 1986–1990 гг. отрядом КВАЭ под руководством Р. Д. Голдиной и Н. В. Водолага [Голдина, Бернц, 2010]. В ходе работ обнаружено 274 погребения, содержащие 55 фибул (рис. 3-2).

28. *Худяковский* могильник III – начала IV в. н. э. располагается на правом берегу р. Пижмы, правого притока р. Вятки, правого притока р. Камы, в 200 м к северо-западу от д. Худяки Тужинского района Кировской области (рис. 1-28). Раскопки отрядов КВАЭ в 1976, 1978 (под руководством Л. Д. Макарова) и в 1979–1980 гг. (под руководством Р. Д. Голдиной) выявили 120 погребений [Лещинская, 2014, с. 281–371], 1 из которых содержит фибулу; ещё 1 застёжка происходит из сборов с поверхности памятника.

29. *Ошкинский* могильник кон. I – III вв. н. э., находящийся на правом берегу р. Буй, правого притока р. Вятки, правого притока р. Камы, в 1,5 км к юго-западу от д. Ошки Уржумского района Кировской области (рис. 1-29), содержит 32 изученных погребения [Лещинская, 2014, с. 212–261]. Работы проводились в 1986–1987 гг. отрядом КВАЭ под руководством Н. А. Лещинской и при участии О. М. Мельниковой; среди погребального материала – 4 фибулы, 3 из которых происходят из погребений (рис. 8-2), 1 – из сбора с поверхности.

30. *Аргыжское* городище (рис. 1-30) – многослойный укрепленный памятник на мысу коренной террасы левобережья р. Вятки, правого притока р. Камы, находящийся на окраине д. Аргыж Малмыжского района Кировской области. Его изучение проводилось целым рядом исследователей: А. А. Пономарёвым (1887), А. В. Збруевой (1928–1931), В. Е. Стояновым (1959), Е. М. Черных и В. В. Ванчиковым (1991). Датировка городища охватывает период с VII в. до н. э. до начала II тыс. н. э.; единственная фибула происходит из большого клада позднепьяноборского времени, найденного на площадке городища [Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 65–66].

В общей сложности выявлено 452 фибулы из 30 археологических памятников пьяноборской культурно-исторической общности, среди них – 25 могильников, 5 городищ. Большая часть как самих памятников, так и найденных там фибул территориально расположены в границах удмуртского и татарского правобережья р. Камы (18 объектов), 8 памятников находятся на левобережье р. Камы, в том числе 2 – в речной системе левого притока Камы – р. Тулвы. Также немногочисленные находки фибул относятся к трём памятникам бассейна р. Вятки – правого притока р. Камы.

1.2. Изучение прикамских фибул в отечественной археологии

Начиная со II в. до н. э. фибулы получают распространение на всей территории Восточной Европы – от Прибалтики на западе до Уральских гор на востоке [Амброз, 1966, с. 5]. Используя предложенную М. Б. Шукиным [Шукин, 1994, с. 15–34] и дополненную Л. Н. Коряковой схемю «культурных миров», можно представить пути распространения фибул из «мира античных цивилизаций» (Средиземноморье) в направлении северо-восточных областей Восточной Ев-

* Автор выражает благодарность к.и.н. Е. М. Черных за возможность ознакомления с неопубликованными материалами Боярского «Арай» и Дубровского могильников.

ропы [Koryakova, Erimakhov, 2007, fig. 5, 6]. Распространяясь по столь обширной территории, фибулы на протяжении столетий изменяли свою форму, зачастую практически до неузнаваемости. Единственным общим элементом оставался крепежный механизм – игла и приемник. Эти отличия в декоре и морфологическом строении застёжек позволяют использовать фибулы как надежный источник по датировке, выявлению производственных центров, определению направлений торгово-культурных контактов и экономических связей [Кропотов, 2008, с. 55]. Именно эти обстоятельства и послужили причиной пристального интереса к фибулам многих ученых-археологов.

Изучению данного типа застёжек в отечественной археологии посвящено несколько монографий, большое количество научных статей, а также докторские и кандидатские диссертации. Практически для каждого культурного образования в Восточной Европе характерны специфические варианты фибул, общими для всех остаются те самые импортные образцы, которые легли в основу каждой из местных разновидностей фибул. На настоящий момент для фибул Восточной Европы актуальной остаётся классификация, созданная А. К. Амброзом [1966], расширенная и дополненная А. С. Скрипкиным [1977]. В 2010 г. огромный массив фибул сарматского времени юга Восточной Европы был систематизирован В. В. Кропотовым. Статистическая выборка крайне внушительна (более 6000 экз.) и обработана с точки зрения современных достижений типологии, классификации и основных технологических приёмов производства фибул сарматской эпохи [Кропотов, 2010].

История археологического и аналитического изучения прикамских фибул, как местных типов, так и привозных застёжек, уже частично затрагивалась автором [Сабинова, 2013]. На территории Прикамья импортные экземпляры фибул найдены в погребениях более чем 15 могильников пьяноборского времени. Наиболее представительна в этом плане коллекция Тарасовского могильника, где из почти 150 фибул более 20 экземпляров имеют импортное происхождение; также много привозных фибул в материалах Сасыкульского (14 экз.) могильника.

Естественно, вопросы аналогий, датировки и путей проникновения импортных фибул на территорию Прикамья неоднократно поднимались в археологической литературе. Сейчас, с накопленными за последние десятилетия материалами, стало возможным проанализировать публикации, в которых затрагиваются вопросы бытования импортных фибул на территории пьяноборской культурно-исторической общности.

Одной из первых прикамских материалов, включающий в себя как местные, так и привозные фибулы, объединила Т. А. Лаптева. Проведя большую работу по сбору материала, она предприняла попытку вписать комплекс прикамских фибул в классификацию А. К. Амброза, расширив её за счёт подробного деления бабочковидных фибул на варианты [Коробейникова, 1986]. Однако выбранный ею подход, учитывающий даже количество и точное расположение декоративных элементов, сделал классификацию дробной и непригодной для дальнейшего использования. Впоследствии она начала применять конструктивный подход и нормированное описание прикамских застёжек, основываясь на принципе, предложенном Ю. Л. Щаповой и др. [Лаптева, 2002]. Также ею были затронуты вопросы хронологии фибул: при помощи проведенного культурно-стратиграфического анализа автору удалось выделить фибулы I, II, II–III, III, IV–V вв. Однако, к сожалению, результаты исследования нашли свое отражение лишь в форме тезисов выступлений на конференциях, что не дает возможности посмотреть выборку и типы вещей, использованных для анализа их встречаемости в погребениях [Лаптева, 1993]. В целом Т. А. Лаптева делает вывод о начале массового производства местных бабочковидных фибул в III в. н. э., специфический декор которых нашел свое отражение и в других украшениях и принадлежностях прикамского костюма [Лаптева, 1996].

Находки привозных фибул в Прикамье, начало изготовления местных копий – подражаний импортным фибулам, заимствование традиций ношения фибул рассматривал А. А. Красноперов [Красноперов, 2008]. Одной из работ, посвященных анализу импортных фибул в Прикамье, является статья «Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал» [Лещинская, 2010]. Анализируя застёжки Тарасовского могильника, автор выделила в его материалах несколько типов неместных фибул. Исходя из орнаментальных различий, Н. А. Лещинская выде-

ляет два возможных пути поступления этих фибул в Прикамье: через позднесарматские памятники Южного Приуралья или заволжский позднесарматский ареал [Лещинская, 2010, с. 138].

В качестве этномаркирующего компонента для Прикамья выступают бабочковидные фибулы. Для них характерен округлый или овальный щиток со специфическим декором, который своим расположением напоминает крылья бабочки (рис. 9). Повсеместно распространенные в Прикамье, бабочковидные фибулы, практически не упоминаются в обобщающих работах – во многом, из-за их узколокальной привязки и территориальной удаленности. Силами сотрудников Удмуртской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Генинга в Прикамье активно шел процесс накопления источниковой базы, проводились раскопки памятников пьяноборского времени, результаты которых постепенно вводились в научный оборот. Многие памятники на тот момент были еще не изучены и не опубликованы, поэтому в классификацию А. К. Амброза попала только одна разновидность бабочковидных фибул из Мазунинского могильника. Он отметил, что такие фибулы характерны для мазунинского времени (на тот момент её датировка определялась в рамках III–VI вв.) и вписал их в свою классификацию как фибулу с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника, которая ведет своё происхождение от сарматских фибул [Амброз, 1966, с. 46, табл. 5-23, 6-1].

Говоря об археологическом изучении Прикамья во второй половине XX в., нельзя не сказать о большом количестве публикаций, посвящённом как отдельным могильникам, так и археологическим культурам в целом. Естественно, подобные работы охватывают широкий круг вопросов, куда входит также и характеристика погребального инвентаря, в том числе фибул.

Стандартная схема описания, характерная для такого типа публикаций, включала в себя обычно следующие положения: общее количество фибул на памятнике, варианты их месторасположения в погребении, краткая характеристика материала застёжек (бронза, железо) и выделение местных типов фибул и аналогии им в других прикамских памятниках этого времени, выделение импортных фибул и определение путей их поступления, иногда – реконструкция способов их ношения (рис. 10).

Этой схеме в той или иной степени соответствуют публикации материалов Ижевского [Останина, 1984, с. 36–37], Мазунинского [Генинг, Мырсина, 1967, с. 92], Сасыкульского [Васюткин, Калинин, 1986, с. 106–107], Нырғындынского I [Голдина, Красноперов, 2012, с. 65–66], Ошкинского [Лещинская, 2000, с. 7, 11], Покровского [Останина, 1992, с. 9–10], Сайгатского [Стянов, 1964, с. 130–131], Старо-Кабановского [Васюткин, Останина, 1986, с. 69–70], Тураевского I [Голдина, Бернц, 2010, с. 118–122], Усть-Сарапульского [Арматынская, 1986, с. 44] могильников и других памятников.

Т. И. Останина, в рамках своего обобщающего исследования археологических материалов мазунинского времени (III–V вв.), разработала классификацию прикамских фибул [Останина, 1997, с. 42–45]. Типы выделены по внешнему виду застёжек (бабочковидные, бантикообразные и фибулы сайгатского типа), варианты бабочковидных – по размеру, материалу и степени насыщенности щитка фибулы орнаментом; варианты бантикообразных – по различиям в оформлении крепёжного механизма. Одновременно с типологией были предоставлены и хронологические определения для каждой группы фибул. Так, бабочковидные фибулы (в их числе биметаллические) в целом были датированы концом III – V вв.; фибулы «сайгатского» типа – V в. (при этом единично они могут встречаться с IV в.); бантикообразные – V в. [Останина, 1997, с. 42–47]. Планиграфический анализ распространения фибул в материалах прикамских могильников позволил Т. И. Останиной выявить ареалы распространения разных типов застёжек.

Н. А. Лещинская, область научных интересов которой связана с вятскими памятниками пьяноборского времени, изучает фибулы Тарасовского могильника с точки зрения их происхождения и датировки. Найденные аналогии к импортным фибулам позволили ей уточнить датировку ряда застёжек. Однако поднятый ею вопрос – были ли прикамские фибулы привозными или являлись репликами на импортные изделия – остался открытым. В распоряжении Н. А. Лещинской были данные о составе сплава только 3 фибул из Ошкинского и Худяковского могильников [Орехов, 2006], что не позволило делать надежные заключения. Вместе с тем,

ряд косвенных факторов (малочисленность, неустойчивая морфология, следы ремонта на отдельных экземплярах) указывает на импортное происхождение некоторых тарасовских фибул [Лещинская, 2010, с. 136].

Вопросы хронологии и датировки прикамских материалов так или иначе связаны с изучением фибул. Для ранних этапов функционирования пьяноборского времени важно выявить датирующие импортные застёжки, для периода III–V вв. – разработать хроностратиграфию специфических местных бабочковидных фибул. Основываясь на классификации, предложенной Т. И. Останиной, Р. Д. Голдина и Н. А. Лещинская включили фибулы в перечень хронологических маркеров Тарасовского могильника и выявили в развитии могильника четыре последовательно сменяющихся этапа: группы погребений I–II, конец II–III, III–IV, V вв. [Голдина, Лещинская, 1997].

Позднее для материалов Тарасовского могильника удалось выделить две крупные хронологические группы, находящие отражение как в составе сопроводительного инвентаря, так и в планиграфическом размещении погребений на площадке памятника [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015]. На основе женских захоронений второй, поздней группы, был проведен анализ встречаемости украшений и принадлежностей костюма. Используя датирующие вещи, в том числе привозные и местные фибулы, авторы вычленили более узкие хронологические группы погребений, что дало возможность использовать получившуюся хронологию древностей Среднего Прикамья для дальнейших изысканий [Голдина, Бернц, 2017б].

В целом в отечественной археологической литературе, посвященной вопросам изучения не только фибул, но и металлических украшений, можно выделить два направления – первое из них связано с изучением украшений в контексте исследования археологической культуры, предполагающего типологию и классификацию материала, построение хронологических и эволюционных схем развития украшений; второй же основан на применении естественнонаучных методов, позволяющих пролить свет на технологию изготовления вещи, характер сырьевой и производственной базы [Сапрыкина, 2006, с. 6]. Все вышесказанное в полной мере относится и к прикамским изделиям из цветного металла. И если первое из этих направлений отражено в публикациях, то второе еще только развивается и представлено фрагментарно. Т. И. Останина замечает, что к концу XX в. состав предметов из цветного металла прикамских памятников оставался практически не исследован [Кузубаевский клад..., 2011, с. 51]. Однако в последнее десятилетие исследования такого характера появляются все чаще. Так, в 2006 г. П. М. Ореховым была подготовлена кандидатская диссертация, посвященная изучению различных аспектов бронзолитейного производства Прикамья [Орехов, 2006]. В исследовании охарактеризован состав металла более 300 предметов (в том числе нескольких фибул) постананьинского времени бассейна р. Вятка. Помимо оптического (эмиссионного) спектрального анализа, проведенного П. М. Ореховым для фибул Ошкинского могильника, в археологической литературе опубликованы только данные состава металла 18 позднесарматских фибул Лебедевского могильника, расположенного в Западном Казахстане и содержащего в своей коллекции типичные для всей территории Южного Урала и Среднего Предуралья варианты фибул [Мошкова, 2000]. В 2011 г. было осуществлено первое комплексное исследование ряда металлических изделий, найденных на территории Удмуртии в составе Кузубаевского клада VII в. [Кузубаевский клад, 2011]. Эта публикация иллюстрирует наметившуюся в российской археологии тенденцию разностороннего и полноценного изучения археологического источника. Вещевой материал клада (а это более 1000 предметов) разделен на категории, изучен с точки зрения состава металла и технологии изготовления; определены датировки и аналогии вещей. Всё это дало возможность вписать материалы клада в историко-культурную канву развития населения Среднего Прикамья.

Тенденция комплексного изучения изделий из цветного металла при помощи не только типичных для археологии методов, но и с использованием естественнонаучного подхода, нашла свое продолжение в публикации материалов Нырғындынского I могильника. Помимо каталога погребений, иллюстрации инвентаря, характеристики погребального обряда и классификации археологического материала, в монографию включено приложение, посвященное изучению металла некоторых украшений могильника [Голдина, Перевошиков, Сабирова, 2012]. В ис-

следовании удалось выявить типичный для местных изделий состав сплава, прояснить вопрос о происхождении золотистых блях и подтвердить импортное происхождение двух из трёх ныргындинских фибул. Определение состава металла фибул продолжено автором и в контексте изучения погребальных памятников других локальных групп пьяноборской общности [Перевощиков, Сабирова, 2014, 2014а]. Также с 2016 г. продолжается исследование состава металла, происходящего из памятников бассейна р. Чепцы – городищ и могильников чепецкой культуры IX–XIII вв. [Русских, Сабирова, 2018, 2019].

Технология изготовления прикамских фибул еще не была объектом специального исследования. Частично некоторые технологические аспекты опубликованы в работе А. К. Амброза [Амброз, 1966]. В частности, он выделяет ковку волочёной проволоки и литьё как технологические приёмы, использование которых было выявлено благодаря анализу металла некоторых фибул и находкам незаконченных застёжек – полуфабрикатов. Реконструируя процесс изготовления, он пишет: «...брали брусочек металла..., ударами молотка размечали части будущей фибулы и затем ковали всю фибулу равномерно, не доводя до полной готовности ни одну из частей, пока не будут выполнены в основном все части фибулы... Оставалось удлинить и утоньшить спинку и пружину, а проволоку пружины сделать круглой» [Амброз, 1966, с. 11–12]. В. Ф. Генинг довольно точно подмечает некоторые способы нанесения орнамента: «...рисунок на нем [щитке. – Т. С.] выполнен чеканкой – крупные полугорошины выбиты тупым предметом, ряды мелких точек наколоты шилом» [Генинг, 1967, с. 23]. Т. А. Лаптева лишь вскользь касается технологических моментов производства застёжек, говоря о способе крепления бронзовых накладок к железной пластине при помощи гвоздиков-шпеньков; однако тут же она пишет о напаивании бронзовых полугорошин и пластинок на железную основу [Лаптева, 1996, с. 714]. Т. И. Останина, целенаправленно занимающаяся историей Прикамья в мазунинское время (III–V вв.), отмечает переход от изготовления одночленных бабочковидных фибул к производству двухчленных на этапе смены вариантов 2 и 3, что объясняется ею громоздкостью и тяжестью застёжек последних вариантов [Останина, 1997, с. 44].

Обзор археологических публикаций, посвященных изучению прикамских фибул и наработкам в области комплексного изучения источников, показал актуальность и перспективность изучения фибул с точки зрения всех возможных на данный момент направлений. Применительно к фибулам можно выделить, как минимум, пять исследовательских направлений, позволяющих в полной мере охарактеризовать их как археологический источник: археологический контекст (характеристика фибул как индикатора социального статуса на основании изучения погребальных комплексов с фибулами); определение функциональной нагрузки (место фибул в костюме-комплексе, способы и особенности их использования); технологический аспект (выделение производственных алгоритмов, характеристика сырьевой базы металла фибул); хронологическая атрибуция; культурно-историческая привязка.

1.3. Методика исследования

Методика научного исследования включает в себя совокупность примененных подходов, способов и приемов, а также их хронологический порядок. Выбор методики обусловлен задачей научного исследования, в зависимости от которых определяется необходимое оборудование, приборы, количество опытов и общий план работы. В контексте комплексного изучения фибул пьяноборской культурно-исторической общности как исторического источника методологической основой исследования является комплексный междисциплинарный подход с применением общенаучных и специальных методов исследования. Последовательность применения всех использованных в работе методов и подходов связана с алгоритмом исследования:

1. Создание структуры электронной базы данных.
2. Заполнение информационных блоков описания каждой фибулы.
3. Анализ закономерностей в полученной фактической информации, выявление общего и особенного в традиции использования фибул.

В результате многолетнего изучения памятников археологии на территории Удмуртии, Башкирии, Татарии, Кировской области и Пермского края накопился большой массив фибул, комплексное рассмотрение которых позволило реконструировать многие аспекты жизни древних обществ Прикамья. Однако их использование в научных построениях затруднено из-за отсутствия (или недостаточности) публикаций первоисточников. Данные об источниках содержатся в научных отчетах о раскопках могильников, в полевой документации стационарных исследований; часть информации издана в рамках публикации археологических источников, другая же часть доступна только в музейных фондах. Всё это в значительной степени осложняет поиск прямых и косвенных аналогий в вещевых комплексах и требует большой предварительной работы по сбору материала.

Решением проблемы стало *создание электронной базы данных*, единицей учёта в которой выступала бы одна фибула. Автор уже апробировал основные положения создания виртуальной системы хранения информации об археологических объектах как в рамках интерактивного компьютерного продукта (участие в группе исполнителей проекта аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» – «Виртуальный музей – новая форма развития ресурса музея археологии, древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья как уникального многофункционального центра изучения, сохранения и популяризации многонациональной культуры народов Приуралья», 2009–2011 гг., руководитель – д.и.н., проф. Р. Д. Голдина), так и в рамках организации структуры базы данных для артефактов археологического музея [Сабирова, 2012].

В отечественной исторической науке постепенно идёт процесс разработки принципов занесения предметов в электронные каталоги. Конечно, специфика источников часто диктует свои условия к формализации информации о предмете: казалось бы, практически невозможно описать фотопластины на стекле [Черновол, 2011] и архитектурные объекты историко-культурного наследия [Вороничева, 2005] по единой схеме. Однако, как минимум, информация паспортного характера для таких разных источников вполне может быть унифицирована. В археологии проблемой системного описания источников и формированием единого списка признаков для археологических объектов давно и успешно занимаются представители научной школы Ю. Л. Щаповой [Щапова, 1989; Лихтер, 1996 и др.].

Помимо разработки теоретических основ принципа учёта, описания и систематизации артефактов, можно выделить научное направление по созданию специализированных программных продуктов для этих целей [Груздев, 2005; Касастикова, Белоусова, 2006 и др.]. Однако для первичной систематизации источников по региональной истории более рациональным является использование одной из существующих систем управления базами данных (СУБД) – Microsoft Office Access (MO Access). Входя в состав офисного пакета приложений, созданных для операционных систем Microsoft Windows, эта программа отвечает за управление базами данных. К достоинствам MO Access относится быстрая интеграция данных в другие родственные приложения, обеспечивающие возможность статистического подсчёта выборки, составленной по любым признакам, а также качественную печать изображений, входящих в состав базы данных. Возможности выбранной СУБД позволяют создавать запросы, печатные формы и отчеты по разным критериям выборки. Важным фактором при выборе MO Access в качестве рабочей программы для создания вещеведческой базы данных стало наличие поля «Рисунок», что дает возможность присоединить к библиографическому описанию цифровую копию изображения. Среди примеров успешного использования MO Access в археологии стоит отметить работы С. А. Васильева, каталог изображений которого оформлен в рамках этой СУБД согласно разработанным им описательным структурам, учитывающим признаки, которые специфичны для каждого из разделов, таких как:

1) *музейная коллекция* (код и номер коллекции, место хранения, время и источник поступления вещи, и т. д.);

2) *археологические памятники* (географический регион, тип памятника, название, координаты, история изучения и т. д.);

3) *находки* (памятник, шифр, название, сохранность, материал, функция, источник, описание, публикации и т. д.) [Васильев, 2002, с. 9–13].

Изучение способов организации и хранения столь разнородной информации помогло выработать общие принципы построения каталога данных, учитывая специфику коллекции и задачи исследования:

1. Возможность пополнения базы данных за счет новых поступлений материалов в результате раскопок и появления новых сведений об уже существующих объектах.

2. Возможность использования имеющейся информации человеком, не имеющим специального технического образования.

3. Возможность добавления в каталог новых разделов, отражающих разные области знаний.

В ходе работы над созданием полного каталога фибул решался целый ряд задач: проведена инвентаризация коллекций; отсканированы графические изображения фибул, продублированные фотографиями; сформирована электронная база данных со ссылками на использованные источники; исследованы некоторые аспекты происхождения и датировки этой категории инвентаря. Как уже говорилось выше, единицей отсчета в электронном архиве данных выступает одна фибула. Каждой застёжке в каталоге присвоен собственный уникальный номер, использование которого в ходе всей работы позволяет не упоминать каждый раз место нахождения фибулы, источник её поступления и прочую справочную информацию, т. к. вся эта информация хранится в прилагаемом к исследованию каталоге (прил. III).

Данные о фибуле в каталоге разделены на два информационных блока: паспортный и исследовательский (рис. 11).

В первом из них – **паспортном** – хранится информация об обстоятельствах обнаружения артефакта и его основных характеристиках. Указано название памятника археологии, на котором найдена фибула, автор и год раскопок (если такая информация точно установлена). В обязательном порядке указан конкретный объект, с которым связана фиксация фибулы – чаще всего это – номер погребения, но, т. к. фибулы фиксировались не только на могильниках, но и в коллекциях с раскопок поселенческих объектов, это может быть и культурный слой, и просто сбор с поверхности памятника. Само погребение с фибулой также является источником паспортной информации о владельце застёжки: в каталоге зафиксированы данные об ориентировке захороненного относительно сторон света, его поле и возрасте, а также о положении фибулы в погребении относительно тела умершего. Обязательно указывается место хранения фибулы и инвентарный шифр вещи; информация подтверждается ссылками на опубликованные или неопубликованные источники и сопровождается рисунком/фотографией вещи. Определена принадлежность фибулы к одной из принятых в отечественной археологии классификации фибул с указанием источника классификации. Имеющиеся к фибулам аналогии также вынесены в этот информационный блок и делятся на внутренние (с указанием номера/номеров фибул из данной базы) и внешние (с указанием источника выявленной аналогии).

Второй блок – **исследовательский** – посвящен характеристике самого изделия. Все имеющиеся классификации фибул сочетают в себе в разных комбинациях столь объемные составляющие как морфология, декор, технология. Выделение территориально-хронологических групп одновременно бытовавших застёжек на основании полученных данных – проблема, давно существующая в археологии. Теоретические разработки в области классификации украшений, ведущиеся в научной школе Ю. Л. Щаповой, позволяют соединить в одной классификационной схеме все возможные варианты признаков; именно предложенный представителями этого направления список был взят за основу структуры исследовательского блока электронного каталога [Морфология украшений, 2007]. Описание каждой фибулы разделено на три подсистемы – морфология, материал, технология – каждая из которых объединяет целую группу признаков.

Подсистема материал включает в себя категории: материал щитка фибулы, материал декора, материал крепежа (иглы, приёмника, пружинного устройства); в этом разделе приведены данные о проведенном рентгенофлуоресцентном спектральном анализе элементного состава металла застёжки и перечень основных элементов, из которых состоит сплав фибулы. Морфология включает в себя размеры застёжки, конструкция составных частей изделия (наличие и тип несущего элемента, декоративного элемента, крепёжного механизма), список декоративных элементов. Технологический блок разделён на технологические операции, примененные к щитку фибулы, ее крепёжному механизму и декоративным элементам. Отдельно указывается количество производственных операций и их последовательность.

Именно для заполнения данных о материале и технологии изготовления фибул в исследовательском блоке каталога были использованы методы смежных с археологией естественнонаучных дисциплин – трасологический, рентгенофлуоресцентного анализа состава металла, экспериментальный.

Источником трасологического метода является криминалистическая техника – система естественнонаучных и технических методов, предназначенных для сбора и исследования доказательств. Постепенно метод визуального осмотра поверхности объектов для сбора данных об их особенностях нашёл применение в археологии: впервые детально разработал и апробировал методику функционального анализа орудий С. А. Семенов – основатель Экспериментально-трасологической лаборатории при Институте истории материальной культуры г. Ленинграда [Семенов, 1957]. С 1960-х гг. над проблемами изучения орудий труда эпохи позднего палеолита и бронзового века с точки зрения технико-морфологической, технологической и функциональной характеристик работала Г. Ф. Коробкова [Коробкова, 1969]. Впоследствии техника визуального осмотра совершенствовалась, однако основой использования трасологического метода применительно к каменным орудиям до сих пор является изучение признаков сработанности на рабочих поверхностях древних орудий в виде микро- и макроследов [Сёмин, 2014, с. 9–20]. Для украшений из цветного металла трасологический метод позволяет выделить различимые следы, характеризующие производственные операции изготовления изделия: литье, ковку, декорирование поверхности, скрепление отдельных частей в единое целое [Шаблавина, 2001, с. 309; Сапрыкина, 2006]. Для выявления производственных операций визуальный осмотр поверхности застёжек производился с использованием электронного микроскопа с 50–100-кратным увеличением. Фотофиксация результатов проводилась цифровым фотоаппаратом в режиме макросъёмки.

Данные, полученные в ходе визуального обследования фибул, дополнены и проверены сведениями об элементном составе анализируемых предметов. Поэтому все доступные и имеющие нужную степень сохранности фибулы прошли рентгенофлуоресцентный анализ поверхности с помощью спектрометра S1 Turbo SD LE (производитель – Bruker, Germany). Использование спектрометра позволяет прояснить и, во многих случаях, уточнить применяемые при изготовлении фибул способы обработки металла. Кроме того, знание элементного состава сплава, из которого изготовлены фибулы, даёт представление о типах металлических сплавов и, соответственно, позволяет предполагать место производства фибул и путь попадания в Прикамье металла, из которого они изготовлены.

Для удаления поверхностной коррозии все образцы фибул, пригодные для анализа, прошли предварительную обработку части поверхности посредством механической очистки окисленной поверхности до чистого металла. Анализ проходил в универсальном режиме, время накопления спектра – одна минута. Учитывая неоднородность (негомогенность) древнего металла, с каждого предмета было взято от одной до четырёх проб. Изучаемая поверхность – площадь 1 кв. см. Результаты серий измерений математически усреднялись и представлены в табличном виде. Вместе с тем, проанализированные фибулы разделены по типам сплавов и морфолого-технологическим классам.

Анализ полученных выборок по всем информационным полям производился с применением статистико-математических методов и корреляционного анализа, что позволило объектив-

но и единообразно описать как индивидуальные характеристики каждой фибулы в отдельности и всего массива в общем, так и археологический контекст находок. Такой комплексный подход к изучению этого типа застежек позволит объединить морфологический и технологический подходы в классификации фибул, а также рассмотреть их в контексте погребальной практики прикамского населения первой половины I тыс. н. э. Компьютеризированной средой для систематизации и формализации статистического материала стал табличный редактор Microsoft Office Excel. Его универсальность и многофункциональность неоднократно проверены в археологических исследованиях. Так, например, анализ суммарной характеристики элементов погребального обряда Тарасовского могильника осуществлен с применением встроенной в МО Excel системы сортировки и многоуровневой фильтрации данных [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 7–10].

Для наилучшего понимания логики производственного процесса основные операции, наличие которых выявлено путём визуального осмотра, были экспериментально воссозданы в условиях литейной мастерской доиндустриальной эпохи. Экспериментальное моделирование отдельных этапов производства позволило получить практическое подтверждение рабочих гипотез. Практическая работа по литью цветного металла проходила в рамках «Международной полевой школы в Болгаре» в ходе экспериментальных работ секции «История древней цветной металлургии и металлообработки» на ремесленной площадке под руководством к.и.н. С. А. Агапова и Д. С. Агапова (Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье»), к.и.н. Т. Ю. Гошко (Институт археологии Национальной Академии наук Украины)*.

Комплексное осмысление информации, формой сбора которой в данной работе стала электронная база данных, стало бы невозможно без применения комплекса традиционных для археологических исследований методов. Среди них, прежде всего, типологический, сравнительный, картографический, планиграфический методы. Их совокупное использование позволило произвести многоуровневую обработку всех признаков фибул – как относящихся непосредственно к самим застёжкам, так и характеризующим археологический контекст их обнаружения. Таким образом, сочетание в исследовании набора общенаучных и специальных методов, а также чёткое понимание алгоритма работы, структурированное отображение полученных знаний и математико-статистический анализ совокупности признаков позволили провести комплексную характеристику фибул, определив их информационный потенциал как источника по хронологии, культурной стратификации, материальному производству древнего общества.

* Автор выражает благодарность преподавательскому составу Международной полевой школы за консультации и помощь в проведении практических работ.

Глава 2

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИКАМСКИХ ФИБУЛ

2.1. Классификация местных и привозных фибул

Из 452 фибул, информация о которых включена в каталог (прил. III), 130 имеет плохую сохранность (сильно фрагментированы – так, что отнести их к какому-то из предложенных типов невозможно) или не имеет изображения, что также не позволяет использовать их в классификации. Оставшаяся выборка в 322 экземпляра разделена на две больших группы – массив местных прикамских застёжек (табл. 2) и импортные фибулы, найденные на этой территории, подражания им, а также единичные находки. А. К. Амброз в фундаментальном труде, посвящённом изучению фибул юга европейской части СССР достаточно определённо высказался, что «наиболее надёжным средством выделения местных форм фибул остаётся их подробная классификация по деталям формы и последующее картографирование», поскольку ни состав металла фибул, ни технология их изготовления не могут быть маркером их местного или импортного производства [Амброз, 1966, с. 11]. В Прикамье сформировался свой специфичный и легко узнаваемый стиль фибул, яркий декор которых практически не заставляет сомневаться по поводу места их изготовления. Вместе с тем, первоисточник этих фибул – привозные экземпляры застёжек, так что конструктивно они довольно похожи. Во всяком случае, из типично местных конструктивных особенностей следует отметить щиток, который ярко выражен почти у всех выявленных в Прикамье типов, и часто встречаемую надставленную ось пружины, которая постепенно становится самостоятельным элементом декора (рис. 9).

Исходя из этого ясно, что фибулы, даже найденные в одном закрытом погребальном комплексе, имеют совершенно разное происхождение, что определяет разные подходы к классификации двух этих групп. В целом, если рассматривать местные типы фибул сквозь призму классификации А. К. Амброза, то большая их часть будет отнесена к группе 13 (фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника). Однако их изучение позволило выделить внутри массива местных фибул разные типы и варианты, отличающиеся как технологически, так и имеющие хронологические различия. В это же время большинство аналогий привозным фибулам на сопредельных с Прикамьем территориях в научной литературе соотносятся друг с другом согласно классификации, сделанной А. К. Амброзом и в дальнейшем уточнённой рядом исследователей. Таким образом, классификация имеющегося фибульного материала в данной работе выполнена в разных рангах.

Корпус импортных фибул разнесён по группам из классификации А. К. Амброза, который при её создании руководствовался не просто выделением «одинаковых для всего разнородного материала признаков», но и учитывал территориальные и хронологические характери-

ки серий фибул, объединяя их в группы по общим прототипам или общей среде изготовления [Амброз, 1966, с. 8]. В свою очередь, для классификации массива местных фибул использовано деление, предложенное Т. И. Останиной*. Базирующаяся на различиях в материале, форме и конструкции застёжек, классификация учитывает также технологические детали, сложность декоративного оформления, способ крепления [Останина, 1997, с. 42–45].

Классификация *местных прикамских вариаций* фибул создана Т. И. Останиной на основе разработок В. Ф. Генинга, касающихся эволюции эполетообразных застёжек [Генинг, 1970]. Типы местных фибул, выделенные по форме (бабочковидные, «сайгатские», бантикообразные), в свою очередь, разделены на варианты по наличию/отсутствию и количеству различных элементов (табл. 2). Изменения, а скорее небольшие дополнения к этой классификации, сделанные в ходе данной работы, касаются деления массива фибул сайгатского типа на три варианта по форме спинки. Кроме того, анализ материалов погребальных памятников, полученных и опубликованных сотрудниками КВАЭ после публикации монографии Т. И. Останиной, позволил выделить в массиве местных фибул еще один специфический вид – трёхщитковые фибулы, которые, по-видимому, являются маркером какой-то особой группы населения.

Останина–1 – бабочковидные фибулы (с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника и декором щитка, сходным с крыльями бабочки. Всего удалось выделить 171 застёжку этого типа (табл. 3), в том числе:

1–1. Фибулы округлой формы малых размеров, средний диаметр 4–6 см; узор на щитке прост и состоит в основном из линий точек и полугорошин, валики почти отсутствуют (17 экз., рис. 12). Пять фибул этого варианта найдены в погребениях Тарасовского, 4 – Мазунинского, 3 – Ижевского, 2 – Заборьинского могильников. По одной фибуле зафиксировано в материалах Усть-Сарапульского, Нивского, и Старо-Муштинского могильников (рис. 66-2). Фибулы этого типа не имеют каких-то устойчивых сочетаний элементов декора, как, впрочем, и формы щитка. В целом можно говорить о преобладании округлой формы фибулы с узором из точек, иногда – в сочетании с полугорошинами, с оформленным валиком.

1–2. Фибулы эллипсоидной формы средних размеров (длина короткой оси в пределах 6,5–9,5 см, длинной – 8,0–11,0 см); количество валиков равно двум–трём (65 экз., рис. 13–16). Наиболее многочисленно этот вариант фибул представлен в погребениях Тарасовского (28 экз.) и Ижевского (17 экз.) могильников; по пять фибул зафиксировано в материалах Заборьинского, Боярского («Арай») и Нивского могильников. По две фибулы найдены при раскопках Тураевского I и Дубровского могильников; также одна застёжка 2-го варианта зафиксирована в Мазунинском могильнике (рис. 66-2).

Оформление фибул этой группы более однообразно: в среднем поле три полугорошины с вертикальным рядом точек, в боковых полях – по две полугорошины с точками и два-три валика, пространство между которыми украшено аналогично. Обращают на себя внимание фибулы из захоронений Тарасовского, Ижевского, Тураевского I, Усть-Сарапульского могильников, в оформлении которых не задействованы точки, только полугорошины и разделительные валики по указанной схеме (№№ 37, 65, 298, 397). У ряда фибул Тарасовского, Ижевского, Заборьинского, Боярского («Арай»), Нивского могильников удалось зафиксировать наличие обвитого тонкой проволокой металлического стержня, вокруг которого намотано пружинное устройство фибулы (№№ 90, 92, 151, 369, 377, 394).

1–3. Фибулы эллипсоидной формы крупных размеров (длина короткой оси 10,0–11,3 см, длинной – 12–14,1 см); количество валиков на полях равно четырём–пяти (17 экз., рис. 17). Большинство застёжек этого варианта – из погребений Ижевского могильника (9 экз.), 2 экземпляра выявлено в коллекции Тарасовского могильника, по 1 фибуле найдено в Быргындинском I, Покровском, Боярском «Арай», Мазунинском и Нивском могильниках (рис. 67-1). Оформление

* Далее по тексту для удобства работы группы фибул той или иной группы, выделенной А. К. Амброзом или Т. И. Останиной будут упоминаться без инициалов авторов классификаций (например, Амброз-12 или Останина 1-2).

фибул идентично застёжкам 2-го варианта, отличается количеством валиков и, как следствие, размером щитка фибул. Пружина фибулы из Быргындинского I могильника украшена стержнем с навивкой (№ 148).

1–4. Фибулы сверхкрупных размеров (длина короткой оси 11,0–13,5 см, длинной – 13,8–16,5 и более см); число валиков – шесть и более (14 экз., рис. 18). Этот вариант застёжек найден в погребениях Ижевского (5 экз.), Покровского (3 экз.), Тарасовского, Усть-Сарапульского, Нивского (по 2 экз.) могильников (рис. 67-1). Фибулы ещё более массивны, практически идентичны друг другу. Обращает на себя внимание схожесть в размещении основных полугорошин на фибулах этого типа из Нивского могильника (№№ 393, 405).

1–5. Железные фибулы, украшенные полосками и/или полугорошинами из цветного металла; размеры колеблются, но, в основном, они сопоставимы с фибулами 2-го и 3-го вариантов (58 экз., рис. 19 – 25-1). Оформление застёжек колеблется, но, в основном, идентично по декору фибулами 2–3 вариантов, только выполнено из другого материала при помощи других производственных операций.

Больше всего фибул 5-го варианта найдено в погребениях Тураевского I могильника (22 экз.), чуть меньше – в Тарасовском могильнике (16 экз.). Пять фибул зафиксировано в погребениях Боярского («Арай») могильника, 3 – в Покровском, Нивском и Дубровском, 2 – в Старо-Кабановском могильниках. В Усть-Сарапульском, Кудашевском, Югомашевском могильниках и в составе Аргыжского клада найдено по 1 фибуле этого варианта (рис. 67-2).

Останина–2 – фибулы сайгатского типа: ассиметричные дуголенточные, имеют подпрямоугольную железную (бронзовую) пластину–спинку (украшена полугорошинами, подвесками, ажурным литьем), скреплённую с дугой, окаймляющей застёжку с трёх сторон (49 экз.). Этот тип фибул, в отличие от бабочковидных, не имеет строгих канонов в производстве и сочетании элементов узора. По сути, общими признаками для них остаются только в целом подпрямоугольные очертания щитка и обвитый более тонкой проволокой стержень – дуга, которая выступает в роли рамки для щитка. Тем не менее, в общем массиве удалось выделить три варианта по способу оформления щитка:

2–А – фибулы с ажурной спинкой (5 экз., рис. 25-2). Эти фибулы, в отличие от других вариантов сайгатского типа всегда выполнены только из цветного металла (сплава на основе меди). Они имеют ажурный щиток, состоящий из линейных и концентрических элементов. Часть этих застёжек являются переделками из ажурных нагрудных шумящих подвесок (№№ 314, 416) [Останина, 1997, с. 44]. Ажурные фибулы происходят из погребений Старо-Кабановского (2 экз.), Тарасовского, Покровского, Сайгатского (по 1 экз.) могильников.

2–Б – фибулы с пластиной с выступами (19 экз., рис. 26, 27). Щиток этих фибул имеет подпрямоугольную форму, но с выемками по бокам, т. к. состоит из двух и более окружностей. Среди дополнительных украшений этих фибул, помимо привесок, встречены цепочки как самостоятельный элемент декора или в совокупности с привесками. Чаще всего экземпляры этой группы встречаются в Тураевском I (8 экз.) и Тарасовском (6 экз.) могильниках, а также в погребениях Усть-Сарапульского (2 экз.), Старо-Кабановского, Покровского и Бирского (по 1 экз.) некрополей.

2–В – фибулы с прямоугольной пластиной (25 экз., рис. 28, 29). Так же, как и предыдущий вариант застёжек, они имеют щиток прямоугольной формы, но без выемок. Чаще всего застёжки этого типа с трёх сторон окружены рамкой из обвитой проволоки. Больше половины этих фибул были украшены привесками различной формы, о чём свидетельствуют сохранившиеся привески и/или крепежи-петельки. Больше всего таких фибул найдено в погребениях Тарасовского (10 экз.) и Тураевского I (8 экз.) могильников, также они встречаются в материалах Дубровского (3 экз.), Старо-Кабановского и Покровского некрополей (по 2 экз.).

Останина–3 – прогнутые, с ленточным корпусом, расширенные по краям (бантикообразные фибулы). Всего их выявлено 26 экз.; эти фибулы делятся на два варианта по способу крепления.

3–А. Двучленные с кольцом для оси пружины (14 экз., рис. 30). Передний конец корпуса загибался в кольцо вокруг бронзовой или железной оси, затем на ось навивались бронзовая пружина, оканчивающаяся иглой. В месте начала сгиба на корпусе с двух сторон делались пря-

моугольные вырезки. Приемник (железный или бронзовый) закреплялся с помощью заклёпки, продетой через отверстие в передней части ножки, в начале прогиба корпуса. Корпус украшен фасетками, отверстиями по краю. Длина фибул 5,3–9,0 см при ширине ножки 1,0–3,0 см. Фибулы этого варианта найдены в Старо-Кабановском и Тарасовском могильниках (7 и 6 фибул соответственно); а также в культурном слое Чегандинского I городища.

3–Б. Двучленные беспружинные (12 экз., рис. 31). Передний конец фибулы симметричен по форме ножки и удлинён на 1,7–2,1 см, то есть на столько, сколько нужно для загиба в кольцо фибул варианта «А». Железная игла крепилась с помощью железной заклепки, продетой через отверстие в месте перехода передней части корпуса в его изгиб. Спинка приобретала форму прямоугольника с выемками посередине с двумя симметричными отверстиями. Имеют крупные размеры: длина 8,9–10,9 см при наибольшей ширине 1,4–2,9 см. Иногда они украшены крупными отверстиями, насечками. Больше всего таких застёжек обнаружено в погребениях Старо-Кабановского (5 экз.) и Тарасовского (2 экз.) могильников; по одной фибуле зафиксировано в материалах Бирского, Бобья-Учинского, Ныргындинского I могильников, а также на площадках Зуевключевского I и Ныргындинского III городищ.

Трёхщитковые фибулы (6 экз., рис. 32). Этот тип фибул не был учтён в классификации Т. И. Останиной, поскольку на момент её издания часть материала не была опубликована, другая – ещё не была найдена. Внешне похожие на фибулы типа *Амброз–13–1* (рис. 35-3), они имеют несколько отличий: плоскую спинку, перемычки между тремя округлыми частями пластины, средняя часть щитка может быть как округлой, так и ромбической формы. Трёхщитковые фибулы представляют собой пружинную (за исключением № 251) застёжку с плоским щитком вытянутой формы, который состоит из трёх сегментов круглой формы, либо же, как уже отмечалось, центральный элемент может быть ромбической формы (№№ 248, 251, 444). На данный момент такие фибулы зафиксированы в Тураевском I (4 экз.) и Дубровском (2 экз.) могильниках. Видимо, следует считать эти фибулы неким промежуточным вариантом между бабочковидными (у всех фибул этой группы, кроме № 290, сохранились стандартные для бабочковидных фибул завитки на конце приёмника) и фибулами сайгатского типа с многосоставной пластиной (Останина 2Б). Из неожиданных аналогий следует отметить поясные накладки идентичной трёхщитковой формы из комплекса погр. 1717 Тарасовского могильника [Голдина, 2003, табл. 636:1717:2-5, 7, 8].

Все остальные экземпляры фибул отнесены Т. И. Останиной к категории «**прочие**», так как в то время их находки были единичны (9 экз., к данному моменту – 70 экз.). Здесь и привозные экземпляры фибул, и местные подражания импортным образцам, и единичные застёжки с нестандартным оформлением, не имеющие прямых аналогий на территории других культур.

Сложность при выделении импортных изделий заключается в том, что мы можем выявить лишь типологическую привязку застёжки к одному из распространённых видов фибул, но в большинстве случаев не сможем отличить импортный образец от местного, выполненного в технике подражания. Особенно сложно работать с переходными фибулами, которые, будучи типологически идентифицируемы как импортные, могут являться первыми образцами местных мастеров и началом поиска своего стиля, отобразившегося в появлении бабочковидных фибул. При этом, более ранняя, по сравнению с бабочковидными, дата ранних неустоявшихся в своём оформлении образцов местных фибул несомненна. Среди *прочих* фибул можно, исходя из их типологического соответствия общепринятой в отечественной археологии классификации А. К. Амброза, используя также наработки А. С. Скрипкина, Г. Ф. Корзухиной и Е. Л. Гороховского выделить следующие группы:

Амброз–5–1 [Амброз, 1966, с. 26–27] – раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «авцисса» («ауцисса») (2 экз.; №№ 322, 334; рис. 33-5). Обе фибулы происходят из погребений Сасыкульского могильника. По данным А. К. Амброза место их производства – Галлия или Северная Италия, время бытования – первая половина I в. н. э. [Амброз, 1966, с. 26].

Амброз–8 [Амброз, 1966, с. 30–35] – фибулы-броши (4 экз., рис. 33-1). Их возникновение А. К. Амброз связывает с греками и римлянами, у которых был широко распространён такой вариант застёжек.

8–2–1a – круглые броши с шарниром из двух стоек без боковых выступов, с эмалью: № 73, Тарасовский могильник; № 353, Ошкинский могильник. Аналогичные изделия чаще встречались в причерноморских и кавказских памятниках II–III в. [Амброз, 1966, с. 32].

8–2–1в – круглая брошь с шарниром из двух стоек, с небольшими боковыми выступами, с эмалью: № 61, Тарасовский могильник. По мнению Н. А. Лещинской, тарасовские комплексы, содержащие фибулы-броши, сформировались, вероятно, в середине III в. [Лещинская, 2010, с. 137].

8–4 – шестиугольная брошь с шарниром из двух стоек, с эмалью, на углах – кружки: № 9, Тарасовский могильник. Н. А. Лещинская в качестве оснований для датировки этого экземпляра ссылается на аналогичную брошь из позднесарматского нижневолжского Суловского кургана, которая датирована А. С. Скрипкиным второй половиной II – началом III вв. н. э. [Лещинская, 2010, с. 137].

Амброз–11 [Амброз, 1966, с. 40–43] – сильно профилированные фибулы причерноморских типов (7 экз.). Их датировка по А. К. Амброзу – I–II вв.; А. С. Скрипкин уточняет датировку применительно к поволжским образцам – II в. н. э., при этом отмеченная им временная разница между разными вариантами сильнопрофилированных фибул также укладывается в рамки II в. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 112–113].

11–I–1 – сильно профилированная фибула с бусиной на головке и с крючком для тетивы без орнамента: № 331, Сасыкульский могильник (рис. 33-2).

11–I–2 – сильно профилированные фибулы с бусиной на головке и с крючком для тетивы, приёмник начинается сразу от задней бусины, спинка относительно недлинная. Расчёты А. С. Скрипкина выявили взаимосвязь формы спинки этого типа фибул и их датировки: круглая спинка – более ранний признак; пластинчатая – более поздний [Скрипкин, 1977, с. 110]. С *круглой спинкой* (**11–I–2a**, рис. 33-4) выявлено 3 фибулы этого типа: №№ 342, 344, Сасыкульский могильник; № 355 – Чегандинский II могильник. С *пластинчатой спинкой* (**11–I–2б**, рис. 33-6) – тоже 3: № 343 (Сасыкульский могильник) и №№ 386, 387 (Ныргындинский I могильник).

Амброз–12–4 [Амброз, 1966, с. 43–44] – крупные пружинные фибулы с гладким корпусом и с едва намеченной кнопкой на конце пластинчатого приёмника (11 экз.). Ареал распространения этих фибул по данным А. К. Амброза – Крым, нижний Днепр, Кубань, Северная Осетия; дата – вторая половина II – III вв. н. э.

12–4a – с плоской спинкой (рис. 34-3): № 304 (Мазунинский могильник); №№ 337, 340, 341 (Сасыкульский могильник); № 356, 357, 359 (Ныргындинский II могильник); № 354 (Чегандинский II могильник).

12–4б – с выпуклой спинкой: № 333, 339, 443 из погребений Сасыкульского могильника (рис. 33-6).

Амброз–13 [Амброз, 1966, с. 45–47] – фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника (26 экз.). Работа А. С. Скрипкина позволила уточнить классификацию А. К. Амброза, так что дальнейшая классификация этого варианта дана с его изменениями и дополнениями [Скрипкин, 1977, с. 114–116]. В целом, эта группа фибул – одна из наиболее распространённых в материалах могильников Южного Приуралья, также их всё чаще находят на степном левобережье Урала [Мошкова, 2000, с. 188].

13–1 – с плавным изгибом спинки, форма спинки – вытянутая, может быть – листовидной, многоосновной (2-х или 3-х), круглой. Больше всего фибул с *листовидной* (рис. 34-2) спинкой (№№ 2, 5, 45, 58, 81, 98, 99 (Тарасовский могильник); № 335 (Сасыкульский могильник); № 367 (Боярский «Арай» могильник)). Фибулы с *двухосновной (восьмёрковидной) или трёхосновной* спинкой (рис. 35-1) происходят из Тарасовского могильника (№№ 17, 84, 117); там же зафиксированы все известные фибулы этого варианта с *круглой* (рис. 34-3) спинкой (№№ 13, 31, 59, 60). Фибулы этой группы в прикамских материалах найдены преимущественно в комплексах середины III в.

13–2 – с коленчато-изогнутой спинкой разной формы (по А. К. Амброзу – поволжско-сарматские коленчатые фибулы с завитком). С *вытянутой продолговатой* спинкой – № 4,

Тарасовский могильник (рис. 35-2); фибулы с *ромбической* формой спинки найдены в Тарасовском (№№ 20, 21, 62), Мазунинском (№ 307) и Сайгатском (№ 316) могильниках (рис. 35-4). Этот тип фибул мог существовать в погребениях кочевников Южного Приуралья весь III и первую половину IV в. [Мошкова, 2000, с. 191].

13-3 – отдельно следует выделить группу фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника и *плоской спинкой*. Именно этот тип фибул будет господствовать на территории Прикамья, наиболее ранние его образцы округлой формы не имеют типичного «бабочковидного» декора: № 3 (рис. 35-3), 15, 87 (Тарасовский могильник), № 406 (Зуевключевское I городище); однако отдельно встреченные элементы украшений щитка – точки, полугорошины – позволяют предполагать возможное местное производство этих фибул.

Амброз-15-1 [Амброз, 1966, с. 47–57] – проволочные одночленные лучковые подвязные фибулы (11 экз., рис. 34-1). Этот тип фибул специфичен для территории Северного Причерноморья; А. К. Амброзом выделено множество вариантов этой серии застёжек. Сохранность одной лучковой подвязной фибулы из Красноярского могильника (рис. 36-1) не позволяет определить её подвариант; остальные же фибулы этого типа делятся на две группы:

15-1-3 – с высокой мягко изогнутой дужкой, расширенной ножкой: № 336 (Сасыкульский могильник). Дата по Амброзу – II в. н. э. (возможно, больше первая половина и середина?) [Амброз, 1966, с. 49]. А. А. Скрипкин в ходе наблюдений за встречаемостью разных вариантов и типов фибул в Кобяковском могильнике, так же пришёл в выводах ко II в. н. э., сузив его до первой половины столетия [Скрипкин, 1977, с. 107].

15-1-4 – дужка круто изогнута, большая часть спинки покрыта обмоткой: № 1, 10, 12, 16 (Тарасовский могильник); № 311–313 (Ошкинский могильник); № 338 (Сасыкульский могильник); № 432 (Худяковский могильник). Севернопричерноморские образцы этих фибул датированы второй половиной II в. н. э. и, возможно, началом III в. [Амброз, 1966, с. 50]. В целом, предложенной даты придерживаются и остальные исследователи, расширяя, однако, верхнюю дату этого типа до середины III в. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 107; Мошкова, 2000, с. 186]. Н. А. Лещинская, опираясь на анализ сопровождающего погребального инвентаря фибул этого типа из погребений Тарасовского, Ошкинского, Худяковского могильников, отмечает, что наиболее вероятное время бытования прикамских лучковых одночленных фибул – III в. н. э., в основной массе – в первой половине и середине столетия [Лещинская, 2010, с. 135–136].

Амброз-16-2 [Амброз, 1966, с. 57–69] – двучленные прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины (4 экз., рис. 36-2).

16-2-I-4 – с коленчато (или ассиметрично) изогнутой спинкой, крупных размеров, из неширокого уплощённого стержня: № 437 (Старо-Муштинский могильник), № 349 (Бирский могильник).

Ареал этой серии охватывает Крым, территорию черняховской культуры, «оксывской» культуры низовьев Вислы и культуры древних пруссов; датировка четвёртого варианта укладывается в рамки конца IV – начала-середины V в. н. э., т. е. относится к эпохе гуннов [Амброз, 1966, с. 61]. Н. А. Мажитов находит фибуле из Бирского могильника аналогии в кошибеевских материалах, предварительно датированных III–IV вв. [Мажитов, 1968, с. 18].

16-2-II – с дуговидной спинкой: № 147 (Тарасовский могильник), № 347 (Бирский могильник).

А. К. Амброз датирует их III–IV вв. н. э.; преобладающая территория их распространения – «...юго-Восточная Прибалтика, пшеворская культура на территории Польши и карпо-дакийские памятники Румынии. ...на юге СССР редки, занесены с запада или северо-запада» [Амброз, 1966, с. 67].

В целом, сравнивая два образца фибул из Бирского могильника, относящихся к разным вариантам 16-й серии, можно отметить их планиграфическое соседство на площадке могильника [Мажитов, 1968, рис. 2], а также сходство в размещении – обе они найдены в составе богатых жертвенных комплексов. Эти данные позволяют предполагать одновременность их присутствия на могильнике и датировать всю подгруппу применительно к прикамским материалам не ранее чем IV в.

Амброз–17–1–II [Амброз, 1966, с. 70–72] – двучленные «воинские» фибулы: сплошной приёмник, узкая ножка, с широким кольцом для оси пружины (3 экз., рис. 36-3). Две фибулы этого типа происходят из Бирского могильника (№№ 348, 350), одна – из Тураевского I могильника (№ 296).

Эти фибулы известны также как арбалетовидные, в целом они в большом количестве найдены на широкой территории «от Донца до Эльбы», однако интересующий нас вариант распространён на территории Ольвии, Херсонеса, Пантикапея. Датированы они IV в.; также А. К. Амброз указывает на их синхронность прогнутым подвязным и Т-образным фибулам [Амброз, 1966, с. 70–71].

Т-образные. Два идентичных экземпляра, найденных в Покровском могильнике (№№ 214, 234; рис. 36-4) имеют практически полное сходство с находкой у с. Рождественское Самарской области [Корзухина, 1978, с. 76, табл. 22–6]. Эта находка отнесена к типу **Корзухина–IV–1:** фибулы с элементами деградации, сочетающие в себе признаки перекладчатых и треугольных фибул, общая форма – от перекладчатых, часто – без эмали [Корзухина, 1978, с. 25]. Е. Л. Гороховский отнёс все эти варианты фибул в Т-образные, разделив массив по хронологическому принципу, где интересующий нас образец отнесён к заключительному этапу развития украшений с эмалями (IV в.) [Гороховский, 1988, с. 17–18]. А. М. Обломский и Р. В. Терпиловский также относят к заключительному этапу существования Т-образных застёжек рождественскую фибулу [Памятники, 2007, с. 116, рис. 136-21]

Таким образом, в общем массиве фибул выделяются группы импортных фибул, переходные экземпляры – подражания импортным образцам, группы местных застёжек, единичные экземпляры с нестандартным оформлением. Представленная классификация обладает большим информационным потенциалом; её территориально-хронологический и картографический анализ способен пролить свет на вопросы об источниках, времени и путях попадания фибул в Прикамье, о развитии местных вариантов застёжек и их региональных особенностях. Как для местных типов фибул, так и для массива импортных образцов были составлены таблицы количественной представленности разных вариантов застёжек в прикамских могильниках. На основании этих данных выявились группы памятников, которые можно назвать «контактными» (содержащими в погребениях импортные фибулы) и «традиционными» (материалы которых представлены только местными типами фибул).

Среди изученных могильников, содержащих в погребениях только местные варианты застёжек (табл. 4) – Заборьинский, Ижевский, Нивский, Усть-Сарапульский, Дубровский, Старо-Кабановский могильники. Территориально все они, за исключением Старо-Кабановского могильника, расположены в удмуртском правобережье р. Камы, при этом только Усть-Сарапульский могильник находится рядом с Камой, в то время как остальные удалены от основной водной артерии региона на довольно значительное расстояние. Находящийся на левом берегу р. Кама, Старо-Кабановский могильник также удалён от р. Белой (рис. 1-13).

«Контактные» памятники (табл. 5) представлены двумя группами – первая часть содержит в своих коллекциях преобладающее количество импортных фибул – это Нырғындынские I и II могильники, Чегандинский II, Худяковский и Ошкинский, Сасыкульский могильники и ранняя часть Бирского могильника. Эти памятники относятся к ранним этапам пьяноборской культурно-исторической общности, расположены в: 1) западном ареале пьяноборской общности (рис. 1-29,29); 2) на правобережье р. Камы напротив устья р. Белая (рис. 1-15,17,18); 3) на южных рубежах общности в бассейнах левых притоков р. Кама – рр. Ики Белая (рис. 1-11,21). Таким образом, анализ коллекций этих памятников и изучение всего массива импортных фибул тех типов, которые найдены в этих могильниках, позволят определить направление, со стороны которого осуществлялся импорт этих застёжек в Прикамье.

Не менее интересны, а в некотором роде даже более информативны те памятники, которые содержат и импортные, и местные образцы фибул. Планиграфическое исследование расположения разных типов фибул на площадке этих могильников позволит выявить возможные волны импорта фибул, а также динамику перехода населения от использования привозных застёжек

к производству местных образцов. Это, прежде всего, Тарасовский могильник, полностью изученный стационарными работами, имеющий огромный массивом фибул (147 экз. из 452 выявленных в данном исследовании изделий). Его большие размеры в совокупности с длительным временем существования позволяют планиграфически проследить эволюцию фибул, выявить хронологические зоны внутри могильника, уточнить вектор заполнения площадки памятника. Также импортные и местные образцы фибул были найдены в материалах Мазунинского, Боярского «Арай», Покровского, Тураевского I могильников.

2.2. Декор бабочковидных фибул

Уровень развития ремесла в пьяноборскую эпоху не предполагал массовое производство технически сложных изделий. Продукция каждого мастера была уникальной, более того – отличались друг от друга даже вышедшие из одной мастерской типологически одинаковые предметы. Практически невозможно найти две совершенно одинаковые фибулы, так как при копировании образца на конечный результат влияло слишком много независимых от мастера факторов: качество металла и его количество; размер, форма и толщина получившейся заготовки. В данных обстоятельствах упор на выделение отдельных типов фибул только на основании различий в количественной представленности каких-либо признаков (например, количество декоративных элементов) обесмысливает само понятие классификации. Крайне затрудненной становится и работа с новым материалом, ведь практически для каждой застёжки пришлось бы создавать отдельный вариант [Кропотов, 2009, с. 88–89].

Различия между фибулами зачастую обусловлены использованными материалами и совокупностью применённых техник обработки металла при их изготовлении. При этом все бабочковидные фибулы объединены общей идеей украшения: их декор состоит из ограниченного набора элементов, встречающихся в разных вариациях [Сабилова, 2014а]. Конструкция самой застёжки не меняется, трансформируется лишь декор щитка, а вместе с ним – растут размеры фибул и меняется технология их производства. Таким образом, декор (а вместе с ним и его смысловая нагрузка) является главным признаком, позволяющим говорить о смене вариантов застёжек.

Основным подходом, применяющимся для изучения декоративной составляющей артефакта, является структурно-семиотический метод. Растущая популярность этого направления в археологии обусловлена универсальностью трактовки совершенно разнотипных изображений (геометрических, растительных, сюжетных, антропологических и прочих) путём выявления основных наборов изобразительных элементов, правил их сочетания и последующей интерпретации устойчивых образов/схем [Есин, 2005, с. 114–115].

Декоративное пространство щитка фибулы разделено, как уже указывалось, на три части: центральное поле щитка застёжки (чаще прямоугольной формы, у ранних образцов лишь намечено – чаще всего точками или выпуклой линией), боковые поля зеркально симметричны друг другу по двум осям. Декор присутствует на каждом из них и представляет собой совокупность геометрических знаков, расположенных на щитке фибулы в разных комбинациях. В роли этих декоративных элементов выступают: точка, полугорошина, линия, пластина. При том, что с технологической точки зрения эти элементы могут быть изготовлены разными способами и из разных материалов, декоративные элементы щитка любой бабочковидной фибулы всегда объемны и выступают над плоскостью щитка либо, наоборот, утоплены в него. В зависимости от композиционной организации, выделены следующие комбинации элементов (рис. 37-1):

1. Точка (*T*). Она никогда не встречается единично в качестве элемента декора, совокупность точек всегда предстаёт в виде геометрической фигуры (круг, незамкнутый полукруг, прямая).

Точки могут быть наколоты острым чеканом с обратной стороны щитка из цветного металла, либо выбиты тупым чеканом небольшого диаметра (меньшего, чем для полугорошин) с обратной стороны пластинок из цветного металла.

Т-1: точки расположены по окружности, всегда – вокруг полугорошины. Локализация элемента – центральное поле щитка, боковые поля.

Т-2: точки выстроены в прямую линию. Локализация элемента – центральное поле щитка, боковые поля.

Т-3: точки расположены в виде полукруга. Локализация элемента – боковые поля щитка.

Т-4: точки расположены рядами, не всегда симметричными. Локализация элемента – центральное поле щитка, боковые поля.

Т-5: точки расположены в виде полукруга в два ряда. Локализация элемента – боковые поля щитка.

2. *Полугорошина (П)*. Она всегда крупнее относительно точки в два и более раз. При этом она может быть выбита тупым чеканом на щитке/пластине из цветного металла, сделана в виде сквозной заклёпки на железной щитке и т. д.

П-1: одна полугорошина. Локализация элемента – боковые поля щитка.

П-2: две полугорошины расположены вертикально, друг под другом. Локализация элемента – центральное поле щитка, боковые поля.

П-3: три полугорошины расположены вертикально, друг под другом. Локализация элемента – центральное поле щитка, боковые поля.

П-4: полугорошины расположены в виде полукруга. Локализация элемента – боковые поля щитка.

П-5: полугорошины расположены рядами, не всегда симметричными. Локализация элемента – центральное поле щитка, боковые поля.

3. *Линия (ЛП – линия прямая, ЛИ – линия изогнутая)*. Может быть выполнена при помощи прямого/изогнутого тонкого куска проволоки – шаблона, при ударе по которому с обратной стороны щитка заготовки получалась линия с высоким рельефом на лицевой поверхности фибулы.

ЛП-1: одна прямая вертикальная линия. Локализация элемента – центральное поле щитка.

ЛП-2: две прямых вертикальных линии. Локализация элемента – центральное поле щитка.

ЛИ-1: одна линия, изогнутая в виде полукруга. Локализация элемента – боковые поля щитка.

ЛИ-2: две параллельных линии, изогнутых в виде полукруга. Локализация элемента – боковые поля щитка.

ЛИ-3: три параллельных линии, изогнутых в виде полукруга. Локализация элемента – боковые поля щитка.

ЛИ-4-8: четыре – восемь параллельных линий, изогнутых в виде полукруга. Локализация элемента – боковые поля щитка.

4. *Пластина (ПЛП – пластина прямая, ПЛИ – пластина изогнутая)*. Она вырезана из тонкого листа цветного металла практически всегда по шаблону, т. к. пластины на боковых полях отдельной фибулы абсолютно идентичны по длине, ширине и общей форме.

ПЛП-1: прямая неширокая пластинка из цветного металла. Локализация элемента – центральное поле щитка.

ПЛИ-1: полукруглая неширокая пластинка из цветного металла. Локализация элемента – боковые поля щитка.

ПЛИ-2: две параллельных полукруглых пластинок из цветного металла. Локализация элемента – боковые поля щитка.

Декор центрального поля представлен в общей сложности типами Т-1, Т-2, Т-4, П-2, П-3, П-5, ЛП-1, ЛП-2, ПЛП-1 (рис. 37-2,3,4). Декор боковых полей более разнообразен и выражен следующими типами в разных комбинациях друг с другом: Т-1 – Т-5, П-1 – П-5, ЛИ-1 – ЛИ-8, ПЛИ-1, ПЛИ-2 (рис. 37-5,6,7,8,9,10). Для всех бабочковидных фибул, сохранность которых позволяет уточнить наличие и расположение всех декоративных элементов, были отмечены использованные в оформлении комбинации.

Застёжки в полученной матрице были сгруппированы по совпадению используемых в оформлении комбинаций знаков. Выявлено восемь групп фибул, которые абсолютно идентичны по композиционному оформлению – т. н. канону, стандарту оформления для застёжек в разное время их бытования. Отчётливо выделилась совокупность ранних (в рамках поступательной эволюции декора) застёжек (табл. 6, строки 1-19), но они же типологически соответствуют самому хронологически раннему варианту фибул (вариант 1 типа 1 по Т. И. Останиной). Форма их декора неустойчива – будущий узор лишь намечен, центральное поле выражено пока только линией-валиком или точками, декор боковых полей представлен неустойчивыми сочетаниями точек, полугорошин, иногда – изогнутых линий-валиков.

Судя по полученным данным, первый оформившийся вариант бабочковидной фибулы (группа № 1) содержит в оформлении центрального поля совокупность элементов Т-1, Т-2, П-3 и ЛП-2; боковые поля выражены комбинацией Т-1, Т-2, Т-3, П-2, ЛИ-1 (табл. 6, строки 20-23). Центральное поле отделено от боковых двумя линиями-валиками, между которыми – три очерченных точками полугорошины и ряды точек по краю. Боковые поля украшены валиком-полукругом с дублирующим его точечным орнаментом и двумя окаймленными точками полугорошинами (рис. 37-2,5). Практически без промежуточных экземпляров застёжек оформляется следующая декоративная группа (№ 2), отличающаяся наличием двух боковых валиков (табл. 6, строки 26-35, рис. 37-6).

Пространство между валиками, украшенное первоначально только рядом точек, постепенно начинает декорироваться рядом полугорошин, точки, тем не менее, украшают самый край щитка (рис. 37-7). Это – наиболее «классический» и количественно представленный вариант декоративного оформления бабочковидных фибул (табл. 6, строки 47-69). При этом выявленная группа (№ 3) из 23 идентичных застёжек из погребений Тарасовского, Ижевского, Боярского («Арай»), Заборьинского, Нивского и Дубровского могильников не является продукцией одного мастера, о чём свидетельствуют индивидуальные штрихи, касающиеся формы щитка, пропорций рисунка при общем для этих застёжек строгом оформительском каноне. Вместе с тем, эти фибулы, судя по территориальной близости памятников (все – в Удмуртском Прикамье), – могут быть продуктом одной мастерской по обработке цветного металла, и вряд ли период их производства был дольше жизни одного-двух поколений. Все фибулы этой группы отнесены Т. И. Останиной ко второму варианту бабочковидных фибул.

Дальнейшее развитие декора, согласно таблице взаимовстречаемости, идёт в сторону увеличения количества боковых валиков: от трёх в гр. № 4 (табл. 6, строки 71–81) и четырёх в гр. № 5 (табл. 6, строки 82–88) до восьми. При этом новый устойчивый элемент появляется лишь на стадии семи валиков (группа № 6) – фибулы по краю начинают украшать рядом полугорошин (табл. 6, строки 99–103; рис. 37-8). На этом усложнение декора бабочковидных фибул из цветного металла (равно как и их бытование) прекращается. Дальнейшее увеличение количества валиков технически не представляется возможным, т. к. даже несмотря на укрепление основы пластины берестой, кожей, железом щиток при внушительных размерах остаётся слишком тонким и часто ломается.

Погребальный инвентарь изучаемых в работе могильников позволяет выделить целую группу биметаллических украшений и принадлежностей костюма. Это, помимо фибул, железные височные подвески [Голдина, 2003, табл. 94–231-1, 2], гривны [Голдина, 2003, табл. 95-3] и браслеты [Голдина, 2003, табл. 56–145-1-5] с бронзовой обмоткой, бронзовые сюльгамы [Голдина, 2003, табл. 40–113-6] и пряжки [Голдина, 2003, табл. 32–92-7, 8] с железными иглами, ножны, а также некоторые другие изделия. Биметаллические гривны и височные подвески Т. И. Останина относит к археолого-этническому комплексу мазунинской культуры, указывая на тот факт, что изделия данных типов определяют этническую специфику прикамского населения в III–V вв. н. э. [Останина, 1997, с. 170–171]. Начало производства биметаллических застёжек с железной основой и бронзовыми накладками и время их бытования Т. И. Останина определяет IV–V вв., не деля на более мелкие группы пятый вариант бабочковидных фибул [Останина, 1997, с. 103–109]. Однако корреляция декора бабочковидных фибул с железной основой отчётливо показывает две

их разновидности (группы №№ 7 и 8). Общими для них остаются декоративно выраженное и визуально обособленное среднее поле прямоугольной формы и боковые поля, зеркально симметричные друг другу относительно центральной линии. Среднее и боковые пространства, разделённые у бронзовых фибул прямыми и изогнутыми линиями-валиками, у биметаллических фибул выражены бронзовыми пластинками, прикреплёнными к железной основе. Менее насыщена декором группа фибул, имеющих украшенную полугорошинами центральную бронзовую пластину (рис. 37-3) и по одной изогнутой пластине с полугорошинами на боковых полях (группа № 7, табл. 6, строки 109–129). Весь дополнительный декор полей щитка также представлен рядами и скоплениями полугорошин-заклёпок (рис. 37-9).

Композиционная схема биметаллических фибул, а также их физические размеры полностью соответствует логическому порядку размещения декоративных элементов в группе № 3. Датировка обоих вариантов этих фибул не исключает одновременности их использования (табл. 2). Если предположить синхронность их композиционного оформления, то вектор развития декора бронзовых фибул (увеличение насыщенности и размеров) характерен также и для биметаллических застёжек: у фибул группы № 8 появляется вторая дополнительная пластинка в боковом поле, оформление пластинок меняется с полугорошин на точки (табл. 6, строки 147–157; рис. 37-4, 10).

В итоге корреляцией отдельных комбинаций декоративных элементов удалось выделить устойчивые группы идентичных застёжек, изучение каждой из которых позволит проводить хронологические параллели между памятниками и, возможно, выявлять область распространения продукции производственных центров цветной металлургии и металлообработки. Общая для части застёжек логика декора неизбежно нарушается в каждом отдельном случае теми индивидуальными особенностями оформления, которые присущи как отдельному мастеру, так и объединению мастеров.

Для бабочковидных фибул самые яркие индивидуальные штрихи проявляются в оригинальном точечном орнаменте, зафиксированном как минимум на 16 застёжках (рис. 38). Происходят эти фибулы из трёх могильников Удмуртского Прикамья: одиннадцать – в Ижевском могильнике (№№ 153–155, 158 (фрагмент), 162, 169, 170, 174, 176, 178, 188); четыре в Тарасовском (№№ 55, 92, 107, 131); одна – в Мазунинском (№ 310). Обращает на себя внимание тот факт, что все три памятника расположены по прямой на небольшом удалении друг от друга (между Ижевским и Мазунинским могильником – 90 км, от последнего до Тарасовского – ещё чуть более 10 км).

Чаще всего местом размещения узоров является центральное прямоугольное поле фибулы. Точечный орнамент в таком случае композиционно связан со стандартными тремя вертикальными полугорошинами, вокруг которых нанесён узор. У фибул № 174 и № 188 орнамент ромбический; у застёжек №№ 55, 131, 153, 169, 176 в рисунке использованы дуги и их сочетания; в оформлении фибул №№ 107, 154, 155, 162, 170, 178, 310 применяются кресты из точек, как прямые, так и диагональные, а также наклонные декоративные линии. Удалось зафиксировать всего три случая, в которых нестандартный индивидуальный узор оказался размещен на «боковых» (верхнем и нижнем) полях. Две из них содержат дополнительные перекрестия между полугорошинами (№№ 92, 107), а фибула № 155 (Ижевский могильник) уникальна в своём оформлении, т. к. единственная из всех имеет не только геометрический узор, но и антропоморфные изображения (рис. 38). В верхней части нанесена стоящая человеческая фигура, в нижнем поле изображён всадник на лошади; среднее поле также дополнительно декорировано оригинальным точечным орнаментом.

Важная часть декора фибул – разнообразные привески, подвески и цепочки, которые украшают нижний край застёжки. Эти украшения характерны не только для бабочковидных фибул, но также и для фибул сайгатского типа (тип 2 по Т. И. Останиной). Привески прикрепляются прямо к краю щитка при помощи колечка или петельки на заклёпке-полугорошине; подвески же крепятся к последнему звену цепочки, украшающей фибулу. При этом часто *цепочка* сама по себе является украшением, как, например, у фибулы из Тарасовского могильника (№ 18),

где цепочка прикреплена двумя концами к противоположным краям застёжки. Чаще всего цепочками украшали фибулы сайгатского типа (тип 2 по Т. И. Останиной) Тарасовского (3 экз.) и Тураевского I (4 экз.) могильников (табл. 7). Стилистическим сходством обладает оформление двух типологически разных, но хронологически одновременных фибул Тураевского I могильника (№№ 256, 300): пучки цепочек, состоящих не менее чем из четырёх цепочек каждый, крепятся к противоположным краям фибул. В Тарасовском могильнике также имеется два экземпляра разнотипных фибул с сохранившимися цепочками (№ 22, 140), но, в отличие от тураевских экземпляров, цепочки прикреплены к нижнему краю застёжек равномерно, а не пучками. Привески на концах цепочек фибул разнообразны и, в каждом случае, индивидуальны: для фибулы № 22 это плоские в сечении железные трапециевидные привески (табл. 7, строка 9), фибула № 140 украшена бронзовыми привесками-медведями и прямоугольной привеской с волнистым узором (табл. 7, строка 10); такие же медведи вместе с уточками и коньками использованы при украшении фибулы № 256 (табл. 7, строка 11).

Другой распространённый способ дополнительного украшения фибул – привески. Колечки или петельки, прикреплённые по краю щитка при помощи заклёпок-полугорошин, зафиксированы у 21 застёжки (табл. 7, строки 2, 3). Среди привесок наиболее популярны плоские вытянутые с небольшим расширением в нижней части (табл. 7, строка 6); ромбической формы (табл. 7, строка 7); с двумя завитками в нижней части (табл. 7, строка 4); железные, украшенные двумя или тремя бронзовыми полугорошинами (табл. 7, строка 5). Единично встречены колоколовидные привески (табл. 7, строка 8), железные трапециевидные (табл. 7, строка 9). Несмотря на разнообразие выявленных комбинаций привесных украшений, можно выделить три основных вариаций: фибула украшена привесками-цепочками; фибула украшена цепочками с украшениями на конце; фибула украшена привесками, крепящимися к петле/кольцу. В некоторых случаях, из-за неудовлетворительной сохранности застёжки, сохраняются только кольца/петли по краю щитка, так что сложно судить о возможности их применения отдельно от привесок.

Так или иначе, целью всех привесных украшений фибул могло быть усиление свойств изделия. Количество шумящих украшений среди инвентаря могильников пьяноборской культурно-исторической общности довольно велико. Среди фибул шумящие экземпляры встречаются только у биметаллических бабочковидных фибул (вариант 5 по Т. И. Останиной) и всех вариаций фибул «сайгатского» типа (тип 2 по Т. И. Останиной). Судя по хронологической атрибуции этих типов, начало традиции украшать щитки фибул привесными элементами относится к концу IV в. (табл. 2), а бытуют они в течение всего V в. Только один экземпляр привозной фибулы – застёжка из Бирского могильника (№ 349) – украшена цепочками-привесками. Сложно судить о времени появления этого декора на готовом изделии. Однако сама фибула относится к типу Амброз–16–2–I–4 (двучленные прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой и вертикальной пластинкой для удержания оси пружины) и, согласно ему, датируется концом IV в. – началом V в. [Амброз, 1966, с. 61], т. е. она синхронна по времени другим фибулам с привесными украшениями. Найдены фибулы с таким оформлением на разных памятниках пьяноборской культурно-исторической общности, в пределах бытования самих типов фибул, так что, по-видимому, наличие «шумящих» подвесных украшений следует рассматривать как хронологический признак.

Пружина многих фибул накручена на осевой (часто – железный) стержень, дополнительным украшением которого является обмотка тонкой бронзовой проволокой. У ранних экземпляров бабочковидных фибул пружина надставлена за счёт стержня на 2–3 см в стороны (см., например, №№ 92, 309, 377), что характерно также для черняховских фибул III–IV вв. [Амброз, 1966, с. 46]. У более развитых бабочковидных фибул стержень становится длиннее, его загибают по контуру фибулы, концы часто крепят к щитку (например, № 360). Для биметаллических фибул характерно иное оформление: обвитый проволокой стержень огибает всю фибулу, за исключением нижнего края щитка, к которому крепятся привески/подвески (№№ 39, 118, 122, 140, 321). Фибулы «сайгатского типа» также часто оформлены декоративной осью: либо с трёх сторон из четырёх (например, №№ 26, 67, 124, 130), либо со всех сторон (например, № 54).

В археологической литературе декор изделий рассматривают не только как совокупность изобразительных знаков и композиций из них. Важным направлением изучения декора является структурно-семиотический подход, при котором декор воспринимается как некий смысловой элемент, закодированное в знаках послание, которое поддаётся расшифровке. В течение XX в. многие исследователи пьяноборской культурно-исторической общности отмечали знаковую и сакральность бабочковидных фибул – собственно, любые украшения в древности несли смысл. Кроме того, форма бабочковидных фибул, как видно, не продиктована лишь утилитарной необходимостью. Центр груди – то место, где чаще всего были найдены фибулы в погребениях – сакральное место в топографии человека в любой культуре. Это – средоточие души человека, тот участок тела, на котором носят амулеты и нательные кресты, так что любое украшение в этом месте несёт в себе особую для общества информацию и смысл [Мадуров, 2006, с. 336].

Первое общее впечатление от узора щитка бабочковидных фибул – имитация тела и крыльев бабочки, что послужило причиной их современного названия – бабочковидные. В. Ф. Генинг в обзорной монографии, посвящённой мазунинской культуре III–V вв. называет эти фибулы «одной из интереснейших категорий вещей» [Генинг, 1967, с. 23]. Согласно его наблюдениям, устойчивость в орнаментации фибул и массовость их распространения свидетельствует об особом значении этих застёжек; возможно, полагает он, они были тотемным знаком какой-то большой родоплеменной группы мазунинского населения. В. Ф. Генинг подтверждает свои предположения, приводя параллель между схемой декора бабочковидных фибул и Ф-образной тамгой башкирского рода Кубеляк (в переводе с тюркского – бабочка) [Генинг, 1967, с. 51–52].

Но существует несколько фактов, которые свидетельствуют не в пользу гипотезы о бабочках, как о прообразе декора этих фибул. Первый из них заключается в несовпадении осей симметрии. Все бабочки, обитающие на территории Среднего Прикамья, относятся к инфраотряду разнокрылых (как и 99 % современных видов), у взрослых насекомых этого отряда различается жилкование передней и задней пар крыльев, т. е. бабочка является зеркально симметричным объектом только по вертикальной оси. Фибулы же, за редчайшим исключением (№№ 50, 286, 397), абсолютно симметричны по двум осям – как вертикальной, так и горизонтальной (рис. 39). Несостоятельны также параллели между завитками на конце пластинчатого приёмника и усиками бабочки, т. к. этот декоративный элемент появился в Прикамье вместе с привозными, не бабочковидными, фибулами. Кроме того, правильным при креплении пол верхней одежды является горизонтальное расположение иглы застёжки, пружиной в левую сторону, иглой – в правую. То есть на самом деле «боковые» поля бабочковидной фибулы – это верхнее и нижнее поле со средней прямоугольной областью. Тогда уже трактовка семантической нагрузки декора фибул может совершенно отличаться от устоявшейся к настоящему моменту.

У большинства народностей, в том числе финно-угорской языковой группы, есть представление о космогоническом устройстве вселенной, выражающееся в конкретной схеме устройства мира. Основной устойчивой мировой универсалией космогонического устройства являются *ось мира* (*Axis mundi*, лат.), которая соединяет нижний подземный мир и мир богов. Согласно финно-угорской мифологии, мир разделяется на верхнюю зону – небо, среднюю – землю и нижнюю – загробный мир [Мифы народов мира, 1988, с. 564]. Это трёхчленное деление отражает семантическую структуру декора бабочковидных фибул. Среди неожиданных аналогий, иллюстрирующих высокую вероятность данной гипотезы, можно привести шаманский саамский бубен (рис. 39-2), диск которого оформлен в соответствии с трёхчастным делением мира [Мифы народов мира, 1988, с. 565]. Предложенная трактовка воплощённой в декоре бабочковидных фибул схемы мирового устройства не противоречит дошедшим до настоящего времени данным по мифологии удмуртского народа, для искусства которого характерна и наиболее распространена именно 3-частная композиция – отображение мировой модели [Владыкин, 2018, с. 67]. При этом абсолютная симметрия декора нижнего и верхнего поля, а также наличие идентичного декора в среднем поле, соответствуют равнозначности божеств в финно-угорском (в частности в удмуртском) пантеоне: высшего небесного бога

Инмара, владыки подземного мира Керемета и бога земли и урожая Кылдысина [Мифы народов мира, 1988, с. 866].

О бабочковидной фибуле как о «самом сложном изображении «вселенной» в ...Прикамье» писал еще М. Г. Худяков в 1934 г. [Худяков, 1934, с. 85]. Опираясь на финно-угорские мифы и верования, он реконструировал культово-космические представления древних, выраженные в бронзовой пластике раннего железного века Прикамья. Фибула, согласно ему, сама является образом мирового овального яйца, содержащего множественные солнца (полугорошины), количество которых «пять, и в то же время семь, и в то же время три» (рис. 39-3) [Худяков, 1934, с. 86]. Что интересно, один из традиционных удмуртских узоров – *питыри/питырес* (солярный знак) – изображается как раз в виде круга в окружности, или диска, окаймленного точками [Виноградов, 1994, с. 39–41], – и соответствует одной из основных комбинаций изобразительных элементов декора фибул: полугорошина, окруженная точками (рис. 37-1).

Рассмотрение семантического смысла декора бабочковидных фибул и выявление их места в представлениях населения Прикамья об окружающем мире – задача отдельного исследования, однако уже приведённых примеров достаточно для признания важности их с точки зрения самосознания населения. Исходя из этнической нагрузки самобытных украшений, Т. И. Останина внесла бабочковидные фибулы в список археолого-этнического комплекса мазунинской культуры III–V вв. – совокупности предметов, которые «отражают этническое единство всего населения Среднего Прикамья» [Останина, 1997, с. 170–171]. Естественно, предметы религиозно-мифологического культа народности не могли выступать средством товарно-обменных отношений. Поэтому, видимо, столь немногочисленны случаи находок бабочковидных фибул за пределами очерченного круга памятников, и каждая такая находка, должно быть, связана с попаданием туда самого человека – владельца фибулы.

Глава 3

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ НАХОДОК ФИБУЛ

3.1. Хронологические группы комплексов с фибулами

Особенность археологических материалов пьяноборской культурно-исторической общности – отсутствие абсолютно датированных вещей (например, монет). Вместе с тем, в закрытых погребальных комплексах встречаются разные предметы импорта, совокупное исследование которых позволяет оценить хронологические рамки комплекса в целом.

На основании проведенного анализа взаимовстречаемости фибул с другими категориями погребального инвентаря и определения датирующих аналогий как для отдельных вещей, так и для комплексов, Т. И. Останиной удалось распределить большинство местных типов и вариантов фибул по хронологическим группам. Признаком каждой из выделенных ею групп является появление новых форм вещей, при этом часть групп несёт самостоятельную хронологическую нагрузку, часть – являются смежными. В итоге бабочковидные фибулы первого варианта (согласно классификации Т. И. Останиной) попали в хронологическую группу 2; второй вариант бабочковидных фибул – в группу 3; третий – в группу 4; бабочковидные фибулы четвертого варианта, а также сайгатские и бантикообразные фибулы (типы 2 и 3) встречены в хронологической группе 5. Время бытования биметаллических бабочковидных фибул (вариант 5) определено ею в рамках 3–5 хронологических групп [Останина, 1997, с. 104–105].

Датировки этих хронологических групп выявлены на основании немногочисленных импортных предметов, в том числе и привозных фибул. Комплексы, не имеющие прямых аналогий на сопредельных территориях, и не несущие «самостоятельную хронологическую нагрузку» [Останина, 1997, с. 104], являются переходными, так что их датировка связана определением даты предшествующего и последующего этапов и «зажата» между ними [Останина, 1997, с. 108].

Вместе с тем, на момент публикации Т. И. Останиной классификации и хронологии прикамских фибул, в её распоряжении было порядка 180 застёжек из девяти могильников, при этом в корреляционной таблице учтено 95 комплексов [Останина, 1997, с. 103, табл. 16]. К настоящему моменту количество фибул из закрытых погребальных комплексов значительно выросло, что даёт возможность провести анализ сопроводительного инвентаря комплексов с фибулами и определить хронологический период бытования разных групп фибул на основании сопоставления дат предметов из погребений.

Многолетняя работа по анализу комплексов Тарасовского могильника, проводимая под руководством Р. Д. Голдиной, дала основания для выделения хронологических групп некрополя, содержащего основную часть фибул этой эпохи. Анализ взаимовстречаемости находок с привлечением множества аналогий с сопредельных территорий был проведен для погребений разных временных

диапазонов: захоронений I–II вв. [Голдина, Бернц, 2016а], женских погребений III–V вв. [Голдина, Бернц, 2017б] и мужских захоронений III–V вв. [Голдина, Бернц, 2016б, 2017а].

Типы местных фибул попали в пять выделенных хронологических групп. Самые ранние варианты бабочковидных фибул встречены в погребениях первой группы (первая половина III в. н. э.); ко второй половине III в. относятся фибулы типа Останина-1-1 (хронологическая группа 2); фибулы Останина-1-2 выделяются в погребениях, относящихся к IV в. н. э., там же согласно таблице взаимовстречаемости фиксируются застёжки следующих двух подтипов (3, 4), характеризующихся увеличением насыщенности орнамента. Наконец, биметаллические фибулы (Останина-1-5) авторы относят к V в. н. э., причем для второй половины столетия, в отличие от первой, характерны экземпляры с привесками на кольцах и цепочках. На протяжении V в. н. э. биметаллические бабочковидные фибулы соседствуют сначала с застёжками типа Останина 3а и 3б, а во 2-й половине V в. – с прямоугольными фибулами Останина 2а и 2б [Голдина, Бернц, 2017б].

Таким образом, хронологические определения Т. И. Останиной, Р. Д. Голдиной и В. А. Бернц можно представить в сопоставительной таблице дат бытования местных типов фибул:

Тип фибул	Хронологическая группа	
	Останина	Голдина, Бернц
1-1	2 (конец III – начало IV вв.)	2 (вторая половина III в.)
1-2	3 (IV в. н. э.)	4 (IV в. н. э.)
1-3	4 (конец IV – начало V вв.)	4 (IV в. н. э.)
1-4	5 (V в. н. э.)	4 (IV в. н. э.)
1-5	3–5 (IV – V вв. н. э.)	6 (первая половина V в.)
		7 (вторая половина V в.)
3а, 3б	5 (V в. н. э.)	7 (вторая половина V в.)
2а, 2б	5 (V в. н. э.)	6 (первая половина V в.)

Как видно, по материалам Тарасовского могильника Р. Д. Голдиной удалось уточнить границу появления фибул с железной основой (тип 1-5) – рубеж IV и V вв., а использование аналогий из новых раскопок смежных культурных образований позволило разделить бытование типов 1-5, 2 и 3 в рамках V в.

Составление таблиц сопроводительного материала для каждой вариации типов фибул поможет детальнее углубиться в хронологические различия между ними и увидеть особенности состава инвентаря погребений с фибулами в разное время. Для изучения были взяты доступные погребальные комплексы с фибулами, содержащие также прочий сопроводительный инвентарь; общее количество учтённых комплексов – 262. Большая их часть происходит из материалов Тарасовского могильника (102 комплекса); среди прочих – погребения Тураевского I (45), Ижевского (33), Старо-Кабановского (16), Покровского (13), Сасыкульского (9), Мазунинского (7), Нивского (8), Заборьинского (7), Усть-Сарапульского (6), Бирского (5), Ошкинского (3), Ныргындинского I (2), Чегандинского II (1), Сайгатского (2), Старо-Муштинского (2), Ныргындинского II (1) могильников.

Предварительный отбор комплексов привёл к некоторому сокращению их количества за счёт удаления из выборки комплексов, содержащих менее 2-х категорий вещей. Также из анализа была исключена часть находок. Среди них – сильно фрагментированные находки, по которым невозможно восстановить внешний облик вещи, а также часть железных изделий (ножи, шилья и пр.) и некоторые немногочисленные категории предметов из цветного металла (бляшки и некоторые другие категории), имеющие широкие временные рамки бытования и являющиеся неинформативными для данного исследования. Наборы всех встречающихся в погребении с фибулой категорий инвентаря скомплектованы в таблицы согласно их принадлежности к тому или иному типу по классификациям А. К. Амброза, А. С. Скрипкина и Т. И. Останиной (характеристика типов и их количественная представленность в прикамских материалах отражены в предыдущей главе). При составлении таблиц данные о масштабе вещей были изъяты из графических файлов,

чтобы визуально не загромождать комплексы. Однако при необходимости более тщательного изучения той или иной категории, информацию о ней можно получить в публикации материалов памятников, данные о которых указаны в каталоге фибул (приложение III).

В результате анализа взаимовстречаемости находок стало возможным сформировать набор погребального инвентаря, встреченного в той или иной вариации в погребальных комплексах с фибулами разных типов. За основу определения хронологических дат комплексов было взято сопоставление дат всех предметов из этих комплексов. Часто дата комплекса шире, чем дата бытования отдельной группы фибул, так что сопоставление этих данных позволило проверить и уточнить как абсолютные, так и относительные датировки фибул. Вместе с тем, анализ взаимовстречаемости как самих фибул, так и сопровождающих их вещей, позволил выстроить эволюционно-хронологические векторы их встречаемости в прикамских материалах. Систематизация признаков, которыми в данном случае являются практически исключительно предметы костюмного комплекса, проводилась в соответствии с типологией прикамских материалов первой половиной I тыс. н. э., разрабатываемой в разные годы В. Ф. Генингом, Б. Б. Агеевым, Т. И. Останиной, Р. Д. Голдиной, В. А. Бернц, Н. А. Лещинской и другими. Для датировки отдельных вещей, кроме этого, привлекались аналогии из сопредельных регионов, для которых также были установлены даты их бытования в археологических материалах.

Большинство комплексов содержат в своём составе бусы и бисер, информационный потенциал которых огромен. Являясь хорошим материалом для разработки вопросов хронологии, бусинные комплексы требуют тщательного пристального анализа специалистов. В рамках данной работы они не были учтены, поскольку их анализ – тема отдельной самостоятельной научной работы.

Группа импортных фибул с сопутствующим им инвентарём наиболее информативна в плане определения даты самих комплексов. Общий вид погребений с импортом (в том числе с фибулами) свидетельствует об органичном принятии привозных вещей местным населением: все получаемые извне ценности они встраивают в систему своих представлений о костюмном комплексе, заменяя и подменяя местами разные категории инвентаря. Так, бляхи-раковины и халцедоновые диски оказываются на месте бронзовых блях в поясных наборах, а застёжки-фибулы занимают почётное место на груди женщин и в подарочных наборах (жертвенных комплексах). Небольшие размеры импортных фибул, нетипичные для местного населения конструкция и внешний вид застёжки в местных образцах постепенно меняются, принимая всё те же округлые формы, к которым так или иначе тяготеют украшения костюма населения пьяноборской общности.

Среди привозных застёжек самыми ранними являются раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «авцисса» (фибулы группы Амброз-5), которые датированы А. К. Амброзом первой половиной I в. н. э. [Амброз, 1966, с. 26–27]. В пьяноборских материалах две такие фибулы были найдены на Сасыкульском могильнике. Состав комплексов с этими фибулами крайне скуден; среди датирующих вещей можно указать кольцевую застёжку с неподвижным крючком с обоймицей (рис. 40-3). Б. Б. Агеев отнёс эту застёжку к группе IV, отделу Б, типу 6 (кольцевые бронзовые пряжки с обоймой для ремня, усложнённые волутообразными завитками, мелкими прорезными колечками внутри ободка или без них) [Агеев, 1992, с. 41]. Аналогии этим застёжкам зафиксированы в Нырғындынском II, Уяндыкском, Пьяноборском, Тарасовском могильниках. В. Ф. Генинг относил такие застёжки с неподвижным крючком к стадии Г, датировка которой – II в. н. э. [Генинг, 1970, с. 47]. В материалах Тарасовского могильника эти застёжки встречены с височными подвесками в виде знака вопроса с конической трубицей, загнутой из тонкой гофрированной пластинки, прикреплённой к концу разомкнутого кольца; пронизками-полуцилиндриками и пронизками-сапожками (погр. 634, 668, 683, 1215). Планиграфически эти погребения находятся в границах ранней части могильника. Височные застёжки с конической трубицей, выполненные в технике сворачивания гофрированной пластинки в конус, по мнению В. Ф. Генинга, появляются в середине стадии В (I в. н. э.) и продолжают бытовать до конца II в. н. э., встречаясь в более позднее время единично [Генинг, 1970, с. 51–52]. Пронизки-полуцилиндрики и пронизки-сапожки, найденные в Тарасовском могильнике вместе с застёжками с неподвижным крючком с обоймицей и декором внутри рамки, также довольно уверенно отнесены В. Ф. Генин-

гом ко II в. н. э. по материалам могильника Чеганда II [Генинг, 1970, с. 62]. Таким образом, сопроводительный инвентарь из тарасовских погребений с аналогичными застёжками с неподвижным крючком позволяет подтвердить их датировку в рамках II в., данную В. Ф. Генингом. Этим же временем можно датировать и сами комплексы с фибулами типа «авцисса», что на полтора столетия позже даты, указанной А. К. Амброзом для севернопричерноморских образцов. Фибула типа «авцисса», найденная в Архаринском могильнике (Калмыкия), происходит из позднесарматского комплекса, т. е. относится к интервалу 2-й половины II – III вв. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 116–117]. О запаздывании появления в Прикамье раннеримских шарнирных фибул типа «авцисса» говорит и Б. Б. Агеев: согласно проведённого им планиграфического анализа, погребения с этими фибулами оказались расположены в одной хронологической группе с погребениями с фибулами II–III вв. н. э. Именно этим временем он и датирует комплексы с фибулами «авцисса» [Агеев, 1992, с. 77–79]. В. В. Кропотов указывает, что все находки фибул этого типа на юге Восточной Европы происходят из комплексов периода расцвета среднесарматской культуры (вторая половина I – начало II в.) и даже из погребений позднесарматской культуры (большая часть II в.) [Кропотов, 2010, с. 273]. Так что с опорой на эти сведения и датировки сопроводительного материала есть основания определить бытование фибул этого типа в Прикамье концом I (?) – II в. н. э.

Сильно профилированные фибулы причерноморских типов (фибулы группы 11 по А. К. Амброзу) датированы последним I–II в. н. э. (рис. 40-5) [Амброс, 1966, с. 40–43]. А. С. Скрипкин поволжские образцы этих фибул относит преимущественно ко второй половине II в. н. э. [Скрипкин, 1977, с. 112–113; 1984, с. 44]. В. В. Кропотов относит фибулы этого типа к группе 10, серии II своей классификации; указывая на их находки в слоях разрушения Танаиса и с монетами начала – первой половины III в. н. э., он считает излишне категоричным заявление А. С. Скрипкина о выходе этих фибул из оборота в конце II в. [Кропотов, 2010].

В Прикамье эти застёжки найдены в материалах Нырғындинского I, Чегандинского II и Сасыкульского могильников в количестве семи экземпляров. Сопроводительный материал этих захоронений не отличается выразительностью и представлен железными браслетами (круглым в сечении и плоским в сечении многовитковым), выпуклой круглой бронзовой бляхой большого размера с одним отверстием в середине, плоской застёжкой-бляхой с двумя отверстиями, фрагментом височной подвески из гладкого стержня без дополнительной обмотки, а также одним глиняным сосудом.

Аналогичные височной подвеске из согнутого бронзового стержня (рис. 40-11) экземпляры, но с напускной бусиной (возможно, не сохранившейся у этого изделия), отнесены В. Ф. Генингом к стадии Г пьяноборской культуры – II в. н. э. [Генинг, 1970, с. 92–93].

Железные браслеты (рис. 40-8) имеют большое распространение в прикамских материалах первой половины I тыс. н. э.; по форме они делятся на одновитковые и многовитковые, что не всегда получается установить из-за плохой сохранности материала. В. Ф. Генинг железные многовитковые браслеты относит к стадиям А–В (III в. до н. э. – I в. н. э.), а одновитковые – к стадии Г (II вв. н. э.), однако при этом многовитковые экземпляры в прикамских материалах встречаются и позднее [Генинг, 1970, с. 55–56]. В классификации Т. И. Останиной для материалов III–V вв. учтён только один двухвитковый экземпляр – в Нивском могильнике [Останина, 1997, с. 38–39].

Бронзовые бляхи – маленькая плоская застёжка (рис. 40-7) и большая выпуклая бляха (рис. 40-9) – «составляют одно из характерных нагрудных украшений чегандинского костюма» [Генинг, 1970, с. 58]. Отмечая высокую частоту их встречаемости в чегандинских материалах, В. Ф. Генинг указывает на их южное происхождение, датируя подобные бляхи и бляхи с игольчатými застёжками в чегандинских комплексах I–II вв. н. э. [Генинг, 1970, с. 59–60]. Они в незначительном количестве продолжают бытовать в мазунинских материалах, в основном – в башкирской группе памятников [Останина, 1997, с. 49–50]. Вопрос происхождения и использования этих блях в прикамских материалах до сих пор актуален: ряд исследователей полагает, что они изготовлялись в Прикамье из импортных сарматских зеркал [Агеев, 1992, с. 36–37; Красноперов, 2006, с. 144; 2009, с. 97–98]; Р. Д. Голдина, указывая на их большую, по сравнению с зеркалами, выпуклость и большое количество находок (до шести экз. в одном погребении), сомне-

вается в их «зеркальном» прошлом [Голдина, Красноперов, 2012, с. 53]. Исследование состава металла этих блях из погребений Ныргындинского I могильника выявило, что практически все они изготовлены из хрупкой и твёрдой двухкомпонентной высокооловянистой бронзы, что затрудняет повторные операции с зеркалами, такие как отрубание ручки, пробивка отверстий. Так что возможно, эти бляхи могли отливаться специально либо в Прикамье из импортного сырья (высокооловянистой бронзы), либо в тех же мастерских, где изготавливали и зеркала [Голдина, Перевошиков, Сабирова, 2012, с. 345–346].

Таким образом, анализ погребальных комплексов с сильно профилированными фибулами причерноморских типов не противоречит датировке, данной Р. Д. Голдиной и А. А. Красноперовым для этого типа фибул Ныргындинского I могильника – вторая половина II – первая половина III в. н. э. [Голдина, Красноперов, 2012, с. 78]. Вместе с тем, оснований доводить бытование этих фибул до середины III в. нет, т. к. большая часть сопроводительного материала в III в. уже не встречается, так что итоговая дата этого комплекса – II – начало III в.

К этому же времени относится, согласно датировкам А. К. Амброза, группа крупных пружинных фибул с гладким корпусом и едва намеченной кнопкой на конце пластинчатого приёмника (тип Амброз-12) [Амброз, 1966, с. 43–44]. В материалах пьяноборской общности такие фибулы обнаружены в Сасыкульском, Ныргындинском II и Чегандинском II могильниках. Сопроводительный инвентарь из погребений с фибулами этого типа представлен различными принадлежностями костюма и глиняным сосудом (рис. 41). Среди них – два типа височных подвесок: уже упоминавшаяся подвеска с конической трубицей, выполненной в технике сворачивания гофрированной пластинки в конус, датировка которой определена в рамках I–II вв. н. э. [Генинг, 1970, с. 51–52] и спиральновитая подвеска с длинным (более 10 витков) и узким конусом (рис. 41-8,9). В. Ф. Генинг подвески, выполненные в этой технике, считает универсальными для всего широкого периода III в. до н. э. – II в. н. э., выделяя при этом две традиции – длинный и узкий конус характерен для памятников башкирской группы, широкий и короткий – для памятников Удмуртского Прикамья [Генинг, 1970, с. 50–51]. Истоки их появления у чегандинского населения следует искать в позднеананьинских памятниках [Голдина, Красноперов, 2012, с. 70–71]; но в материалах памятников III–V вв. этот тип височных подвесок уже не фиксируется [Останина, 1997, с. 33–36].

Подвески из погребений с фибулами типа Амброз-12 представлены довольно устойчивыми в своей форме шейными подвесками с кружочками в нижней части – «кошачьими лапками» (рис. 41-2,3) [Голдина, Красноперов, 2012, с. 68]. Традиционная датировка этих украшений как в Прикамье, так и в вятских памятниках – I–II вв. н. э. [Генинг, 1970, с. 92; Лещинская, 2014, табл. 81; Голдина, Красноперов, 2012, с. 68]. Комплекс с такими подвесками из погр. 315 Ныргындинского I могильника датирован последней четвертью II – первой четвертью III в. [Голдина, Красноперов, 2012, с. 78, табл. 237-11].

Пряжки этой группы – круглорамчатые бесщитковые железные с подвижным язычком (рис. 41-14). В. Ф. Генинг средние и большие экземпляры таких пряжек (диаметром от 3,5 см и больше) относит к стадии Г чегандинской культуры (II в. н. э.) [Генинг, 1970, с. 48]. Верхняя дата их бытования может быть продлена как минимум до середины III в. н. э. на основании замещения круглорамчатых пряжек на овальнорамчатые в материалах Крымской Скифии [Голдина, Красноперов, 2012, с. 64]; в прикамских материалах III–V вв. такие пряжки встречаются уже единично [Останина, 1997, с. 64].

Кольцевая рамчатая застёжка с неподвижным крючком из погр. 281 Сасыкульского могильника (рис. 41-15) находит прямую аналогию с застёжкой из погр. 1232 Тарасовского могильника [Голдина, 2003, табл. 485-1-5]; в комплексе с тарасовской застёжкой – всё те же шейные подвески и височная подвеска с трубицей из свёрнутой гофрированной пластинкой (обе категории – I–II вв.). В. Ф. Генинг, в целом датируя кольцевые застёжки с неподвижным крючком I–II вв., отмечает более позднюю дату – II в. – для кольцевых застёжек, украшенных дополнительными деталями [Генинг, 1970, с. 46–47].

Также II в. датируются пронизки-полуцилиндрики (рис. 41-5) [Генинг, 1970, с. 62]; единичная находка подвески-петли с напаянными по периметру колечками и обоймицей с крючком

с оборотной стороны (рис. 41-7) – прототип лапчатых подвесок [Генинг, 1970, с. 61]. Её аналогии встречаются в материалах вятских могильниках – например, в погр. 49 могильника Тюм-Тюм III–IV вв. [Ошибкина, 2010, с. 192, табл. 79-3].

Застёжка-бляха, украшенная полугорошинами по краю и радиальными перегородками (рис. 41-12), найдена в Чегандинском II могильнике [Генинг, 1970, табл. VI-2], погр. 663 и 938 Тарасовского могильника [Голдина, 2003, табл. 279-1-12, 393-10].

Ажурная накладка-бляшка из погр. 16 Чегандинского II могильника, имеющая подпрямоугольную форму и состоящая из двух элементов со спиральным узором (рис. 41-4) – индивидуальная вещь, не имеющая прямых аналогий, но выполненная в довольно распространённой технике и стилистике. Этот тип В. Ф. Генинг относит в основном к хронологическим стадиям А и Б (III–I вв. до н. э.), признавая, впрочем, возможность их единичного использования после рубежа эр [Генинг, 1970, с. 58]. Однако анализ бусинного комплекса и других предметов импорта из погребений с ажурными накладками Ныргындинского I могильника и аналогичных памятников позволили подтвердить дату их бытования в первые века нашей эры [Голдина, Красноперов, 2012, с. 57].

Лапчатая подвеска (рис. 41-6) находит множество аналогий в материалах Чегандинского II [Генинг, 1970, табл. IV-10], Мазунинского [Генинг, 1967, табл. III-2], Тарасовского [Голдина, 2003, табл. 238-8-6, 292-4,6 и др.] и вятских памятников [Лещинская, 2014, с. 65]. В. Ф. Генинг в свете анализа прикамских материалов рассматривает чегандинскую подвеску к «самому позднему периоду чегандинской культуры», т. е. ко II – началу III в. н. э. [Генинг, 1970, с. 61]. Н. А. Лещинская датирует вятский вариант лапчатых подвесок IV в. [Лещинская, 2014, табл. 92].

Железный браслет плоского сечения с расширенными концами в форме сердечка (рис. 41-10) Т. И. Останина относит их к типу 2, который является самым ранним в памятниках мазунинского времени и может быть датирован началом – серединой III в. н. э. [Останина, 1997, с. 39].

В целом, сами погребальные комплексы, содержащие фибулы типа Амброз-12, по своему составу укладываются в период со II в. и до середины III в. А. К. Амброз относил крупные фибулы этой серии с едва намеченной кнопкой на конце приемника к наиболее поздним образцам этой серии и датировал их второй половиной II – III в. [Амброз, 1966, с. 44]. Однако новые находки позволили В. В. Кропотову скорректировать эту дату: фибулы, сосредоточенные в основном в нижнедонских некрополях [Кропотов, 2010, рис. 62], датированы им по сопутствующим застёжкам других видов и прочим хронологически значимым вещам второй половиной I – началом II в. [Кропотов, 2010, с. 213]. С учётом этой информации и опираясь на датировки сопроводительного материала, следует, видимо, ограничить нахождение этих фибул в прикамских комплексах II в. с возможным заходом в самое начало III в.

К III в. н. э. количество импортных фибул в местных комплексах возрастает, а их типы меняются, что, несомненно, связано с активизацией контактов лесного населения пьяноборского круга с кочевниками южноуральских степей [Малашев, 2014, с. 130]. Вместе с тем, характер этих отношений, безусловно повлиявший на облик материальной культуры обеих сторон, до сих пор точно не определён. Среди распространённых у населения Южного Приуралья типов фибул в материалах пьяноборской культурно-исторической общности выявлены следующие: 1) разные варианты фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника; 2) лучковые одночленные фибулы с подвязным приёмником; 3) в меньшем количестве в прикамских могильниках представлены шарнирные фибулы-броши.

Лучковые подвязные фибулы типа Амброз-15, за исключением одного экземпляра (из погр. 139 Сасыкульского могильника), относятся к варианту 4 типа I: их дужка круто изогнута, большая часть спинки покрыта обмоткой; датируются А. К. Амброзом второй половиной II – III в. [Амброз, 1966, с. 47–57]. Согласно А. А. Скрипкину дата бытования этого варианта в Поволжье ограничена второй половиной II – серединой III в. [Скрипкин, 1977, с. 107]. Этому же мнению придерживается и М. Г. Мошкова [Мошкова, 2000, с. 186]. В. Ю. Малашев отмечает, что крупная лучковая фибула из погр. 52 Тарасовского могильника лишь повторяет схему лучковых одночленных фибул, широкая раскованная ножка характерна для ряда находок в погребениях поздне-сарматской культуры лесостепных памятников. Он предлагает выделить их в самостоятельную

серию, датировка которой преимущественно охватывает середину – вторую половину III в. [Малашев, 2014, с. 133]. Р. Д. Голдина на основании аналогий и корреляционной таблицы относит погребения с этими фибулами к первой половине III в. [Голдина, Бернц, 2017а, с. 50].

Крайнее разнообразие форм фибул-брошей (группа Амброз-8) [Амброз, 1966, с. 30–35] делает сложным поиск аналогий: аналогией выступают не точные копии фибулы, а стилистически похожие образцы. Довольно близкая аналогия шестигранной фибуле с эмалевыми вставками из погр. 36 Тарасовского могильника найдена в Суловском кургане (Саратовская область) в одном погребении с лучковыми фибулами I серии IV варианта; датировка этого варианта брошей на основании аналогий из римских провинций – вторая половина II – начало III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 314, 326]. Н. А. Лещинская, обращая внимание на преобладание в поясном наборе из этого погребения большого количества плоских фасетированных накладок, предлагает отнести комплекс с шестигранной фибулой к середине III в. [Лещинская, 2010, с. 137]. Этим же временем датирован ею комплекс с фибулой-брошью из погр. 497 Тарасовского и фибула из сбора с поверхности Ошкинского могильника. Эти экземпляры могут быть отнесены к так типу круглых эмалевых брошей, аналоги которых из Северной Осетии, Крыма и Ольвии датированы второй половиной II – началом III вв. За пределами Северного Причерноморья фибула этого типа была найдена в Лебедевке (курганый могильник позднесарматского времени в западной части Казахстана) [Кропотов, 2010, с. 313, 324]. Фибула-брошь из погр. 307 Тарасовского могильника пока не находит аналогий, однако её сопроводительный комплекс близок комплексу погр. 52 с лучковой фибулой, что дало основания Н. А. Лещинской синхронизировать их даты и определить время комплекса как вторая половина III в. [Лещинская, 2010, с. 137]. Р. Д. Голдина согласна с определениями В. В. Кропотова и относит ее к первой половине III в. [Голдина, Бернц, 2017а, с. 50].

Одночленные пружинные фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника (группа 13 по А. К. Амброзу) [Амброз, 1966, с. 45–47] – встречаются в материалах позднесарматской культуры южноуральских степей со второй половины II в., а с первой половины III в. – преобладают в погребальных комплексах, практически вытесняя другие виды фибул [Малашев, 2014, с. 130]. В материалах Южного Приуралья наибольшее распространение получили фибулы этой группы с коленчато-изогнутой спинкой; по подсчётам М. Г. Мошковой на 2000 г., их выявлено 47 экз. [Мошкова, 2000, с. 188]. Частая взаимовстречаемость этих фибул с лучковыми подвязными, случаи обнаружения в одном комплексе коленчатых фибул с лучковыми фибулами и фибулами-брошами в Темясовском, Лебедевском могильниках, позволяют синхронизировать момент их появления в Южном Приуралье по совокупности их дат и дат комплексов в целом. М. Г. Мошкова считает, что коленчатые фибулы с завитком на конце приёмника появились у кочевников Южного Приуралья «с самого начала III в., а возможно и со второй половины II в. н. э.». Их конечная дата доходит до середины IV в. Вместе с тем, в бабочковидных фибулах Прикамья М. Г. Мошкова видит как раз модификацию коленчатых южноуральских фибул [Мошкова, 2000, с. 191]. В. В. Кропотов, выделяя эти фибулы в группу поволжско-уральских фибул с завитком на конце приёмника, также датирует всю серию в целом концом/второй половиной II в. – III в. (первой половиной III в.). В материалах памятников прикамских могильников, в особенности на территории Среднего Прикамья, количество фибул группы 13 по А. К. Амброзу насчитывает 26 экз.: выборка, внушительная по меркам всего Южного Приуралья. Среди этих фибул выделяются варианты застёжек с коленчато-изогнутой спинкой, плавным изгибом спинки, с плоской спинкой. Все коленчатые фибулы (за исключением экземпляра из погр. 19 Тарасовского могильника) представлены образцами с ромбической спинкой, которые характеризуют завершение эволюции коленчато-изогнутых фибул и, по мнению Н. А. Лещинской, бытуют в южноуральских комплексах середины/второй половины III в. [Лещинская, 2010, с. 138].

Актуальным является вопрос о месте производства фибул с завитком на конце приёмника. Отмечая «пёстрый» состав сплавов лучковых подвязных фибул позднесарматского населения Южного Приуралья, М. Г. Мошкова выделяет разные виды латуней и оловянистые бронзы среди наиболее распространённых сплавов для изготовления лучковых подвязных фибул. С одинаковой долей вероятности эти фибулы могли быть сделаны и в танаисских, и в боспорских,

и в уральских мастерских [Мошкова, 2000, с. 192]. Рассматривая данные об области распространения фибул с коленчато-изогнутым приёмником и данные о составе их металла (медные, оловянистые сплавы и сплавы с мышьяком), она более уверенно предполагает их уральское производство. В пользу местного их изготовления свидетельствуют, помимо этого, данные картографии: коленчатые фибулы почти не встречаются к западу от Волги и находки таких фибул среди инвентаря мазунинских могильников III–IV вв. [Мошкова, 2000, с. 192]. Вопрос о конкретных производственных центрах остаётся открытым – это могут быть как приуральский, так и зауральский регион. Н. А. Лещинская приводит в пользу прикамского производства коленчато-изогнутых ромбических фибул находки их полуфабрикатов в Тарасовском и Темясовском могильниках [Лещинская, 2010, с. 138]. В. Ю. Малашев обращает внимание, что тарасовские фибулы представлены не столько коленчато-изогнутыми формами, сколько застёжками с завитком и плавной круглой спинкой. Эволюция последних, прослеженная на материалах одного могильника, даёт основания предполагать их местное производство [Малашев, 2014, с. 133].

Можно с уверенностью говорить об относительно одномоментном существовании всех трёх типов фибул в прикамских комплексах. Прежде всего это утверждение обосновано случаями встречаемости разных типов этих фибул в рамках одного погребения. Так, в погр. 52 Тарасовского могильника найдены вместе лучковая подвязная фибула и фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника (рис. 70, пара №№ 12-13). Фибула с завитком соседствует рядом с фибулой-брошью в погр. 307 того же могильника (рис. 70, пара №№ 60-61). Сходство погребального инвентаря из захоронений с этими типами фибул также несомненно. Особая важность этих комплексов, проливающих свет на синхронность бытования в среднекамских материалах разных типов фибул обуславливает необходимость привести полный комплекс вещей из погр. 52 и 307 (рис. 42-44).

Для поиска возможных отличий в составе вещевых комплексов, таблицы сопроводительного инвентаря составлены отдельно для фибул каждого из типов (Амброз-8, 13, 15). Среди общих категорий инвентаря у всех трёх групп фибул следует выделить следующие:

1) Бляхи-раковины (рис. 45-19, 46-29, 47-38) – поясные украшения округлой или подквадратной формы с отверстием в центре, сделанные из обработанных створок раковины моллюска семейства Turbnidae, обитающего в Индийском океане [Останина, 1997, с. 62–63]. Для крепления к поясу чаще всего использовались умбововидные бляшки или крестообразные накладки. Т. И. Останина относит их появление к III в., они существуют в таком виде в прикамских могильниках до конца IV в., после чего – в V в. н. э. население правобережья р. Белой изготавливало из них шейные и нагрудные подвески [Останина, 1997, с. 63; Голдина, Голдина, 2010, с. 176]. В бассейне р. Белой встречены не только подвески, но и бусы из створок этих раковин (отдел VI, разряд 1, Группа Б по Р. Р. Руслановой) в количестве 1225 экз. [Русланова, 2018, с. 33]. Автор отмечает, что в материалах памятников Уфимско-Бельского междуречья III–IV вв. найдена только одна бусина из раковины этого моллюска, в то время как в комплексе материалов V – начала VI вв. таких бус уже 17 % от общего числа [Русланова, 2018, с. 39], что в целом подтверждает утверждение Т. И. Останиной. А. А. Красноперов, указывая на отсутствие аналогичных находок между Камой и Памиром, связывает появление раковин в Прикамье с очередным этапом движения народов в степи и началом третьего этапа позднесарматской культуры [Красноперов, 2007, с. 109–110], в могильниках которой находки таких раковин встречаются – например, в позднесарматском могильнике Покровка X [Малашев, Яблонский, 2008]. Таким образом, бляхи-раковины могут быть датированы III–IV вв., в то время как подвески из створок раковин этого моллюска – V в. [Голдина, Бернц, 2017а, с. 55–56].

2) Ножны сечкообразной формы с кожаной основой, сплошь покрытой бронзовыми накладками, украшенными чеканкой, прямоугольными вырезами, насечкой (рис. 45-23, 46-8, 47-32). Стилистически накладки этого типа ножен близки оформлению некоторых типов поясных накладок. У Т. И. Останиной учтены 2 экз. таких ножен, она отмечает отсутствие аналогий этим ножнам на соседних территориях, в хронологической схеме материалов III–V вв. они отнесены ею к группе 3 (IV в.) [Останина, 1997, рис. 51]. Р. Д. Голдина и В. А. Бернц соотносят эти ножны

с появлением обильно фасетированных накладок, что позволяет им отнести их к III в. [Голдина, Бернц, 2017а, с. 55].

3) Височные подвески «мазунинского» типа: бронзовый прямой стержень, верхний конец которого имеет крючок, нижний – замкнутое кольцо; подвеска украшена навитой на основной стержень тонкой узкой бронзовой провололочкой/подгранённой пластинкой, иногда на стержень насажена бусина (рис. 45-6,11, 46-12-14, 47-26,27). Обращая внимание на «исключительное однообразие формы», Т. И. Останина в качестве эволюционно-хронологического признака развития височных подвесок берёт изменение размеров кольца подвески и её стержня: три выделенных ею варианта различаются: а) диаметром кольца ($d \leq 2,5$ см; $2,5 \leq d \leq 3,5$ см; $d \geq 3,5$ см); б) техникой изготовления (1-й вариант – простой стержень, незначительное количество случаев использования техники витья и навивки, 2-й вариант – все способы изготовления, но преобладают витьё и навивка, 3-й вариант – господствует техника навивки, при этом чаще всего основной стержень, который обвивался провололочкой – выполнен из железа) [Останина, 1997, с. 34–35]. Ввиду фрагментированности многих находок, сложности измерения масштабированных височных подвесок в публикациях и неполноты многих публикаций, было решено за основу предложенного Т. И. Останиной деления взять не диаметр кольца подвески, а технику изготовления в совокупности с материалом. Так, первому типу соответствуют височные подвески, выполненные из гладкого бронзового стержня, с бусиной или без; второму типу – перевитые или обвитые бронзовые височные подвески с бусиной или без, к третьему – височные подвески с железным стержнем, обвитым бронзовой провололочкой/пластинкой с бусиной или без. Как нам кажется, такое изменение основного классифицирующего признака всё равно отражает содержание вариантов, предложенное Т. И. Останиной. Таким образом, указанные выше височные подвески относятся к варианту 2 и встречаются только в составе вещей хронологической группы 3 (IV в.) [Останина, 1997, с. 104]. При анализе женских погребений Тарасовского могильника они попали в группу 5б – III–IV вв. [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 6-47].

4) Поясные накладки типа 1 и 2 по Т. И. Останиной (рис. 45-2,7,8,14-18, 46-3,4,6,7, 47-12-16). Этот тип представлен плоскими подпрямоугольниками с треугольными или прямоугольными вырезами, фасетками, насечками по краю и датирован III в. Второй тип – накладки прямоугольной формы с прямоугольными вырезами, насечками, имеющие заднюю планку для крепления к ремню, из дополнительных украшений – колечки, горошины (шляпки заклёпок); встречается в материалах IV в. [Останина, 1997, с. 57–58, 104–105].

Помимо уже перечисленных категорий, в комплексе с фибулами-брошами (Амброз-8) [Амброз, 1966, с. 30-35], встречены поясные накладки типа 5 по Т. И. Останиной (рис. 45-3): округлой формы с прямоугольной задней пластинкой для крепления к ремню; время существования – IV в. [Останина, 1997, с. 59]. Колоколовидная полая подвеска-пронизка (рис. 45-4) – тип 7 по Т. И. Останиной [Останина, 1997, с. 52]; Н. А. Лещинская использует по отношению к ним термин флаконовидная пронизка, такие находки отнесены ею к комплексу вещей конца II – начала III в. [Лещинская, 2014, с. 65, табл. 82-8]. В тарасовских материалах такие пронизки отнесены к III в. н. э. [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 4-26].

Дата комплекса с фибулами-брошами по совокупной датировке сопроводительного материала может быть определена как конец II – начало IV в., но с учётом датировок, предложенных для этого типа фибул многими исследователями (максимум – до конца III в.) имеет смысл скорректировать дату комплексов на середину – вторую половину III в., что соотносится с результатами тарасовской корреляции [Голдина, Бернц, 2017а, с. 51–52].

В комплексах погребального инвентаря с лучковыми подвязными фибулами (Амброз-15) [Амброз, 1966, с. 47–51] можно выделить несколько специфичных вещей, анализ которых позволит уточнить дату комплекса. Среди них – элементы конской упряжи из погр. 14 Ошкинского могильника (рис. 46-9,16,18,19): Н. А. Лещинская связывает её элементы с позднесарматскими наборами с территории Северного Кавказа и Нижнего Дона, имеющими широкую датировку от второй половины I в. до IV в. В совокупности с некоторыми специфическими деталями, воинский набор можно датировать серединой III в. [Лещинская, 2010, с. 135]. К III в. можно отнести:

лапчатую подвеску (рис. 46-20), разрезную застёжку-бляху с пятью концентрическими кругами (рис. 46-30), коньковую подвеску (рис. 46-22) с перекладиной между ногами [Лещинская, 2014, с. 167–168], височную подвеску мазунинского типа варианта 1 [Останина, 1997, с. 104]. Узкая длинная височная подвеска с витой конической трубицей из Ошкинского могильника (рис. 46-10) имеет в вятских материалах широкий период бытования – от конца II до IV в.; основываясь на её форме – с уже длинным конусом, но ещё без деревянного клинышка внутри – можно опять же предполагать в качестве наиболее вероятной датировки III в. [Лещинская, 2014, с. 167–172]. Общая дата комплексов с лучковыми подвязными фибулами определяется III в. Р. Д. Голдина уточняет ее в рамках первой половины III в. [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 2-9].

Погребальный инвентарь, зафиксированный в погребениях с фибулами с завитком на конце приёмника (Амброз-13) наиболее разнообразен и сочетает в себе наибольшее типологическое разнообразие, что вызвано: а) большим количеством самих находок этих фибул, б) более длительным временем их существования, т. к. именно на их основе развился местный вариант фибул.

Из ранних вещей в этой группе фибул найдены: лапчатая подвеска (рис. 47-23) конца II – начала III вв. по В. Ф. Генингу [Генинг, 1970, с. 61]; прямоугольная ажурная накладка с двумя рядами треугольных прорезей, аналоги которой встречаются в удмуртских, башкирских и вятских памятниках преимущественно во II в. [Генинг, 1970, с. 57–58; Голдина, Красноперов, 2014, с. 53; Лещинская, 2014, с. 166]; литые бляшки, состоящие из четырёх одинарных выпуклых дисков (рис. 47-37) I–II вв. [Генинг, 1970, с. 57]; пронизки-полуцилиндрики (рис. 47-17) II в. н. э. [Генинг, 1970, с. 62]. Среди находок, датированных преимущественно III в. – разрезная застёжка-бляха с концентрическими кругами (рис. 47-31) [Останина, 1997, рис. 23-5], височная подвеска мазунинского типа, изготовленная из гнутой проволоки (рис. 47-25) [Останина, 1997, с. 104]. Материал IV в. представлен поясными накладками округлой формы типа 5 по Т. И. Останиной (рис. 47-18,20) [Останина, 1997, с. 104–105]. Железные круглопроволочные браслеты (рис. 47-33) и трапециевидные подвески (рис. 47-34) отнесены Т. И. Останиной к стадиям 2-5 – концу III – V в. [Останина, 1997, с. 105].

Интересна находка халцедонового диска (рис. 47-29) в комплексе с фибулами типа Амброз-13 (погр. 312 Тарасовского могильника), где он использовался для оформления портупей ножен, в которых были нож и шило. Распространённые на довольно обширной территории, включающей в себя Северное Причерноморье, часть течения р. Дон, Волжско-Камский бассейн, бассейн р. Урал, диски активнее всего использовались населением Волго-Камского региона, о чём свидетельствует насыщенность находок в этом регионе [Голдина, Голдина, 2010, рис. 54]. Высокая идентичность изделий, соблюдение многоступенчатой технологии их изготовления, необходимость в специальных инструментах – всё это говорит о том, что эти импортные изделия поступали в Прикамье уже в готовом виде как отдельно, так и в виде составной части рукоятей мечей [Старостин, 2008, с. 10–11; Голдина, Голдина, 2010, с. 185–186]. Если мечи с навершиями из халцедоновых дисков степной полосы Восточной Европы можно датировать II–III в. н. э., и в качестве предполагаемого источника поступления халцедона для них рассматривается Средняя Азия [Безуглов, 2000], то диски, используемые в составе украшений костюма (поясов, ожерелий), с большей вероятностью были получены с пришлой военной группой, оставившей после себя памятники азелинско-суворовского типа. Время их проникновения в Прикамье может быть определено как третья четверть IV в. [Голдина, Голдина, 2010, с. 187]. И. Ю. Пастушенко и В. А. Бернц связывают поступление в Прикамье халцедоновых дисков и раковин, справедливо указывая на определённую взаимозаменяемость этих двух украшений пояса и частые случаи их встречаемости в одних погребальных комплексах [Пастушенко, Бернц, 2008]. Сам же комплекс погр. 312 Тарасовского могильника по сопутствующим находкам в целом может быть датирован IV в. [Голдина, 2003, табл. 139–140].

Подвеску-уточку, найденную в комплексе с фибулой из погр. 736б Тарасовского могильника (рис. 47-8), Т. И. Останина относит к V в. [Останина, 1997, с. 105]; и действительно – все остальные уточки (а с фибулами они были обнаружены в 10 случаях) найдены в погребениях с поздними типами фибул (биметаллическими бабочковидными, фибулами сайгатского типа

и бантикообразными фибулами). Однако в данном комплексе с фибулой типа Амброз-13 остальной материал погребения, среди которого поясные накладки типа 1 по Т. И. Останиной, пронизки-полуцилиндрики [Голдина, 2003, табл. 317] указывает на гораздо более раннюю дату. Общая датировка комплексов с фибулами типа Амброз-13 по совокупности находок разного времени определена как весь III в. Такие же результаты получены в ходе анализа датировок тарасовских погребений, где разные варианты этих фибул фигурируют в хронологических группах 1 (1-я половина III в.) и 2 (2-я половина III в.) [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 2-1, 7, 11].

Вряд ли можно вывести бытование этих фибул на начало IV в., ибо в это время появляются уже специфичные бабочковидные экземпляры фибул. Время бытования фибул этой группы является самой широкой из трёх синхронных в прикамских материалах типов, она перекрывает даты фибул-брошей типа Амброз-8 и лучковых подвязных фибул типа Амброз-15. Связано это, несомненно, с тем фактом, что именно фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника стали прототипом для создания местных бабочковидных фибул, ставших этномаркером для большей части населения прикамского региона. Верхняя дата этой группы объясняется и невозможностью отделить самые ранние местные экземпляры от привозных. Об этой проблеме уже писали исследователи [Мошкова, 2000, с. 191–194; Лещинская, 2010, с. 136; Малашев, 2014, с. 130–132; Сабирова, 2013, 2014а]. Среди путей решения проблемы предлагается массовое проведение спектральных и технологических анализов фибул [Мошкова, 2000. С. 194].

Следующая хронологическая группа фибул, длительное время господствующая в прикамском регионе – фибулы местного производства. В предыдущей части данной работы было приведена типология местных фибул по устоявшейся на данный момент классификации Т. И. Останиной, внесены некоторые дополнения в её типологическую схему, связанные с делением массива фибул сайгатского типа и выявлением нового типа фибул (трёхщитковые). Также был осуществлён анализ декора бабочковидных фибул, благодаря которому чётко выявились группы идентичных застёжек и две традиции изготовления биметаллических бабочковидных фибул.

Для определения синхронности/асинхронности появления и существования разных типов местных фибул, комплексы сопроводительного инвентаря были подготовлены для каждого из вариантов местных фибул. Традиционно самыми ранними из них считаются фибулы типа Останина 1-1 – застёжек малых форм с неустойчивым декором, отражающим начало орнаментальной традиции, определившей внешний облик бабочковидных фибул [Останина, 1997, с. 42–43]. Погребальный инвентарь из захоронений с фибулами этой группы представлен материалами конца III – начала IV вв., среди которых: поясные накладки типа 1 по Т. И. Останиной III – начала IV вв. (рис. 48-8,9); поясные накладки типа 2 по Т. И. Останиной (рис. 48-10) – IV в. [Останина, 1997, с. 104]; бронзовые височные подвески (рис. 48-4-6), изготовленные в технике гнутья, витья и навивки (типы 1, 2 по Т. И. Останиной) – III–IV вв. [Останина, 1997, с. 34–35, 104]; трапециевидная подвеска конца III – V в. (рис. 48-7) [Останина, 1997, с. 105] или II–IV вв. по Н. А. Лещинской [Лещинская, 2014, с. 64]; бронзовые плоские браслеты IV–V вв. (рис. 48-19,22) [Останина, 1997, с. 39]; железные плоские в сечении браслеты конца III – V вв. (рис. 48-21) [Останина, 1997, с. 105]; бляхи-раковины III–IV вв. (рис. 48-24); бронзовая сюльгама (рис. 48-20) – застёжка, которая фиксируется в погребальных материалах всей первой половины I тыс. н. э. [Останина, 1997, с. 47]; ножны сечкообразной формы с кожаной основой, сплошь покрытые бронзовыми накладками, украшенными чеканкой, прямоугольными вырезами, насечкой: IV в. по Т. И. Останиной [Останина, 1997, рис. 51].

Согласно датировке Т. И. Останиной, время существования фибул этой группы определено концом III – началом IV в. [Останина, 1997, с. 104], в двух случаях (погр. 130 Тарасовского и погр. 48 Ижевского могильников) с фибулами группы Останина 1-1 были найдены бабочковидные фибулы варианта 1-2 (рис. 48-2), что отражает как преемственность развития бабочковидных фибул, так и в целом обоснованность гипотезы об усложнении декора фибул со временем. Корреляция тарасовских материалов позволила отнести менее насыщенные фибулы этого типа ко второй половине III в. [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 3-21].

Сопроводительный инвентарь фибул типа Останина 1-2 [Останина, 1997, с. 43] более тяготеет к IV в., нежели материал предыдущей группы, однако в целом эти два комплекса довольно схожи, что говорит о крайне малой разнице во времени между ними. Как и для прошлой группы, для фибул типа Останина 1-2 типичны находки поясных накладок типа 1 и 2 по Т. И. Останиной (рис. 49-7,13,15,16,21,23), блях-раковин (рис. 49-51), ножен с вырезными накладками (рис. 49-52), пластинчатых бронзовых браслетов (рис. 49-41,42), височных подвесок типов 1 и 2 по Т. И. Останиной (рис. 49-30-34), бронзовой сьюльгамы (рис. 49-36), пронизок-полуцилиндриков (рис. 49-5), трапециевидной подвески (рис. 49-27).

В этой группе материалов выявился комплекс довольно ранних по своей датировке запаздывающих вещей – застёжка с неподвижным крючком (рис. 49-37), фрагменты эполетообразной застёжки (рис. 49-28) – видимо вторичного использования, т. к. подобные находки в материале этого времени не единичны и плоской ажурной накладки с рядами треугольных прорезей (рис. 49-6), бляшки, состоящей из четырёх окружностей (рис. 49-14). К ранним находкам относится также костяной втульчатый пирамидальный наконечник стрелы (рис. 49-38), который был распространён на Северном Кавказе в период I в. до н. э. – III в. н. э. [Останина, 1997, с. 76].

К новшествам стоит отнести появление в этой группе инвентаря поясных накладок типов 4 по Т. И. Останиной (рис. 49-20), датированных ею концом IV – V в. [Останина, 1997, с. 104–105]. На этом этапе в комплексах с фибулами появляются первые биметаллические височные подвески, состоящие из железного стержня, обвитого бронзовой проволокой/пластинкой с нанизанной на стержень бусиной или без неё (рис. 49-32-34). Т. И. Останина относит их к третьему типу подвесок и датирует V в. [Останина, 1997, с. 105]. Также отмечено появление в погребениях с фибулами гривен разного типа – бронзовых гладких круглого сечения, железных круглопроволочных и железных плоских (рис. 49-48-50). Первые два типа имеют довольно широкую датировку и географию своего распространения, в то время как железные гривны плоского сечения встречаются в погребениях очень редко. Так, в материалах Тарасовского могильника известно только три погребения с такими гривнами (погр. 27, 863, 873). Планиграфически они находятся в одном ряду погребений в центральной части могильника; во всех трёх случаях эти гривны найдены в составе подарочных наборов, из общих черт также можно отметить наличие среди погребального инвентаря всех трёх погребений фибул, две из которых как раз относятся к типу Останина 1-2 [Голдина, 2003, табл. 11, 372], что позволяет связать железные плоские гривны именно с этим типом фибул.

В целом, дата комплекса инвентаря с фибулами типа Останина 1-2 может быть определена как IV в., что совпадает с датировкой, предложенной для этого варианта Т. И. Останиной [Останина, 1997, с. 104]. В погребениях с фибулами типа Останина 1-2 в некоторых случаях были найдены как фибулы предшествующего типа (рис. 49-3,4), так и фибулы с большей насыщенностью орнаментом, относящиеся к третьему варианту бабочковидных фибул с 4-5 валиками на боковых полях застёжек (рис. 49-2). Р. Д. Голдина и В. А. Бернц также относят бытование этих погребений к IV в., и во многом именно особенности фибул позволяют систематизировать прочий сопроводительный материал [Голдина, Бернц, 2017а, с. 55].

Фибулы типа Останина 1-3 [Останина, 1997, с. 43] имеют не такую представительную выборку, как группа застёжек предыдущего варианта. Как показало исследование декора бабочковидных фибул, качественно новым признаком у бабочковидных фибул вариантов Останина 1-3 и 1-4 является дополнительный ряд полугорошин по внешнему краю щитка; в то время как до этого развитие фибул заключается лишь в наращивании количества боковых валиков – с четырёх до шести включительно (табл. 6). Собственно, и сам комплекс сопроводительного инвентаря с фибулами группы Останина 1-3 не отличается выразительностью и представлен категориями, уже существующими на предыдущем этапе, т. е.: поясными накладками типов 2, 3 по Т. И. Останиной (рис. 50-3-6), бляхой-раковиной (рис. 50-12), фрагментом пронизки-полуцилиндрика (рис. 50-10), железной круглопроволочной гривной и плоским в сечении железным браслетом (рис. 50-7,9), а также рамчатой пряжкой (рис. 50-11) и височными подвесками с обвивкой типов 2 и 3 по Т. И. Останиной (рис. 50-2,8). Анализ дат этих категорий инвентаря не

даёт оснований поддержать точку зрения Т. И. Останиной о датировке этого варианта фибул концом IV – началом V в.; обоснованной датой комплекса является IV в., как и у фибул предыдущего варианта, что коррелируется с данными разработанной хронологии женских погребений Тарасовского могильника [Голдина, Бернц, 2017а, с. 55-57].

Материалы, встреченные с фибулами типа Останина 1-4 (бронзовые, бабочковидные, сверхкрупных размеров, с количеством валиков шесть и более) [Останина, 1997, с. 43], отличаются своеобразием, отражающим отличие от предыдущих вариантов фибул. В комплексе с этими застёжками появляется большое разнообразие как щитковых, так и рамчатых пряжек (рис. 51-2-7,9), новый тип ножен (рис. 51-25). Т. И. Останина относит эти ножны к варианту 2 типа 3 – ножны сечкообразной формы, «украшенные сплошной фигурной пластиной или же составными пластинами, создающими вид целой»; датировка этого варианта определена ею как V в. [Останина, 1997, с. 70, 105].

Впервые фиксируется появление в погребениях с фибулами биметаллических гривен, состоящих из железного прута, обвитого бронзовой проволокой (рис. 51-24). Относительно данных гривен Т. И. Останина пишет, что в башкирской группе памятников они встречаются только в IV в., а в удмуртской – в V в. [Останина, 1997, с. 105]. С фибулами типа Останина 1-4 такие гривны встречены несколько раз (погр. 93 Ижевского, погр. 45 Усть-Сарапульского могильников), в то время как для биметаллических бабочковидных фибул, фибул сайгатского типа и бантикообразных фибул находки биметаллических гривен являются более типичными и частыми, что даёт основание считать эти случаи ранними, неустоявшимися и относящимися к началу V в. Также среди материалов V в. в этой группе – бронзовый круглопроволочный браслет с расплюснутыми концами (рис. 51-19), IV–V вв. Т. И. Останина датирует каплеобразные подвески (рис. 51-10) [Останина, 1997, с. 105].

По данным Т. И. Останиной этот тип фибул характерен для погребений пятой хронологической стадии, что соответствует V в. [Останина, 1997, с. 105]. Однако многие факторы, среди которых – небольшое число самих фибул этого варианта (выявлено 14 экз.), элементы деградации формы (выраженные в многочисленных случаях ремонта этого варианта фибул из-за физической несоотнесенности больших размеров щитка и его малой толщины), появление технологического решения проблемы в виде производства биметаллических фибул со схожим узором – указывают на то, что их производство не могло длиться на протяжении всего V в. и, скорее всего, могло захватывать только самое его начало. Кроме того, некоторые отсылки к IV в. – плоская коньковая подвеска, фрагмент эполетообразной застёжки, трапециевидная подвеска, височная подвеска типа 2 (рис. 51-14-17 – сравни с рис. 49-27,28,32,39) – позволяют датировать комплекс погребального инвентаря из захоронений с фибулами типа Останина 1-4 концом IV в. В материалах тарасовской хронологии не удалось отделить эти фибулы от предыдущих двух вариантов, так что авторы ограничились отнесением их к IV в. [рис. 5-41].

В предыдущем параграфе данной работы, посвящённом анализу декора бабочковидных фибул, на основании изучения взаимовстречаемости элементов декора у разных групп фибул, для биметаллических бабочковидных фибул с железной пластинкой и бронзовыми накладками (тип Останина 1-5) было выделено два устойчивых варианта декора [Останина, 1997, с. 43–44]. Также было высказано предположение о возможной хронологической разнице между более простым и более сложным декором по аналогии с тенденцией эволюции бабочковидных фибул из цветного металла. Для проверки этой гипотезы комплексы сопроводительного инвентаря были сформированы для каждого из этих вариантов декора в отдельности.

Общими для них являются следующие вещи V в.: ножны для ножа и шила, сплошь украшенные рельефными пластинками из цветного металла (рис. 52-31, 54-31) и височные подвески типа 3 – с железным стержнем, обвитые бронзовой проволокой (рис. 52-27,28, 54-27,28). Концом III – V в. датируются найденные у обеих разновидностей фибул трапециевидные подвески (рис. 52-19, 54-23); к IV в. Т. И. Останина относит поясные накладки типа 2 (рис. 52-11, 54-14-16); к концу IV – V вв. – поясные накладки типа 3 и 4 (рис. 52-8-10, 54-9-13). Для фибул обеих групп отмечено типологическое разнообразие гривен и браслетов, почти все встречены

в обеих выборках: бронзовые круглопроволочные, плоские, ромбические в сечении, железные с бронзовой навивкой, железные круглые (рис. 53-4-6,8-11, 55-5,6,9-12). Также в погребениях с биметаллическими бабочковидными фибулами отмечены находки разнотипных пряжек, представленных в большей части щитковыми экземплярами (рис. 52-14,16,17,20, 54-20,24,29). В остальном же комплексы различаются. У биметаллических фибул с железной основой и одной боковой пластинкой из цветного металла, украшенной полугорошинами найден ряд вещей IV в., среди которых – лапчатая подвеска (рис. 52-18), пронизки-полуцилиндрики (рис. 52-13), плоская железная гривна (рис. 53-8). В то же время у фибул с двумя боковыми пластинками, украшенными выбитыми с оборотной стороны точками, отмечен устойчивый комплекс поздних подвесок, датирующихся V в.: уточек (рис. 54-25), медведей (рис. 54-18), колокольчиков (рис. 54-19), подвесок из раковины (рис. 54-22).

На основании сравнения материалов этих двух групп можно говорить 1) об обоснованности их выделения, 2) о хронологической разнице между ними. Если комплекс сопроводительного материала для более простых в изготовлении (судя по количеству составных частей) фибул с одной пластинкой может быть датирован началом V в., то комплекс фибул с двумя пластинками, основываясь на датировках Т. И. Останиной, целиком относится к V в. Конечно, полученные итоги весьма предварительны и требуют активного изучения пряжек и бус из указанных комплексов, однако намеченная тенденция позволяет считать эти варианты фибул двумя самостоятельными разновидностями типа Останина 1-5 как по классификационным признакам декора, так и по их хронологической составляющей. Детальная разработка хронологии тарасовских материалов помогла уловить разницу между этими вариантами – более простой из которых относится к первой половине V в., более сложный и насыщенный – ко второй половине [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 7-54, 8-60].

Таким образом, можно предполагать, что начало производства биметаллических фибул граничит по времени с существованием последнего, наиболее громоздкого и технологически тупикового варианта бронзовых бабочковидных фибул (Останина 1-4). Такой резкий переход как раз объясним тем, что мастера в поиске решения проблемы укрепления фибул при сохранении их размеров, изменили материал основы и технологию изготовления фибул, сохранив стилистическое сходство с предшествующим вариантом. Дальнейшее развитие уже биметаллических фибул также шло по пути укрупнения размеров и усложнения декора, вследствие чего появилась новое оформление щитка при помощи двух рядов пластинок и использование дополнительного декора в виде подвесок и привесок.

К следующей хронологической группе относятся фибулы типа Амброз-16 (рис. 56) и Амброз-17 (рис. 57). Комплекс из погр. 220 Тураевского I могильника с двучленной воинской фибулой типа Амброз-17 [Амброз, 1966, с. 70–72] был отнесён к группе погребений, датированных в целом второй половиной IV – началом V в. [Голдина, Бернц, 2010, с. 140–144]. Также следует отметить, что А. К. Амброз синхронизирует появление в черняховской среде и памятниках средней Оки двучленных прогнутых подвязных и «воинских» фибул, относя его к IV в. [Амброз, 1966, с. 70–71]. К сожалению, комплекс сопроводительного инвентаря в погребениях с двучленными прогнутыми подвязными фибулами с узкой ножкой (типа Амброз-16) [Амброз, 1966, с. 57–67] не даёт должного представления об их датировке. Как уже говорилось выше, планиграфический анализ разных вариантов фибул типа Амброз-16 на площадке Бирского могильника показал одновременность их попадания в наш регион. Фибула из Тарасовского могильника (погр. 1848) найдена в комплексе с бантикообразными фибулами V в., что даёт возможность датировать их прогнутые подвязные фибулы типа Амброз-16 широким периодом IV–V вв. (рис. 56).

Помимо бабочковидных и одновременно с ними в материалах памятников пьяноборской общности встречены и другие варианты местных фибул, среди которых фибулы сайгатского типа и бантикообразные фибулы.

«Сайгатский» тип фибул (Останина 2) [Останина, 1997, с. 44–45] Т. И. Останина датирует V в., допуская единичное бытование этого типа в рамках IV в. [Останина, 1997, с. 105]. В рам-

ках её классификации по форме щитка были выделены три разновидности фибул этих фибул: с ажурной спинкой, с многосоставной пластиной, с прямоугольным щитком.

Фибулы сайгатского типа с ажурной спинкой (Останина 2А) встречены в комплексе с трапециевидной подвеской конца III – V в. (рис. 58-5), такими же подвесками, но вырубленными из бляхи с четырьмя концентрическими валиками (рис. 58-3), железной гривной с бронзовой обмоткой и бронзовой круглопроволочной гривной (рис. 58-11,12), двумя разновидностями щитковых пряжек с округлым и подквадратным щитками (рис. 58-6,7). Т. И. Останина материал относит большую часть этого комплекса к V в. [Останина, 1997, с. 31–32]. Вятские шумящие подвески, из которых изготовлены щитки этих фибул, Н. А. Лещинская датирует концом IV – V в. [Лещинская, 2014, с. 194, табл. 97], т. е. раньше начала V в. они не могли попасть к камским мастерам и стать заготовкой для нового изделия, так что V в. – обоснованная дата бытования этой разновидности фибул сайгатского типа.

Важной находкой для понимания датировки других разновидностей фибул типа 2 по Т. И. Останиной является одновременное размещение в погребении фибулы сайгатского типа (либо с прямоугольным щитком, либо с щитком с выступами) и биметаллической бабочковидной фибулы с одним рядом пластинок (рис. 52-24). В целом же сопроводительный материал из погребений с фибулами Останина 2Б и Останина 2В представлен разными видами украшений и типичен для V в. Среди более ранних вещей в этой группе – архаичная лапчатая подвеска (рис. 59-10) и бляха-раковина (рис. 60-3). Сопоставление тарасовских материалов позволило сузить их дату до второй половины V в. [Голдина, Бернц, 2017а, рис. 8-56, 62].

Информационная значимость фибул сайгатского типа заключена ещё и в том, что они помогли подтвердить датировку трёхщитковых фибул – типа, не учтённого в классификации Т. И. Останиной, т. к. на тот момент они не были обнаружены. Сам комплекс с трёхщитковыми фибулами не очень выразителен и представлен материалами V в. (в том числе и фибулой сайгатского типа), биметаллическими височными подвесками, трапециевидной подвеской, железными и биметаллическими гривнами (рис. 61). В связи с этим интересно посмотреть состав комплексов с поясными накладками из погр. 199 и 1717 Тарасовского могильника [Голдина, 2003, табл. 82, 83, 636]. Как уже говорилось выше, по форме они абсолютно идентичны щитку трёхщитковых фибул, а значит, могли являться либо продукцией одного мастера, либо прототипом для создания трёхщитковых фибул. Согласно предварительным выводам Р. Д. Голдиной и В. А. Бернц, которые занимаются разработкой хронологии поясной гарнитуры Тарасовского могильника, оба этих комплекса можно отнести к IV в. При этом сходства в составе этих комплексов и сопроводительном материале, найденном в погребениях с трёхщитковыми фибулами нет, что делает версию о накладках как прототипе этого варианта фибул более вероятной, чем гипотезу об индивидуальном почерке мастера.

Сопутствующий материал бантикообразных фибул (тип Останина-3) [Останина, 1997, с. 45] представлен поздними вариантами подвесок-животных (рис. 62-13,19, 63-5,8), подвеской из раковины (рис. 62-8), подвеской-колокольчиком (рис. 63-7); биметаллическими височными подвесками (рис. 62-10, 63-16,17), другими видами украшений и деталей костюма, также не выпадающих за рамки V в. Синхронизация датировок двух вариантов бантикообразных фибул обусловлена их одновременным нахождением в погр. 1848 Тарасовского могильника (рис. 70), а также общей схожестью в составе комплекса погребального инвентаря из захоронений с этими фибулами, что подтверждает предложенную Т. И. Останиной датировку V в. Детальное изучение хронологической группы 6, к которой были отнесены эти фибулы, а также новые аналогии, позволили уточнить дату до первой половины V в. [Голдина, Бернц, 2017а, с. 57–61].

Планиграфический анализ встречаемости разных типов фибул на площадке Тарасовского могильника как закрытого археологического комплекса несёт в себе большой познавательный потенциал [Сабинова, Сабинов, 2014]. Пространственное размещение погребений с фибулами позволило выявить хронологические зоны согласно концентрации распределения застёжек (рис. 64). Взаимоналожение хронологических областей на схему раскопа Тарасовского могильника позволило определить динамику заполнения площадки памятника (рис. 64-8) и схематично отобразить её в виде векторов (рис. 64-9). Все остальные фибулы импортного производства в основном

сконцентрированы в центральной части могильника, в хронологической группе III в. (рис. 64-7). Всего в материалах Тарасовского могильника зафиксированы фибулы 4-х типов согласно классификации А. К. Амброза. Самые ранние из них – фибулы группы Амброз-15 – датируются 1-й половиной III в., 3 экземпляра этих застёжек расположены довольно компактно в погребениях соседних рядов, 4-й находится на некотором удалении, однако его расположение также не противоречит датировке, предложенной А. К. Амброзом. Столь же компактно на площадке памятника размещены все три фибулы-броши, датирующиеся концом II – III вв.н. э. (рис. 75).

Наибольшее распространение в тарасовских погребениях получили фибулы группы Амброз-13 разных подтипов, отличающихся формой щитка. Время их бытования (конец II – III в.) совпадает с началом производства местных бабочковидных фибул, прототипами которых и являлись эти застёжки с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника. Области их распространения на площадке могильника также совпадают (сравни с рис. 64-1,2), что говорит о том, что начало производства своих фибул связано с 1) желанием большого количества народа обладать ценной вещью, 2) сложностью в получении её из внешних источников. Таким образом, планиграфические наблюдения показывают плавное поступательное проникновение импорта к населению, оставившему Тарасовский могильник, что говорит, видимо, об устойчивых и налаженных торговых контактах с позднесарматским населением Поволжья/Приуралья вплоть до второй половины III в. Далее импортные фибулы в тарасовских погребениях не фиксируются; им на смену пришли хронологически и технологически разные, но стилистически однородные бабочковидные фибулы, а также «бантикообразные» фибулы и фибулы «сайгатского типа». Следующее проявление импорта – единственная в Тарасовском могильнике находка фибулы типа Амброз-16 – имеет датировку не ранее чем IV в. – начало V в., однако, судя по местоположению погребения, где она была найдена, её дату в данном случае можно отнести к V в. (рис. 75).

Комплексы сопроводительного погребального инвентаря из захоронений с фибулами позволили проанализировать совокупность датировок разных встреченных внутри комплексов предметов, сравнить их с датировками фибул, предложенными разными исследователями, подтвердить или уточнить имеющиеся даты бытования разных типов фибул.

Если смотреть в целом на внешний облик сопроводительного инвентаря на протяжении этих четырёх столетий, несложно увидеть его изменение в форме, материале, технологии. Инвентарь ранней группы (рис. 40-41) малочислен, представлен круглорамчатыми пряжками, застёжками с неподвижным крючком, шейными подвесками, большими бляхами, височными подвесками с витой и гофрированной трубицами. Материал III–IV вв. (рис. 45-50) значительно более разнообразен: его представляет, прежде всего, фасетированная поясная гарнитура, бронзовые височные подвески мазунинского типа, бляхи-раковины, застёжки-бляхи, ножны с вырезными накладками, наборные наконечники и проч.

На рубеже IV–V вв. (рис. 51-53), при сохранении бытования категорий вещей как таковых, во многих случаях изменяется материал их изготовления: появляется традиция производства биметаллических украшений: гривен, височных подвесок, браслетов, самих фибул (как бабочковидных, так и «сайгатских»). Появляются новые формы поясных накладок, трансформируется декор ножен: он становится ещё более насыщенным. В целом, возрастает количество железных вещей разных категорий. В материалах V в. (рис. 54-55, 58-63), помимо уже обозначенной тенденции, появляется комплекс характерных украшений – прежде всего подвесок (медведи, уточки, подвески из раковин); появляется много новых типов пряжек. Конечно, эти наблюдения могут не отражать всех нюансов изменения материальной культуры, они относятся только к погребениям с фибулами в составе сопроводительного инвентаря. Однако общая тенденция развития вещей представляется на современных материалах именно в таком виде.

В некоторых случаях хронология материала и датировка самих фибул из этих же комплексов не совпадает. Зачастую исследователи склонны объяснять эту разницу запаздыванием поступления импорта в Среднее Прикамье. Однако, вероятно, проблема кроется и в устаревшей хронологии прикамских древностей, которая сейчас активно пересматривается в соответствии

с новыми находками импортных датированных вещей как в Прикамье (среди которых, прежде всего, фибулы, бусы и пряжки), так и на всей территории юга Восточной Европы, в культурное пространство которого входит и среднекамский регион.

Для понимания путей поступления импортных фибул в Среднее Прикамье необходимо обратиться к анализу карты региона с отмеченными местами находок фибул разных типов. Комплексы с раннеримскими шарнирными фибулами типа «авцисса», сильно профилированными фибулами причерноморских типов, а также с крупными пружинными фибулами с гладким корпусом и едва намеченной кнопкой на конце пластинчатого приёмника имеют очевидное сходство в датировке (II – начало III вв. н. э.). Даты, полученные для комплексов сопроводительного погребального инвентаря, иногда отличаются от тех датировок, которые даны для этих типов фибул в местах их наибольшего распространения и производства, что может объясняться задержкой их появления в прикамских материалах относительно поволжских и уж, тем более, севернопричерноморских образцов.

Все три этих типа фибул обнаружены в Сасыкульском могильнике на левобережье Камы и в Нырғындинских I, II и Чегандинском II могильниках на её правом берегу (рис. 65-1). Вектор их поступления в Прикамье связан, по всей видимости, с р. Ик, откуда эти фибулы попадали на правый берег Камы к населению, занимающему территорию напротив икско-бельского междуречья. Уже оттуда они могли распространяться по территории Удмуртского Прикамья дальше. Однако, видимо, из-за небольшого количества привезённых фибул, они оставались на руках местного населения, осев затем в погребениях нырғындинско-чегандинской группы могильников; лишь одна из этих застёжек была зафиксирована выше по течению р. Камы в погребении Мазунинского могильника.

Следующая волна поступления фибул в Прикамье представлена широко распространёнными, судя по количеству памятников, изделиями группы Амброз-13 – фибулами с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника. Их находки в Среднем Прикамье в подавляющем большинстве случаев расположены на правом берегу р. Кама (рис. 65-2); наличие в Сасыкульском могильнике одного экземпляра этой группы из 26 выявленных уже не может являться свидетельством их поступления с южных территорий через посредство населения р. Ик. Скорее это говорит об их поступлении в регион водным путём – вверх по Каме, которую в первой половине I тыс. н. э., по всей видимости, считали продолжением Волги [Голдина, Голдина, 2010, с. 164; Русская река..., с. 70–100]. Коленчатые фибулы с завитком на конце приёмника, как уже говорилось ранее, изготавливались где-то в южноуральском регионе, о чём свидетельствует частота их встречаемости на этой территории.

Также широко на территории Южного Приуралья и нижнего Поволжья были распространены лучковые подвязные фибулы. В частности, они зафиксированы в бассейне р. Вятки (западной части пьяноборской общности), в Удмуртском Прикамье, в бассейнах левых притоков Камы – рр. Ик и Тулвы (рис. 66-1). М. Г. Мошкова говорит о характерном соседстве лучковых фибул и фибул с завитком на территории всего Южного Приуралья, занятого сарматским населением [Мошкова, 2000, рис. 1, 2]. К этой же территориально-хронологической группе застёжек относятся и фибулы-броши (Амброз-8), которые найдены в Тарасовском и Ошкинском могильниках. Принимая во внимание их явную встречаемость с лучковыми фибулами (рис. 66-1) и фибулами с завитком на конце приёмника (рис. 65-2), следует уверенно говорить об единстве их хронологических дат для территории Среднего Прикамья и об едином пути поступления этих видов фибул в Прикамье.

Опираясь на анализ огромного массива фибульного материала сарматской эпохи, В. В. Кропотов считает, что уже с начала II в. главным центром по производству фибул в Восточной Европе становится Нижний Дон. К концу II в. по объёму производства лидируют сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке II серии и лучковые подвязные фибулы I серии 4 варианта. Большие поставки продукции сарматам волго-донских степей привели к дефициту ввозимых фибул в заволжских степях, формируя предпосылки для организации местного производства [Кропотов, 2010, с. 345]. В качестве новых производственных центров он рассматривает Южное Приуралье, Северный Кавказ; возобновляется производство в Боспоре и Херсонесе. Однако разгром северопричерноморских производственных центров в середине III в. привёл к нарушению

устойчивых торговых связей, сложившихся с поволжским сарматским населением, что оставило функционирующими только приуральские мастерские [Кропотов, 2010, с. 348–349].

В результате сложных исторических процессов, связанных, в том числе, с эпохой «скифских» войн, к концу III – первой половине IV в. лесостепную часть Днепровского левобережья занимают многочисленные памятники черняховской культуры, и уже в первой половине IV в. черняховский импорт уже прослежен на Средней Оке [Восточная Европа, 2007, с. 9, 273]. По всей видимости, следующую по времени группу импортных фибул в Прикамье (типы Амброз-16, 17, Т-образные фибулы), также следует связать с населением полиэтничной черняховской культуры. На основании картографических наблюдений сложно говорить о конкретных путях их попадания в среднекамский регион, однако концентрация находок обоих типов вдоль реки Белой и напротив её устья на другом берегу Камы (рис. 68-2) является, скорее всего, отражением вектора поступления этих типов в Прикамье. Однако, этот вопрос остаётся дискуссионным ввиду малочисленности самих находок.

Картографирование находок местных типов фибул на карте-схеме региона отображает постепенное расширение круга памятников с бабочковидными фибулами. Самые ранние образцы этих застёжек (тип Останина 1-1 и 1-2) найдены в материалах могильников, сконцентрированных в зоне Удмуртского Прикамья (рис. 66-2) – вероятного ядра пьяноборской культурно-исторической общности. Находки фибул следующих эволюционных разновидностей (Останина 1-2, 3, 4) зафиксированы уже на большей территории, центр которой остаётся неизменным (68-1). Более поздние варианты бабочковидных фибул (биметаллические, тип Останина 1-5) обнаружены уже на гораздо более широкой территории в материалах 11 археологических памятников (рис. 67-2). Находки фибул сайгатского типа (Останина: 2) отмечены, в основном, на правом берегу р. Камы, как вдоль берега, так и в бассейне её притока – р. Иж; два могильника с этими фибулами расположены на левом берегу р. Кама (рис. 67-2). Хронологически синхронные им фибулы типа Останина: 3 (бантикообразные) имеют схожую область распространения, тяготея к берегам р. Кама; только единичные экземпляры обнаружены в глубине её право- и левобережья (рис. 68-1).

Таким образом, картографический анализ встречаемости разных типов фибул на археологических памятниках Прикамья, прежде всего, позволил считать территорию Удмуртского Прикамья центром распространения специфичных бабочковидных фибул. Первые экземпляры фибул с этим типом декора отмечены на памятниках в междуречье Ижа и Камы; более поздние варианты распространяются на соседние территории и ко времени бытования наиболее поздних вариантов бабочковидных фибул их можно найти и на право- и на левобережных памятниках пьяноборской культурно-исторической общности. Другие местные типы этих застёжек (сайгатского типа, бантикообразные, трёхщитковые) имеют схожую с синхронными вариантами бабочковидных фибул территорию распространения.

Анализ встречаемости импортных фибул показал наличие устойчивых торгово-культурных связей местного населения с окружающими народами. Поступление привозных фибул началось с конца I – II в. н. э. и не прерывалось вплоть до окончания функционирования исследуемых археологических памятников. Ранние экземпляры импортных застёжек отчётливо связаны с позднесарматским населением Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, о чём свидетельствуют многочисленные аналогии [Мошкова, 2000; Малашев, Яблонский, 2008]. В свою очередь, до середины III в. основным направлением культурных связей приуральских кочевников были районы Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Кавказа. По мнению Н. А. Лещинской, «среднекамские племена получали продукцию скорее всего из районов лесостепного, степного Южного Приуралья и Зауралья по р. Белой» [Лещинская, 2010, с. 138]. Картографическое исследование путей проникновения фибул в Прикамье показывает, как минимум, три направления – по р. Кама на правом берегу, где одним из несомненных центров был Тарасовский археологический микрорайон, насчитывающий более десяти селищ и крупнейший для региона могильник, в коллекции которого – четверть всех выявленных в Прикамье фибул, 29 из которых – импортные. Фибулы левобережного Прикамья, вполне вероятно, попадали туда с южных террито-

рий вниз по течению рек Ик и Белой, что отражают материалы Сасыкульского и ранней части Бирского могильников. Импортные фибулы из их коллекций далеко не так массово встречаются на правом берегу р. Кама, что говорит, с одной стороны, о разных источниках импорта, а с другой – о том, что население этого региона не продвигало импорт дальше на север, а само использовало его.

В Удмуртском Прикамье развивается специфический тип фибул, ставший этномаркером культурного объединения. Местные мастера, получив стимул в виде импортных фибул с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника, создают свой вариант застёжек, востребованных в регионе. В процессе поиска собственного стиля был выработан специфический «бабочковидный» узор щитка фибул.

3.2. Использование фибул в погребальном обряде

Изучение фибул невозможно без анализа особенностей их обнаружения: именно археологический контекст позволяет уточнить датировку, способы ношения фибул, их роль в отражении социального статуса обладателя. К сожалению, многие вещи (найденные на поверхности могильников, из разрушенных погребений, на площадках городищ) утрачивают большую часть своего информационного потенциала, оставаясь пригодными только для включения их в общую типологию и прояснения некоторых технологических аспектов. Однако количество застёжек, отвечающих всем необходимым требованиям, велико. Особенно ценны коллекции фибул, происходящих с одного памятника. Их можно подвергнуть анализу по множеству показателей, выявляя закономерности в использовании этих застёжек [Григорьева, Сабиров, 2007].

Функциональная роль фибул – застегивание одежды; они использовались для скрепления пол верхней одежды в области груди. По аналогии с использованием современной булавки, логично было бы застёгивать фибулу, держа её иглу горизонтально, остриём влево относительно тела. Для подтверждения этой гипотезы был проведён анализ расположения фибул в погребениях (только тех, которые зафиксированы на месте предполагаемого использования, а не в составе подарочных комплексов). Он также позволит восстановить сторону запаха верхней одежды [Красноперов, 2006, с. 53]. Большая часть фибул (61 установленный случай в материалах Тарасовского и Тураевского I могильников) имеет горизонтальное расположение иглы, остриём влево. В 13 случаях острие иглы развёрнуто вправо, что в процентном отношении (17,5 %) практически вписывается в процентные нормы встречаемости левшей в современном обществе [Рогас, 2004]. Таким образом, при фотофиксации и прорисовке прикамских фибул технически правильным будет являться горизонтальное расположение иглы застёжки, пружиной в левую сторону, иглой – в правую. Однако по устоявшейся в археологической литературе традиции, фибулы изображаются в «стоячем» положении: пружиной кверху, остриём иглы книзу [Амброз, 1966]. Вместе с тем, в некоторых случаях расположение привесок, подвесок и цепочек на щитках фибул также указывает на способ их ношения (например, № 140). Поэтому в данной работе бабочковидные, сайгатские, бантикообразные и трёхщитковые фибулы (т. е. застёжки местных типов) расположены так, как носились их обладателями при жизни.

Фибулы зафиксированы в 406 погребениях у 413 умерших из 5755 погребений (табл. 1). Если в среднем фибулы обнаружены в каждом четырнадцатом погребении, то в материалах некоторых могильников эти застёжки встречаются гораздо чаще: в каждом пятом погребении в Ижевском, Тураевском I и Заборьинском могильниках, в каждом седьмом захоронении Сайгатского, Покровского, Старо-Кабановского и Мазунинского некрополей.

Наиболее представительны в количественном плане коллекции фибул Тарасовского (147 застёжек), Покровского и Тураевского I (по 55 экз.), Ижевского (43 экз.) и Старо-Кабановского

(22 экз.) могильников. С другой стороны, находки фибул при раскопках Кудашевского, Ныргындинских I и II, Старо-Муштинского, Худяковского, Чегандинского II могильников – единичны.

Первичные планиграфические сведения об области распространения фибул на площадках могильников позволили выявить концентрацию фибул в северной части Тарасовского могильника (рис. 2), южной и юго-западной части Сасыкульского могильника (рис. 8-1). Оба этих памятника – крупные могильники с длительным временем существования, так что область обнаружения фибул маркирует собой временной отрезок их бытования в рамках данных некрополей. В то же время в Покровском, Тураевском I, Ижевском, Нивском, Боярском «Арай», Усть-Сарапульском, Заборьинском, Мазунинском, Сайгатском, Старо-Кабановском, Ошкинском могильниках (рис. 3 – 7, 8-2) фибулы достаточно однородно распределены в погребениях, что связано с 1) малыми размерами могильника, 2) относительно узким временем существования памятника, 3) тем и другим вместе.

Анализ могильных ям, в которых при расчистке обнаружены фибулы, зафиксировал 28 случаев, в которых у одного погребённого (или у двух в одной могильной яме) зафиксировано одновременно несколько (две, реже – три) фибулы. Чаще всего найденные фибулы (20 экземпляра из 56) входили в состав одного подарочного набора (погр. 306а, 307, 999, 1010 Тарасовского; погр. 165 Тураевского I; погр. 11г Усть-Сарапульского; погр. 134 Боярского; погр. 24 и 30 Заборьинского могильников). В других случаях фибулы лежали вместе (погр. 130 и 883 Тарасовского, погр. 48 Ижевского, погр. 39 Тураевского I могильников) или одна из них лежала в области груди, другая – в подарочном наборе (погр. 256, 52, 6806 Тарасовского, погр. 51 Ижевского, погр. 103 и 177а Тураевского I, погр. 141 Боярского, погр. 2 Заборьинского могильников).

Больше всего таких синхронных застёжек в Тарасовском могильнике (10 комбинаций). Помимо этого, пять пар одновременно бытовавших фибул зафиксировано в Тураевском I могильнике; по три пары застёжек обнаружено в погребениях Боярского «Арай» и Заборьинского могильников; по две пары найдены в погребениях Ижевского и Сасыкульского могильников; по одной комбинации синхронных застёжек выявлено в Покровском, Усть-Сарапульском и Сасыкульском могильниках. К сожалению, сохранность материала и его доступность ограничивают количество пригодных для работы пар до 17 случаев (рис. 69, 70). Несомненно, эти хронологические срезы одновременно бытовавших типов застёжек обладают большим информационным потенциалом и позволяют детализировать относительную хронологию фибул, проясняют вопросы сосуществования разных вариантов фибул, уточняют время поступления импортных образцов фибул на территорию Прикамья.

Аналогичным образом на основании описаний погребений и индивидуальных планов могил с фибулами удалось установить некоторые из заведомо несинхронных пар. В пяти случаях только в Тарасовском могильнике (с учётом других памятников таких случаев явно было больше) одно погребение с фибулой перекрывает другое погребение с фибулой, т. е. фибула из перекрытого захоронения древнее относительно фибулы из перекрывающего «верхнего» (рис. 71).

Анализ устройства могильной ямы и погребальных конструкций у погребённых с фибулами не выявил каких-либо отличий от основной массы захоронений на некрополях: могильные ямы подпрямоугольной формы, остатки внутримогильных конструкций в виде тлена ящиков/колод. Ориентировку погребённых с фибулами относительно сторон света удалось установить у 371 умерших из 16-и могильников. Превалирование просеверной ориентировки умерших с фибулами наблюдается в материалах Бирского, Заборьинского, Ижевского, Мазунинского, Сайгатского, Старо-Кабановского, Тарасовского, Усть-Сапапульского могильников. Прозападная ориентировка характерна для Боярского «Арай», Нивского, Покровского, Тураевского I могильников; южная – для Дубровского могильника (табл. 8). Эти же направления ориентировки головы умерших преобладают в общих данных по каждому из этих могильников [см. например: Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, илл. 274].

На основании данных половозрастных определений можно с уверенностью говорить о том, что фибулы являются элементом женского костюмного комплекса пьяноборского времени, т. к. в подавляющем большинстве случаев они зафиксированы в погребениях женщин. В нашем рас-

поряжении имеются антропологические измерения умерших из 9 погребальных памятников: Боярского («Арай»), Дубровского, Заборьинского, Ижевского, Ошкинского, Покровского, Тарасовского, Тураевского I и Чегандинского II могильников. В общей сложности пол и/или возраст удалось установить у 209 умерших, в погребениях которых были найдены фибулы (табл. 9). Количество женщин с фибулами значительно больше, чем мужчин (163 против 15); только в каждом 11-м случае эти застёжки были найдены в мужских погребениях. Следует подробнее остановиться на характеристике мужских костяков с фибулами из погребений Тарасовского, Ижевского, Покровского, Тураевского I и Ошкинского могильников. В пяти из них фибулы входили в состав подарочных наборов, вероятно, состоящих из вещей женщин-родственниц. Это – погр. 101а и 217а Тарасовского могильника (№ 21, 45) и погр. 25, 37, 159 Покровского могильника (№ 196, 200, 223). В остальных случаях фибулы в мужских погребениях расчищены в области груди (№ 185, 288, 312), правого плеча (№ 209, 269), черепа (№ 9), пояса (№ 170), левого бедра (№ 52), еще в двух случаях местоположение застёжек не определимо (№ 101, 138).

Итак, фибулы соотносятся с женским костюмным комплексом пьяноборского времени. Чаще всего фибулы найдены у умерших в возрасте 17-29 лет (почти половина из всех случаев – 96 из 204); также часты находки фибул в погребениях людей 30–44 лет (51 случай) и 45–59 лет (24 случая) (рис. 72). Фибулы из погр. 681 (№ 95) Тарасовского и погр. 338 (№ 243) Покровского могильников принадлежали женщинам 60–70 лет. В детских (возраст до 8 лет) захоронениях фибулы зафиксированы довольно редко – в восьми случаях; в семи из них (погребения Тарасовского, Тураевского I могильников) фибулы расположены в области груди, и только в одном (погр. 171 Ижевского могильника) – в составе подарочного набора.

Показатель возраста умерших во многих традиционных обществах прямо пропорционально связан как с качественным, так и с количественным составом погребального набора. В ходе анализа погребального обряда Тарасовского могильника было установлено, что безынвентарные захоронения чаще принадлежали детям и подросткам до 16 лет, в то время как среди группы погребений с наибольшим количеством категорий погребального инвентаря преобладают возрастные группы 17-29 лет и старше [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015]. Несомненно, среди «престижных» категорий фибулы, наряду с элементами вооружения у мужчин, занимали одно из главных мест в составе женского погребального набора. Этот тип застёжек распространён в возрастных пределах 13-70 лет, с пиком встречаемости в диапазоне 17-29 лет. Этот пик соотносим с группой взрослых замужних женщин – полноправных членов общины, которые, судя по составу погребального инвентаря, занимали особое место в обществе [Останина, 1997, с. 125].

Анализ местоположения фибул относительно костяка погребённого даёт возможность выяснить их роль в составе костюмного комплекса. Общая выборка фибул, положение которых на теле умерших удалось определить – 380 экземпляров; из-за отсутствия антропологического материала или недоступности описаний погребений, в 72 случаях невозможно даже приблизительно соотнести положение фибулы с телом захороненного (табл. 10).

Можно с уверенностью говорить о том, что фибулы использовались в качестве нагрудной застёжки верхней одежды (рис. 10). Об этом, в первую очередь, свидетельствуют статистические данные: в области груди (зоны 6–8) зафиксировано 155 фибул. Большинство фибул найдено в верхней части костяка – помимо области груди, это область черепа, шеи и плеч, пояса и тазовых костей (рис. 73). Если принять во внимание естественное смещение фибулы с груди из-за разложения мягких тканей тела, то в действительности практически все эти случаи могут быть соотнесены с первоначальным размещением фибулы в области груди умерших. Изучение фибул с точки зрения использования их в костюмном комплексе – тема, неоднократно поднимавшаяся в прикамской археологии [Генинг, 1967, с. 24; Останина, 1997, рис. 68–69; Красноперов, 2006, с. 52 и др.]. А. А. Красноперов классифицировал фибулы как застёжки нижней или верхней одежды. Только в случае нахождения двух фибул в области груди, одна из которых располагается над или выше другой, можно однозначно определить более мелкую или нижнюю как застёжку ворота рубахи, вторую же – как застёжку пол верхней одежды [Красноперов, 2006, с. 53]. Выводы А. А. Красноперова подтверждены многочисленными реконструкциями костюма

с фибулами из погребений Тарасовского, Сасыкульского, Усть-Сарапульского, Старо-Кабановского и Ижевского могильников [Красноперов, 2006, рис. 145–147, 150–153, 191, 205, 207, 212, 228, 229, 231, 232, 235, 238, 239]. Вместе с тем, две фибулы в погребении могут крепить плащ к нижней одежде (глухому платью или рубахе), или же скреплять на плечах платье, надетое на нижнюю рубаху [Бугров, 2002, с. 227–228]. Эта традиция ношения двух фибул характерна для германских племён, от которых она с V в. распространилась на восточные окраины Европы, трансформировавшись при этом, что наблюдается в материалах Бирского, Азелинского, Суворовского могильников, и, видимо, говорит о проникновении моды без её непосредственных носителей [Красноперов, 2008].

Район грудной клетки – это только одна из доминирующих зон фиксации фибул в погребении. Более 40 % застёжек (154 случая) найдено в составе подарочных наборов (жертвенных комплексов). Вместе с тем соотношение фибул, найденных на теле умерших и в составе подарочных наборов, на разных могильниках различно. К могильникам с преобладающими находками фибул в составе подарочного набора относятся Боярский «Арай», Заборьинский, Мазунинский, Покровский, Дубровский некрополи. В области груди фибулы чаще всего зафиксированы в погребениях Ижевского, Сайгатского, Старокабановского и Тураевского I могильников. В тарасовских погребениях этот тип застёжек встречается одинаково часто и в области груди, и в подарочном наборе. Планиграфическое распределение тарасовских захоронений с фибулами по месту их расположения не показало явных закономерностей расположения этих погребений по территориальному или хронологическому принципу.

Картографирование могильников обоих типов позволило выяснить, что все случаи преобладания фибул в составе подарочных наборов относятся к территории Удмуртского Прикамья (Покровский, Мазунинский, Дубровский, Заборьинский, Боярский («Арай») могильники). В то же время два из четырёх могильников, в которых фибулы обыкновенно располагались на груди умерших, расположены на левобережье р. Кама (Старо-Кабановский и Сайгатский могильники).

Обнаружение в могиле сразу двух фибул, одна из которых найдена на теле умершего, а другая входит в состав подарочного набора (№№ 5-6, 12-13, 93-94, 159-160, 262-263, 282-283, 370-371, 376-377), косвенно указывает на то, что состав подарочного набора мог комплектоваться не из личных вещей умерших, а из «даров» родственников и других членов общины.

Фибулы являлись важной составляющей традиции сопровождать погребение умершего человека набором вещей. В некоторых случаях вещи в подарочном наборе были накрыты фибулой больших размеров (среди выявленных фактов – погребения Тарасовского, Боярского («Арай») и Дубровского могильников: фибулы №№ 105, 107, 119, 360, 443, 447). Анализ местоположения подарочных наборов позволил определить типичный состав набора и среднее количество категорий инвентаря в комплексах с фибулами (табл. 11).

Количество застёжек, зафиксированных в составе подарочного набора – 154; состав этих подарочных наборов установлен по имеющимся источникам в 150 случаях. В среднем подарочные наборы с фибулами состояли из 5 вещей (включая саму застёжку). Чаще всего в наборе обнаруживали височные подвески (108 случаев), бусы (86), чуть реже – браслеты, пронизки и гривны (49, 49 и 44 случаев соответственно). Часто в комплект вещей входили нож и шило (28 и 37 случаев), бисер и различные подвески (31 и 27 случаев). Среди менее распространённых вещей из подарочных наборов с фибулами можно отметить как украшения и принадлежности костюма (накладки, цепочки, головные уборы, перстни, пряжки, сьюльгамы, бляшки, застёжки-бляхи, привески, наконечники ремня, наконечник), так и хозяйственно-бытовые предметы (пинцеты, сосуды, слитки, точильные камни, пряслице, крючок), и элементы вооружения (наконечник стрелы, кинжал). В целом, подарочные наборы с фибулами не отличаются от остальных наборов: в частности, в тарасовских материалах подарочные наборы чаще всего представлены височными подвесками, бусами, гривнами, шильями, реже – бисером, пронизками, браслетами и ножами [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, илл. 60].

Способность бронзовых сплавов выступать в роли консерватора органических материалов часто помогает нам уловить особенности конструкции и способов использования фибул.

Следы органических материалов зафиксированы как минимум в 37 случаях. Чаще всего среди органических материалов встречаются фрагменты кожи, ткани, бересты, редко – меха. При этом следует разделить эти находки на фрагменты одежды, конструктивные части самих фибул и остатки берестяных коробочек от подарочных наборов, сохранившихся под или над фибулами, как, например, в погр. 14 и 40 Дубровского могильника.

Сохранившиеся фрагменты тканей относятся чаще всего к тканям полотняного переплетения. В частности, в погр. 783 и 1691 Тарасовского могильника ткани, сохранившиеся под фибулами, представляют собой репсовое, усиленное по основе, рыхлое зернистое полотно с волокнами животного происхождения. По определению А. К. Ёлкиной, коллекции Нивского, Покровского и Ижевского могильников (19 образцов текстиля), представлены шерстяными тканями полотняного переплетения [Ёлкина, 1988, с. 143]. Подавляющее большинство зафиксированных фрагментов тканей найдено под фибулами в области груди умерших; среди них – погр. 783, 1691 Тарасовского, погр. 103, 108, 139 Ижевского, погр. 139, 212б, 232 Покровского, погр. 39, 119, 153, 157 Тураевского I, погр. 68 и 98в Дубровского могильников. Судя по проанализированным образцам, эти фрагменты ткани относятся к верхнему слою одежды – кафтану из толстой репсового типа ткани, верхняя часть которого и застёгивалась фибулой [Останина, 1997, с. 163]. В одном случае (погр. 60 Покровского могильника) фибула была обнаружена под фрагментами ткани и шерсти (меха) – возможно, остатками шубы [Останина, 1997, с. 19]. В целом, подтверждением того, что верхняя одежда изготавливалась из толстой ткани или меха, является также массивность самих застёжек [Красноперов, 2006, с. 53]

Щитки некоторых биметаллических бабочковидных фибул были дополнительно укреплены кожей (погр. 51, 134б, 162 Ижевского, погр. 118 Покровского, погр. 73, 79а Нивского могильников). В тураевских материалах сразу у четырёх фибул кожаная пластина, выкрашенная в красный цвет, была приклеена поверх железной основы (погр. 176, 217, 235, 250). Реже железный щиток укреплялся тканью (погр. 120 Нивского могильника) или берестой (погр. 225 Тураевского I могильника).

Анализ археологического контекста находок фибул позволил прояснить большое количество вопросов, касающихся способов их использования, половозрастной и социальной характеристике носителей фибул, деталях костюмного комплекса пьяноборского населения. На основании изучения погребальных комплексов с фибулами определена их роль как индикатора половозрастной стратификации, а также имущественного (и во многом социального) статуса носителя.

Так, среднестатистическая фибула использовалась женщиной половозрелого возраста в качестве застёжки верхней одежды, сделанной из ткани или меха (возможно также кожи). Примерно в каждом одиннадцатом случае фибулы были обнаружены в мужских захоронениях в составе подарочного набора от родственников или на теле умерших – в местах предполагаемого использования фибул (шея-грудь-пояс). Изредка фибулы клали на грудь умершим детям, возможно, ими застёгивалась погребальная рубаха, т. к. именно эти экземпляры – небольшие по размеру и могли использоваться как застёжки для скрепления ворота [Красноперов, 2006, с. 53].

Фибулы являлись показателем довольно высокого имущественного (и, видимо, – социального) статуса умерших, что обусловлено престижностью и дороговизной самих фибул [Останина, 1997, с. 135], большим количеством уложенных в могилу вещей, в том числе и в составе подарочных наборов (жертвенных комплексов). Обычно на каждом могильнике превалирует одна из традиций местоположения фибул: на теле умерших в составе погребального костюма или в составе подарочного набора, картографически памятники с этими преобладающими вариантами разделились на две локальные группы. Фибулы чаще клали в подарочный набор на правом берегу р. Камы, в могильниках на её левом берегу эти застёжки чаще находят на теле умерших.

Глава IV

ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ФИБУЛ

4.1. Состав металла фибул*

Определение состава сырья, использовавшегося при производстве фибул, – необходимый этап при воссоздании процесса производства этого вида застёжек. В зависимости от вида металлического сплава можно предположить наличие или, напротив, отсутствие определённых технологических операций, которые могли применяться к этому материалу в зависимости от его физических свойств. Среди прикамских фибул есть экземпляры, выполненные из цветного металла, есть биметаллические – имеющие железную основу и накладки из цветного сплава. Сложность в массовом определении состава металла фибул заключается в плохой степени сохранности этих застёжек, т. к. некоторые из них слишком тонкие и металл целиком заменился патиной, в других же случаях декоративные пластинки биметаллических фибул покрылись ржавчиной от железного щитка-основы или других элементов крепления, сделанных из железа.

Наибольшая часть использованных в исследовании фибул (262 экз.) хранится в фондах Археологического музея УдГУ – в коллекциях Тарасовского (147 фибул), Тураевского I (55 экз.), Боярского «Арай» (12 экз.), Заборьинского (10 экз.), Дубровского (8 экз.), Ошкинского (3 экз.), Нырғындынского I (2 экз.), Худяковского (2 экз.), Кудашевского (1 экз.), Бобья-Учинского (1 экз.), Красноярского (1 экз.) могильников; а также в коллекциях Аргыжского (1 экз.), Зуевключевского I (2 экз.) городищ. Из этого массива удалось провести анализы только для 67 экземпляров застёжек. Коллекция фибул Тураевского I могильника оказалась вообще не пригодной из-за неудовлетворительной сохранности биметаллических фибул.

Процедура исследования при помощи рентгенофлуоресцентного спектрометра S1 Turbo SD LE была на протяжении нескольких лет опробована С. Е. Перевощиковым и Т. М. Сабировой на разных археологических материалах Камско-Вятского междуречья [Голдина, Перевощиков, Сабирова, 2012; Перевощиков, Сабирова, 2013, 2014, 2014а и др.]. Выработанные авторами общие положения, использующиеся при определении состава древнего металла, изложены в § 1.2. данной работы (*Методика исследования*). Отличие от стандартной процедуры в изучении металла фибул заключается в том, что для анализа брались даже такие экземпляры, где при помощи механической очистки поверхности не удавалось освободить её до состояния чистого металла. В графе «Состояние образца» в сводной таблице результатов анализов металла фибул у этих экземпляров стоит статус «патина»; статус «металл + патина» присваивается тем образцам, которые содержат в месте пробы металл с незначительным количеством окислов/

* Автор выражает благодарность к.и.н. С. Е. Перевощикову за помощь в проведении рентгенофлуоресцентного анализа образцов.

патины. Наиболее достоверны результаты для группы образцов, которые содержат только чистый металл (вариант «металл» в графе «Состояние образца») или металл с незначительным содержанием окислов. Часто результаты анализов, выполненных по патине, искажены относительно «чистых» образцов. В данной выборке это искажение отражается чаще всего повышенным содержанием железа (Fe) за счёт уменьшения количества содержания в сплаве меди (Cu). Вместе с тем, даже эти результаты позволяют отнести образец к той или иной группе сплавов металлов.

Место взятия пробы в каждом отдельном случае выбиралось индивидуально: чаще всего анализу подвергался лицевая часть щитка фибулы, реже – фрагмент щитка с оборотной стороны изделия; в некоторых случаях, ввиду плохой сохранности металла основы, анализировались приёмник или пружинное устройство застёжки. Иногда дополнительно анализировались разные составные части одной фибулы, в таком случае анализу одной вещи присваивался один номер, а пробы отдельных частей отмечались буквами.

За исключением тех артефактов, которые изготовлены из металлургически чистого металла (медь, свинец, олово, серебро), все цветные металлы древности представлены в виде различных сплавов. Состав их зависит от множества факторов – доступности источника металла, возможности вторичной переработки (переплавки) изделий. Кроме того, мастером, несомненно, учитывались определённые технико-технологические характеристики каждого из сплавов, которые описываются такими терминами как жидкотекучесть, легкоплавкость, ковкость и рядом других. Представляется также, что немаловажное значение в древности имел цвет готового изделия, который при смешении разных металлов варьируется от серебристого к почти красному через многие оттенки золотистой гаммы [Кузебаевский клад, 2011, с. 115].

Особенностью древних металлов, в отличие от унифицированных современных, является неустойчивое процентное содержание основных компонентов, отсутствие типовых сплавов с чёткими процентными показателями. Однако почти во всех случаях возможно установить либо геохимическую природу какого-либо компонента, либо искусственность его привнесения в сплав в качестве лигатуры. Основой сплавов выступали медь, олово, свинец; эти же металлы в другой концентрации могли быть добавками, определяющими технологические качества готового материала. Проблема классификации сплавов (а именно – неустойчивость диапазонов содержания основных компонентов в различных типах сплавов) появилась у археологов в процессе сопоставления данных сопредельных и удалённых друг от друга территорий с целью выявления источников поступления металлов, распространения тех или иных технологий обработки металлов. Коллектив исследователей Московского государственного университета разработал номенклатуру сплавов по средневековому металлу Восточной Европы [Цветные и драгоценные металлы, 2008, с. 121–132]. Предложенная классификация учитывает опыт предшествующих исследователей этой проблематики (Л. И. Каштанова, Т. Б. Барцевой, Е. Н. Черныха и др.) и «...является удобным инструментом для систематизации аналитических данных по химическому составу отдельных памятников» [Цветные и драгоценные металлы..., 2008, с. 130]. В настоящей работе использована классификация сплавов на основе меди в тех вариантах, которые встречены у проанализированных фибул (табл. 12). При необходимости в ходе дальнейших исследований в номенклатуру могут быть включены соединения на основе олова, свинца и серебра [Цветные и драгоценные металлы, 2008, табл. 2.8–2.11].

Следует сразу отметить, что в предложенной таблице допускается наличие оловянно-цинковой бронзы с гипотетическим содержанием цинка от 1 до 30 % и при условии, что количество олова в сплаве больше, чем количество цинка (табл. 12, № 6). Автору же представляется, что наличие в медном сплаве цинка автоматически переводит его в разряд латуней, т. к. присутствие цинка свыше 1 % уже позволяет отнести металл к полутомпакам (разновидность латуни с небольшим содержанием цинка) (табл. 12, №№ 7, 10).

Сводная таблица результатов содержит данные о химическом анализе 71 образцов с поверхности 67 застёжек (табл. 13). При определении группы сплава учитывалось процентное присутствие таких элементов как медь, олово, цинк, свинец. Однако древние сплавы содержат, помимо

основных компонентов, ряд примесей – металлов в малых и микро- концентрациях. Несмотря на то, что они не являются сплавообразующими и, в большинстве случаев, не оказывают никакого влияния на свойства сплава, их учёт также важен с исследовательской точки зрения, т. к. определённые комбинации примесей могут указывать на источник происхождения руды для получения металла [Черных, 1966, с. 10]. Несмотря на то, что на аналитическом уровне разницу в характере этих примесей уловить невозможно, можно предполагать их характер на основании геохимических данных о том или ином металле. Все они имеют естественное происхождение; их можно разделить на рудные (перешедшие в металл из руды), почвенные (включившиеся в структуру металла за время нахождения вещи под землёй), а также примеси, попавшие в сплав из окислов металлов тех артефактов, которые были расположены в погребении рядом с фибулами.

Всего в проанализированной выборке застёжек, помимо основных (Cu, Sn, Zn, Pb), выявлено 20 элементов. Часть из них отражена в исходной таблице (те элементы, содержание которых исчисляется, по крайней мере, десятными долями процента), часть – опущена, поскольку их содержание в сплаве крайне незначительно. В целом, большинство из них относится к группе побочных элементов медных руд, среди которых – кобальт (Co), никель (Ni), мышьяк (As), селен (Se), молибден (Mo), сурьма (Sb), висмут (Bi), золото (Au), серебро (Ag). Золото и серебро относятся к группе благородных металлов, элементы которых часто встречаются в горных породах вместе. Исследование позволило выявить содержание в некоторых фибулах микро-концентрации ещё 3-х металлов этой группы – платиноидов иридия (Ir), родия (Rh) и палладия (Pd). Также к рудным примесям следует отнести включения ниобия (Nb), тантала (Ta), вольфрама (W), рения (Re), которые в разных комбинациях также присутствуют в сложных окисленных соединениях железа и меди [Горная энциклопедия, 1987, с. 276–278].

Другая часть примесей классифицируется как петрогенные элементы. В различных вариантах геологических классификаций встречаются также другие названия этой группы – порообразующие, литофильные. Именно из них складываются основные порообразующие минералы осадочных горных пород [Горная энциклопедия, 1987, с. 211]. В данной выборке фибул зафиксировано наличие 4-х элементов этой группы – марганца (Mn), алюминия (Al), железа (Fe) и циркония (Zr). Их концентрация в сплавах – от сотых долей процента до нескольких процентов. Во всех случаях, когда содержание этих элементов в сплаве превышает несколько десятых процента, это свидетельствует либо о недостаточной очистке образца (в некоторых случаях процесс очистки мог повредить целостность самого предмета), либо о высокой степени проникновения вглубь изделия окислов медного сплава и/или окислов железа от составных частей застёжки или от соседних предметов погребального инвентаря в захоронении.

Проведённые измерения позволили выявить 7 типов сплавов на основе меди, основываясь на классификации Н. В. Енисовой, Р. А. Митояна и Т. Г. Сарачевой [Цветные и драгоценные металлы, 2008], из которых изготовлены фибулы (табл. 12). Это – группа чистой меди; оловянная и оловянно-свинцовая бронзы; двухкомпонентная, оловянная, свинцовая и многокомпонентная латуни. Главным различием между бронзами и латунями является наличие в сплаве цинка: при присутствии его в концентрации 1–30 % сплав относят к латуням; в других случаях металл определяется как бронза с дополнительным делением на типы – в зависимости от концентрации легирующих компонентов.

Металлургически чистая медь обладает рядом эталонных качеств, присущих этому металлу: пластичность; высокая тепло- и электропроводность; золотисто-розовый цвет; её поверхность быстро покрывается оксидной плёнкой. В зависимости от сопутствующих примесей и их концентрации физико-химические свойства меди меняются – этим свойством меди часто пользовались в древности, так что находок из чистого металла выявлено не так много.

Из чистой меди (Cu) изготовлены 4 экземпляра застёжек: фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приёмника и с плавно изогнутой 8-образной спинкой (Амброз–13-1) из Тарасовского могильника (№ 84); одночленные лучковые подвязные фибулы (Амброз–15) из Ошкинского (№ 312) и Красноярского (№ 352) могильников; бабочковидная фибула (Останина–1-4) из погребения Боярского «Арай» могильника (№ 361).

Бронзы – чаще всего это сплав меди с оловом – самый популярный тип сплава, использующийся при производстве украшений и предметов быта у населения множества археологических культур. Помимо олова, бронзы практически всегда содержит такую добавку как свинец, поэтому их делят на оловянные и оловянно-свинцовые.

В целом, повышенное содержание олова (больше 20 %) в сплаве увеличивает жидкотекучесть сплава, позволяя путём литья получить твердое, но относительно хрупкое изделие. Высокооловянные предметы прекрасно полируются и отличаются повышенной коррозионной стойкостью по сравнению с бронзами, менее богатыми оловом [Равич, Бер, Мухина, 2005]. Дополнительное механическое воздействие на отлитую из оловянной бронзы заготовку возможно лишь после сложного процесса её «закалки», направленной на устранение хрупкости [Равич, 2011, с. 104].

Часть олова в таком сплаве может быть заменена свинцом, который значительно улучшает литейные свойства сплава, позволяя получать качественные изделия с минимальным количеством литейного брака. Кроме того, такие многокомпонентные бронзы (с наличием в сплаве в качестве основных его составляющих меди, олова и свинца) могут являться результатом многочисленных переплавов сломанных/бракованных изделий и, соответственно, состав и пропорции металлов в сплаве неустойчивы.

Из оловянной бронзы (CuSn) в исследованной выборке изготовлены только накладки биметаллической бабочковидной фибулы (Останина–1-5) из Боярского «Арай» могильника (№ 360) и фибула типа Останина–1-2 из Дубровского могильника (№ 442).

Оловянно-свинцовая бронза (CuSnPb) представлена пятью застёжками, 4 из которых – биметаллические фибулы типов Останина–1-5 и Останина–2-Б Тарасовского и Дубровского (№№ 75, 135, 140, 450) могильников, ещё 1 фибула – из сборов с площадки Бобья-Учинского могильника (№ 435).

Латуни (сплав меди с цинком), в зависимости от дополнительных присадок (свинец, олово) также делятся на несколько подвидов. Классическая латунь (с содержанием цинка более 10 %), получаемая при помощи цементации из смеси медной и цинковой руд, регулярно используется в восточных провинциях Римской империи с I в. до н. э. Латунь с содержанием цинка менее 10 % получила название томпак; эта разновидность латуней обладает высокой пластичностью [Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000, с. 100–102]. Высокие технологические свойства латуней по достоинству оценены как мастерами, так и потребителями: во времена Августа в Риме (рубеж эр) латунь из-за своего цвета называлась аурихалк, что значит «золотоподобный»; из неё даже изготавливали некоторые номиналы римских монет – сестерции и дупондии [Зварич, 1980, с. 14].

Даже малая концентрация добавленного в латунь легирующего элемента может повлиять на внешний вид и технические характеристики сплава. Этим обстоятельством активно пользовались с XIX в., т. к. искусственное получение чистого цинка позволило составлять точные пропорции состава различных сплавов [Энциклопедический словарь..., 1896, с. 385–386].

Фибулы из двухкомпонентной латуни (CuZn) найдены на шести могильниках. Семь из семнадцати экземпляров происходят из материалов Тарасовского могильника, в том числе импортные фибулы (№№ 62, 147), застёжки местных форм (№№ 93, 104, 105, 115) и одна сильно фрагментированная фибула (№ 100); две фибулы – из погребений Ошкинского могильника (обе лучковые подвязные, №№ 311, 313); одна бабочковидная фибула (№ 366) из Боярского могильника; три таких же застёжки из Заборьинского некрополя (№№ 379, 381, 382); фибула типа Амброз–11–I–2 из погребения Нырғындынского I могильника (№ 386), а также две бабочковидных фибулы Дубровского могильника (№ 440, 446).

Оловянная латунь (CuZnSn) представлена семью тарасовскими фибулами (№№ 87, 91, 96, 98, 126, 131, 146), из которых две – импортные, четыре – бабочковидные (одна из них – биметаллическая), одна – «бантикообразная» (тип Останина–3-б). В Боярском «Арай» могильнике из оловянной латуни изготовлено сразу 3 застёжки (№№ 102, 134, 168); в Заборьинском – две бабочковидных фибулы второго варианта (№№ 378, 380); ещё 1 фибула из этого сплава происходит из погр. 316 Нырғындынского I могильника (№ 387).

Из свинцовой латуни (CuZnPb) изготовлена только одна привозная тарасовская фибула типа Амброз–13 (№ 59).

Многокомпонентная латунь (CuZnPbSn) – самый распространенный тип сплава в этой серии анализов. Из него изготовлено 28 образцов, подавляющая часть которых (22 экз.) – как местные, так и импортные – тарасовские фибулы разных типов и вариантов (№№ 44, 50, 53, 57, 58, 60, 61, 69, 73, 89, 90, 95, 99, 100, 117, 119, 122, 130, 139, 140, 141, 145). Среди оставшихся – 3 фибулы Боярского «Арай» могильника (№№ 362, 367, 371), 2 – Дубровского (№№ 447, 449) могильника и одна заборьинская застёжка (№ 384).

В целом, 84,5 % фибул сделаны из различных латуней, их находки происходят из 6-и могильников; на каждом из этих памятников концентрация латунных застёжек в несколько раз превосходит количество фибул, изготовленных из бронз и чистой меди. Только 10-я часть фибул из выборки (9,9 %) сделана из бронзовых сплавов, а еще 5,6 % застёжек – только из меди (рис. 77).

Благодаря относительно устойчивым датировкам местных вариантов фибул и импортных образцов застёжек [Останина, 1997; Лещинская, 2010 и др.], можно проследить распределение типов сплавов фибул как по хронологии, так и по признаку места их производства (территория Прикамья для местных форм изделий или мастерские на месте изготовления импортных экземпляров застёжек).

Среди проанализированных экземпляров фибул по меньшей мере 19 предметов имеют импортное происхождение и привязаны к классификации А. К. Амброза (табл. 14). Подавляющая их часть сделана из латуни, 3 предмета – медные. Ориентируясь на результаты анализа, можно установить, что количество латунных фибул преобладает над количеством бронзовых на всем протяжении их функционирования, однако количество бронзовых изделий увеличивается с конца IV в., до этого фибулы из бронзы в этой выборке встречены единично. Конечно, данное положение не может быть перенесено на весь массив застёжек, т. к. выборка фибул для анализа составляет лишь 15 % от общего количества выявленных фибул. Однако, из 230 фибул Удмуртского Прикамья (памятники локальной группы, расположенные в междуречье Ижа и Камы) удалось определить состав для трети застёжек. Соответственно, применительно к этой территории выявлена тенденция перехода мастеров с изготовления латунных фибул на использование для фибул различных видов бронз на рубеже IV–V вв. Однако подтверждение или опровержение этой гипотезы будет возможно лишь с накоплением источниковой базы по составу металла украшений и принадлежностей костюма пьяноборской эпохи.

Преобладание многокомпонентных сплавов меди с добавками цинка, свинца и олова, судя по всему, свидетельствует об использовании в качестве основного сырья лома цветных металлов – остатков производства или сломанных украшений [Сапрыкина, 2006]. Подтверждается это материалами Кузубаевского клада, в котором всё имущество мастера-ювелира, за исключением инструмента и незаконченных изделий, представляет собой предметы производственного брака, металлические отходы – пластинки, обрезь, даже стружка; материалом для переплавки также является инвентарь из погребений более ранних эпох [Кузубаевский клад, 2011, с. 9].

Единственный местный источник меди на территории Вятско-Камско-Бельского междуречья – месторождения медистых песчаников, активно разрабатывавшиеся с древности [Черных, 1966, карта 1]. Остальные компоненты цветных сплавов – олово, свинец, цинк (рис. 78) – поступали на территорию Прикамья извне как в виде готовых предметов, так и в виде металлургических заготовок – стержней, слитков, дров. В Прикамье есть достаточное количество находок подобных изделий. Из найденных непосредственно на тех памятниках, на которых также были найдены фибулы, следует отметить Тарасовский, Покровский, Красноярский могильники. Такие полуфабрикаты имеют разный химический состав; на данный момент произведены измерения для тарасовских дров из погр. 335, 1850 и слитка из погр. 1679. Два среди них – латунные (слиток весом 980 гр. выполнен из двухкомпонентной высокоцинковистой латуни; дрот – из трёхкомпонентной латуни с добавлением свинца), второй дрот относится к классической свинцово-оловянистой бронзе [Перевошиков, Сабинова, 2014]. Все погребения с металлургической продукцией находятся в самой северной части могильника, которую можно датировать кон-

цом IV – V вв. н. э., причём область распространения этих погребений практически полностью совпадает с областью концентрации т. н. «воинских» захоронений – глубоких, богатых могил мужчин-воинов с большим количеством оружия, положенного рядом [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, с. 48–49, илл. 242]. Погребальный инвентарь захоронений с предметами металлургической продукции представлен, в основном, предметами вооружения (шлем, меч, секировидный предмет, коса-горбуша, наконечник копья). Военный характер захоронений в совокупности с вероятностью римского происхождения слитка делает вероятным предположение, что как минимум в этом случае латунный слиток мог попасть в Прикамье с военным отрядом и был или платой за его услуги, или его добычей [Первошиков, Сабирова, 2014, с. 75–76].

Таким образом, изучение состава металла фибул позволило установить преимущественное использование для их изготовления многокомпонентной латуни, источниками которой могли быть металлургические полуфабрикаты в чистом виде, или переплавленные остатки старых украшений и отходы металлообрабатывающего производства. Появление в V в. фибул, изготовленных не из латуни, а из бронзы, может свидетельствовать о смене источников поступления металла; однако этот вопрос сможет прояснить лишь дальнейшее изучение цветного металла пьеноборской культурно-исторической общности.

4.2. Технология изготовления фибул

Целью изучения процесса изготовления фибул является определение типичных для пьеноборского общества технологических схем производства этих изделий [Ениосова, Сарачева, 1997]. Последовательность операций обусловлена как конструктивными особенностями изделия, так и имеющимися в наличии материалом и инструментарием; а также тем набором знаний, умений и навыков, которыми обладал мастер. Конструкция фибул устойчива, индивидуальный декор застёжек различается, но общая тенденция одина для подавляющего большинства экземпляров фибул: основой изделия, его несущей конструкцией, а также средоточием декоративного оформления является щиток, ещё два конструктивных элемента – застёгивающее устройство (почти всегда пружинное) и приёмник.

Технологическая схема, являющаяся основой для планировочного решения производственного задания – устойчивое понятие, используемое в современном планировании массового производства. Для рассматриваемого периода времени, несмотря на отсутствие стандартизации и индустриализации производства металлических изделий, также возможно восстановить технологическую схему производства отдельной категории инвентаря, оговаривая при этом её большую, по сравнению с современностью, вариативность. Неизменными являются следующие блоки: металл, огонь, воздуходувное приспособление, тигель для металла, литейная форма, инструменты для придания формы заготовке (молоток, пуансоны, наковальня). Каждый из этих блоков в той или иной последовательности и комбинации позволяет восстановить технологический процесс изготовления фибулы.

В своём обобщающем труде А. К. Амброз затронул тему производства фибул, поскольку зачастую именно способ изготовления изделия является решающим доводом в пользу выделения типологических групп. Он отмечал недостаточность исследований по материалу, из которого изготовлены фибулы и технологии их производства; сделал вывод о невозможности определить технологию изготовления фибул по их внешнему виду без дополнительных анализов. По способу изготовления А. К. Амброз выделяет одночленные (сделанные из «одного куска металла») и двучленные (пружина которых сделана из отдельного куска проволоки) [Амброз, 1966, с. 10–13].

Устройство и основные части фибулы, предложенные А. К. Амброзом, актуальны и для прикамских фибул, стоит лишь отметить, что для местных вариантов застёжек прослеживается

наличие щитка и/или надставленной пружины (рис. 9). Щиток может быть раскован из проволоочной спинки или литой заготовки; сделан из железной пластинки. Надставленная пружина может являться удлинённой на 2–4 см осью, либо она может окружать щиток с 3-х сторон, являясь самостоятельным декоративным элементом.

Из общей выборки местных прикамских типов фибул была определена технология изготовления бабочковидных фибул всех вариантов на примере экземпляров, хранящихся в фондах Археологического музея УдГУ из погребений Боярского «Арай», Дубровского, Заборьинского, Тарасовского и Тураевского I могильников. Визуальный осмотр поверхности фибул типа Останина:1–1-4 (т. е. бабочковидных фибул вариантов 1, 2, 3, 4) при помощи увеличительных приспособлений показал, что все сохранившиеся в полной мере экземпляры были одночленными, т. е. и щиток, и приёмное устройство, и пружина с иглой составляли единое целое. Несмотря на внешнее различие разных вариантов бабочковидных фибул, которое проявляется в размерах щитка, насыщенности декором, наличием или отсутствием надставленной пружины, действия мастера по изготовлению таких фибул укладываются в одну технологическую схему.

Эта схема представлена определёнными видами инструментов, операций и последовательностью их применения. Первоначальной задачей при изготовлении фибулы является создание литейной формы для отливки заготовки. Несмотря на большое количество литых украшений, находки литейных форм в Прикамье довольно редки. Несомненно, поиск находок, их анализ, сопоставление с готовыми изделиями – тема отдельного исследования. Для этой территории есть только одна работа, в которой целенаправленно собраны литейные формы с территории бассейна р. Вятки, Средней и Верхней Камы, Чепцы постананьинской эпохи [Орехов, 2006, с. 102–110]. Часть их изготовлена из камня, однако есть много экземпляров литейных форм, изготовленных из обожжённой глиняной массы. Представляется вероятным, что именно из глиняных брусков делались литейные формы для заготовок фибул. Это объясняется, прежде всего, доступностью материала, лёгкостью его обработки и, при этом, возможностью неоднократного использования формы. Кроме того, в данном случае характер заготовки не подразумевает наличие тонкого орнамента и каких-то сложных деталей, так что использование более ценных каменных брусков (из известняка, талька и пр.) не было оправдано.

Для проверки гипотезы о возможности использования глиняных форм для изготовления литых заготовок фибул был проведён эксперимент.

Эксперимент № 1*

Цель: изготовить глиняную литейную форму с вырезанным ложем для заготовки фибулы; произвести пробную отливку.

Задачи:

1. Определить тип формы, изготовить опытный образец.
2. Наметить и вырезать ложе заготовки щитка фибулы, литниковый канал и выпары.
3. Подготовить форму к отливке (обжиг, копчение и пр.).
4. Произвести экспериментальную отливку металла в форму.

Оборудование и материалы: песчано-глиняные бруски, набор резцов по дереву (6 экз. разной формы), 200 гр. свинцово-оловянистой бронзы.

Ход эксперимента:

Этап 1: Выбор типа формы обусловлен необходимостью отлить заготовку фибулы для последующей расковки, заготовка должна быть а) плоской, б) одинаковой по толщине. Этим условиям отвечает односторонняя закрытая форма, одна створка которой имеет вырезанный рельеф, другая – выполняет функцию крышки. Состав формы (песок и глина) подразумевает её

* Автор выражает благодарность коллективу направления «История древней цветной металлургии и металлообработки» Международной полевой школы в г. Болгаре за помощь в проведении цикла экспериментальных работ: к.и.н. С. А. Агапову, к.и.н. Т. Ю. Гошко, Д. С. Агапову, а также Д. В. Семину.

относительную хрупкость по краям, так что было решено отказаться от изготовления отверстий для штифтов, скрепляющих створки в пользу связывания створок проволокой.

Применение глиняных форм для отливок зафиксировано в Чегандинском II, Муновском, Суворовском могильниках [Орехов, 2006, с. 103]. В. Ф. Генинг указывает на переход от использования каменных форм к приоритетному использованию глиняных как на один из сдвигов в жизни раннечегандинского населения [Генинг, 1962, с. 43].

Сырые песчано-глинистые формы до сих пор активно применяют в литейном производстве [Чернышов, 2012, с. 7]. Состав использованной формовочной смеси включает в себя просеянный песок (60 %), набухшую глину (40 %) и воду. Смесь заливается в подпрямоугольные ванночки и оставляется до полного высыхания; затем получившиеся заготовки-створки извлекаются из форм (рис. 77-1). Для удаления значительных кавернозных впадин на внешних поверхностях форм, а также для полного притирания створок друг к другу была произведена полировка всех 4-х граней друг об друга чередующимися круговыми движениями ($t = 10$ мин.) (рис. 77-2,3).

В результате действий на 1-м этапе получены готовые литейные створки с притёртыми гранями, на одной из которых будет нанесён рельеф заготовки щитка фибулы, другая будет являться крышкой (рис. 77-4). Среди достоинств сырых песчано-глинистых смесей – легкость притирки граней друг к другу; высокая газопроницаемость, которая способствует более продуктивной заливке металла.

Этап 2: Одной из подзадач этого этапа является определение необходимых размеров литейного ложа для того, чтобы получить в конечном итоге раскованный щиток фибулы нужного диаметра. Учитывая толщину щитка стандартной фибулы (0,5–0,7 мм) и размеры (в среднем 8x10 см) было решено изготовить литейное ложе размером 4x5 см и толщиной 1,5 мм, т. е. в два раза толще и в два раза меньше, чем готовая раскованная деталь (рис. 78-1). В задачи эксперимента не входило использование инструментов, аналогичных археологическим изделиям соответствующего времени, поэтому для вырезания литейных лож был использован набор резцов по дереву довольно стандартных форм (рис. 78-2). Аналоги таким резцам не были найдены в соответствующих археологических материалах, однако несомненно использование мастерами каких-то аналогичных инструментов. Наиболее универсальным и подходящим для этой работы оказался резец с плоским окончанием (рис. 78-2, четвёртый слева), т. к. он позволял получить наиболее плоское и ровное дно, углубленное на одинаковую толщину. Вырезание ложа глубиной 1,5 мм и размерами 4x5 см заняло 20 мин.

В ходе работы, опасаясь, что ложе столь малой толщины может не пролиться металлом в полной мере, было принято решение сделать ещё одно ложе с такими же плоскостными параметрами, но толщиной 3 мм. На самой створке эти два контура обозначены, соответственно, № 2 (1,5 мм) и № 1 (3 мм) (рис. 78-3). Фактически глубина ложа в обоих случаях получилась чуть толще планируемых показателей. Прорезание литниковых каналов осуществлялось прямоугольным и обоюдоострым (рис. 78-2, третий слева) резцами – как на створке с вырезанными заготовками, так и на створке-крышке в течение 30 мин. (рис. 78-3,4). Прорезание выпоров для выхода газов из формы заняло 10 мин., каналы были ориентированы вниз и по бокам относительно расположения литника; для их изготовления также применялся обоюдоострый резец, однако для этой работы вполне можно использовать обычное шило (рис. 79-1).

Этап 3: Процесс обжига формы занял в общей сложности 5 часов. В течение 1 часа формы располагались вблизи источника огня для «привыкания» к высокой температуре во избежание возможного растрескивания при обжиге (рис. 79-2). Следующие 4 часа обе створки находились в состоянии активного обжига в очаге с боковыми стенками; процесс остывания был постепенным и занял 12 часов (рис. 79-3).

Последняя процедура, которую нужно было провести перед отливкой – копчение створок формы во всех местах, которые соприкасаются или могут соприкоснуться с расплавленным металлом. Если не покрыть поверхность формы копотью, то металл проникнет в поры песчано-глиняной массы, что приведёт к:

а) неряшливому виду отливки, поверхность которой придётся долго обрабатывать для достижения гладкости;

б) к порче формы, т. к. её поверхность также пострадает при вынимании отливки.

Перед копчением были прочищены от нагара, угля и золы обе обожжённые створки (как сами литейные ложа, так и литниковые каналы, и выпоры). Наиболее интенсивная копоть получена при поджигании бересты: процесс закопчения одной створки занял не более 5 мин. (рис. 79-4). Последняя перед плавкой металла процедура заключается в креплении створок формы друг к другу путём обмотки их медной проволокой.

Этап 4: Плавка бронзы происходила внутри небольшого глиняного тигля со сливом-носи́ком полезной ёмкостью до 500–600 гр. металла (рис. 80-1). Форма тигля может быть описана как рюмкообразная с более узким перехватом в придонной части и, соответственно, с плоским основанием, диаметр которого равен диаметру чаши. Именно одна из разновидностей рюмкообразных тиглей была наиболее частой находкой в материалах пьяноборской культурно-исторической общности на Средней Каме и Вятке: Чегандинское I, Буйское, Ижевское (Пижемское) городища [Орехов, 2006, с. 92–94].

Постоянная непрерывная подача воздуха осуществлялась при помощи двухкамерных мехов с отдельными камерами и рычажным управлением (рис. 80-2). Также возможно применение двух однокамерных мехов, накачиваемых попеременно (рис. 80-3). Археологически восстановить используемый тип воздуходувного прибора невозможно, т. к. он имеет органическую основу, и только сопло мехов, изготовленное из обожжённой глины, может сохраняться в культурном слое. Однако на территории Прикамья таких находок пока не выявлено.

Для отливки было взято 200 гр. свинцово-оловянистой бронзы. Процесс плавки заключался в поддержании температуры внутри тигля с металлом свыше 1084° (t плавления меди, для бронзы из-за добавки более легкоплавких компонентов эта цифра ниже). Горение осуществлялось за счёт сжигания кусочков угля (или другого горючего органического материала) при непрерывной подаче воздуха. Процесс расплавления металла занял 35 минут. Дальнейшая процедура заливки металла заключалась в наливании расплавленной бронзы в литниковый створ. Тигель удерживается щипцами, зажатыми в одной руке, другой рукой необходимо придерживать крышку, предотвращающую попадание в литниковый створ несгоревших кусочков угля. Сразу после заливки устье литника засыпается песком, оставшийся на стенках тигля металл выколачивается в песок (рис. 80-4).

В закрытом состоянии форма остывает около 10–15 минут, после чего становится возможным изъять отливки. К сожалению, при открытии створок выяснилось, что металл не смог целиком заполнить литейные ложа из-за попадания в литниковый створ фрагментов угля и литые заготовки получились бракованными (рис. 81-1,2).

Результаты:

Даже несмотря на то, что заготовки для щитков фибул оказались бракованными, цель эксперимента достигнута: удалось определить наиболее подходящий вид сырья для формовочной массы (песчано-глиняная смесь), реконструировать наиболее вероятный вид литейного ложа для изготовления заготовки щитка бабочковидной фибулы; проведены все процедуры по подготовке формы к отливке, доказано, что такие песчано-глиняные формы могли использоваться неоднократно при условии естественного остывания после отливки без погружения формы в воду, получены фрагменты заготовок (рис. 81-2). Толщина заготовки № 1 (литейное ложе глубиной 3 мм) оказалась равна 3,8 мм, толщина заготовки № 2 (литейное ложе глубиной 1,5 мм) равна 2,1 мм. Связана эта разница в размерах с двумя причинами – сложностью в соблюдении такой точности при вырезании ложа и не идеально плотным прилеганием створок друг к другу ввиду их относительно рыхлой (по сравнению с камнем) структурой. Наличие глиняных форм и тиглей такого же типа как тот, что использован в эксперименте, фиксируется на археологических памятниках Прикамья и бассейна р. Вятки в 1-й пол. I тыс. н. э. Все этапы эксперимента репрезентативны, повторяемы и, при условии аккуратной отливки, приводят к получению литой заготовки щитка фибулы.

Вместе с тем для изготовления одночленной бабочковидной фибулы недостаточно сделать литую основу щитка. Полученная отливка должна содержать:

а) овальное/эллипсовидное рабочее поле, предназначенное для расковки щитка и его последующего декора;

б) боковые ответвления разного размера, которые позволят изготовить при помощиковки застёгивающий механизм фибулы: пружинное устройство с иглой и приёмник.

Выходом является модернизация заготовки фибулы – в створке песчано-глиняной формы необходимо вырезать не просто плоский овал. С одной стороны короткой оси овала должна быть вырезана относительно длинная канавка (заготовка для пружинного устройства и иглы), с другой стороны также должна присутствовать короткая канавка сложного профиля – заготовка для приёмника. Только в этом случае возможно изготовление одночленной фибулы (рис. 82).

Следующий этап изготовления застёжки – проковка заготовки щитка. Инструменты, необходимые для этой операции – наковальня и молоток. Археологически фиксируются каменные орудия, которые с успехом применяются и в качестве наковальни, и в качестве ударных инструментов. Визуально отличить обычные камни от рабочих крайне сложно, но применение трасологического анализа в сочетании с изучением следов функционального износа экспериментальных каменных орудий показывает хорошие результаты при определении функции орудий [Сёмин, 2014].

Декор раскованного щитка фибулы происходил в строго определённой последовательности, нарушение которой повлекло бы за собой изменение рельефа бабочковидного рисунка. Для продуктивной чеканки узора необходимо было через каждые 2–3 удара инструментом по одному месту обжигать заготовку в огне. Процесс нагрева металла с целью восстановления его пластичности после физической деформации, а также снижения хрупкости называется отпуском; он подразумевает нагрев заготовки до появления цветов побежалости (которые свидетельствуют о начале процесса декристаллизации) и последующем медленном остывании металла. По-видимому, предварительной разметки узора на щиток не наносилось, т. к. в ходе постоянных термических воздействий следы от разметки не сохраняются. О том, что мастер при чеканке визуальнodelил щиток фибулы на зоны, говорит тот факт, что конечный узор щитка является практически симметричным, в то время как пружина, изготавливаемая позже, в силу технологических особенностей, бывает сдвинута относительно центра в одну из сторон (прил. III: №№ 27, 29, 83 и проч.).

Первым делом на обратной стороне щитка чеканились валики – прямые и полукруглые линейные вдавления (рис. 83-1), дающие выпуклую линию одинаковой толщины на внешней стороне щитка (рис. 83-2). Для их изготовления необходимы были:

1. Наковальня (плоский устойчивый камень с достаточной для работы площадью поверхности).

2. Зубило с относительно острой гранью (фиксируемая ширина острия зубила в углублениях линий на оборотной стороне фибул равна 0,5–0,7 мм.).

3. Молоток (в его качестве мог выступать обычный округлый булыжник из твёрдых пород камня, который отлично выполняет ударную функцию).

Первоначальное нанесение валиков как раз и создавало мастеру своеобразную координатную сетку, в которую вписывались остальные элементы декора. Следующий по очерёдности нанесения тип декора – полугорошины. Неизвестно, чем мастера могли наносить удары – по следам на оборотной стороне фиксируется лишь общая округлая форма пуансона-чекана. В рамках цикла экспериментальных работ были созданы пуансоны требуемой формы из разных материалов – кости, дерева, железа (рис. 83-3). Все они показали свою высокую работоспособность по отпущенной медной пластинке. В зависимости от количества и силы ударов по пуансону получались чёткие или более аморфные вдавления разной глубины, представленные выпуклыми полугорошинами на внешней стороне щитка (рис. 83-2)

Последними наносились узоры из так называемых точек, которые наколоты на оборотную сторону щитка при помощи удара по шилу или любому другому чекану с заострённым окончанием. О том, что точки наносились на поверхность щитка в последнюю очередь, свидетель-

ствуется их абсолютная привязка к более массивным декоративным элементам, которые зачастую оконтурены при помощи точек (рис. 83-4,5). Вместе с тем, экспериментально было выявлено, что после оконтуривания точками валиков и полугорошин рельеф последних слегка смазывался, так что, по-видимому, его приходилось восстанавливать, обводя полугорошины и линии чеканки по второму разу. Об этом свидетельствует чёткий не искажённый профиль данных декоративных элементов на оборотной стороне застёжек (рис. 83-5).

Двучленные фибулы имеют, согласно определению А. К. Амброза, отдельно изготовленное и прикреплённое к корпусу фибулы пружинное устройство. Т. И. Останина пишет о появлении двучленных экземпляров уже у фибул 3-4 варианта, объясняя изменение конструкции увеличением размеров и веса застёжек поздних типов. Однако приёмник многих таких двучленных экземпляров по-прежнему составляет единое целое с щитком, в то время как сделанная из цветного металла (или даже железа) пружина приклёпана к щитку. В данном случае сложно отличить ремонт сломавшейся одночленной фибулы от изначального замысла мастера по изменению конструкции. Автор склоняется к версии о ремонте сломанных одночленных экземпляров.

Так или иначе, у мастера существовала потребность в отдельном изготовлении пружинного устройства. Используемая пружина описывается как 4-хвитковая с верхней тетивой; она довольно однотипна, среди местных фибул крайне редко встречаются особенные экземпляры с нестандартным оформлением (прил. III: №№ 63, 149 и некоторые другие). Часто в круглое отверстие между витками вставляли ось, которая украшала и дополнительно укрепляла пружинное устройство. Крайняя степень похожести внешнего вида пружин заставляет предполагать некоторую шаблонность их изготовления. Для проверки этой гипотезы был проведён эксперимент.

Эксперимент № 2

Цель: изготовить пружинное устройство бабочковидной фибулы, состоящее из 4-хвитковой пружины с верхней тетивой, иглы и площадки для крепления к корпусу.

Задачи:

1. На основании визуального осмотра конструкции пружинного устройства реконструировать шаблон для создания пружины.
2. Определить последовательность действий при изготовлении пружинного устройства.
3. Получить эталонный опытный образец пружинного устройства.

Оборудование и материалы: медная проволока диаметром 2 мм, каменная наковальня, ударный инструмент – кварцитовая галька, деревянная доска, гвозди для разметки шаблона.

Ход эксперимента:

Этап 1. В задачи эксперимента не входит изготовление самой проволоки, поэтому для работы приготовлен кусок отожжённой медной проволоки заведомо более длинный, чем требуется для изготовления одного пружинного устройства (рис. 84-1). Основные рабочие инструменты на первом этапе – ударный инструмент (кварцитовая галька) и наковальня – большой плоский камень (рис. 84-2). Процесс расплющивания конца проволоки кварцитовой галькой занял 5 мин.; всего было нанесено 20 ударов, проволока не подвергалась дополнительному отжигу. В результате механического воздействия получилась плоская площадка трапециевидной формы шириной до 6 мм и толщиной 0,5 мм (рис. 84-3).

Этап 2. Для изготовления шаблона, на котором будут формироваться витки проволоки и петля-тетива приготовлены гвозди диаметром 2 мм (что равно диаметру проволоки), и деревянная доска, на которой нанесена карандашная разметка для трёх стержней, расположенных по горизонтали в шахматном порядке через 2-мм интервалы (рис. 84). Впоследствии пришлось увеличить эти интервалы до 3 мм, т. к. накручивать на шаблон проволоку при меньших интервалах было сложно.

Этап 3. Работа на этом этапе была сопряжена с постоянным нагреванием металла. Длительная механическая обработка цветного металла – чеканка, расковка – вызывают измельчение кристаллов сплава, что переводит его из состояния пластичного и мягкого в состояние твёрдого и хрупкого – нагартованного [Флёров, 2001, с. 8]. Для восстановления пластичности металла

необходимо нагреть его до определённой температуры, что вызовет изменение его структуры и даст возможность вновь применять механические способы его обработки. Опытным путём установлено, что одного 5-минутного отжига проволоки чистой меди хватает на совершение полуоборота на 180°, после чего металл теряет гибкость и требует повторного отжига; так что весь ход эксперимента на этом этапе проходил около источника огня (рис. 85-1). Работа по накручиванию проволоки на шаблон с учётом промежуточных отжигов проволоки заняла 30 минут (рис. 85-2). Для получения заготовки пружинного устройства необходимо обвить проволокой правый стержень шаблона на 540°, перевернуть получившееся кольцо, надеть его на левый стержень и, пропустив проволоку через центральный стержень, снова накрутить её на правом стержне на 540° (рис. 85-3). Полученную заготовку следует согнуть, соединив две части пружины вместе (рис. 85-4).

Результаты:

Эксперимент полностью выполнен – в его ходе воссоздана технология изготовления пружинного устройства фибул, которая могла применяться у одночленных фибул в ходе их изготовления или ремонта и у двухчленных застёжек. Опытным путём воссоздана и воспроизведена форма шаблона, использование которого упрощает работу по изготовлению приёмника и позволяет получить аккуратную симметричную 4-хвитковую пружину с верхней тетивой. Эталонный опытный образец пружинного устройства позволяет более продуктивно воспроизводить полную форму сильно фрагментированных застёжек.

Процесс изготовления приёмного устройства также унифицирован для всех типов прикамских фибул. Сплошной загнутый приёмник для иглы и завиток из проволоки на его конце – типобразующий признак для целой группы импортных фибул (Амброз: 13). Одна из них – фибула типа Амброз 13-1 (спинка листовидной формы с плавным изгибом) – из погр. 132 Боярского «Арай» могильника (рис. 86-4,5) является, в силу хорошей сохранности, ярким примером образца приёмного устройства (впоследствии отремонтированного, что видно на фотографии), конструкция которого была скопирована прикамскими мастерами. Местные изменения в конструкции были связаны лишь с появлением дополнительного второго завитка, однако первые экземпляры местных застёжек выполнены ещё с одним завитком (рис. 86-1-3).

Работа по изготовлению приёмного устройства сопряжена с использованием набора стандартных инструментов – наковальни, молота, подручных шаблонов. Отлитая заготовка приёмника имеет углубление, так что толщина заготовки в этом месте больше, чем у остальной будущей фибулы. Это даёт возможность для расковки относительно длинной пластинки, которая загибается вокруг небольшого по диаметру прутка и становится собственно приёмником; следы поэтапного загиба видны на сохранившихся приёмниках (рис. 86-1-6). Завитки формируются из крайней части заготовки фибулы. Это окончание расковывается до необходимой длины, при помощи зубила и ударного инструмента рубится вдоль на две тонких уплощенных в сечении проволочки, которые затем загибаются в завитки (рис. 86-1-8). Сам профиль приёмного устройства может быть плоским, находится вровень с щитком самой фибулы (рис. 86-1-7), или же изгибаться ниже плоскости щитка (рис. 86-1-9).

И пружинное устройство, и приёмник могли быть изготовлены отдельно как для ремонта одночленной фибулы, так и для изготовления многосоставной застёжки, коими являются все биметаллические фибулы. Производство последних отличается своеобразием, связанным с использованием в одном изделии таких разных материалов как цветной и чёрный металл. И если все их декоративные элементы выполнены из цветного металла, то основа фибулы, а часто и пружина с приёмником, изготовлены из железа. Связано это, несомненно, с хрупкостью латунных и бронзовых застёжек. Их слабыми местами являются: а) приёмник и пружина, которые от повседневной нагрузки легко могли обломиться, что требовало ремонта; б) сам щиток, толщина которого равна 0,5–0,7 мм, при этом его поверхность «расчерчена» рельефными линиями, по которым щиток также мог разломиться надвое.

Нам известны меры, с помощью которых как мастера, так, видимо, и сами владельцы, пытались укрепить конструкцию щитка. Как уже упоминалось, щитки фибул часто укреплялись с оборотной стороны при помощи органических материалов – кожи, бересты. Большие по ди-

аметру фибулы пытались укрепить по периметру железными полосками [Лаптева, 1996, с. 714]. Несмотря на это, очень многие фибулы имеют следы поломок и последующего ремонта. Среди выявленных примеров ремонта пружинного устройства и приёмника при помощи установки новых или укрепления старых – фибулы №№ 15, 55, 163 и др. Следы проведённого ремонта поломанного щитка при помощи пробития отверстий в его частях и скрепления их проволокой или пластинкой видны у экземпляров №№ 92, 105, 157, 188, 216, 236, 310, 361, 375 и др. Кроме этого, дефекты щитков многих фибул (трещины, надломы) изнутри закреплены заплатками.

Возможно, именно хрупкость массивных бабочковидных фибул явилась тем фактором, который привёл к появлению их биметаллических аналогов. Технология изготовления щитка таких фибул довольно очевидна: на раскованный железный щиток-основу при помощи стерженьков-заклёпок (как на рис. 87-3,4) или гвоздиков (рис. 87-5,6) крепились декоративные элементы, сделанные из цветного металла. Среди этих элементов – вырезанные пластинки, украшенные выбитыми с изнаночной стороны полугорошинами (рис. 87-3,5), и полугорошины-шпеньки, которые крепились к щитку фибулы по принципу заклёпок, о чём свидетельствуют следы на оборотной стороне фибул (рис. 87-1,2,4,6).

Таким образом, сочетание визуального трасологического осмотра с экспериментальными работами позволили восстановить технологию изготовления прикамских бабочковидных фибул всех вариантов. В ходе исследования выявлены основные технологические операции, совокупность необходимых инструментов, набор используемых мастером техник обработки металла. Составлена технологическая карта изготовления одночленных бабочковидных фибул (рис. 88); реконструирован возможный вид литейной формы для изготовления заготовки одночленной фибулы; реконструирован и экспериментально подтверждён способ изготовления пружинного устройства фибул. Большая часть одночленных бабочковидных фибул из цветного металла выполнена по единой схеме, путём обработки отлитой в закрытую одностороннюю форму заготовки. Обработка заготовки заключается в проковке щитка фибулы и чеканке узора на нём. Изготовление пружинного устройства также связано с проковкой отлитого стерженька в проволоку, которая сгибалась по шаблону в пружину, а её длинный конец расковывался в иглу. Приёмник фибулы изготавливался при помощи формирования пластины, которая загибалась вокруг прутка-шаблона и изготовления завитков из расплющенного и разрубленного «хвостика» литой заготовки. В случае поломки осуществлялся ремонт, который мог выражаться в замене деталей, или скреплении между собой отломанных фрагментов. Постоянное увеличение площади щитка привело к необходимости укреплять его с оборотной стороны органическими подкладками – кожей, берестой, тканью, и, в конечном итоге, способствовало появлению нового типа фибул – биметаллических. Их изготовление проходило в схожей последовательности. Однако щиток таких фибул был сделан из железной пластинки, на которую крепились декоративные элементы (пластинки с чеканенным узором и заклёпки-полугорошины), а также приёмник и пружина, которые изготавливались отдельно либо из цветного, либо из чёрного металлов.

Отработанный алгоритм технологии изготовления фибул, их конструктивное сходство и идентичный стиль декора заставляют предполагать наличие одного центра по их производству. К сожалению, археологические следы предполагаемой мастерской не выявлены, однако, судя по локализации бабочковидных и других местных типов фибул, такой центр должен располагаться на территории современной Удмуртской Республики, т. к. основные находки фибул сконцентрированы именно здесь. Некоторые стилистические особенности выполнения декора позволяют объединить фибулы разных могильников в некую группу изделий, изготовленных одним мастером (?). Вместе с тем, подобное сходство в стилистическом оформлении может быть не отражением индивидуального почерка мастера, а свидетельством их изготовления в относительно короткий хронологический промежуток. Среди таких особенностей – практически подпрямоугольная форма внутренних боковых валиков фибул Тарасовского и Тураевского I могильников (№№ 95, 96, 106, 108, 115, 274, 298); Ф-образная форма этих же самых внутренних валиков у фибул Ижевского и Заборьинского могильников (№№ 149, 185, 378, 381); одинаковое неиспользование в декоре точек у фибул Тарасовского могильника (№№ 37, 65).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное изучение фибул, имеющих распространение в материалах археологических памятников разных локальных групп пьяноборской культурно-исторической общности, позволило определить их роль в формировании наших представлений о разных аспектах жизни населения Среднего Прикамья в 1-й пол. I тыс. н. э. Изучение местных фибул фактически началось с момента их первых находок в ходе археологического изучения прикамских древностей. Являясь важной составляющей как абсолютных, так и относительных хронологических построений для территории всей Восточной Европы, фибулы сразу привлекли внимание исследователей. На протяжении 2-й половины XX в. исследователями была проведена классификация массива местных застёжек, выявлены хронологические группы фибул, намечены пути поступления привозных фибул.

Погребальные и поселенческие памятники Прикамья, содержащие в материалах фибулы, соотносятся с разными локальными вариантами пьяноборской культурно-исторической общности. В зависимости от выявленных типов, время бытования фибул в рамках общности следует ограничить II–V в. н. э. Для этого временного периода, в зависимости от точки зрения исследователя, выделяются те или иные культуры, хронологические этапы, локальные варианты, однако все исследователи в конечном итоге признают их культурное родство, определённую схожесть в материальной и духовной культуре населения Прикамья. Проведённый обзор археологических публикаций показал актуальность и перспективность изучения фибул с применением арсенала современных методов археологии и смежных с ней математико-статистических и естественнонаучных дисциплин, использование которых обосновано в разделе по методике исследования. Все данные, полученные в ходе работы, занесены в электронный пополняемый сводный каталог фибул, учитывающий множество паспортных и исследовательских характеристик.

Корпус находок фибул представлен местными и привозными застёжками. В ходе исследования выявлено 452 экземпляра фибул из погребений 25 могильников и с площадок 5-и городищ. Большая часть памятников с фибулами относится к чегандинской культуре и расположена на правом берегу р. Камы; среди них – Тарасовский, Покровский, Тураевский I, Ижевский, Нивский, Боярский «Арай», Дубровский и др. могильники; левобережная группа могильников, находящаяся на территории современного Башкортостана представлена Старо-Кабановским, Бирским (ранней его частью), Сасыкульким и другими некрополями. В бассейне р. Тулвы – левого притока р. Камы выявлено два могильника среднекамского варианта пьяноборской общности (по Р. Д. Голдиной) – Красноярский и Кудашевский. Среди памятников с фибулами худяковской культуры – Худяковский и Ошкинский могильники, многослойное Аргыжское городище.

Проведено типологическое деление массива застёжек с учётом классификаций А. К. Амброза, А. С. Скрипкина, Т. И. Останиной, В. В. Кропотова. Среди распространённых в Восточной Европе типов фибул, в Прикамье встречены фибулы типа Амброз-5, 8, 11, 12, 13, 15, 16, 17, а также Т-образные фибулы (по Е. Л. Гороховскому). Все местные группы застёжек разделены Т. И. Останиной на бабочковидные фибулы пяти вариантов, фибулы «сайгатского» типа и «бантикообразные» фибулы двух вариантов. В ходе членения массива фибул группа фибул «сайгатского» типа

была разделена на три варианта по форме щитка: А – ажурные, Б – с выступами, В – прямоугольные; а также выявлена новая специфичная группа фибул – некий промежуточный вариант между бабочковидными и «сайгатскими» (вариант Б) – трёхщитковые фибулы, выявленные пока только в погребениях Дубровского и Тураевского I могильников.

Картографические наблюдения, построенные на типологии застёжек, позволили выявить три группы памятников – т. н. «контактные» (имеющие в коллекции только привозные типы фибул), «традиционные» (с местными типами застёжек) и «смешанные» (содержащие местные и импортные находки). Среди памятников первой группы – ранние по своей датировке могильники, располагающиеся в бассейне р. Вятки (Ошкинский, Худяковский), на правом берегу р. Камы напротив устья р. Белой (Ныргында I, II; Чеганда II), на левобережье р. Камы в бассейнах рек Ика и Белой (Сасыкульский, ранние погребения Бирского могильника). Среди «традиционных» могильников, содержащих только местные типы фибул – целая группа памятников Удмуртского Прикамья, практически все они удалены от Камы на значительное расстояние и расположены на берегах её притоков (Заборьинский, Ижевский, Нивский, Дубровский и т. д.). Памятники смешанного типа обладают наиболее высоким информационным потенциалом, так как позволяют археологически зафиксировать момент начала и окончания поступления в регион импорта, замещение импортных застёжек местными аналогами, хронологическое развитие последних.

Структурно-семиотический метод анализа декора бабочковидных фибул всех пяти вариантов из погребений Тарасовского, Ижевского, Мазунинского, Усть-Сарапульского, Тураевского I, Нивского, Боярского «Арай», Покровского, Дубровского и других могильников и корреляция результатов позволили выявить устойчивые группы идентичных застёжек, отражающих плавную эволюцию композиционной схемы при сохранении основных её структурных элементов. Кроме того, изучение декора биметаллических бабочковидных фибул показало наличие двух разновидностей внутри, казалось бы, единого массива схожих по технологии застёжек: 1) группа биметаллических фибул с одним рядом декоративных пластинок, 2) аналогичная группа с двумя рядами пластинок на боковых полях. Рассмотрение семантического смысла декора показало, что их смысловая нагрузка основана на мифологической составляющей, отражая трёхчастное деление мира на верхний, средний и нижний (загробный?).

Анализ сопроводительного инвентаря у фибул разных типов и вариантов согласно устоявшимся классификациям позволил подтвердить или уточнить существующие датировки. В некоторых случаях хронология материала и датировка самих фибул, основанная на многочисленных аналогиях из степных и лесостепных районов Восточной Европы, из этих же комплексов не совпадает. Зачастую исследователи склонны объяснять эту разницу запаздыванием поступления импорта в Среднее Прикамье. Однако, проблема кроется также и в устаревшей хронологии прикамских древностей, которую необходимо трансформировать в соответствии с новыми находками импортных датированных вещей как в Прикамье (среди которых, прежде всего, фибулы, бусы и поясная гарнитура), так и на всей территории юга Восточной Европы, в культурное пространство которого входит и среднекамский регион.

Для понимания путей поступления импортных фибул в Среднее Прикамье был проведен пространственный анализ встречаемости разных типов фибул как в области Среднего Прикамья, так и на прилегающих территориях. Анализ встречаемости импортных фибул показал наличие устойчивых торгово-культурных связей местного населения с окружающими народами. Поступление привозных фибул пьяноборскому населению началось с конца I – II в. н. э. и не прерывалось вплоть до окончания функционирования исследуемых археологических памятников. Ранние экземпляры импортных застёжек отчётливо связаны с позднесарматским населением Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, о чём свидетельствуют многочисленные аналогии [Мошкова, 2000; Малашев, Яблонский, 2008, Кропотов, 2010 и др.]. В свою очередь, до середины III в. основным направлением культурных связей приуральских кочевников были районы Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Кавказа.

Именно территория Удмуртского Прикамья стала центром распространения специфичных бабочковидных фибул местного производства. Первые экземпляры фибул с этим типом декора

найжены на памятниках в междуречье Ижа и Камы; последующие варианты распространяются на соседние территории и ко времени бытования наиболее поздних вариантов бабочковидных фибул их можно найти и на право- и на левобережных памятниках пьяноборской культурно-исторической общности. Другие местные типы этих застёжек (сайгатского типа, бантикообразные, трёхщитковые) имеют схожую с синхронными вариантами бабочковидных фибул территорию распространения.

Изучение археологического контекста находок фибул, учитывающего все фиксируемые особенности их размещения в погребении, показало, что фибулы являлись типично женским украшением, фиксировались в области груди или в составе подарочного набора (жертвенного комплекса). Погребения с фибулами богаты инвентарём и содержат в среднем большее количество категорий вещей по сравнению с захоронениями без фибул, что, в совокупности с преимущественным нахождением фибул у женщин средней возрастной группы, косвенно указывает на их значимость как индикатора имущественного и социального статуса владельца.

Их важная роль в костюмном комплексе и самом погребальном обряде обусловлены престижностью и дороговизной самих фибул. Лучше всего данный тезис подтверждается при помощи результатов анализа состава металла этих застёжек: в ходе рентгенофлуоресцентного исследования доказано преимущественное использование для изготовления фибул различных видов латуней – сплавов на основе меди с содержанием цинка от 1 %. Не обладая природными источниками цинковых руд, местное население вынуждено было использовать привозной металл как напрямую – в виде слитков/дротов («товаро-денег»), так и опосредованно – используя в качестве источника металла лом привозных латунных изделий.

Определение состава металлического сырья является только первым этапом при технологическом подходе к изучению артефактов. Не менее важно знать, как именно изготавливались фибулы, ведь с заимствованием металла, форм застёжки, местные мастера для копирования импортного образца должны были заимствовать и приёмы обработки металла. При помощи трасологического анализа поверхности фибул, подкреплённого циклом экспериментальных работ, в рамках данного исследования удалось создать технологическую схему производства одночленных бабочковидных фибул.

Последовательность обусловленных конструкцией застёжки и свойствами металла операций включала в себя изготовление отлитой в односторонней закрытой форме заготовки фибулы, расковке и декорированию овального щитка, загибу пружинного устройства по шаблону и расковку приёмника, совмещённую с его декорированием при помощи двух завитков. Визуально оказалось невозможно отличить следы ремонта, заключающегося в изготовлении пружинного устройства и приёмника взамен отколотых/сломанных, и целенаправленное изготовление этих конструктивных частей отдельно от заготовки щитка.

Отдельная производственная группа фибул – биметаллические. Уникальное сочетание чёрного и цветного металла в одном изделии – характерная особенность, проявившаяся в Прикамье в украшениях и принадлежностях костюма IV–V вв. Особенности материалов диктовали и изменение в технологической схеме, хотя все основные её этапы – изготовление заготовок, их декор, создание конструктивных частей застёжки – остались неизменными. Несомненно, устойчивая металлообрабатывающая традиция изготовления местных форм фибул, выявленная в ходе данной работы, в сочетании с единообразием в декоре и стилистическом оформлении, свидетельствует о наличии единого производственного центра, который должен располагаться, судя по данным картографического распределения местных типов фибул в Удмуртском Прикамье на территории современного Сарапульского района. Учитывая высокую степень концентрации всех типов местных фибул в материалах Тарасовского могильника и наличие в его же материалах импортных образцов (примеров для копирования) следует считать именно эту территорию местом расположения центра по изготовлению этих застёжек. В пользу этого утверждения свидетельствуют также: наличие вокруг могильника развитой сети поселенческих памятников (комплекс из 14 селищ и поселений), совпадающее с периодом бытования фибул время его существования, планиграфически выявленное непрерывное использование местным

населением всех хронологических групп фибул. Вместе с тем, нельзя считать район Тарасовского могильника единственным местом локализации производственного центра. Очевидно, можно предполагать, что трёхщитковые фибулы, найденные в материалах Дубровского и Тураевского I могильника и отличающиеся стилистически нетипичным оформлением, могут быть изготовлены в окрестностях Тураевского I могильника, с материалами которого они обнаруживают наибольшее сходство.

Главным результатом исследования стало расширение информационного потенциала фибул как источника по многим областям знаний о древнем обществе. В основе исследовательской работы лежал интерактивный пополняемый свод фибул Среднего Прикамья. Особое внимание было уделено хронологической оценке сопроводительного инвентаря с фибулами разных типов, что позволило уточнить некоторые датировки и поставить целый ряд задач по уточнению хронологии местных типов погребального инвентаря исходя из дат импортных фибул. Проведённая на основе данных визуального осмотра и экспериментального метода реконструкция способов изготовления фибул и получение информации о составе металлического сплава позволили объяснить высокую значимость фибул дороговизной привозного сырья и трудоёмкостью процесса изготовления.

Вместе с тем исследование открывает перспективы для дальнейших разработок, связанных с привлечением дополнительных материалов и углублением существующих подходов. Так, планиграфический анализ фибул, показавший свой огромный потенциал для выявления хронологических групп на площадке погребального памятника, будет ещё нагляднее при использовании помимо фибул других предметов импорта, таких как бусы и пряжки. Также перспективным является дальнейшее экспериментальное исследование, которое от цикла установочных работ должно перейти к реконструкции полного процесса изготовления этих застёжек. Алгоритм и методика проведённого исследования могут послужить одним из примеров комплексного исследования других категорий археологического инвентаря с учётом специфики их археологического контекста.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АО	– Археологические открытия
БашГУ	– Башкирский государственный университет
БНЦ	– Башкирский научный центр
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВПН	– Великое переселение народов
ВУЗ	– Высшее учебное заведение
ГБНТБ	– Государственная публичная научно-техническая библиотека
ИА	– Институт археологии
ИИКНП	– Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы
КВАЭ	– Камско-Вятская археологическая экспедиция
КДУ	– Книжный дом Университет
КО	– Кировская область
МИА	– Материалы и исследования по археологии
НБ	– Научная библиотека
НМУР	– Национальный музей Удмуртской Республики
НЦ	– Научный центр
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
ПК	– Пермский край
ПКИО	– пьяноборская культурно-историческая общность
РБ	– Республика Башкортостан
РИО	– Редакционно-издательский отдел
РТ	– Республика Татарстан
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГУ	– Саратовский государственный университет
СССР	– Союз советских социалистических республик
СУБД	– Система управления базами данных
ЧГИГН	– Чувашский государственный институт гуманитарных наук
УдГУ	– Удмуртский государственный университет
УИИЯЛ	– Удмуртский институт истории, языка и литературы
УНЦ	– Уральский научный центр
УР	– Удмуртская Республика
УрГУ	– Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)
УрО РАН	– Уральское отделение Российской академии наук
ЮУКИ	– Южно-Уральское книжное издательство

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Арматынская О. А. Отчет об исследованиях Усть-Сарапульского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР и разведочных работах в Кишертском районе Пермской области в 1984 году. – Устинов, 1985 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 200.

Арматынская О. А. Отчет об археологических исследованиях в Сарапульском районе Удмуртской АССР и в Белохолуницком районе Кировской области летом 1985 года. – Устинов, 1985 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 189.

Арматынская О. А. Отчет о работах в Сарапульском районе Удмуртской АССР и Менделеевском районе Татарской АССР в 1986 году. – Устинов, 1986 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 147.

Бернц В. А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Сарапульском районе УР летом 2002 г. – Ижевск, 2003 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 405.

Бернц В. А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2009 года. Т. 1. – Ижевск, 2010 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 517.

Бернц В. А. Отчет об археологических исследованиях в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2009 года. Т. 2. – Ижевск, 2010 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 517а.

Бернц В. А. Отчет об археологических исследованиях Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2010 года. – Ижевск, 2011 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 539.

Васильев С. А. Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху: истоки и формирование: дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. – СПб., 2002. – 513 с.

Вязников А. М. Отчет о разведочных работах, проведенных весной и осенью 2009 года в Можгинском, Малопургинском и Завьяловском районах Удмуртской Республики. – Ижевск, 2010 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 529.

Коробейникова (Лаптева) Т. А. Фибулы Среднего Прикамья (дипломная работа) [Рукопись] // Архив ИИКНП. Ф. 1, д. 287, 287а. – Устинов, 1986.

Красноперов А. А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н. э. – V в. н. э.): дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. – Ижевск, 2006. – 269 с.

Черных Е. М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 2002 г. – Ижевск, 2003 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 421.

Орехов П. М. Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период: дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. – Ижевск, 2006. – 249 с.

Сёмин Д. В. Характеристика каменных орудий металлургии и металлообработки населения эпохи бронзы Урало-Поволжья (экспериментально-трассологический анализ). Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация). – Ижевск, 2014. – 113 с.

Султанова А. Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. – Уфа, 2000. – 203 с. // Научный архив БашГУ. Ф. 7, д. 218.

Черных Е. М. Отчет о спасательных работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 2003 г. – Ижевск, 2004 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 422.

Черных Е. М. Отчет о работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2004 г. – Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 438.

Черных Е. М. Отчет о спасательных работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 2005 г. – Ижевск, 2006 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 449.

Черных Е. М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 года. – Ижевск, 2009 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.

Черных Е. М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2009 года. – Ижевск, 2010 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 518.

Черных Е. М. Отчет об археологических раскопках Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2012 года. Т. 1. – Ижевск, 2013 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 569.

Черных Е. М. Отчет об археологических раскопках Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2012 года. Т. 2. – Ижевск, 2013 // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 569а.

Литература

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. – Уфа: Изд-во «БНЦ УрО РАН», 1992. – 140 с.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Археология СССР. САИ, вып. Д1-30. – М.: Наука, 1966. – 142 с.

Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980. С. 3–56.

Арма́тынская О. В., 1986. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Межвузовский сборник научных трудов. – Устинов: Удмуртский университет, 1986. – С. 26–46.

Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья / С. И. Безуглов // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 169–193.

Бернц В. А. Погребальный инвентарь Заборьинского грунтового могильника мазунинского времени в Удмуртском Прикамье // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции. – Ижевск, 2008. – С. 423–445.

Бугров Д. Г. Женский костюм именьковской культуры как этнокультурный индикатор (опыт реконструкции по материалам Коминтерновского II могильника) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. – Ижевск, 2002. – С. 227–233.

Васюткин С. М., Калинин В. К. Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. – Уфа, 1986. – С. 95–122.

Васюткин С. М., Калинин В. К., Обыденнов М. Ф. Экспедиция Башкирского государственного университета // АО 1975 года. – М., 1976. – С. 164–166.

Васюткин С. М., Останина Т. И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 64–125.

Виноградов С. Н. Развитие традиционных изобразительных мотивов удмуртов // Вестник Удмуртского университета. – 1994. – № 5. – С. 32–44.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – 2- изд., доп. – Ижевск: Удмуртия, 2018. – 400 с.

Вороничева О. В. Основные направления научной деятельности по изучению историко-ландшафтного комплекса Кирилло-Белозерского монастыря: попытка создания электронной базы данных на основе полученных материалов // Методическое сопровождение мониторинга недвижимых памятников Вологодской области. – Вологда, 2005. – С. 35–43.

Генинг В. Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Вып. 4. – Свердловск, 1962. – С. 5–52.

Генинг В. Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7. – Ижевск, 1967. – С. 7–84.

Генинг В. Ф. Ижевский могильник // ВАУ. Вып. 7. – Ижевск, 1967а. – С. 123–140.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н. э. – II в. н. э. Часть I // ВАУ. Вып. 10. – Свердловск-Ижевск, 1970. – 224 с.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н. э. – II в. н. э. Часть II // ВАУ. Вып. 11. – Свердловск-Ижевск, 1971. – 160 с.

Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э. – М.: Наука, 1988. 240 с.

Генинг В. Ф., Мырзина Е. М. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып. 7. – Свердловск, 1967. – С. 85–115.

Голдина Е. В., Голдина Р. Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е. В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). – Ижевск: ОАО «Ижевская республиканская типография», 2010. – 264 с.

Голдина Р. Д., В. Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье // Поволжская археология. – 2014. – Вып. 1. – С. 26–45.

Голдина Р. Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме, т. II, иллюстрации. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2003. – 721 с.

Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме, т. I, текст – каталог погребений. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2004. – 319 с.

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 17. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 499 с.

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология мужских погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. – 2016а. – № 1. – С. 41–89.

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. I // Поволжская археология. – 2016б. – № 3. – С. 17–58.

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Ч. II // Поволжская археология. – 2017а. – Вып. 1 (19). С. 172–204.

Голдина Р. Д., Бернц В. А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. – 2017б. – Вып. 2 (20). – С. 47–72.

Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Нырғындынський I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 364 с.

Голдина Р. Д., Лещинская Н. А. Хронология Тарасовского могильника I–V вв. в Среднем Прикамье // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). – Самара, 1997. – С. 21–24.

Голдина Р. Д., Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. О составе металла некоторых украшений Нырғындынського I могильника I–III вв. н. э. в Среднем Прикамье // Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Нырғындынський I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 341–362.

Голдина Р. Д., Сабиров Т. Р., Сабирова Т. М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. – Казань, Ижевск, 2015. 297 с.

Голдина Р. Д., Черных Е. М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 18. – Ижевск: Сарапульская типография, 2011. – 168 с.

Горная энциклопедия. Т. 3. Кенган – Орт. / Под ред. Козловского Е. А. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 592 с.

Горная энциклопедия. Т. 4. Ортин – Социосфера. / Под ред. Козловского Е. А. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 623 с.

Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: автореф. дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. – Киев, 1988. – 26 с.

Григорьева (Сабирова) Т. М. Технология изготовления бронзовых застёжек Тарасовского могильника // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Челябинск: ЮУКИ, 2005. – С. 63–64.

Григорьева (Сабирова) Т. М. Сьюльгамы Тарасовского могильника // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань, 2006. – С. 94–95.

Григорьева (Сабирова) Т. М. Технология изготовления застёжек с неподвижным крючком Тарасовского могильника I–V вв. // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург-Сургут, 2007. – С. 183–185.

Григорьева Т. М., Сабиров Т. Р. Металлические костюмные украшения как элемент погребальной обрядности Тарасовского могильника I–V веков на Средней Каме // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: РИО Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 74–76.

Груздев Д. В. ArMoR – программа учета и систематизации археологических материалов // Труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер». – М., 2005. – С. 216–222.

Ёлкина А. К. Исследование коллекции древнего текстиля из археологических памятников Удмуртии // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: б/и, 1988. – С. 143–152.

Енисова Н. Б., Сарачева Т. Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты истории изучения // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 286–315.

Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород: 2000. – С. 99–111.

Есин Ю. Н. О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 114–128.

Зварич В. В. Нумизматический словарь. – Львов: Вища школа, 1980. 159 с.

Казанцева О. А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 132–139.

Казанцева О. А. Красноярский могильник I–V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Материалы исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 24. – Ижевск, 2012. – 180 с.

Касастикова Л. Ю., Белоусова Н. А. Электронные ресурсы музея КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири» и их применение на примере археологических коллекций // Археология Южной Сибири (сборник научных трудов). Вып. 24. – Кемерово, 2006. – С. 139–147.

Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Археология СССР. САИ, вып. Е1-43. – Ленинград: Наука, 1978. – 124 с.

Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. № 158. – М., 1969. – 214 с.

Красноперов А. А. Мода на одежду с парными застёжками на восточных окраинах Европы // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 231–233.

Красноперов А. А. Бирский и Тарасовский могильники: сравнительная характеристика датирующих возможностей комплексов с фибулами // Уфимский археологический вестник. № 8. – 2008. – С. 117–129.

Красноперов А. А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. к 70-летию П.Н. Старостина. Серия «Археология евразийских степей». – Выпуск 10. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 70–79.

Кропотов В. В. Фибулы юга Восточной Европы II в. до н. э. – III в. н. э. как объект археологических исследований // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 125. – С. 55–61.

Кропотов В. В. Принципы классификации фибул юга Восточной Европы сарматского времени // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 152. – С. 87–90.

Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. – Киев: Изд-во «Адеф-Украина», 2010. – 384 с.

Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник / Останина Т. И., Канунникова О. М., Степанов В. П., Никитин А. Б., – Ижевск: Удмуртия, 2011. – 218 с.

Лаптева Т. А. Хронология фибул Прикамья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. – Екатеринбург, 1993. – С. 138–140.

Лаптева Т. А. Бронзовые фибулы Прикамья // Historia Fenno-Ugrica I; 1-2. – Oulu: 1996. – С. 711–732.

Лаптева Т. А. Конструктивная классификация застёжек Прикамья III в. до н. э. – V в. н. э. // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Сборник статей. – Ижевск: «Удмуртский университет», 2002. – С. 69–81.

Лецинская Н. А. Ошкинский могильник – памятник пьяноборской эпохи на Вятке // Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып. 2. – Ижевск, 2000. – 21 с.

Лецинская Н. А. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения): Материалы Всерос. науч. конф. – Ижевск: Удмуртский университет, 2010. – С. 134–144.

Лецинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. – Ижевск, 2014. – 472 с.

Лецинская Н. А., Орехов П. М. Бронзолитейное производство Вятского края в I тыс. н. э. (технологические аспекты) // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: РИО Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2007. – С. 173–177.

Лихтер Ю. А. Археологический источник и база данных. Выбор модели. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики: труды III конференции Ассоциации «История и компьютер». – М., 1996. – С. 96–99.

Мадуров Д. Ф. Генезис и семантика средневековых сюльгам чувашей // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары: ЧГИГН, 2006. – С. 332–347.

Мажитов Н. А. Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. – М.: Наука, 1968. – 161 с.

Малашев В. А. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 130–140.

Малашев В. А., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. – М.: Восточная литература, 2008. – 365 с.

Мифы народов мира. Том 2. / Под ред. Токарева С. А. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 719 с.

Морфология украшений. Морфология древностей. Вып. 4. / Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Сарачева Т. Г., Столярова Е. К., – М.: КДУ, 2007. – 102 с.

Мошкова, М. Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. – Волгоград, 2000. – С. 186–200.

Останина Т. И. Нивский могильник III–V вв. н. э. // *Материалы к ранней истории населения Удмуртии*. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – С. 92–117.

Останина Т. И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии // *Поиски, исследования, открытия*. – Ижевск, 1984. – С. 26–92.

Останина Т. И. Городище IV–V вв. у д. Чужьялово Удмуртской АССР // *Новые исследования по древней истории Удмуртии*. – Ижевск, 1988. – С. 70–87.

Останина Т. И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1992. – 96 с.

Останина Т. И. Население среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 326 с.

Ошибкина С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных археологических исследований. Т. 13. – М.: ИА РАН, 2010. – 212 с.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / А. М. Обломский, Г. Л. Земцов, О. А. Радюш, Я. П. Мулкиджанян, А. А. Хреков, Д. А. Стащенко, Р. В. Терпиловский // *Раннеславянский мир*. Вып. 10. – М., 2007. – 320 с.

Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. К вопросу о «бляхах-зеркала» Прикамья на примере Нырғындынского I могильника (II–III вв. н. э.) // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 211–214.

Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V вв. // *Вестник Пермского государственного университета*. Серия «История». – 2014. – № 1 (24). – С. 71–82.

Перевоицков С. Е., Сабирова Т. М. Цветной металл Ошкинского могильника конца I – III вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // *Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.)*. Ижевск: Сарапульская типография, 2014а. – С. 452–470.

Равич И. Г. Химико-технологическое изучение зеркал из курганных могильников сарматской эпохи Оренбургской области // *Естественно-научные методы в изучении Филипповского I могильника*. – М., 2011.

Равич И. Г., Бер Л. Б., Мухина Т. А. Особенности состава благородной черной патины на миниатюрных зеркалах сарматского времени, найденных на Северном Кавказе // *Исследования и консервация культурного наследия: материалы научно-практической конференции*. – М., 2005.

Русланова Р. Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII вв. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 376 с.

«Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии / Т. Н. Джаксон, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, А. В. Подосинов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 360 с.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Состав цветного металла городищ чепецкой культуры (Иднакар и Уччакар) // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*. – 2018. – № 2 (5). – С. 94–101.

Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского комплекса памятников X–XIII веков по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // *Вестник УдГУ. Серия история и филология*. – 2019. – Т. 29, вып. 1. – С. 97–108.

Сабирова Т. М. Создание электронной базы данных по археологическим источникам (на примере фибул из Археологического музея УдГУ) // *Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст.* – Ижевск: «Удмуртский университет», 2012. – С. 207–211.

Сабирова Т. М. Изучение прикамских фибул в отечественной археологии // *Вестник Удмуртского университета. История и филология*. – Ижевск, 2013. – Вып. 1. – С. 113–118.

Сабирова Т. М. Бабочковидные фибулы Тарасовского могильника: состав сплава и технология изготовления // *Материалы Международной полевой археологической школы*. – Болгар (Казань), 2014. – С. 101–103.

Сабирова Т. М. Изучение декора бабочковидных фибул среднего Прикамья // *Вестник Удмуртского государственного университета. Сер. История и филология*. – 2014а. – Вып. 3. – С. 101–107.

- Сабирова Т. М. Состав металла фибул Среднего Прикамья (по материалам коллекции УдГУ) // Поволжская археология. – 2019. – № 1 (27). – С. 180–193.
- Сабирова Т. М., Сабиров Т. Р. Планиграфический анализ фибул Тарасовского могильника I–V вв. // Материалы Археологического съезда. Т. II. – Казань, 2014. – С. 406–409.
- Сапрыкина И. А. Производственный ювелирный комплекс дьяковской культуры на городище Настасьино // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – М., 2004.
- Сапрыкина И. А. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки: автореф. дис. ... канд. ист. н-к: 07.00.06. – Москва, 2006. – 26 с.
- Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. – 1957. – № 54. – 240 с.
- Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. – 1977. – № 2. – С. 100–120.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во СГУ, 1984. – 149 с.
- Старостин П. Н. О халцедоновых украшениях из азелинских погребений // Finno-Ugrica. № 11. – Казань, 2008. – С. 8–11.
- Стоянов В. Е. Сайгатский могильник на средней Каме // ВАУ. Вып. 4. – Свердловск, 1964. – С. 117–134.
- Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). – Уфа: «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. – 172 с.
- Флёров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. – М., 2001. – 288 с.
- Худяков М. Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 11–12. – С. 76–97.
- Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А. А. Коновалов, Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева. – М.: Вост. лит., 2008. – 191 с.
- Черновол И. В. Подходы к созданию электронной базы данных коллекции фотопластин на стекле // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса [Электронный ресурс]: материалы конф. – Электрон. дан. – М.: ГПНТБ России, 2011.
- Черных Е. М. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С.113–131.
- Черных Е. М., Ванчиков В. В., Шаталов В. А. Аргыжское городище на реке Вятке. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 188 с.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 144 с.
- Чернышов Е. А. Технология литейного производства: Учеб. пособие. – М.: Абрис, 2012. – 383 с.
- Шаблавина Е. А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н. э.) // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001. – С. 308–321.
- Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав: Учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 1989. – 120 с.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. – СПб.: Фарн, 1994. 324 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVII: Култагой – Лед. – СПб., 1896. – 482 с.
- Koryakova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 408 p.
- Porac S. What causes some people to be left-handed, and why are fewer people left-handed than right-handed? [Электронный ресурс] // Scientific American URL: <http://www.scientificamerican.com/article/what-causes-some-people-t> (дата обращения: 24.04.2014).

Приложение I

РИСУНКИ

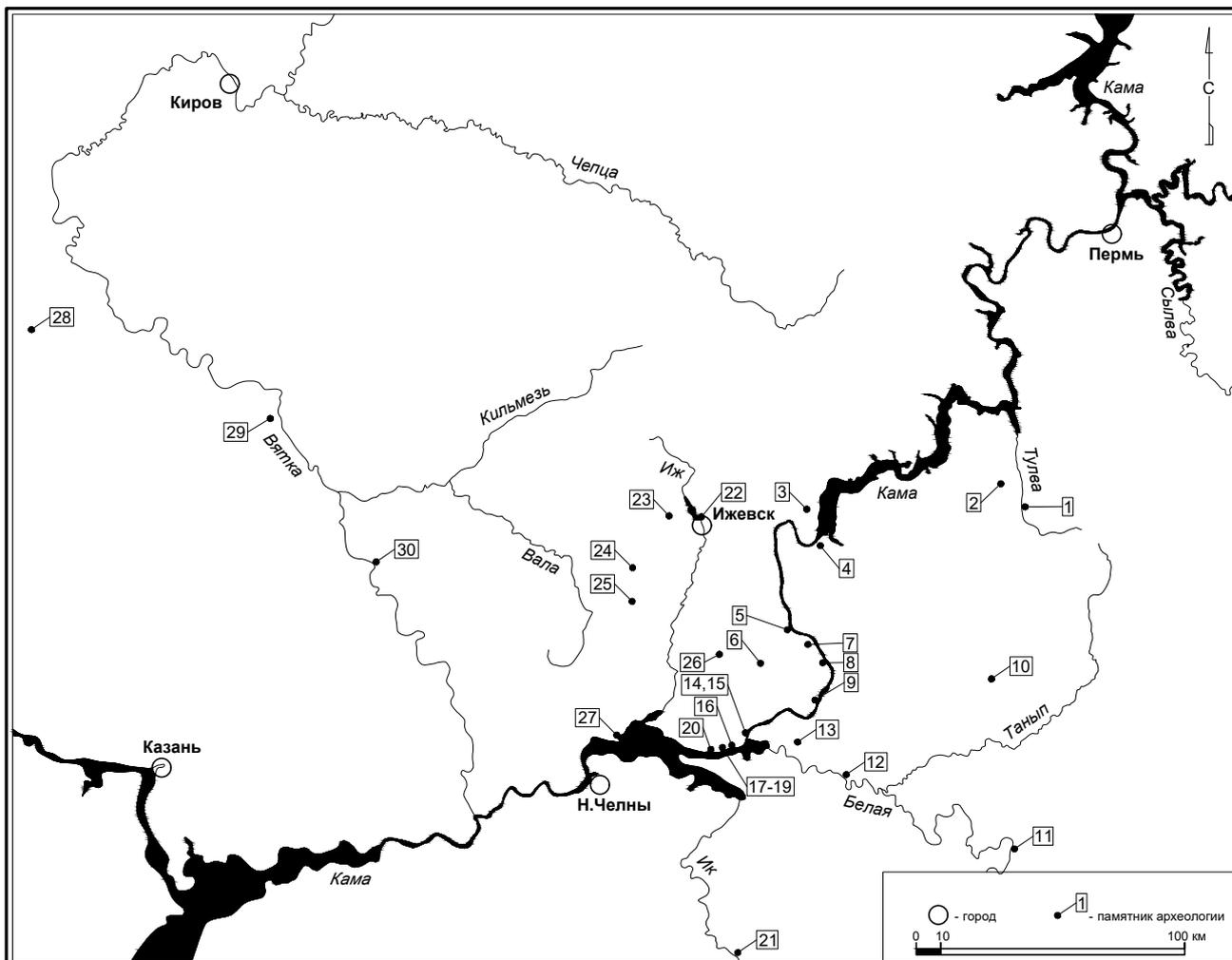
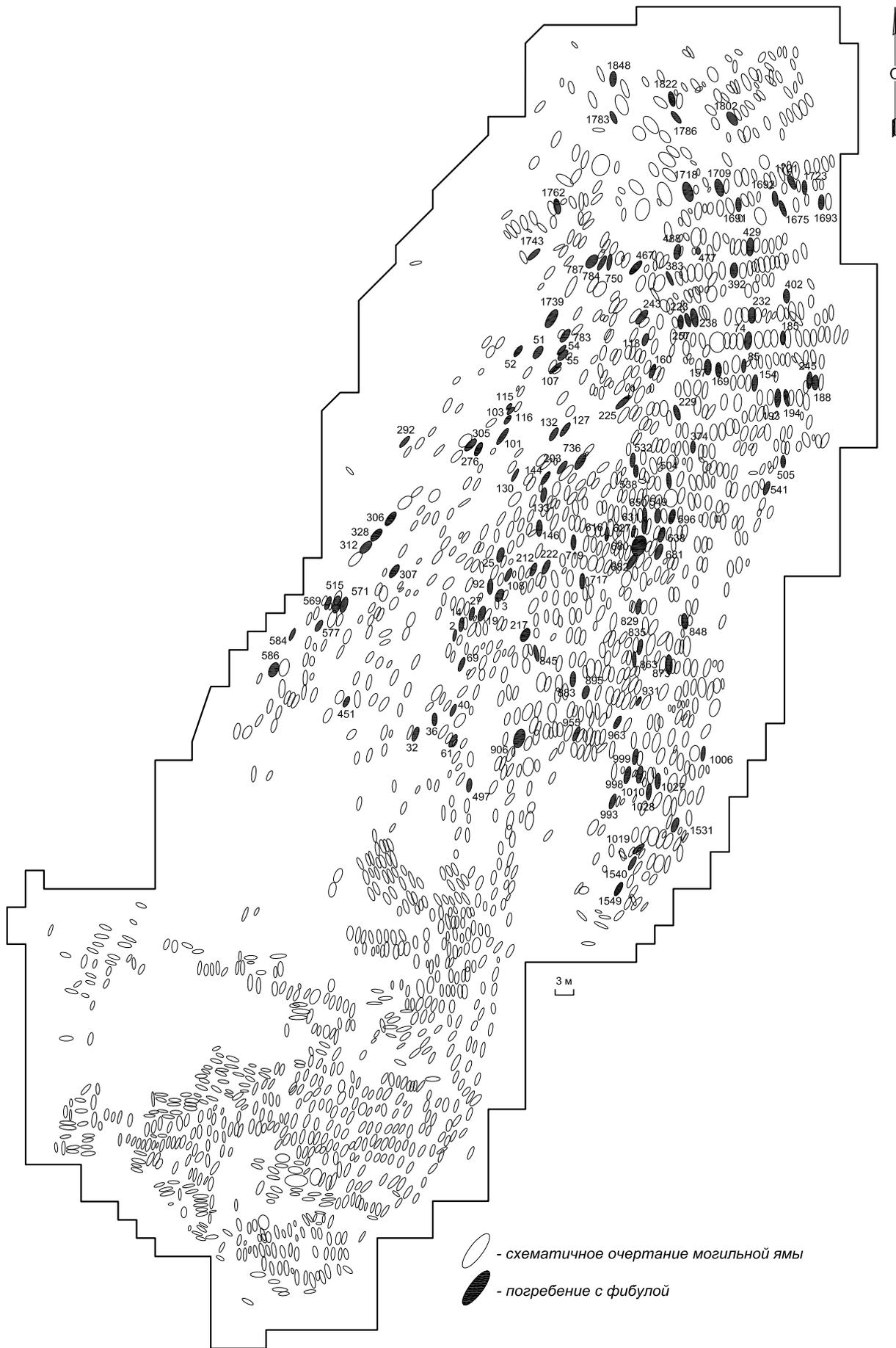

Рис. 1. Памятники с фибулами, вошедшие в работу.

- 1 – Красноярский могильник, 2 – Кудашевский могильник, 3 – Нивский могильник, 4 – Сайгатский могильник, 5 – Усть-Сарапульский могильник, 6 – Заборьинский могильник, 7 – Мазунинский могильник, 8 – Тарасовский могильник, 9 – Боярский «Арай» могильник, 10 – Югомашевский могильник, 11 – Бирский могильник, 12 – Старо-Муштинский могильник, 13 – Старо-Кабановский могильник, 14 – Чегандинский II могильник, 15 – Чегандинское I городище, 16 – Быргындинский I могильник, 17 – Нырғындынский I могильник, 18 – Нырғындынский II могильник, 19 – Нырғындынское III городище, 20 – Зуевоключевское I городище, 21 – Сасыкульский могильник, 22 – Ижевский могильник, 23 – Чужьяловское городище, 24 – Покровский могильник, 25 – Бобья-Учинский могильник, 26 – Дубровский могильник, 27 – Тураевский I могильник, 28 – Худяковский могильник, 29 – Ошкинский могильник, 30 – Аргыжское городище (клад)

○ - схематичное очертание могильной ямы
 ● - погребение с фибулой

Рис. 2. Распределение погребений с фибулами на площадке Тарасовского могильника

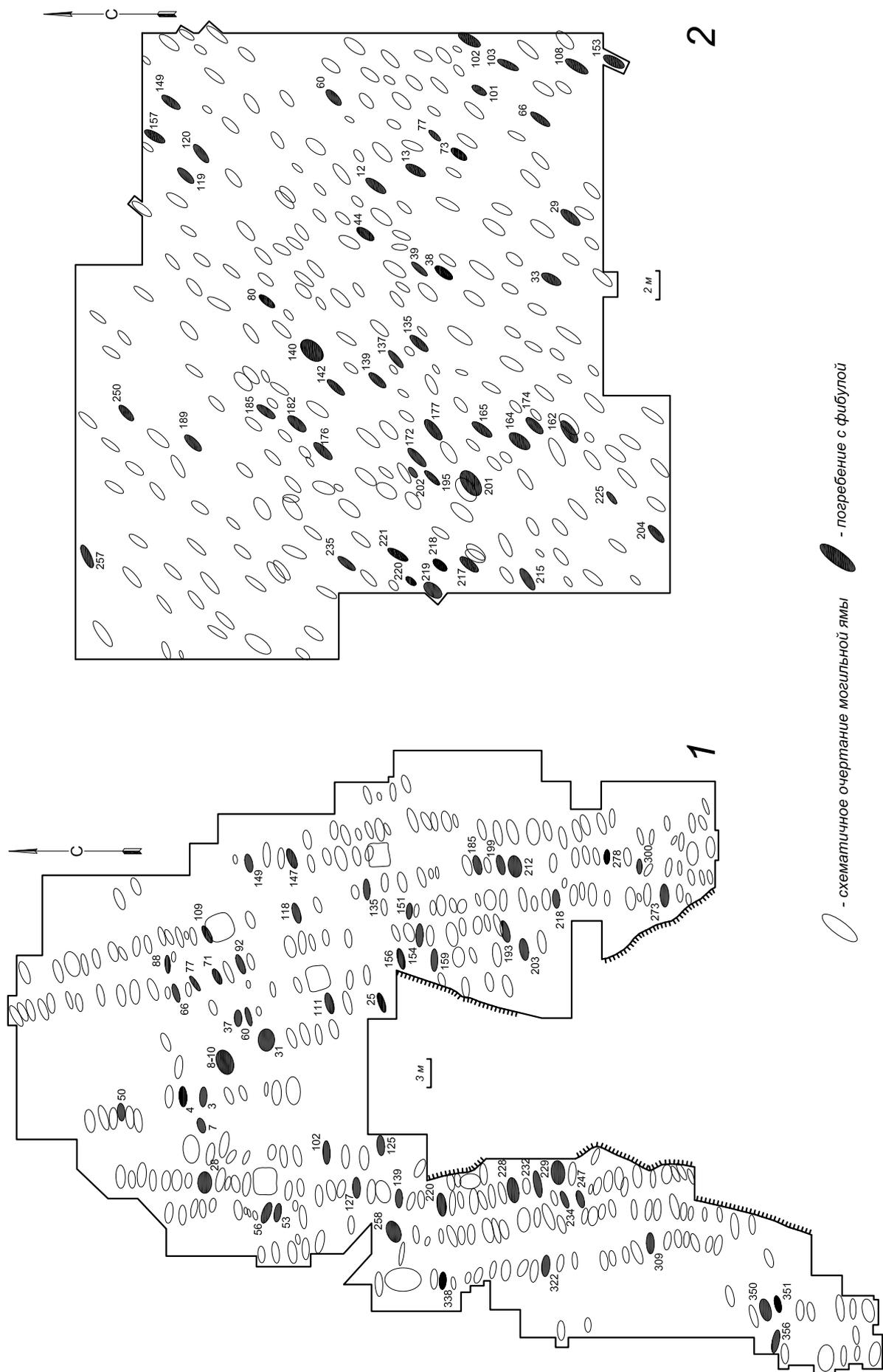

Рис. 3. Распределение погребений с фибулами на площадках Покровского (1) и Тураевского I (2) могильников

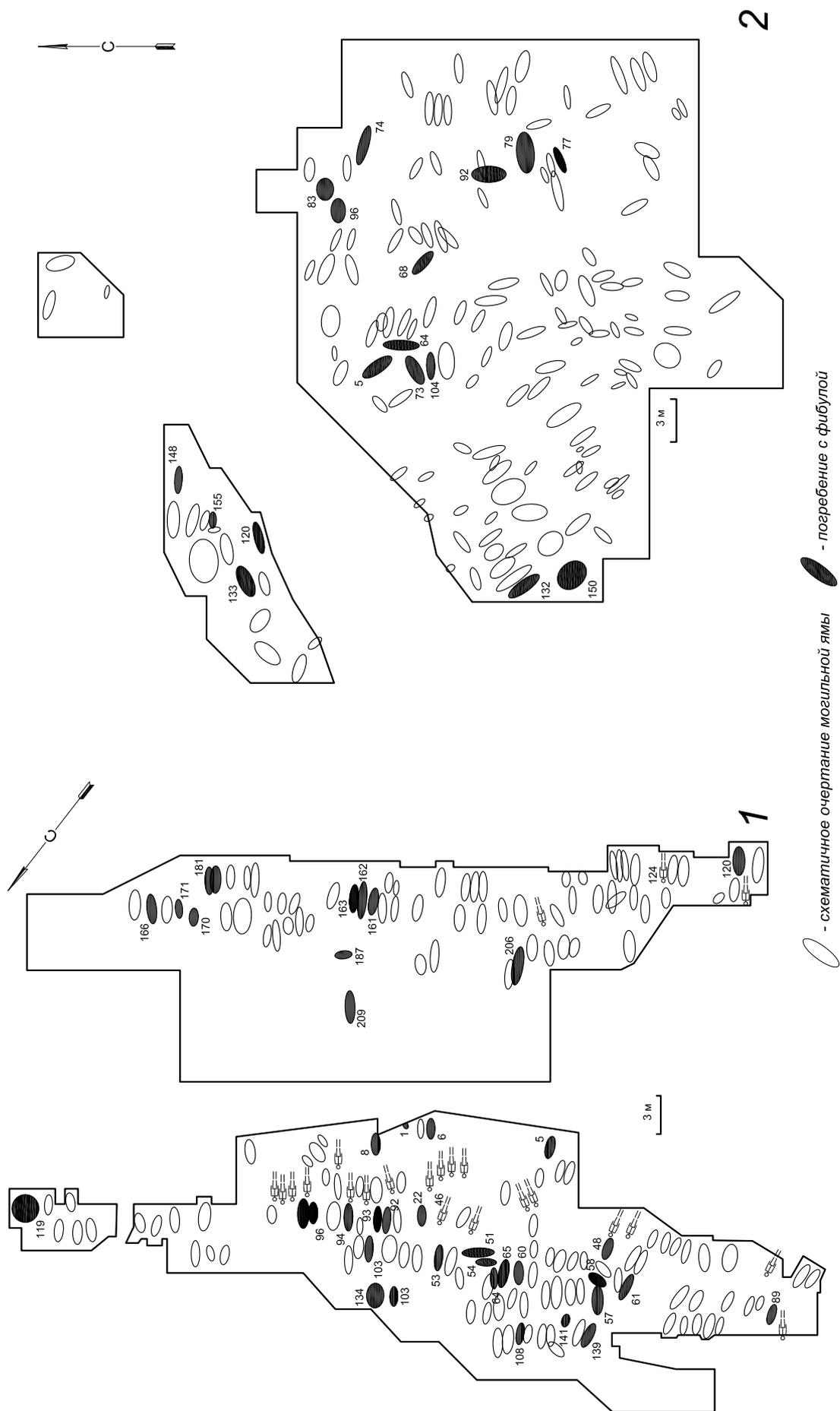

Рис. 4. Распределение погребений с фибулами на площадках Ижевского (1) и Нивского (2) могильников

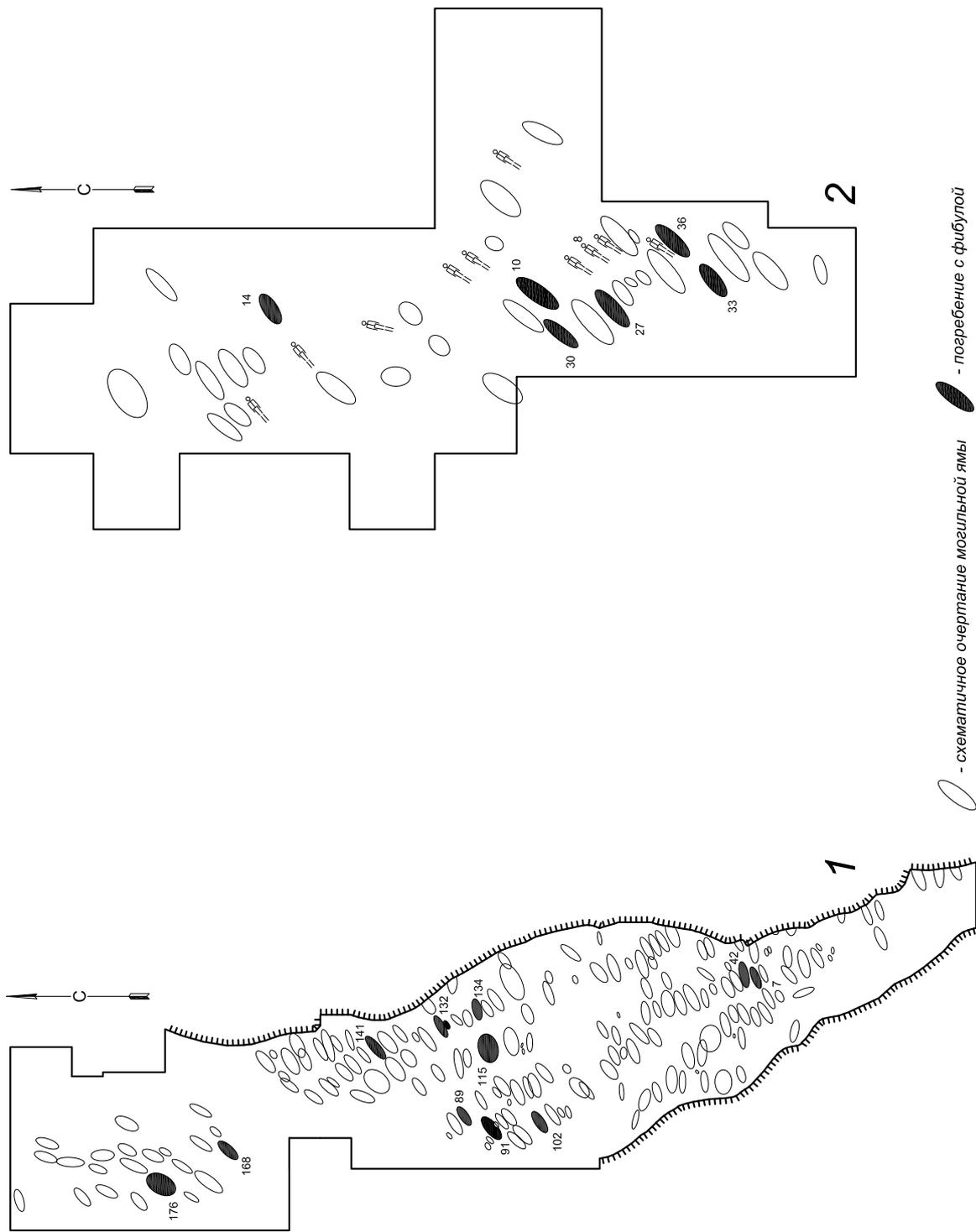

Рис. 5. Распределение погребений с фибулами на площадках Боярского «Арай» (1) и Усть-Сарапульского (2) могильников

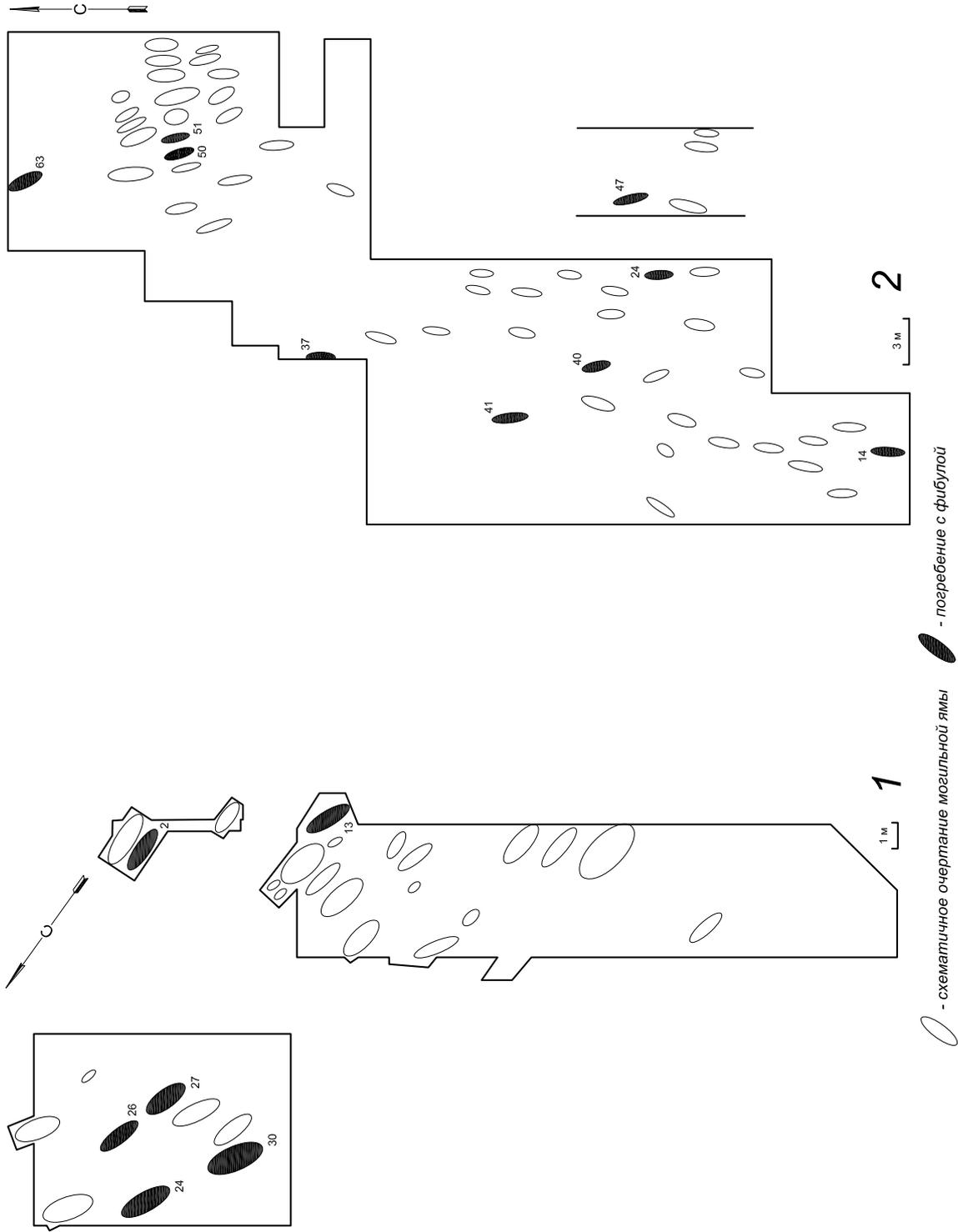

Рис. 6. Распределение погребений с фибулами на площадках Заборьинского (1) и Мазунинского (2) могильников

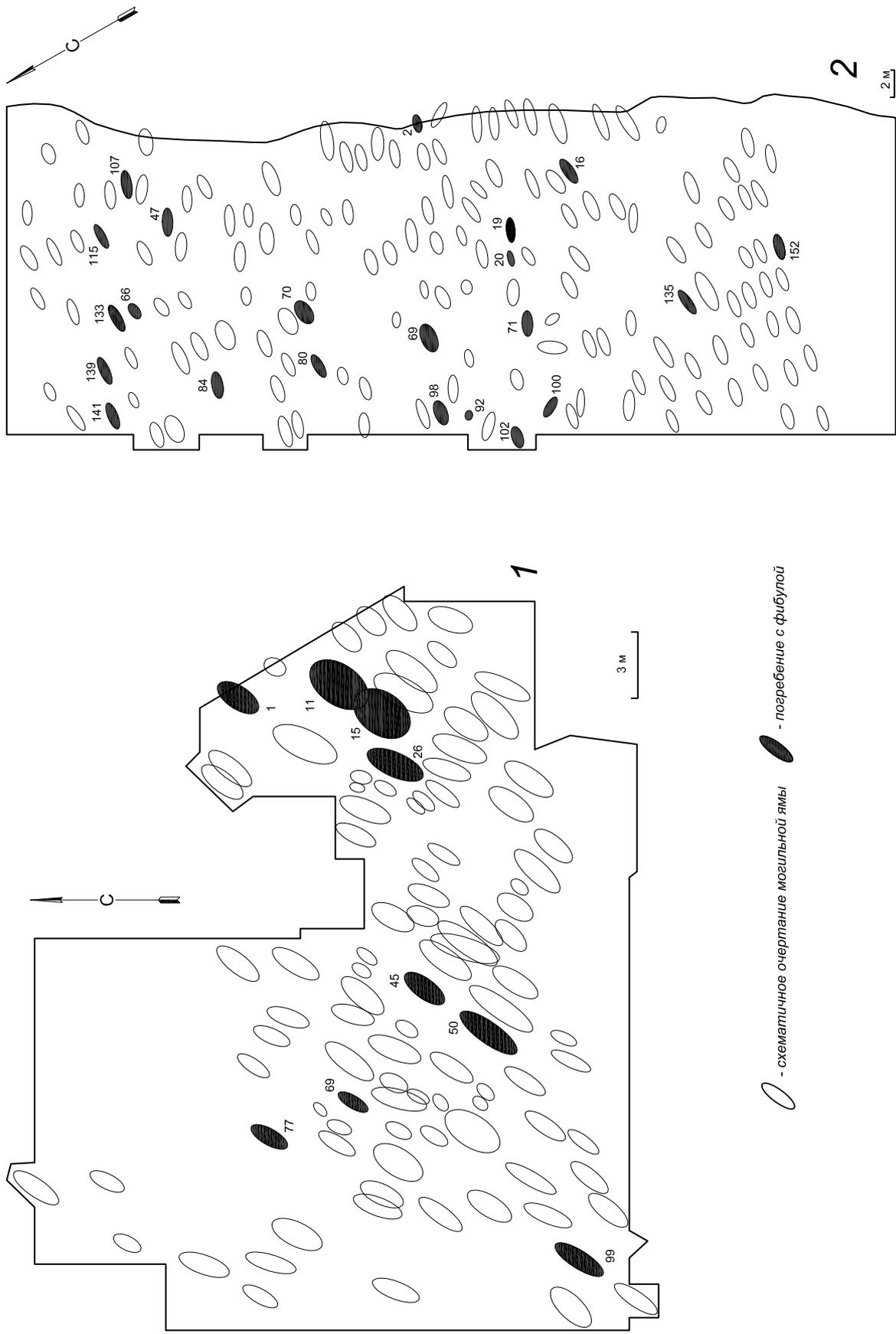

Рис. 7. Распределение погребений с фибулами на площадках Сайгатского (1) и Старо-Кабановского (2) могильников

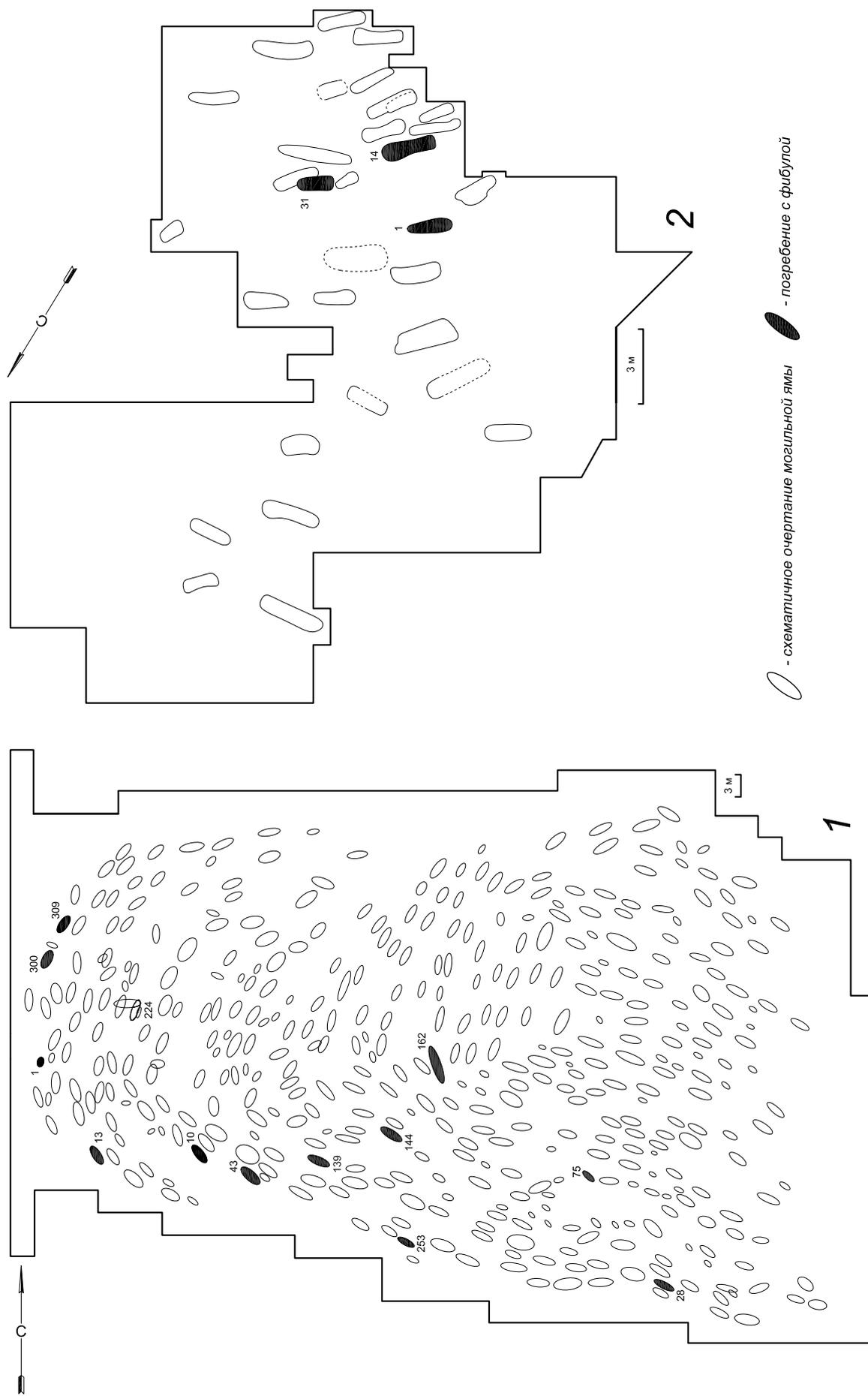

Рис. 8. Распределение погребений с фибулами на площадках Сасыкульского (1) и Ошкинского (2) могильников

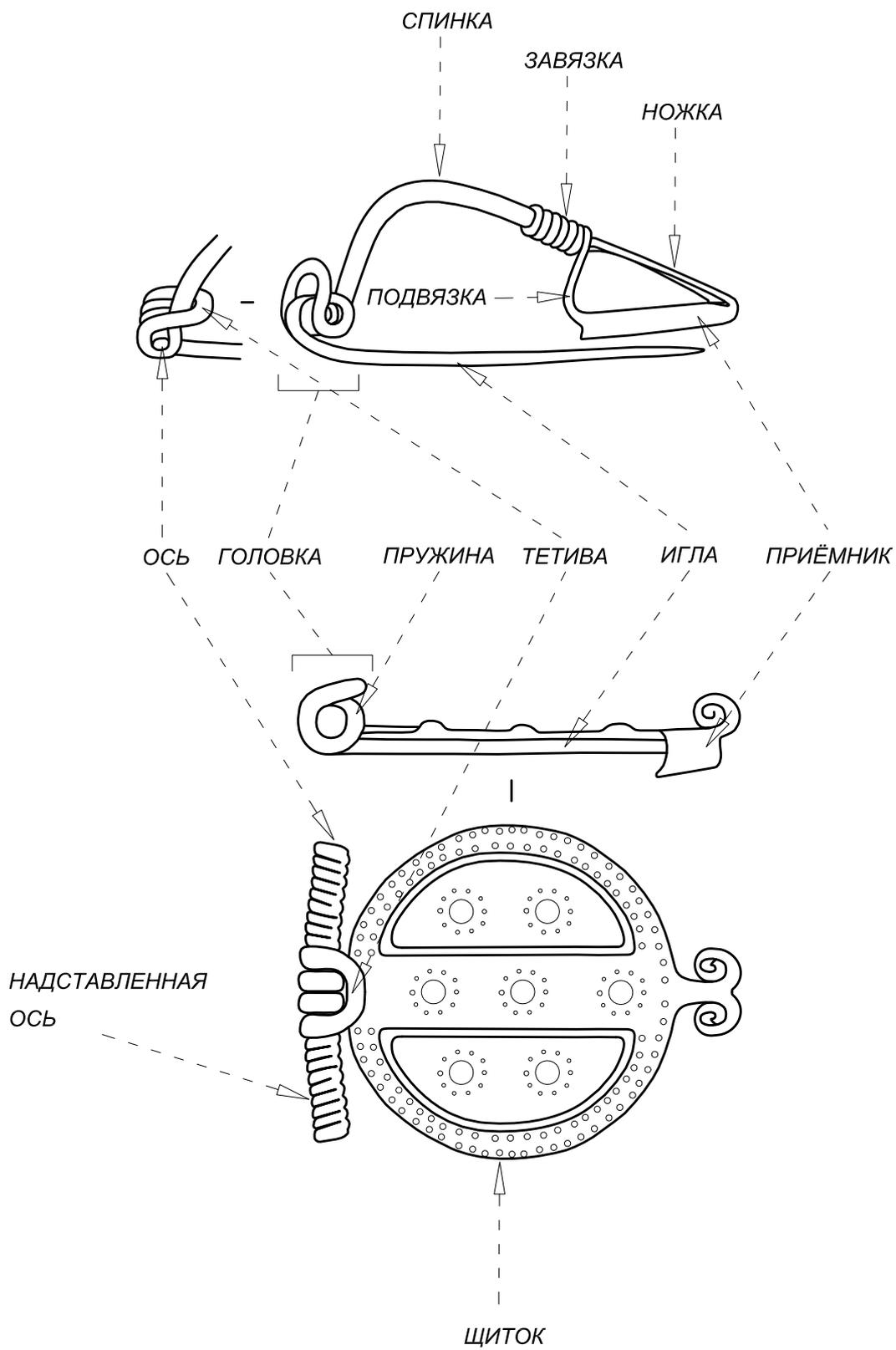

Рис. 9. Основные части фидулы (По: Амброз, 1966. Рис. 1-1)

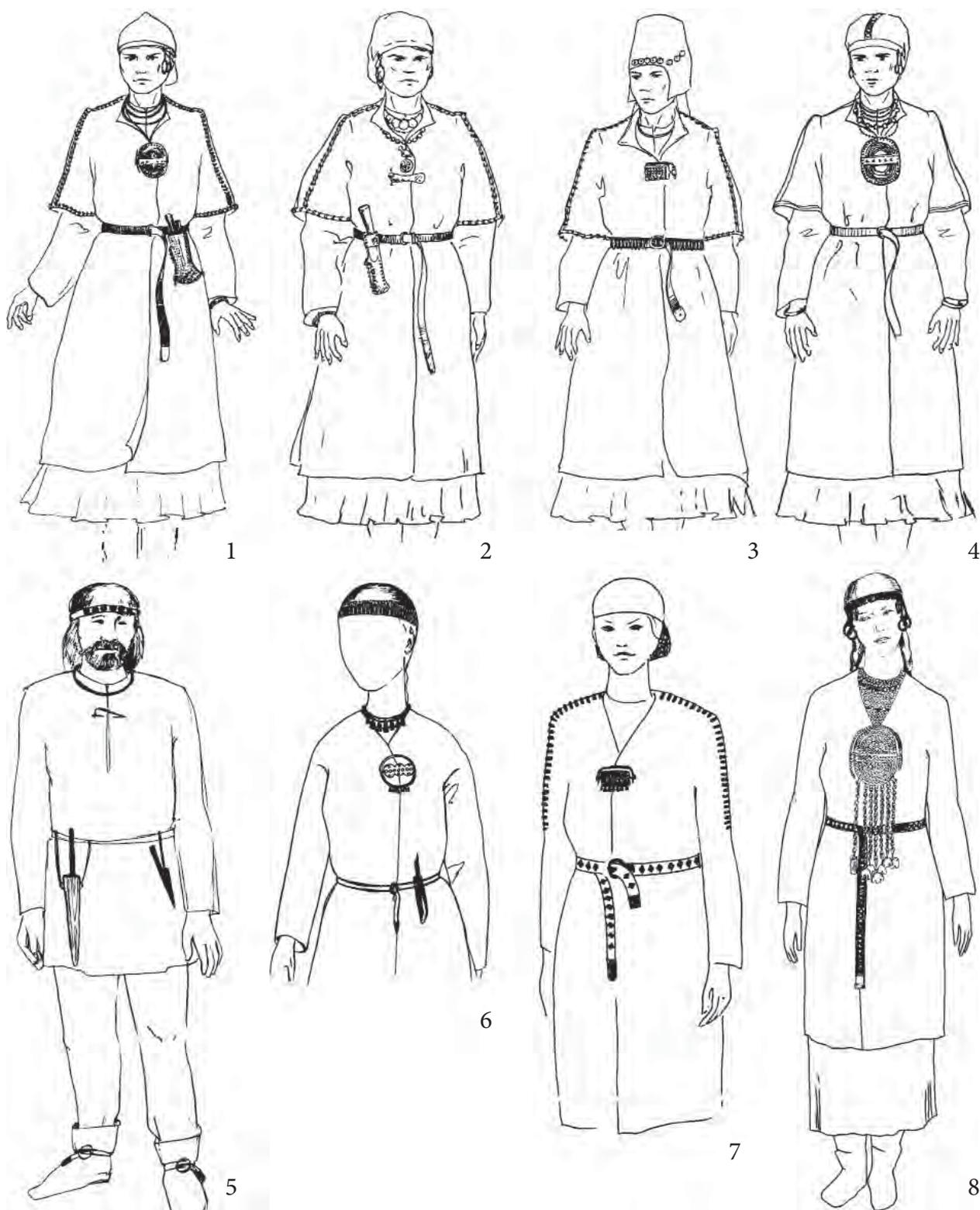

Рис. 10. Графические варианты реконструкции использования фибул в одежде:

1 – погр.135 Покровского могильника (№216), 2 – погр.152 Старокабановского могильника (№429), 3 – погр.56 Покровского могильника (№203), 4 – погр.139 Ижевского могильника (№181), 5 – погр.139 Сасыкульского могильника (№336); 6 – погр.69 Усть-Сарапульского могильника (№328); 7 – погр.135 Старо-Кабановского могильника (№426); 8 – погр.1762

Тарасовского могильника (№140).

1-4 – по: Останина, 1997. Рис.68, 69, 72, 76; 5-8 – по: Красноперов, 2006. Табл. 207, 229, 232, 239.

В скобках указаны номера фибул в каталоге – см. прил. III

Рис. 11. Информационная структура электронного каталога фибул

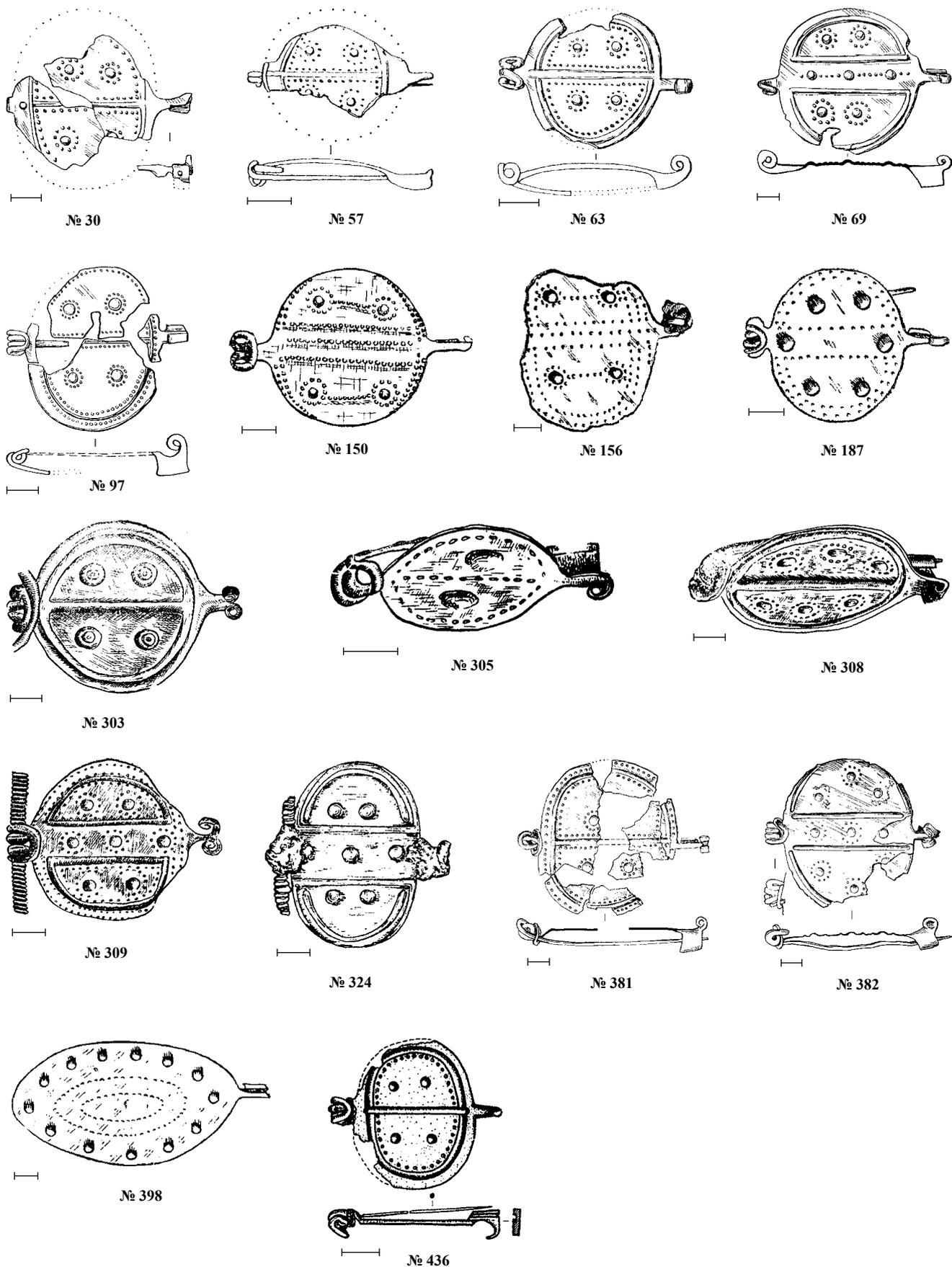

Рис. 12. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 1 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

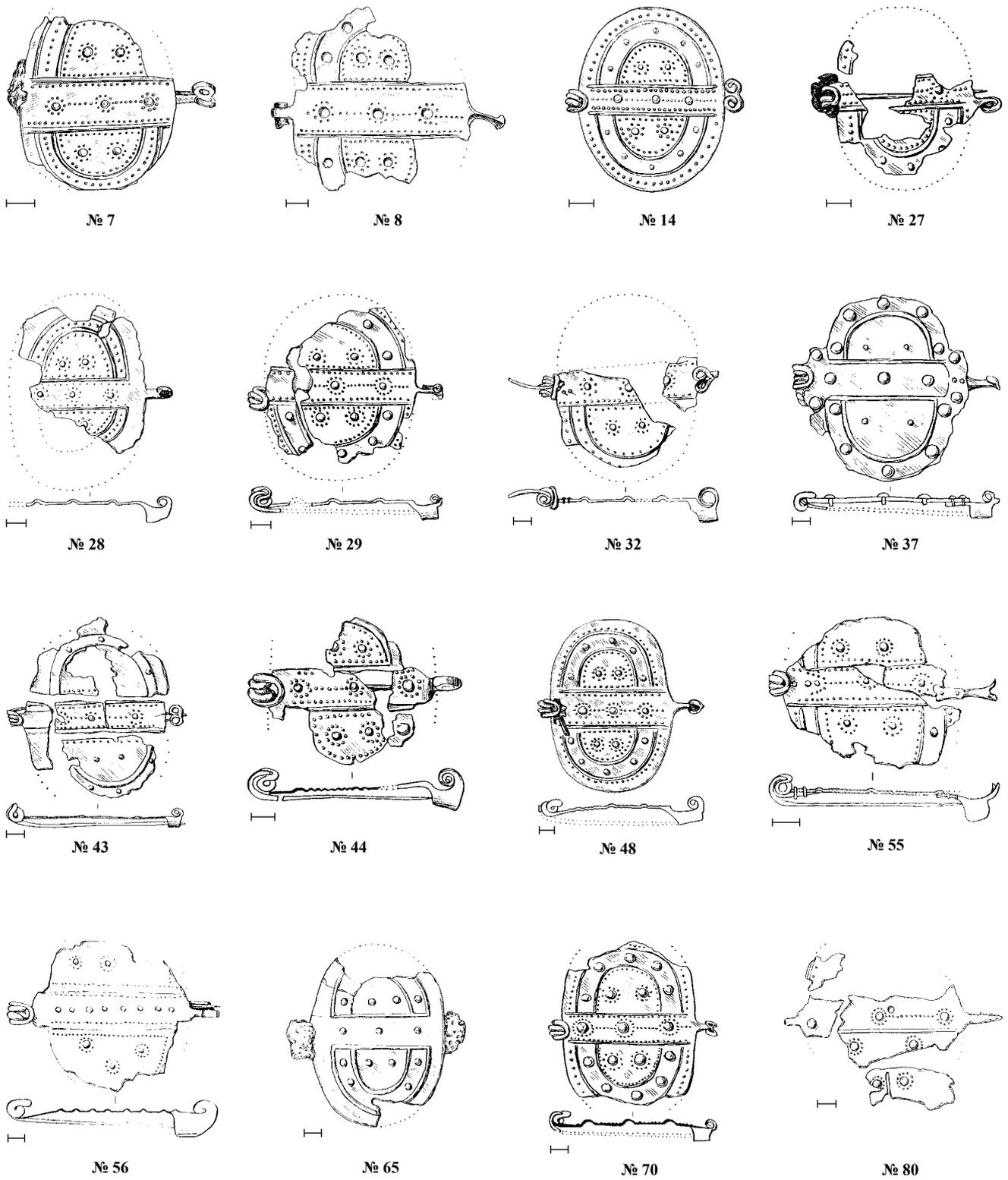

Рис. 13. Классификация прикамских фибул. **Тип 1, вариант 2** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

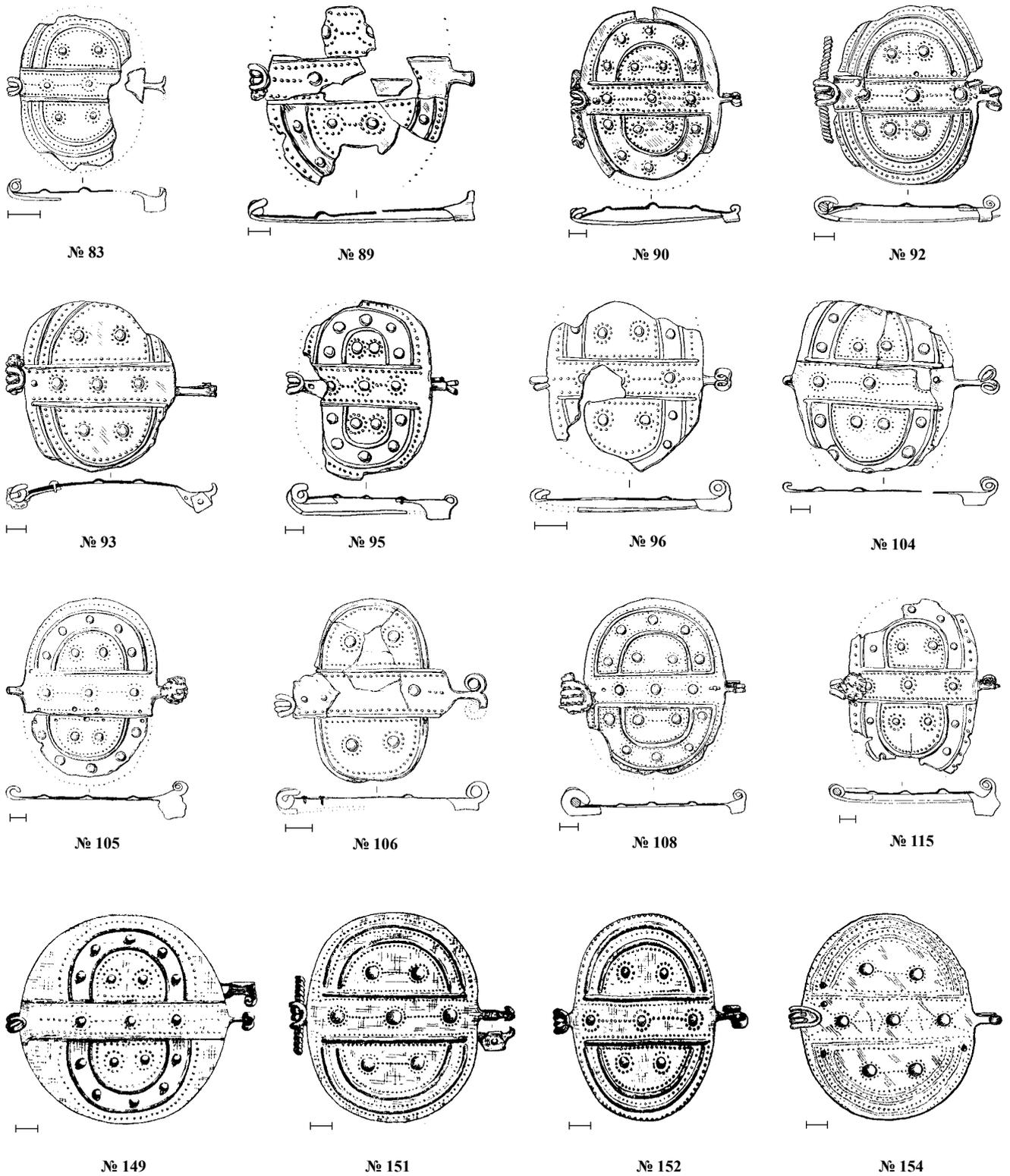

Рис. 14. Классификация прикамских фибул. **Тип 1, вариант 2** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

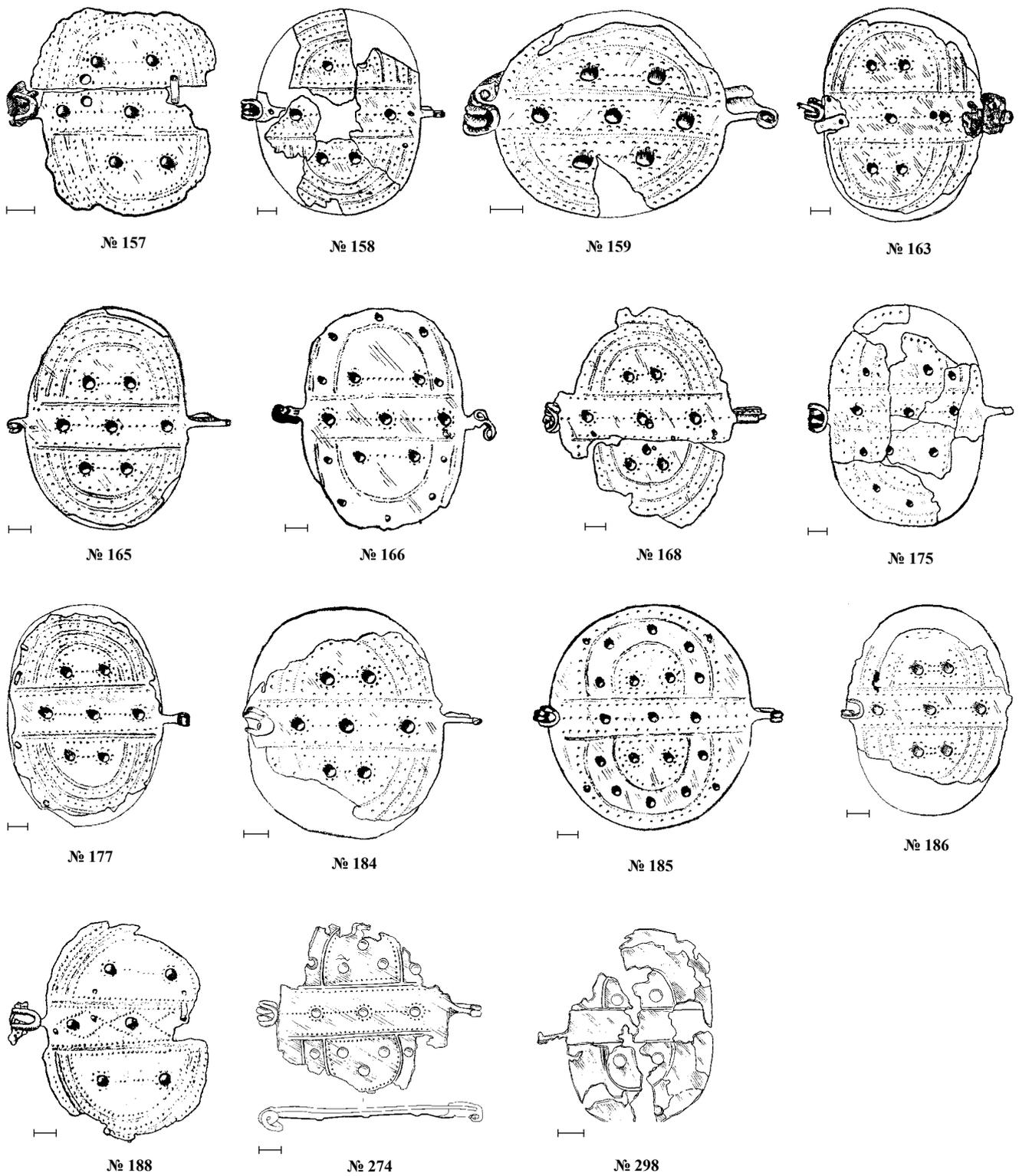

Рис. 15. Классификация прикамских фибул. **Тип 1, вариант 2** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

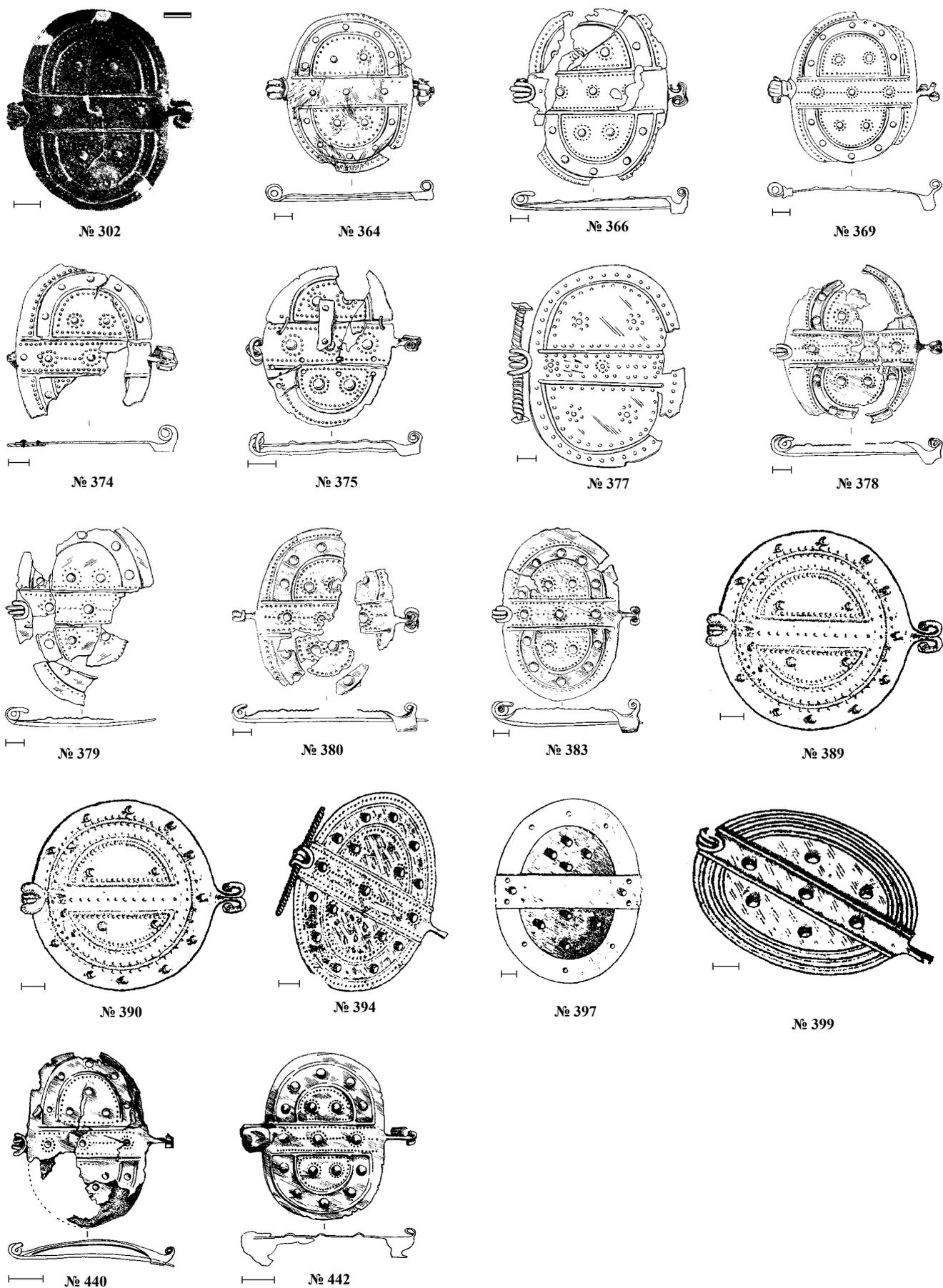

Рис. 16. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 2 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

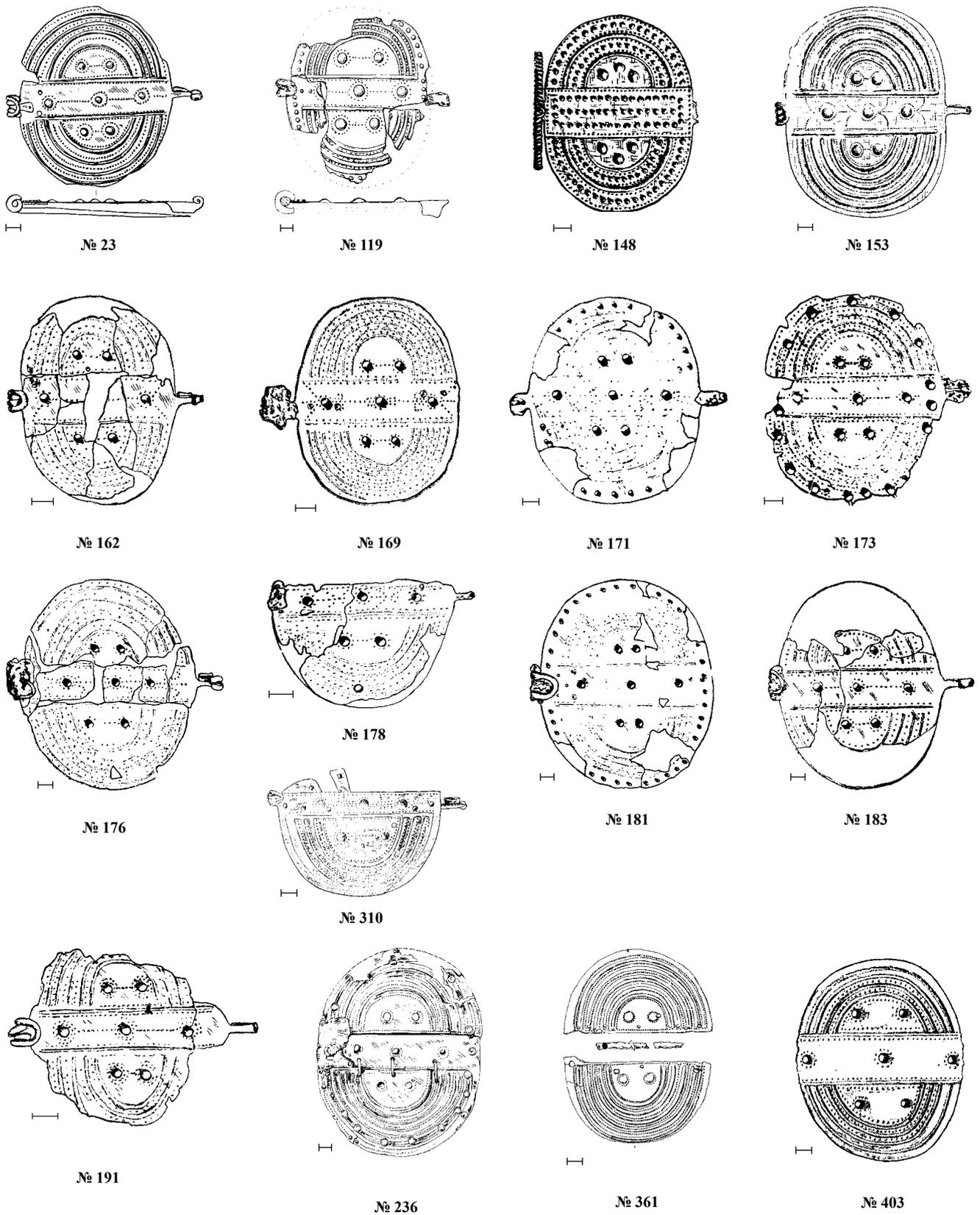

Рис. 17. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 3 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

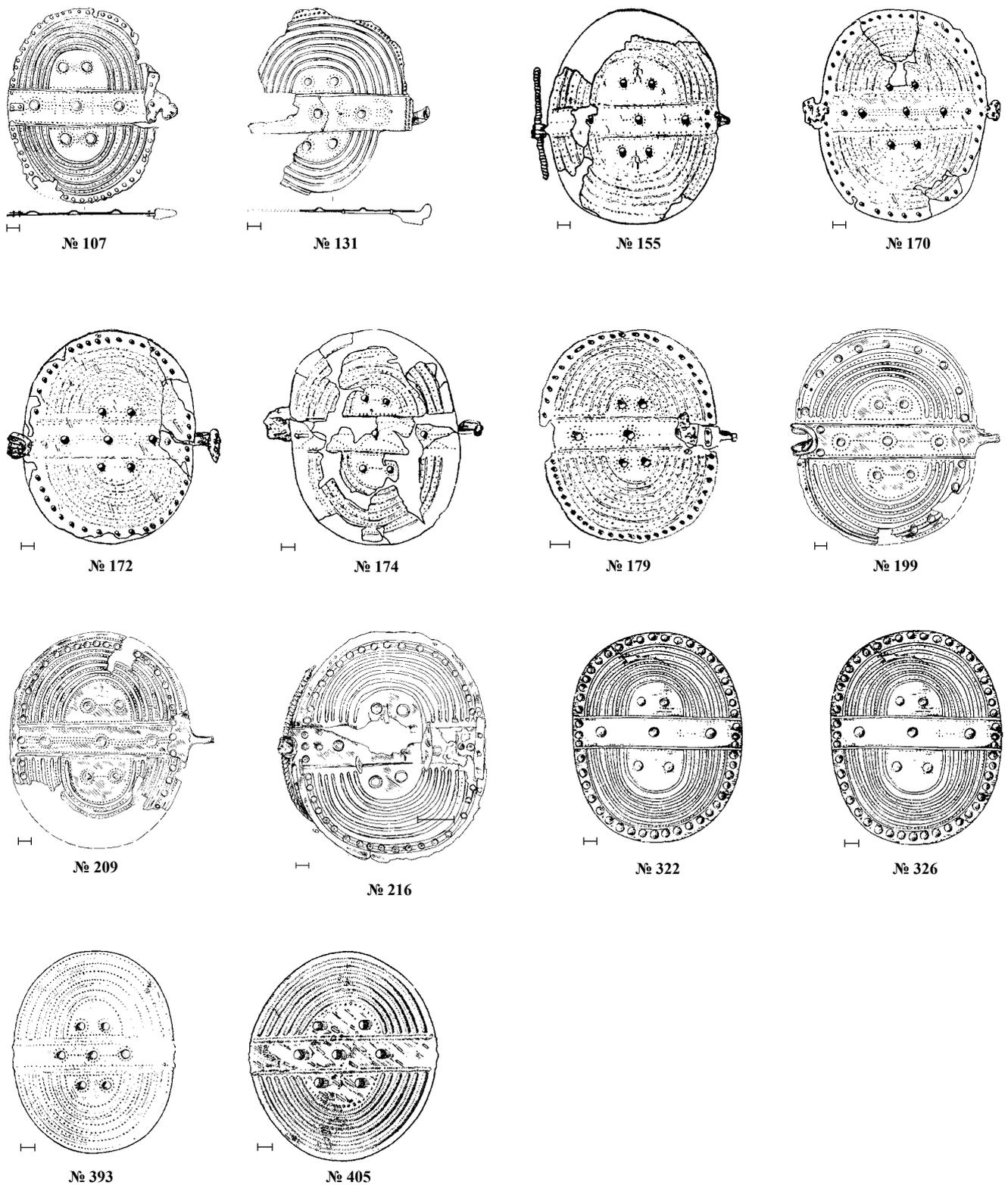
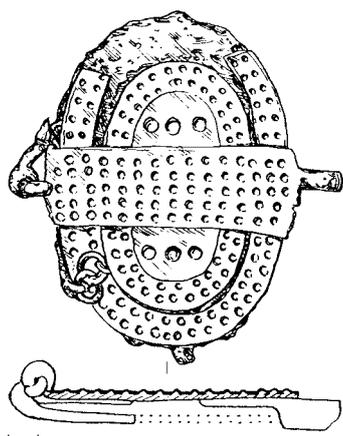
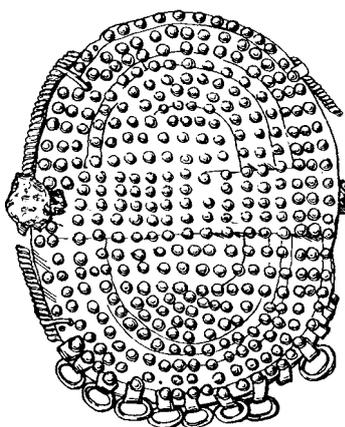

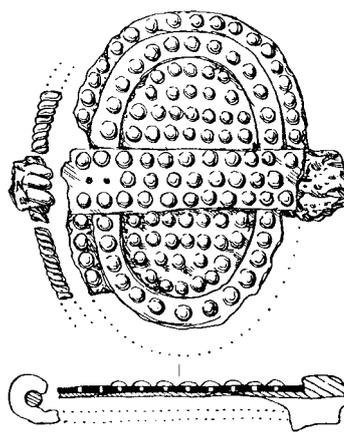
Рис. 18. Классификация прикамских фибул. **Тип 1, вариант 4** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

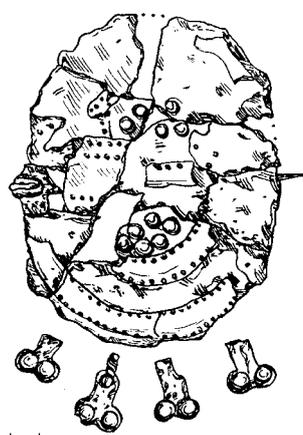
№ 19

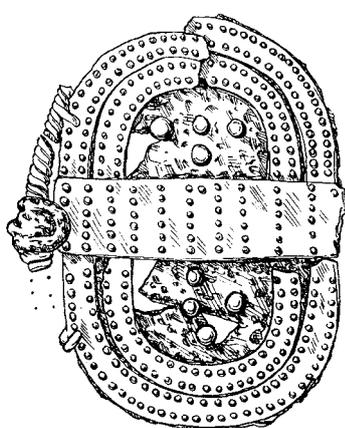
№ 39

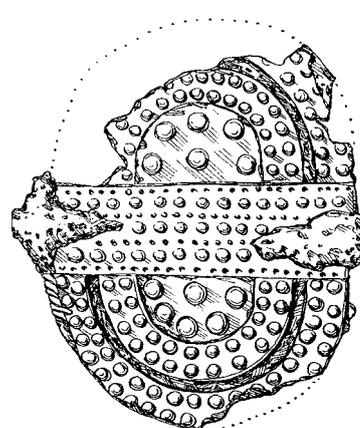
№ 40

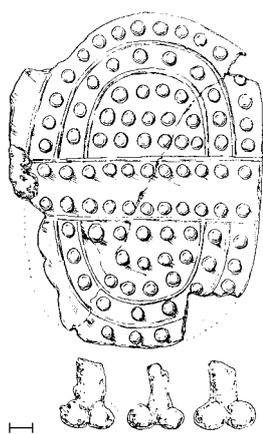
№ 47

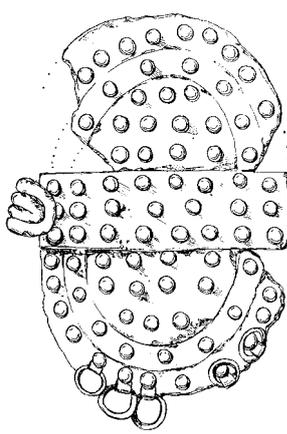
№ 50

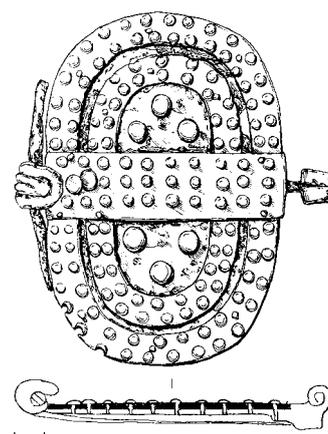
№ 53

№ 64

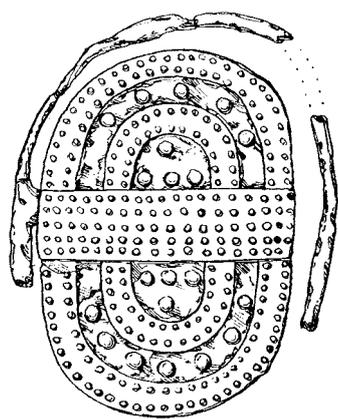

№ 74

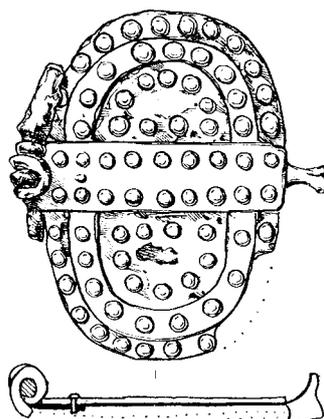

№ 75

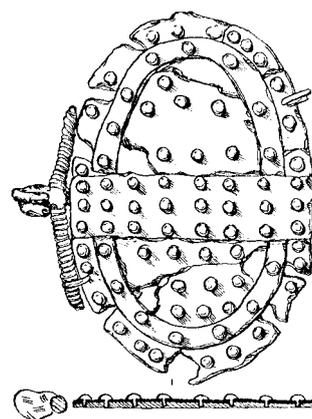
Рис. 19. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

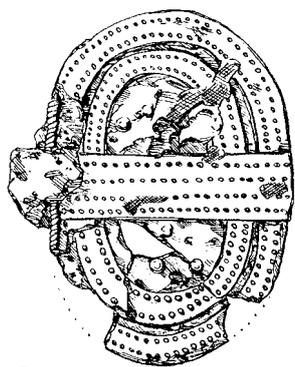
№ 118

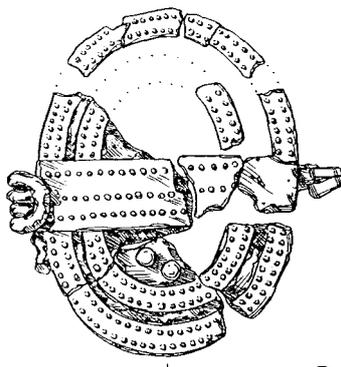
№ 121

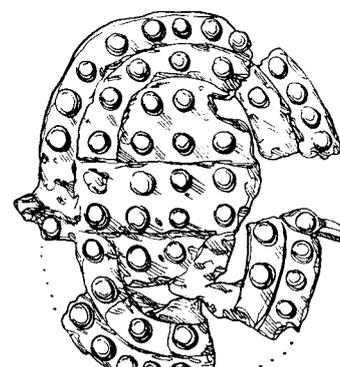
№ 122

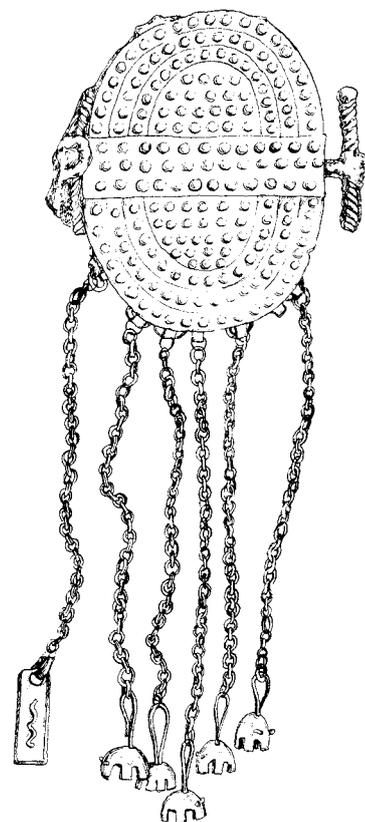
№ 125

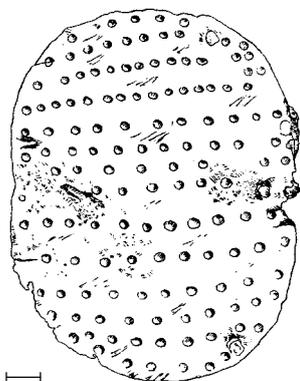
№ 126

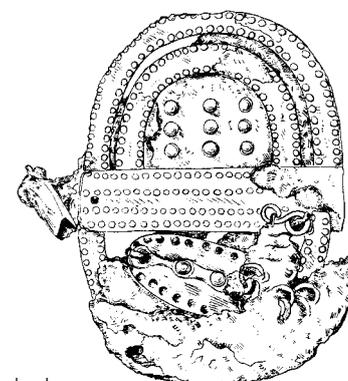
№ 128

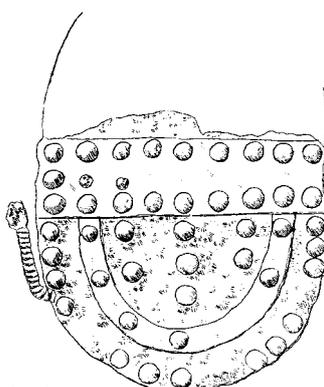
№ 140

№ 206

№ 208

№ 215

Рис. 20. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

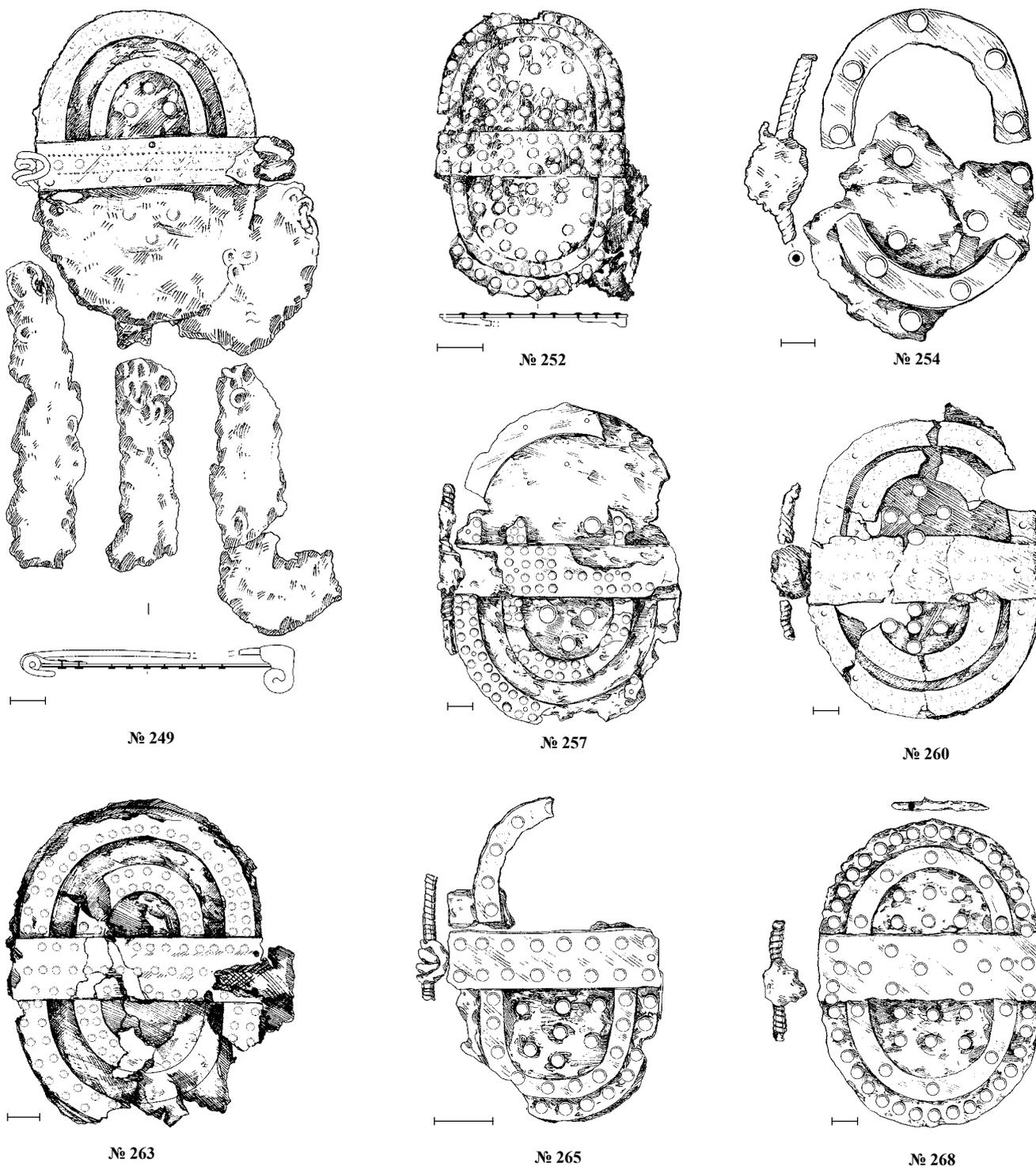

Рис. 21. Классификация прикамских фибул. **Тип 1, вариант 5** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

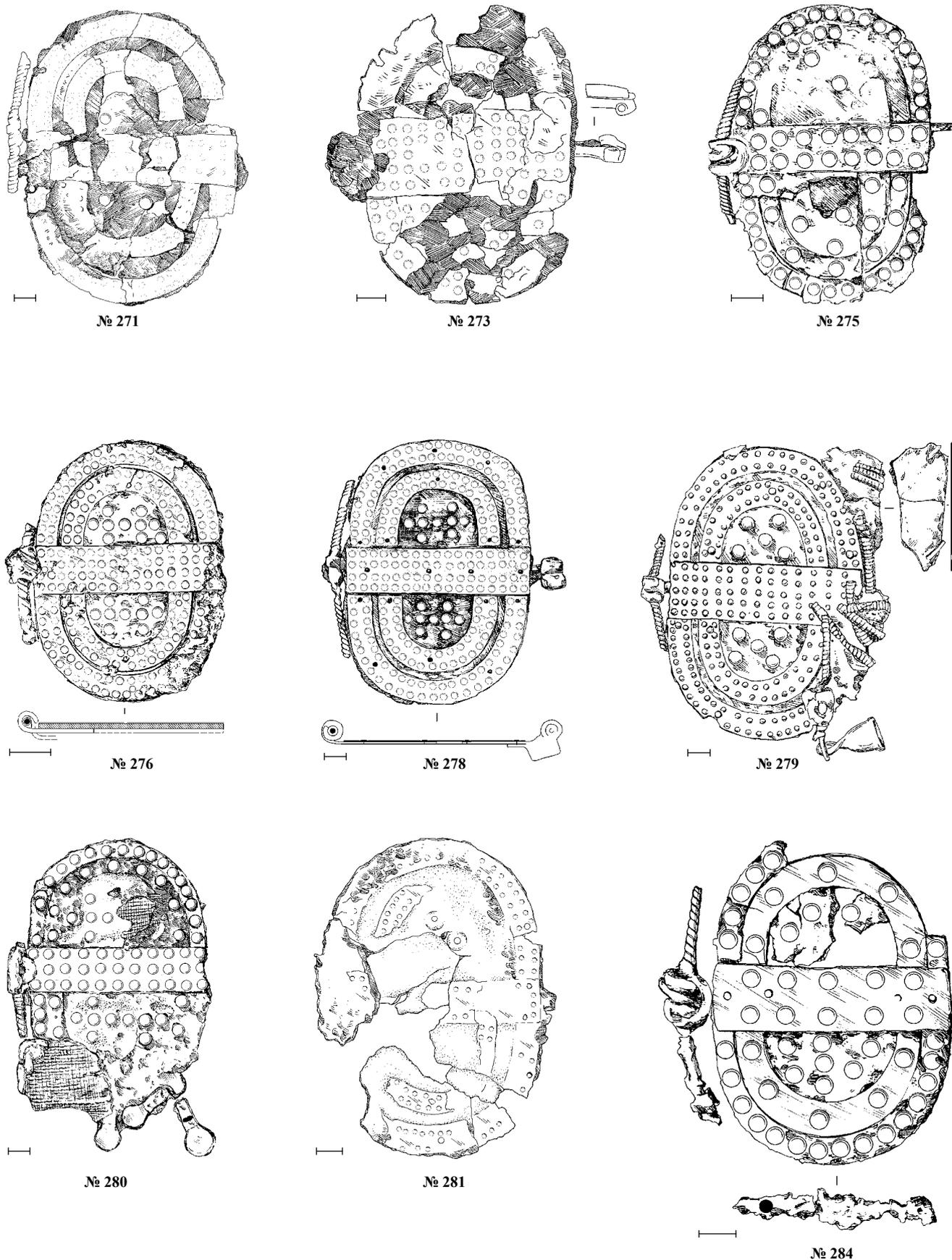

Рис. 22. Классификация прикамских фибул. **Тип 1, вариант 5** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

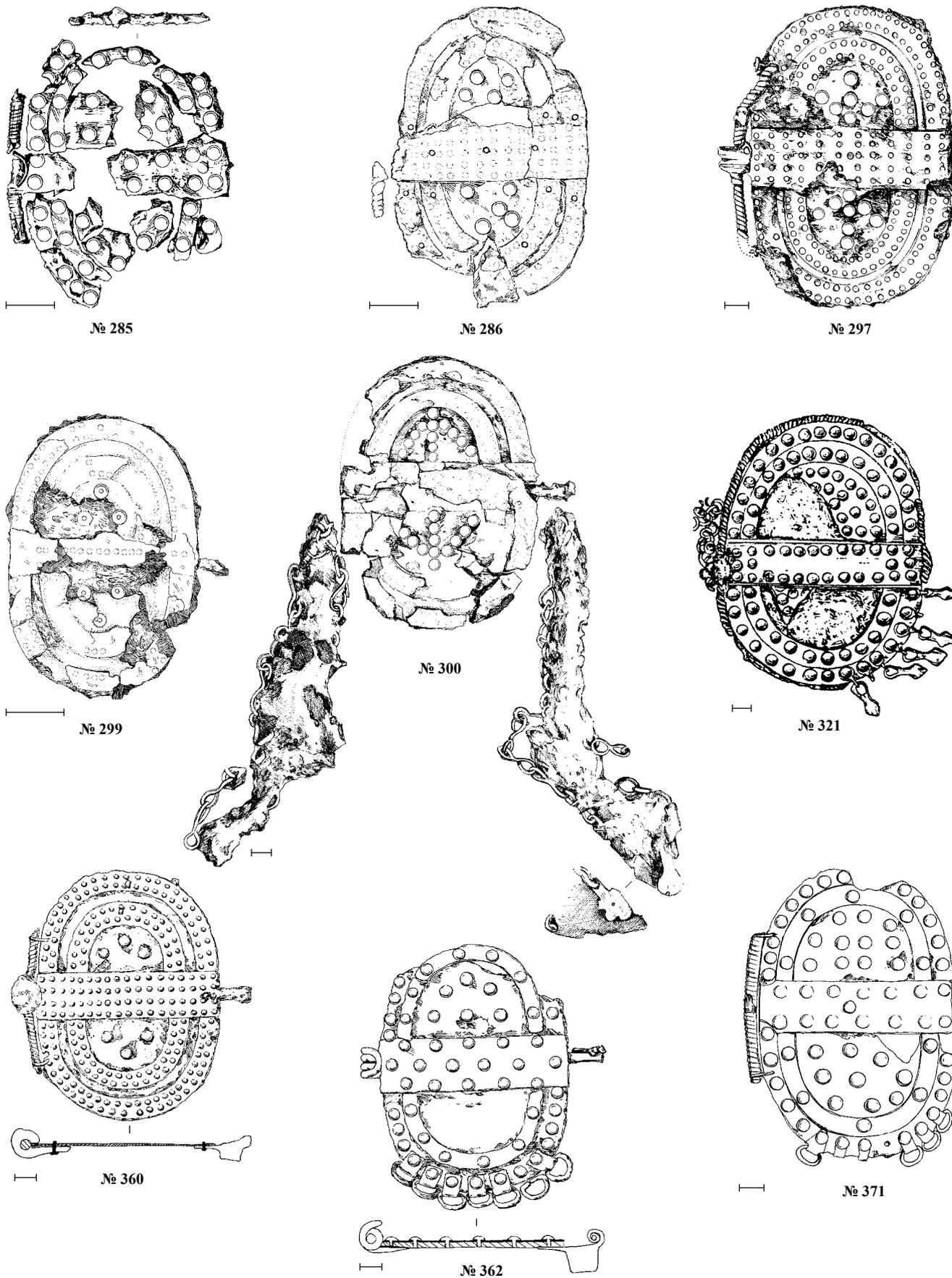
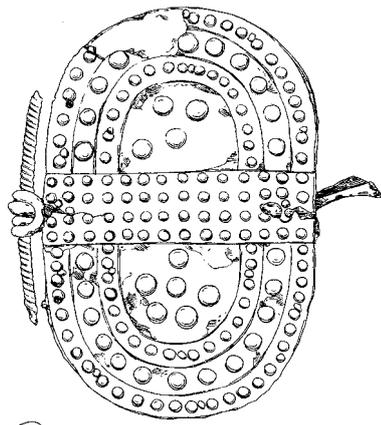
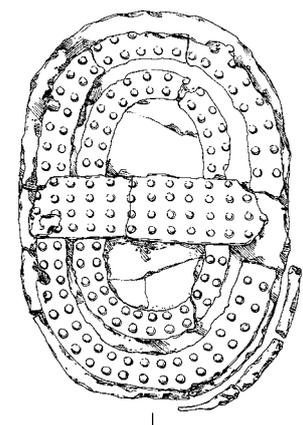

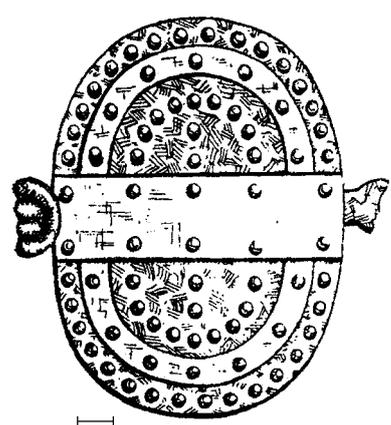
Рис. 23. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

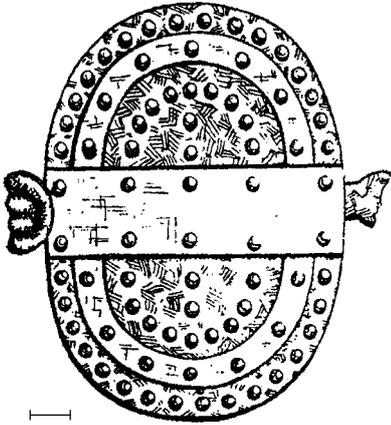
№ 372

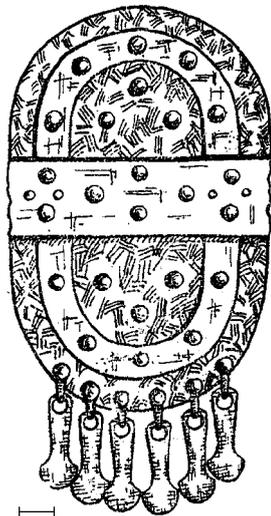
№ 373

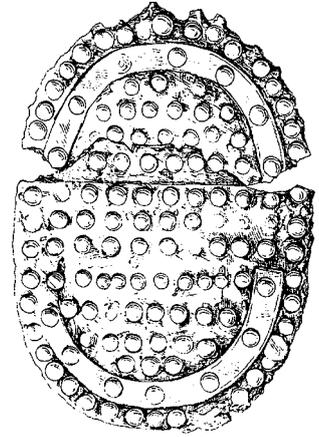
№ 395

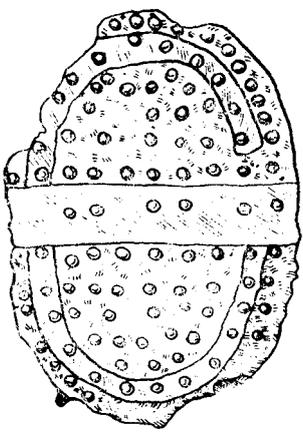
№ 400

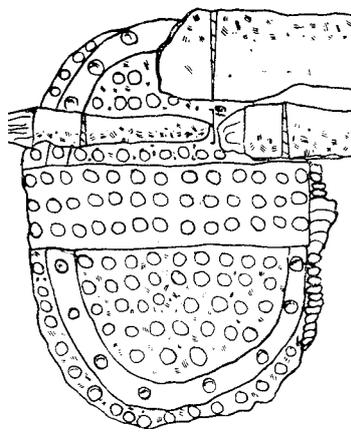
№ 404

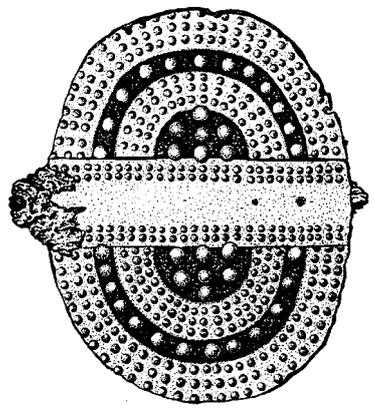
№ 408

№ 414

№ 424

№ 438

Рис. 24. Классификация прикамских фибул. Тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

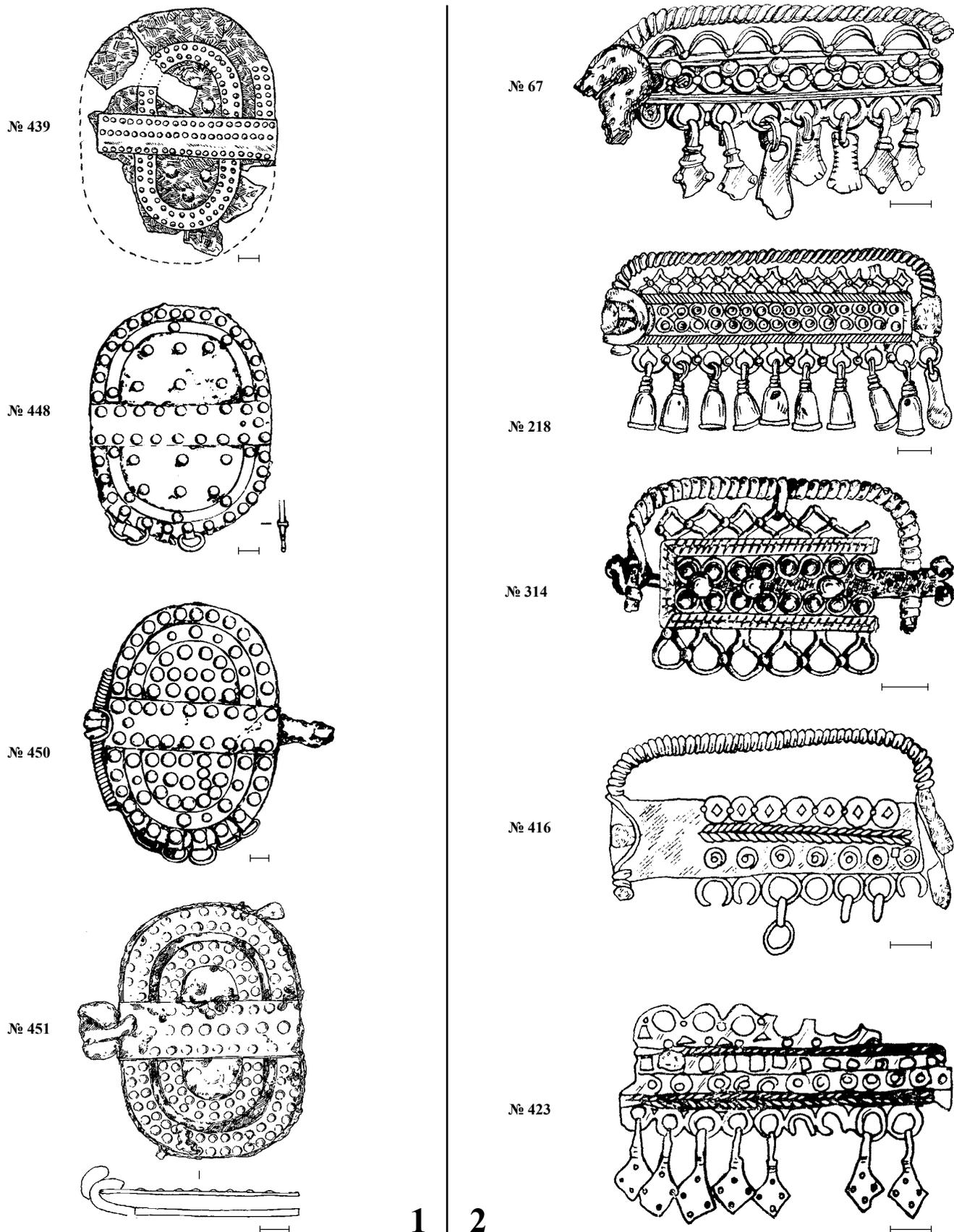

Рис. 25. Классификация прикамских фибул.

1 – Тип 1, вариант 5 по Т. И. Останиной; 2 – Тип 2 по Т. И. Останиной, вариант** А – ажурные (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

* Здесь и далее знаком * вариант выделен нами. – Т. С.

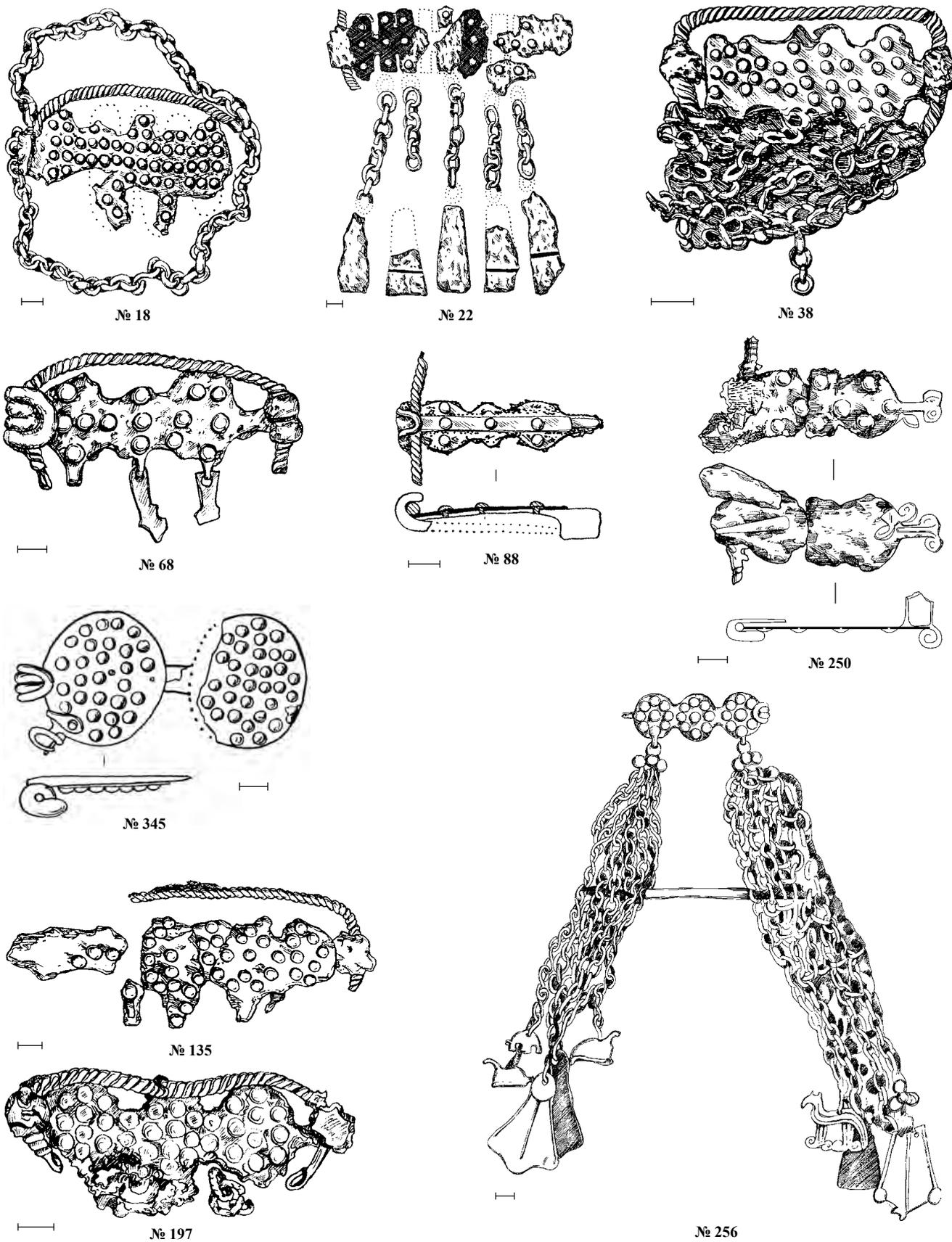
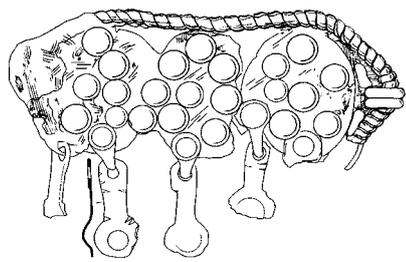
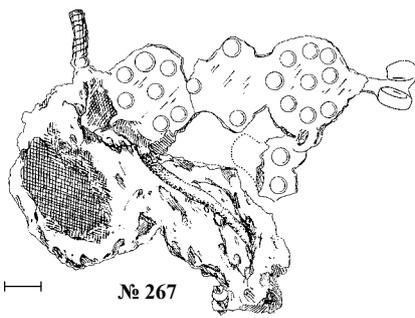

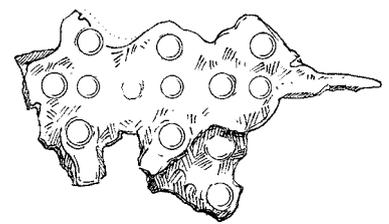
Рис. 26. Классификация прикамских фибул. **Тип 2** по Т. И. Останиной, вариант* Б – с пластиной с выступами (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

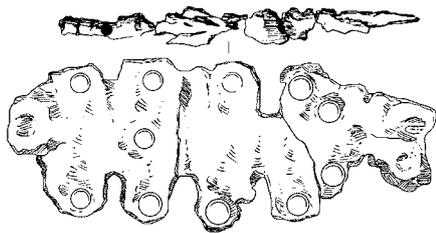
№ 264

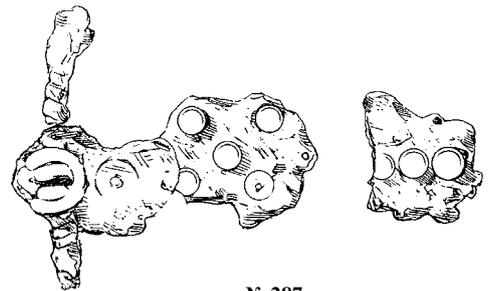
№ 267

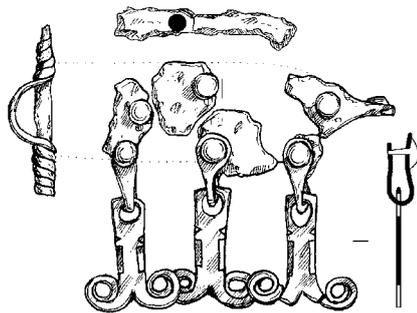
№ 277

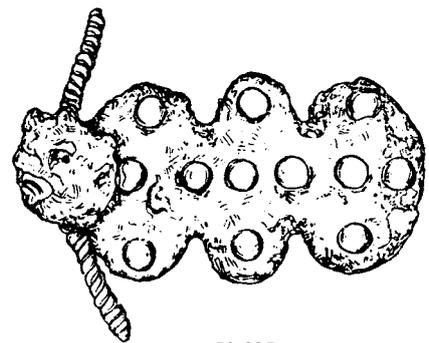
№ 283

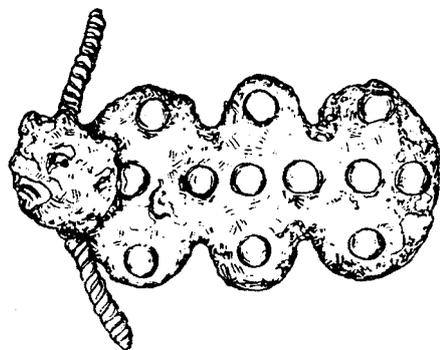
№ 287

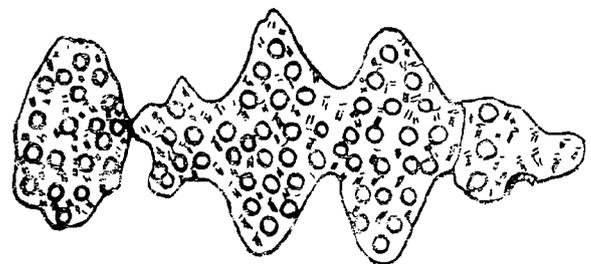
№ 288

№ 325

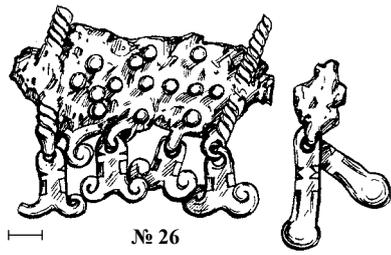

№ 328

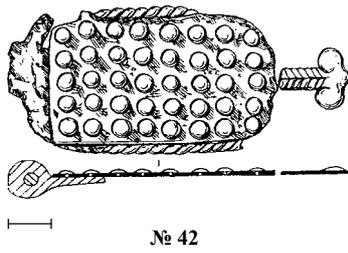

№ 421

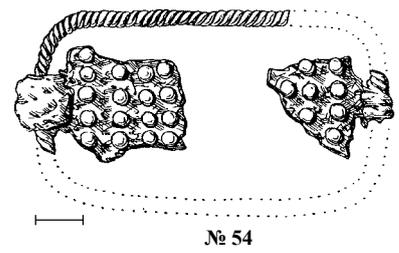
Рис. 27. Классификация прикамских фибул. **Тип 2** по Т. И. Останиной, **вариант* Б** – с пластиной с выступами (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

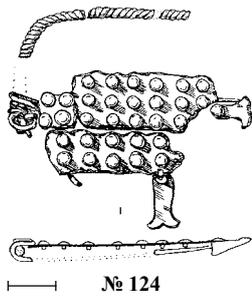
№ 26

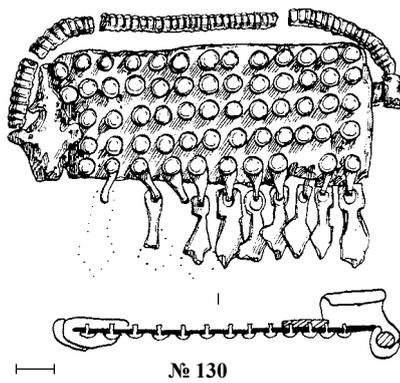
№ 42

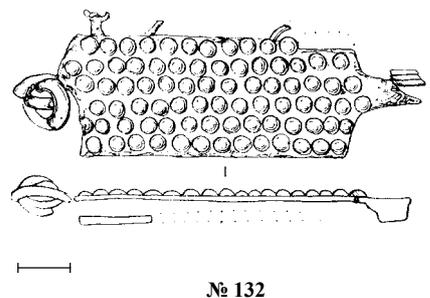
№ 54

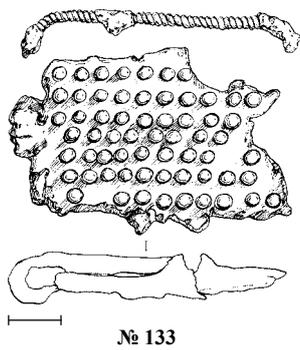
№ 124

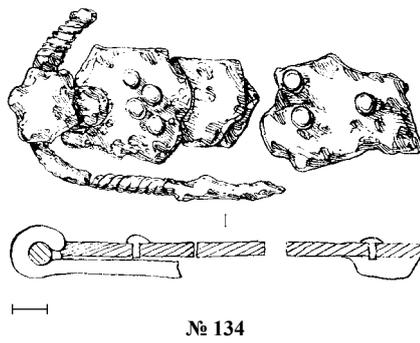
№ 130

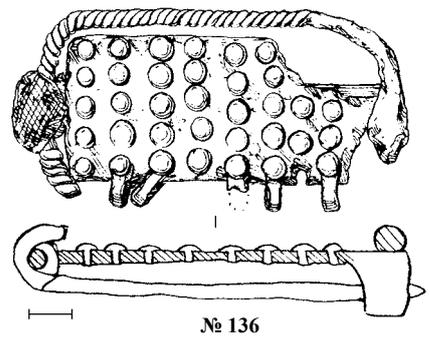
№ 132

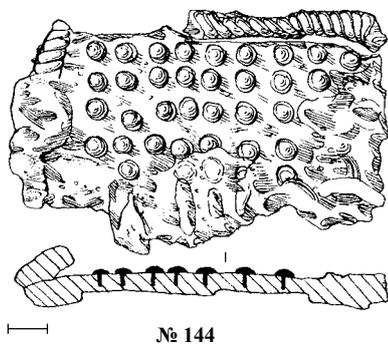
№ 133

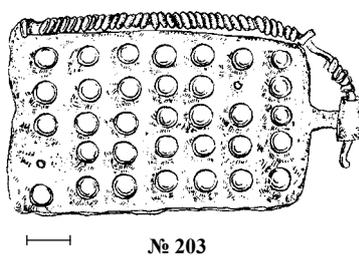
№ 134

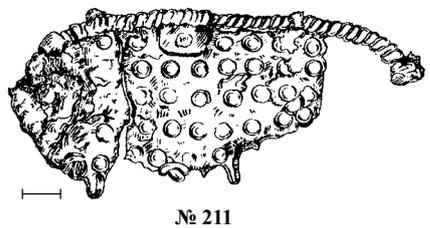
№ 136

№ 144

№ 203

№ 211

Рис. 28. Классификация прикамских фибул. Тип 2 по Т. И. Останиной, вариант* В – прямоугольные (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

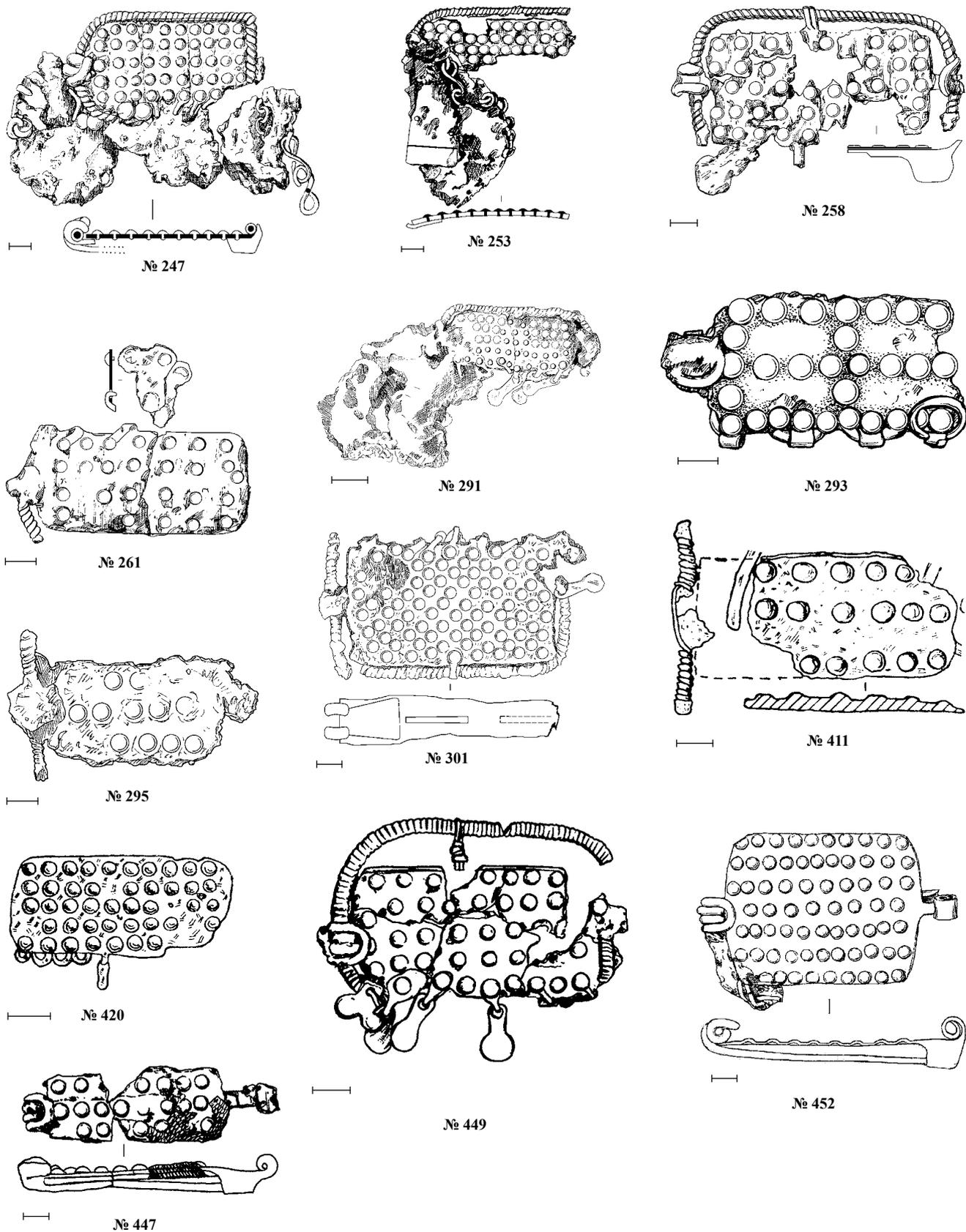

Рис. 29. Классификация прикамских фибул. Тип 2 по Т. И. Останиной, вариант* В – прямоугольные (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

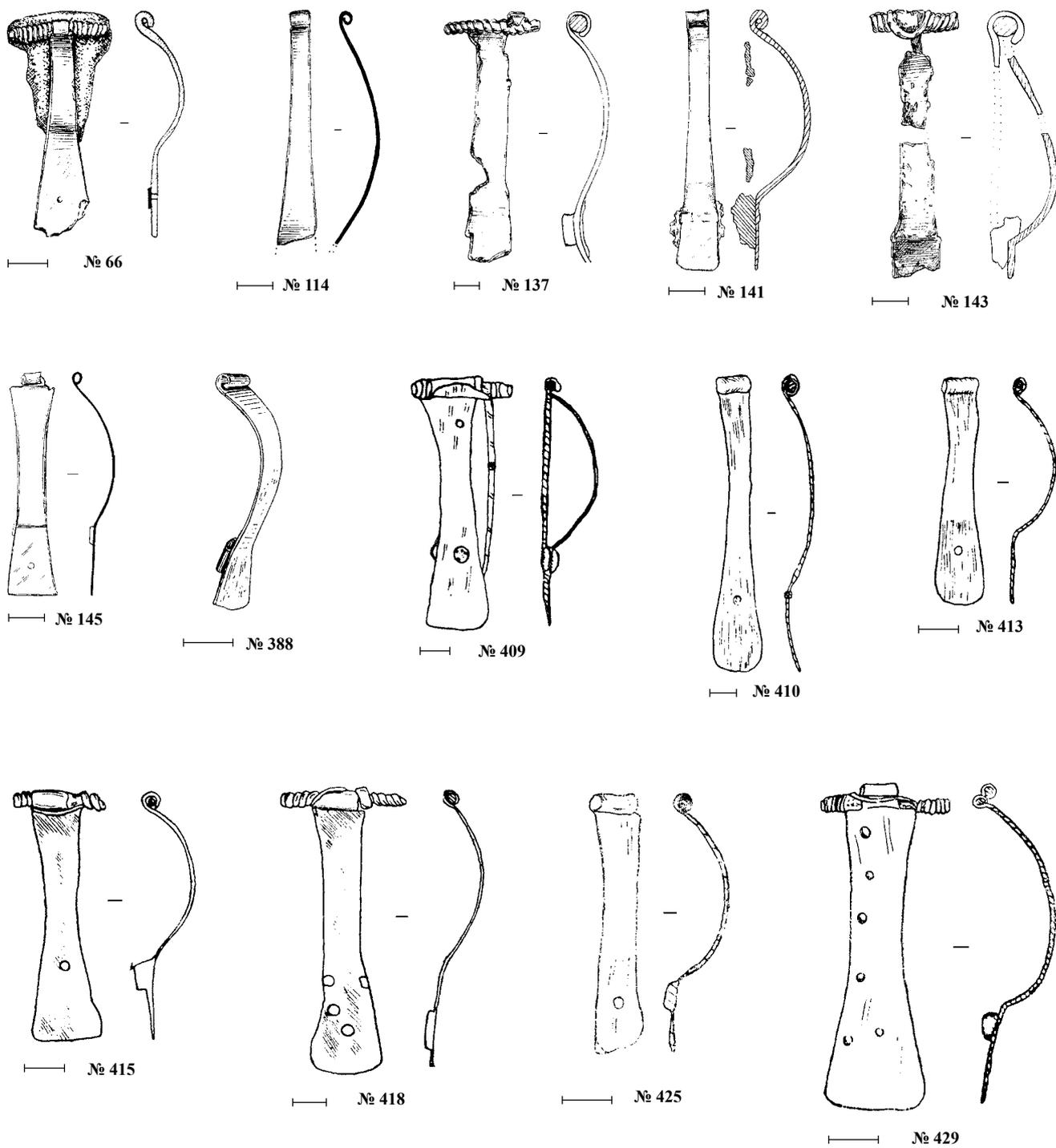
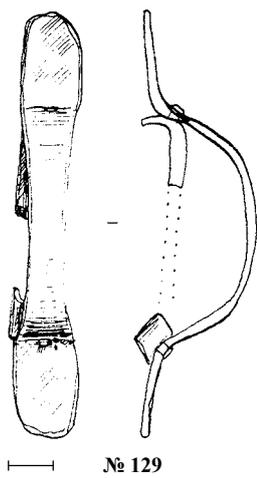
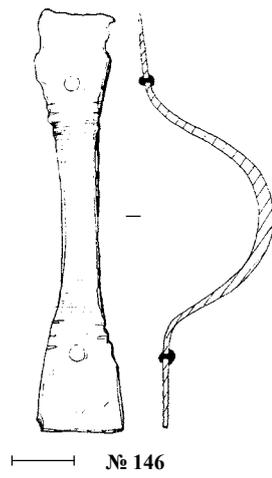

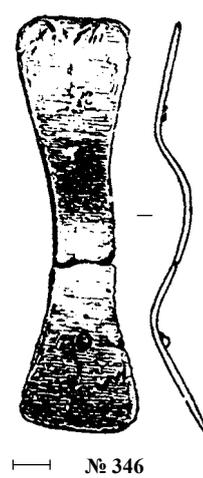
Рис. 30. Классификация прикамских фибул. **Тип 3, вариант А** по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

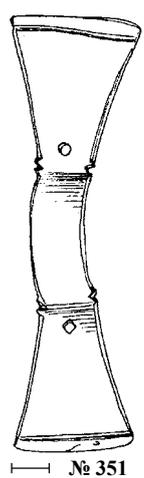
№ 129

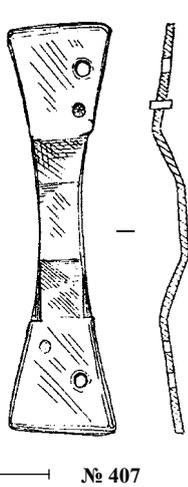
№ 146

№ 346

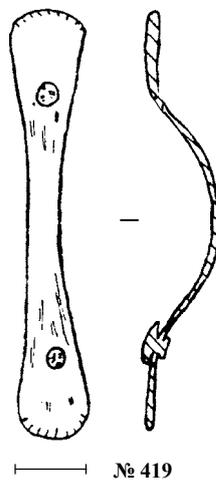
№ 351

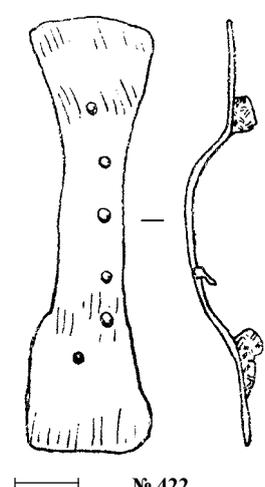
№ 407

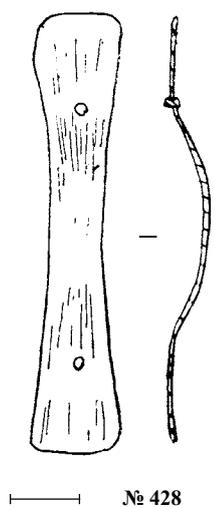
№ 412

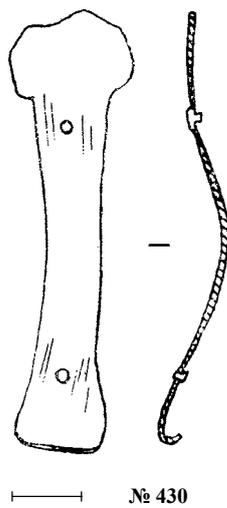
№ 419

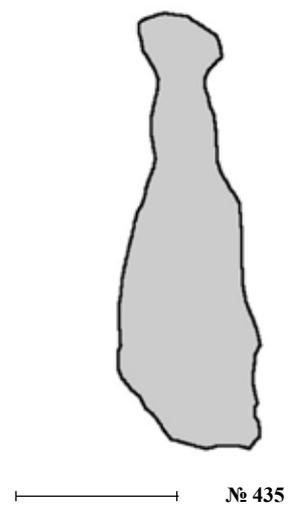
№ 422

№ 428

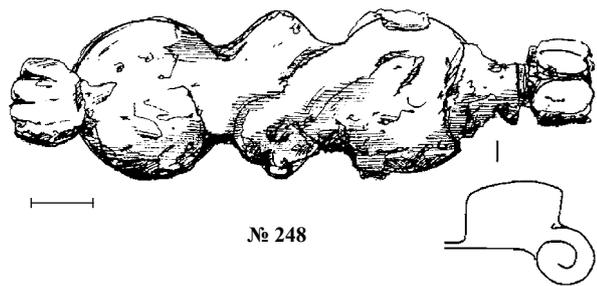

№ 430

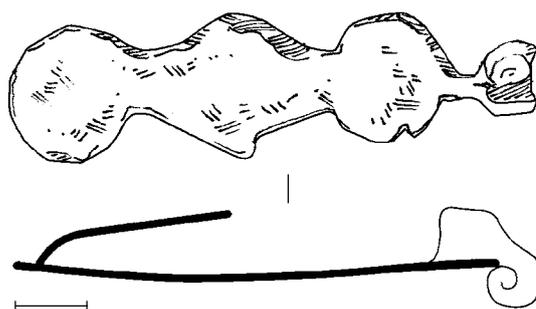

№ 435

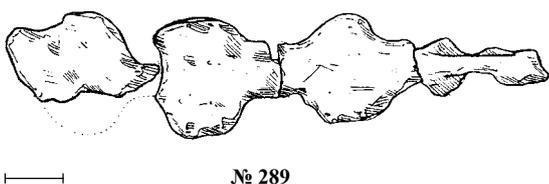
Рис. 31. Классификация прикамских фибул. Тип 3, вариант Б по Т. И. Останиной (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

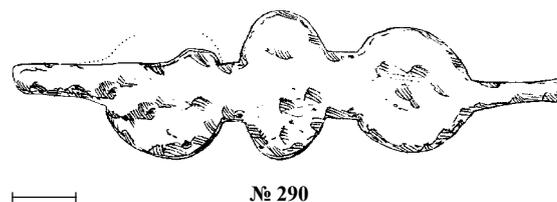
№ 248

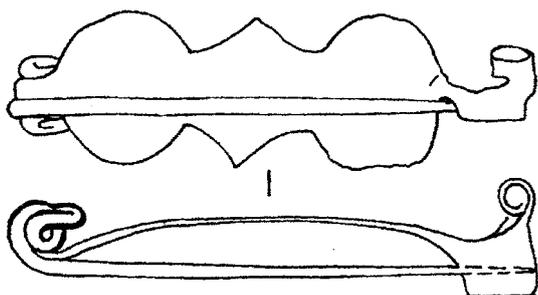
№ 251

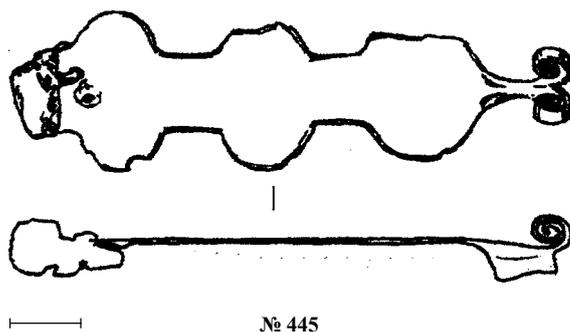
№ 289

№ 290

№ 444

№ 445

Рис. 32. Классификация прикамских фибул. **Трѣхщитковые** фибулы
(номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

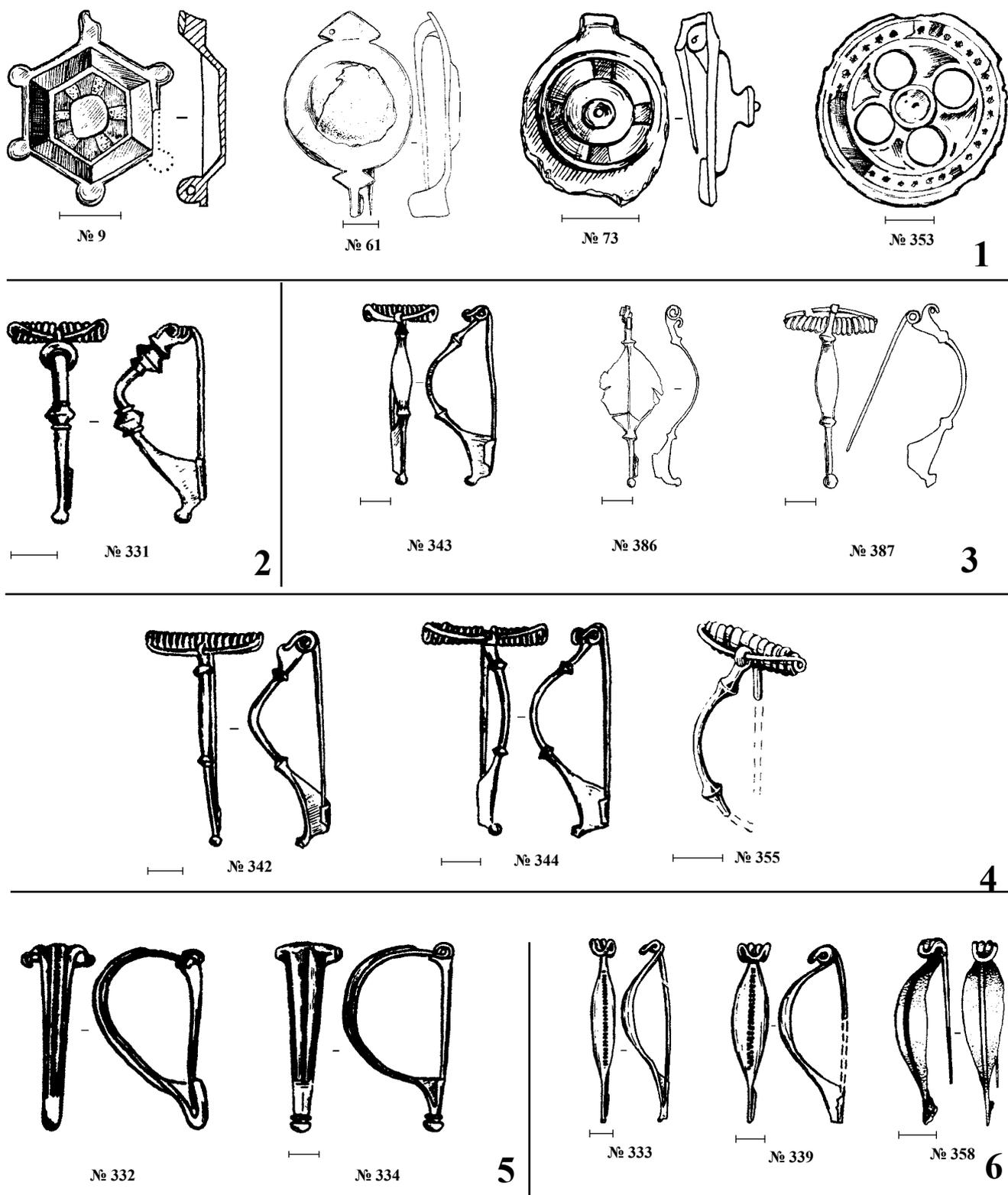

Рис. 33. Привозные фибулы в Прикамье:
 1 – группа Амброз-8, 2 – группа Амброз-11-1-1, 3 – группа Амброз-11-1-2б,
 4 – группа Амброз-11-1-2а, 5 – группа Амброз-5-1, 6 – группа Амброз-12-4б
 (номера фибул соответствуют номерам фибул в Каталоге – см. Приложение III)

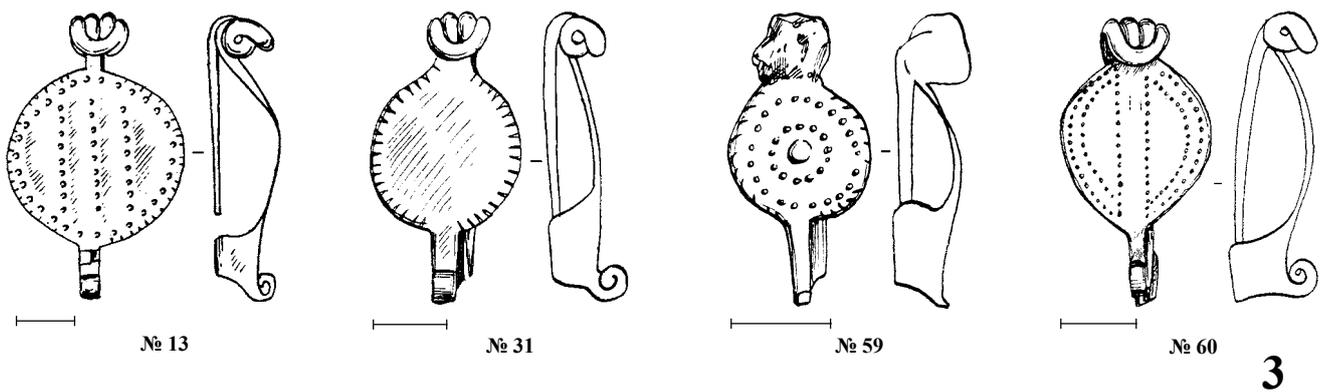
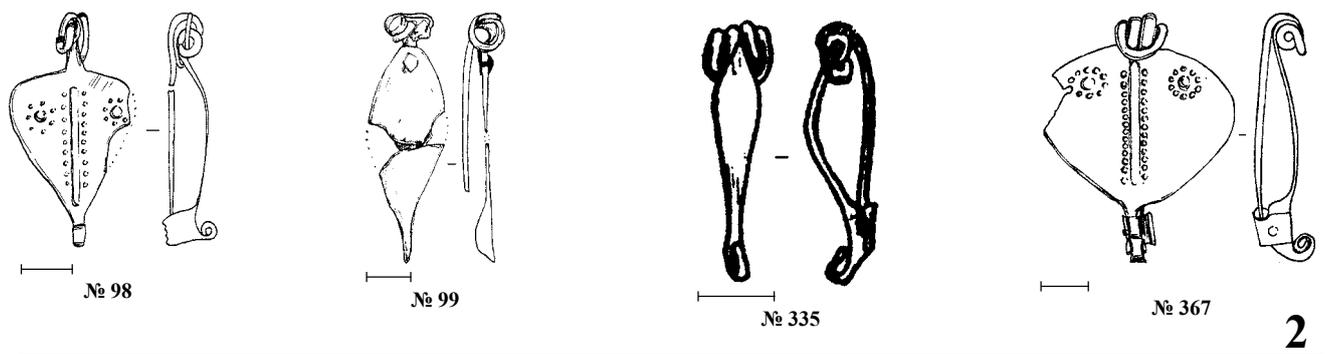
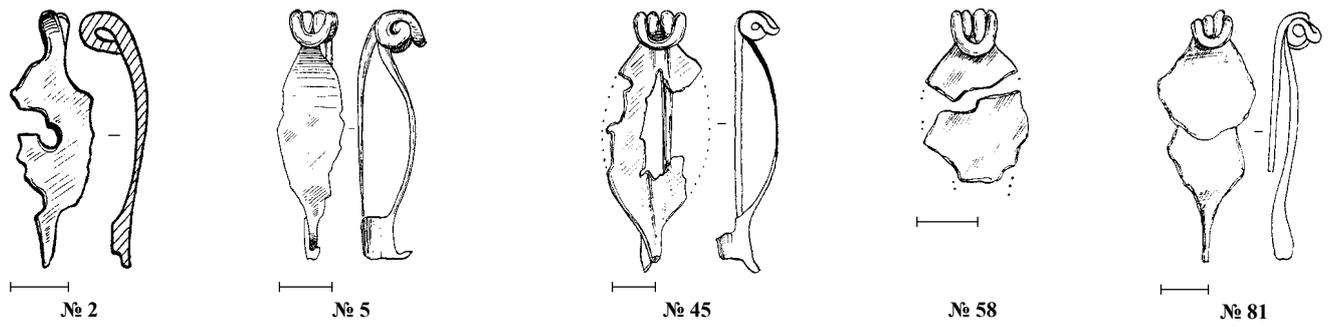
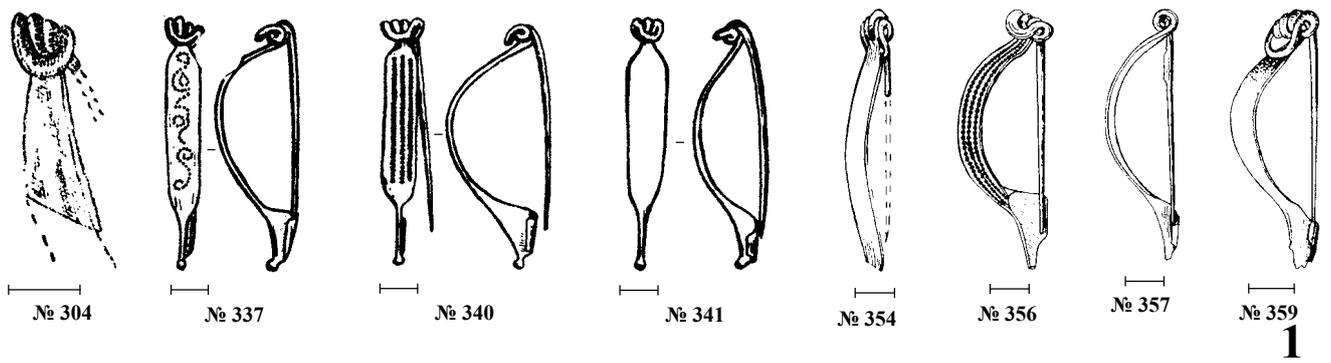

Рис. 34. Привозные фибулы в Прикамье:
 1 – группа Амброз-12-4а, 2 – группа Амброз-13-1 (листовидные),
 3 – группа Амброз-13-1 (круглые) (номера фибул соответствуют номерам
 фибул в Каталоге – см. Приложение III)

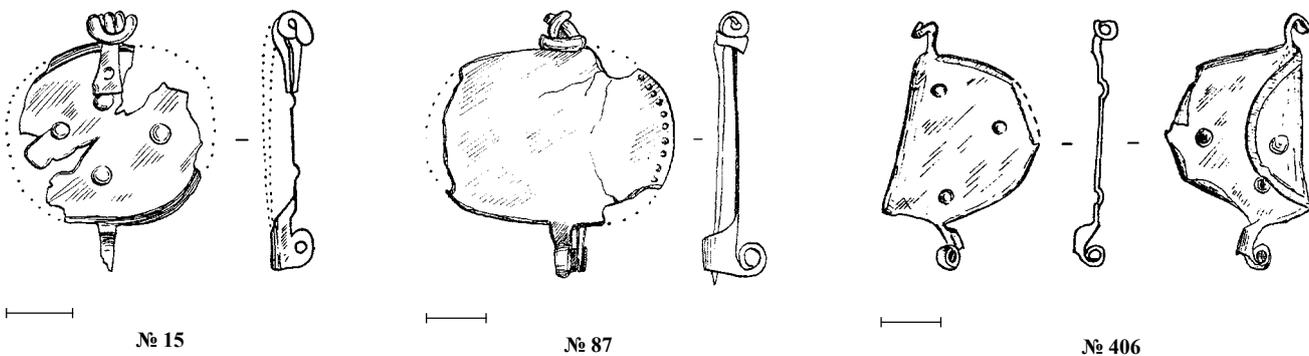
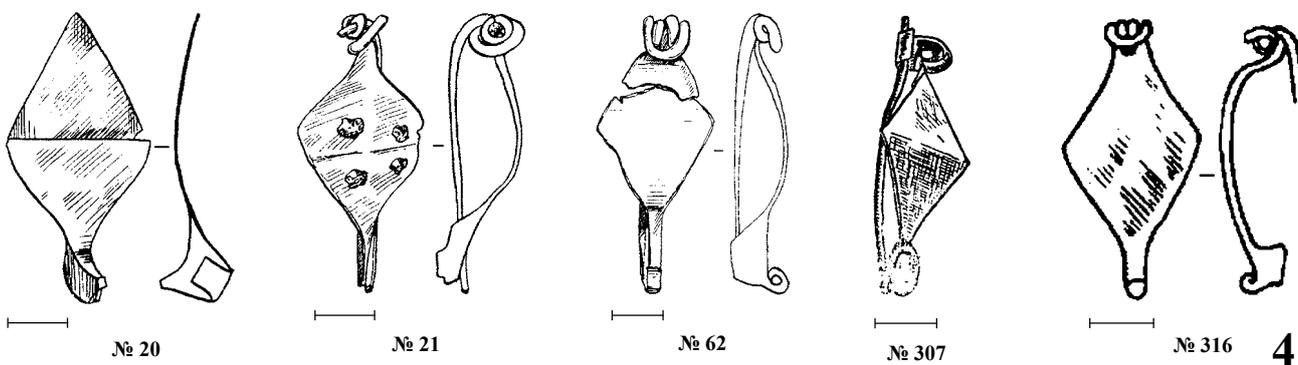
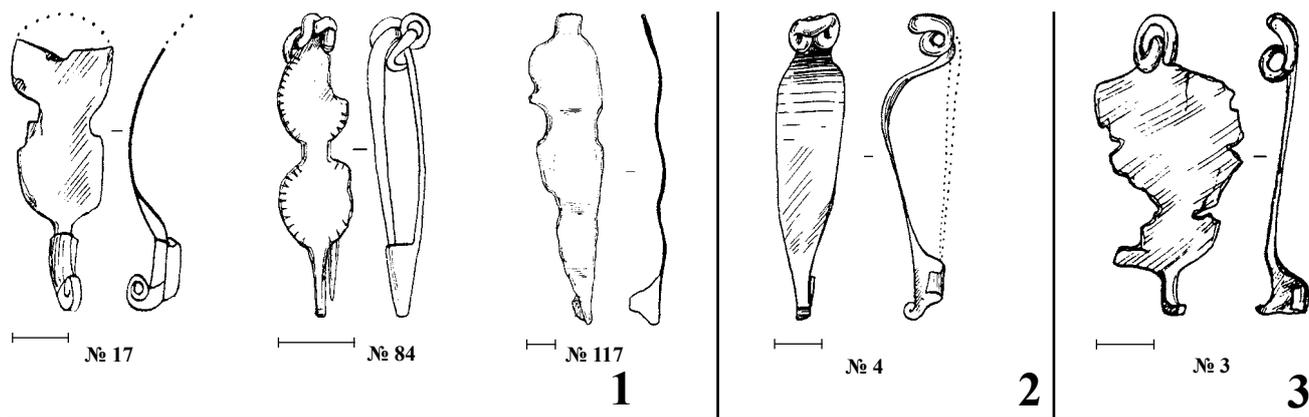

Рис. 35. Привозные фибулы в Прикамье:
 1 – группа Амброз-13-1 (8-видные), 2– группа Амброз-13-2 (вытянутые),
 3 – группа Амброз-13-3 (круглые), 4 – группа Амброз-13-2 (ромбические),
 5 – группа Амброз-13-3 (круглые с декором) (номера фибул соответствуют номерам
 фибул в Каталоге – см. Приложение III)

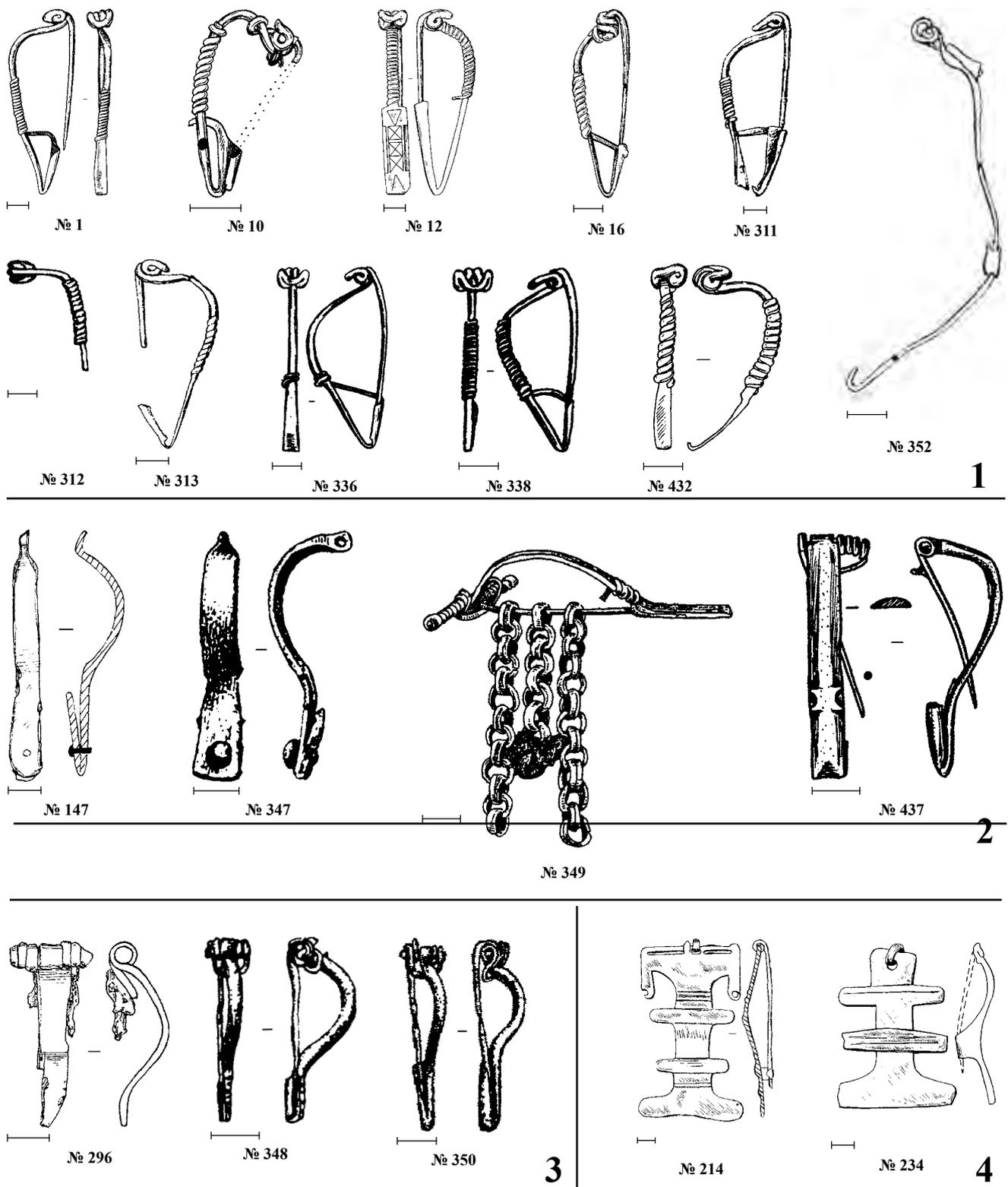

Рис. 36. Привозные фибулы в Прикамье:
 1 – группа Амброз-15, 2 – группа Амброз-16-2, 3 – группа Амброз-17,
 4 – Т-образные фибулы (номера фибул соответствуют номерам фибул
 в Каталоге – см. Прил. III)

Т-1	Т-2	Т-3	Т-4	Т-5	П-1	П-2	П-3	П-4
П-5	ЛП-1	ЛП-2	ЛИ-1	ЛИ-2	ЛИ-3	ЛИ-4-8	ПЛ-1	ПЛ-2

1

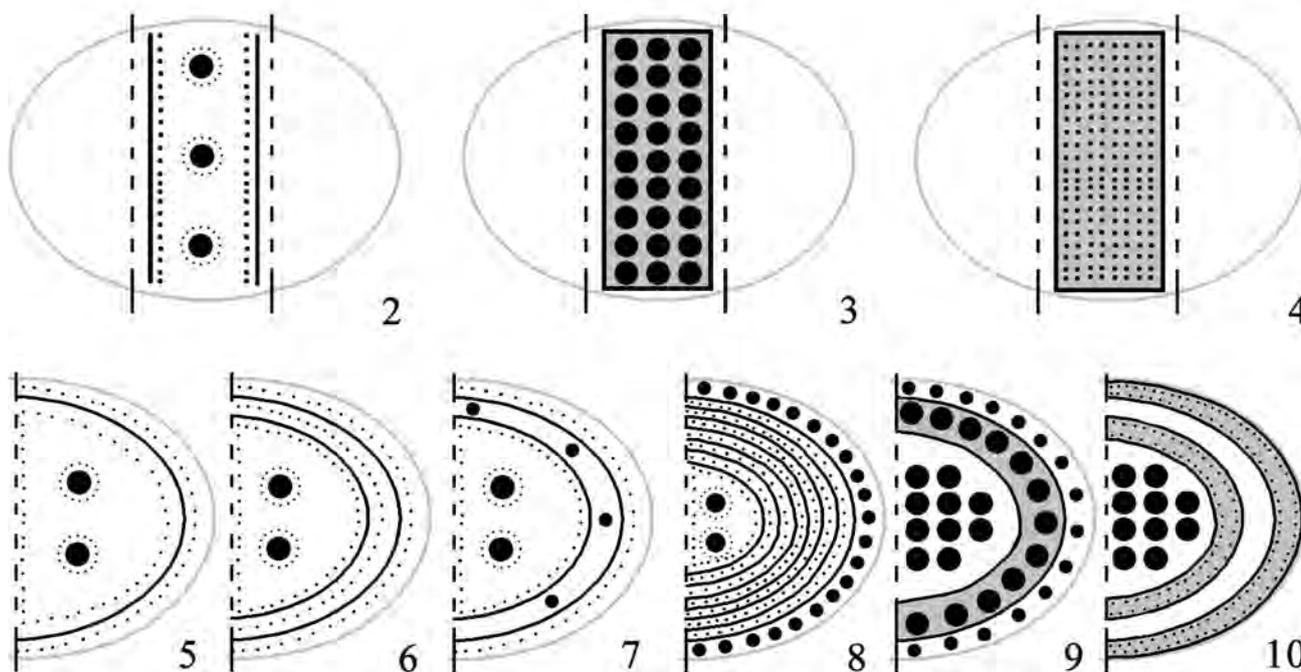

Рис. 37. Декор бабочковидных фибул:

1 – комбинации декоративных элементов; 2-4 – устойчивые формы декора центрального поля;
5-10 – устойчивые формы декора боковых полей

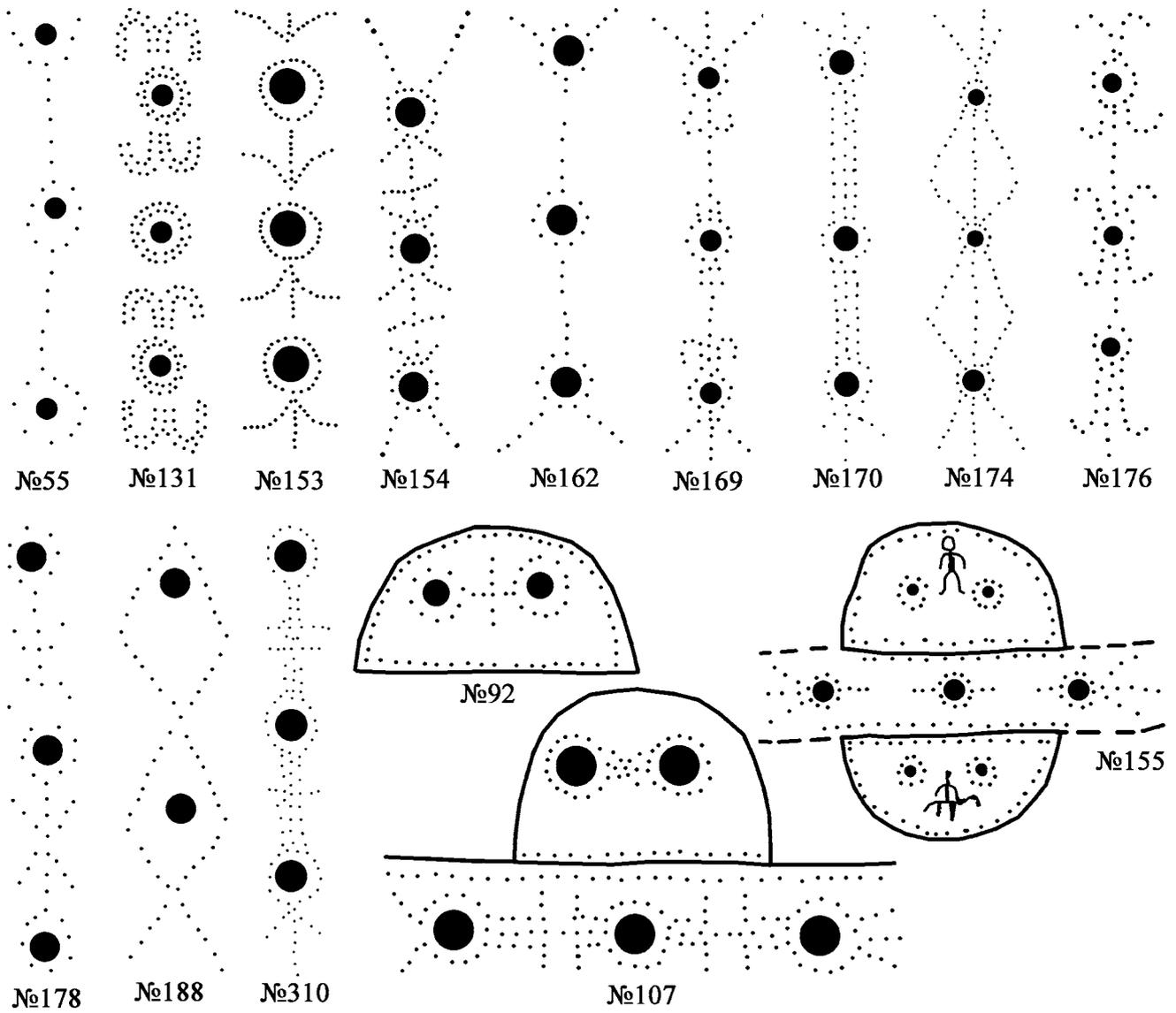

Рис. 38. Варианты индивидуального точечного орнамента на щитках фибул (номера фибул соответствуют номерам в каталоге – см. прил. III)

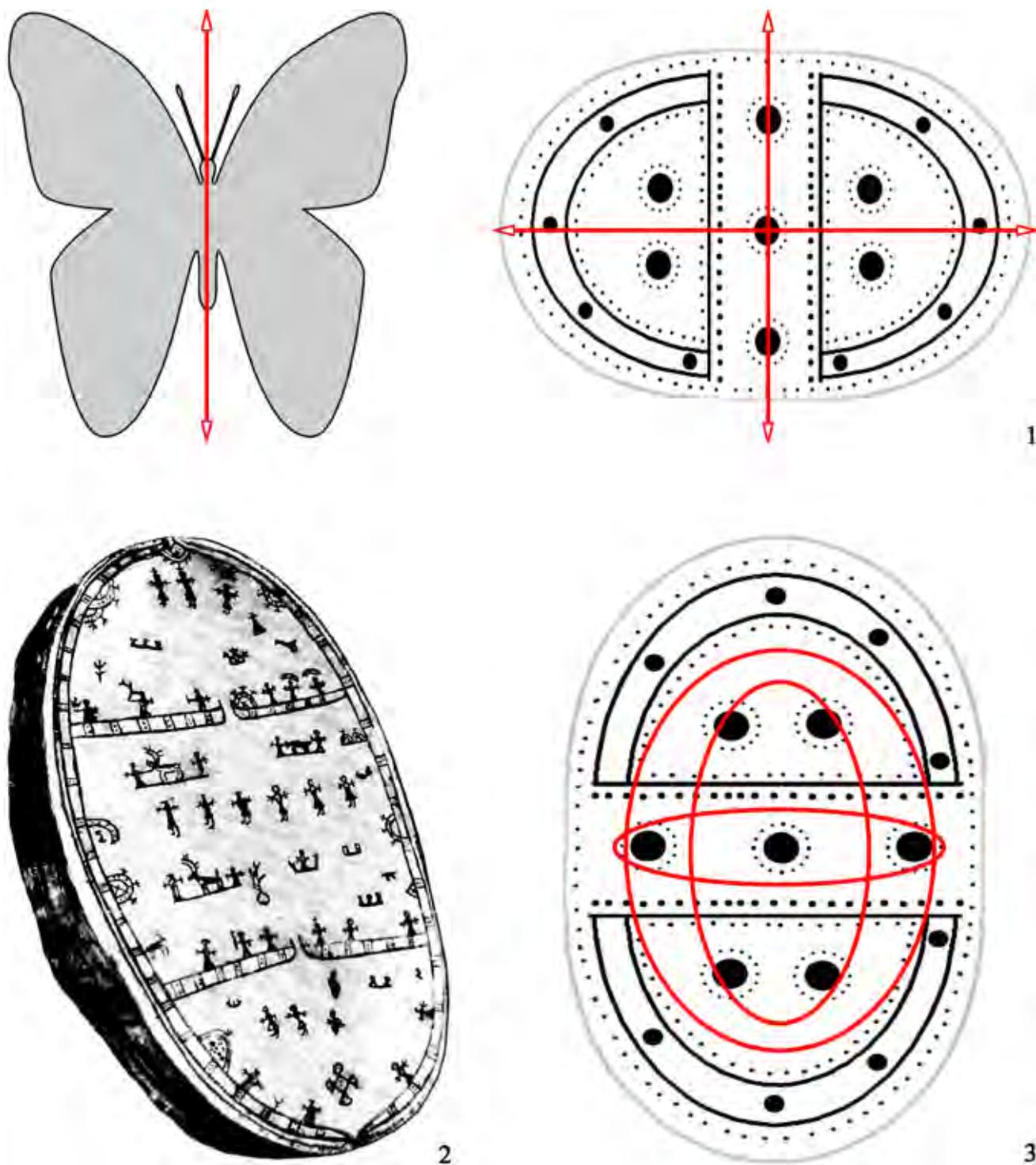

Рис. 39. Стилистические особенности декора щитков бабочковидных фибул:
 1 – оси симметрии бабочки и бабочковидной фибулы; 2 – шаманский саамский бубен с трёхчастным делением мира [По: Мифы народов мира, 1988, с. 565]; 3 – множественные солнца в декоре фибул по М. Г. Худякову

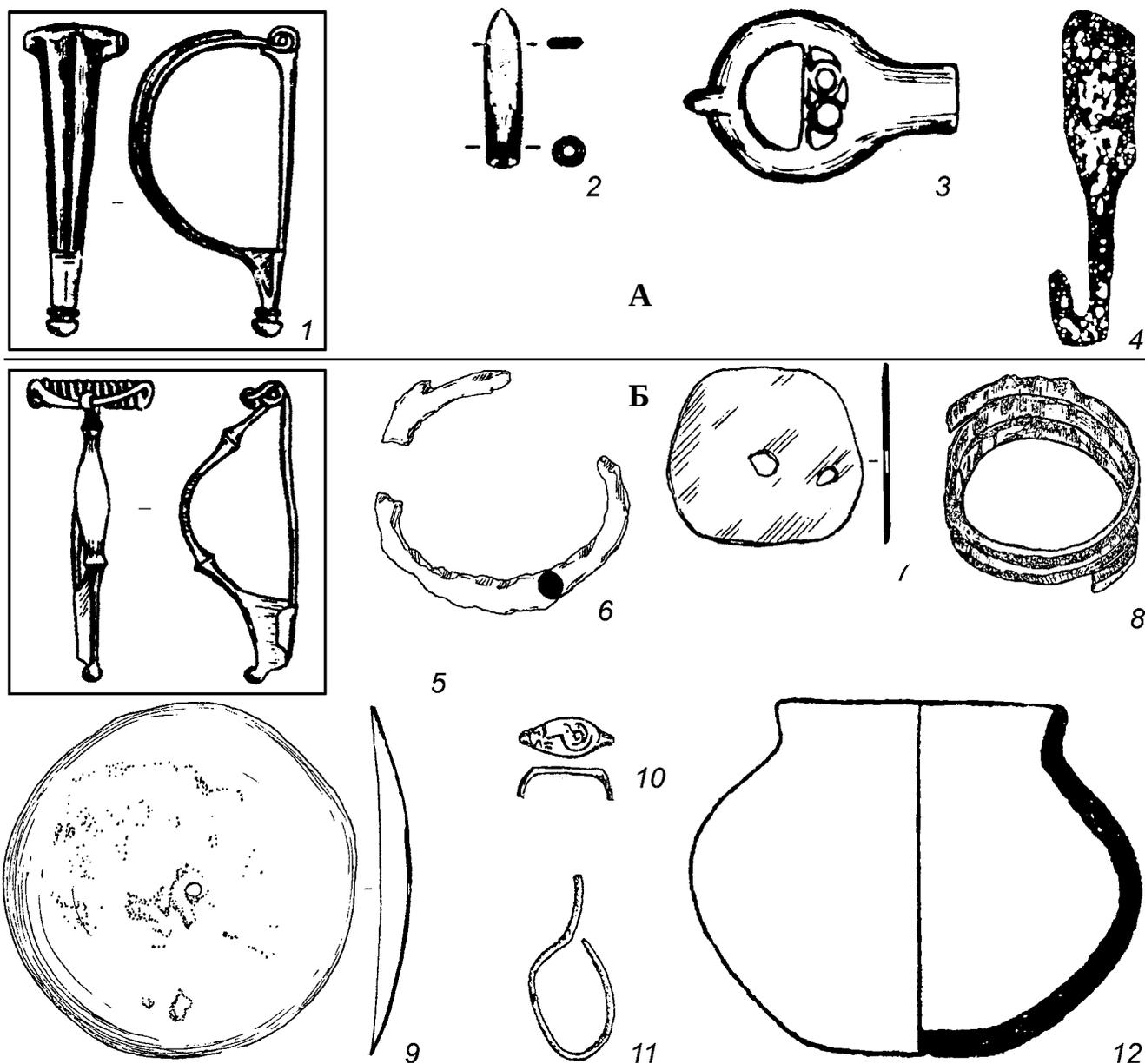

Рис. 40. Сопроводительный материал из погребений с фибулами:

А – типа Амброз-5 (раннеримские шарнирные дуговидные типа «авцисса»);

Б – типа Амброз-11 (сильно профилированные фибулы причерноморских типов).

1, 5 – фибулы, 2 – костяной наконечник стрелы, 3 – застёжка с неподвижным крючком, 4 – крючок (колчанный?), 6, 8 – браслеты, 7, 10 – накладки, 9 – бляха, 11 – височная подвеска, 12 – сосуд. Материал указан без масштаба

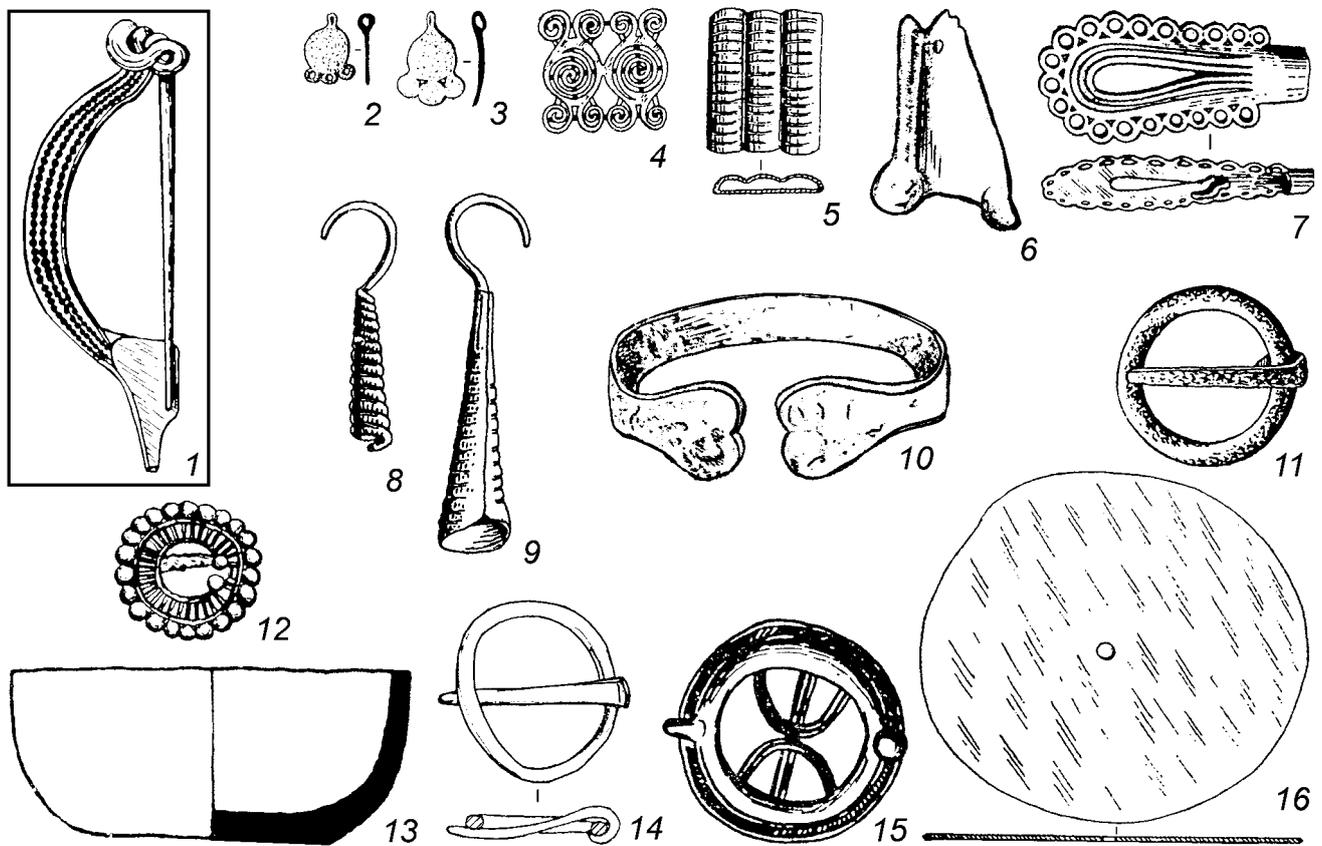

Рис. 41. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Амброс-12 (пружинные фибулы с гладким корпусом и едва намеченной кнопкой на конце приёмника):
 1 – фибула; 2,3,6,7 – подвески; 4 – накладка; 5 – пронизка; 8,9 – височные подвески;
 10 – браслет; 11,14 – пряжки; 12 – застёжка; 13 – сосуд; 15 – застёжка с неподвижным крючком; 16 – бляха. Материал указан без масштаба

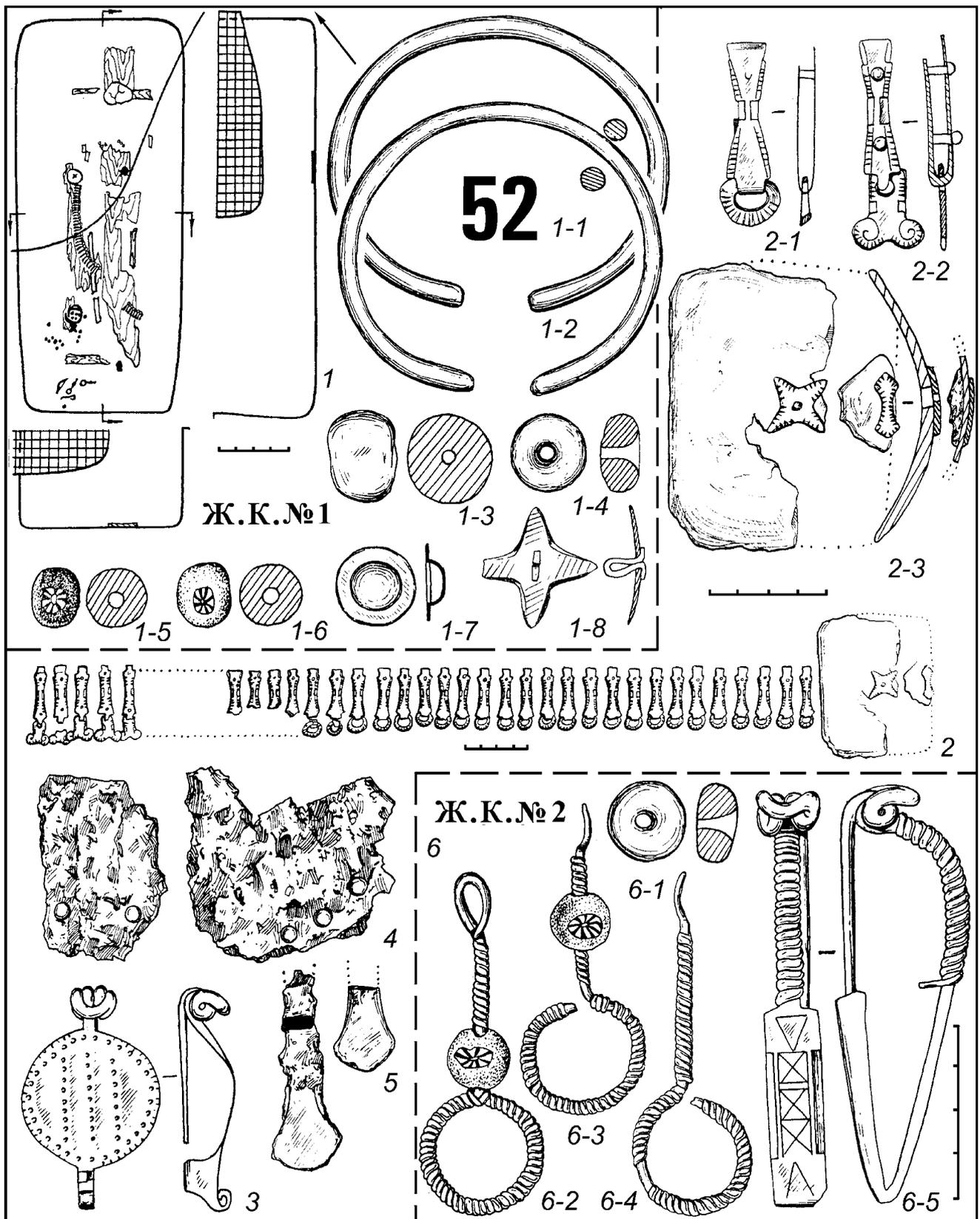

Рис. 42. Тарасовский могильник. Погребение 52 [Голдина, 2003. Табл. 19]:

- 1 – жертвенный комплекс № 1: 1-1-2 – браслеты, 1-3-6 – бусы, 1-7-8 – накладки;
 2 – реконструкция пояса, 2-1-3 – накладки; 3 – фибула типа Амброз-13; 4 – фрагменты вещей;
 5 – фрагменты привесок; 6 – жертвенный комплекс № 2: 6-1 – бусина, 6-2-4 – височные подвески, 6-5 – фибула типа Амброз-15. Материал указан без масштаба

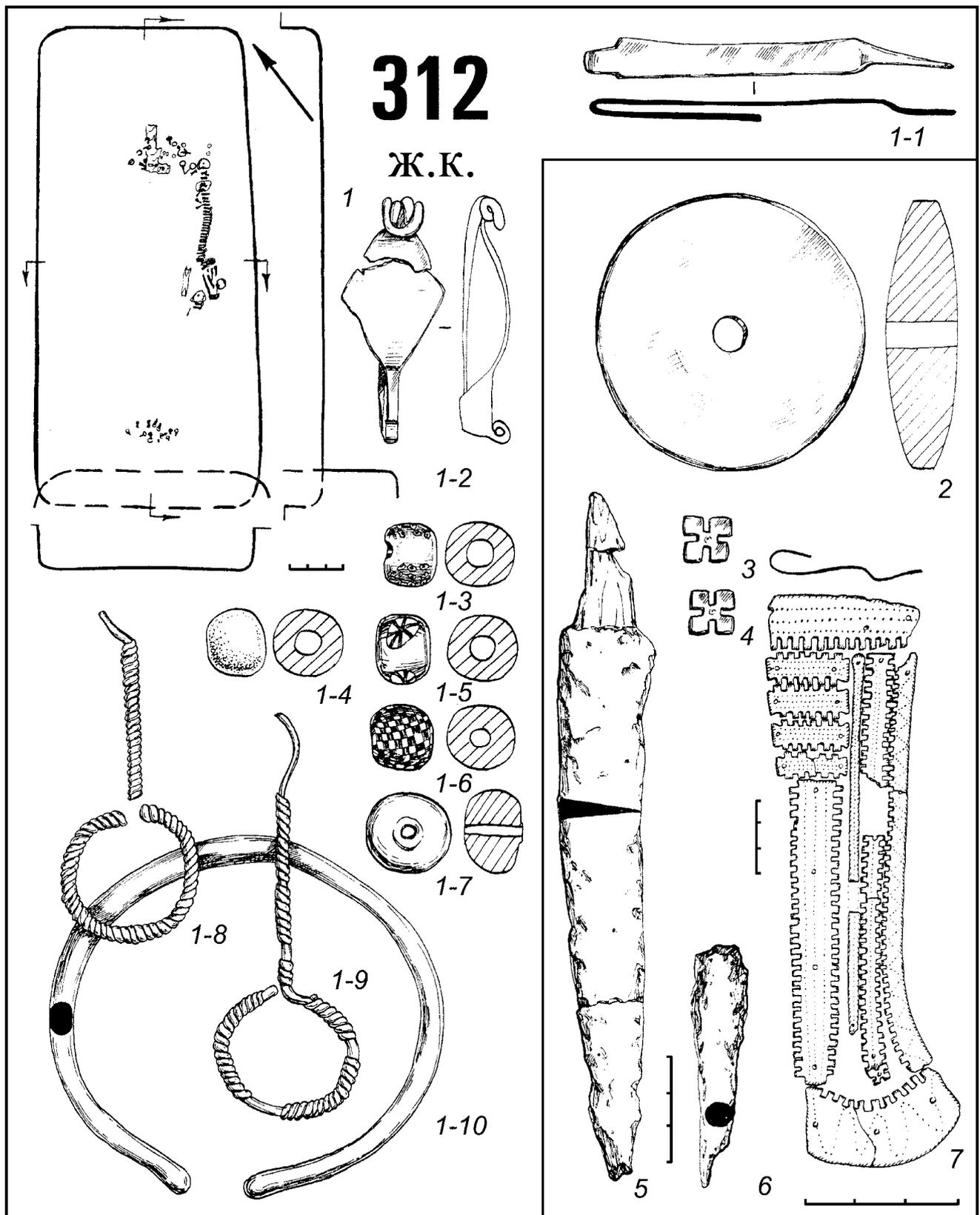

Рис. 43. Тарасовский могильник. Погребение 312 [Голдина, 2003. Табл. 139]:
 1 – жертвенный комплекс: 1-1 – накладка, 1-2 – фибула типа Амброз-13, 1-3-7 – бусы,
 1-8-9 – височные подвески, 1-10 – браслет; 2 – халцедоновый диск; 3,4,7 – накладки; 5 – нож;
 6 – фрагмент шила. Материал указан без масштаба

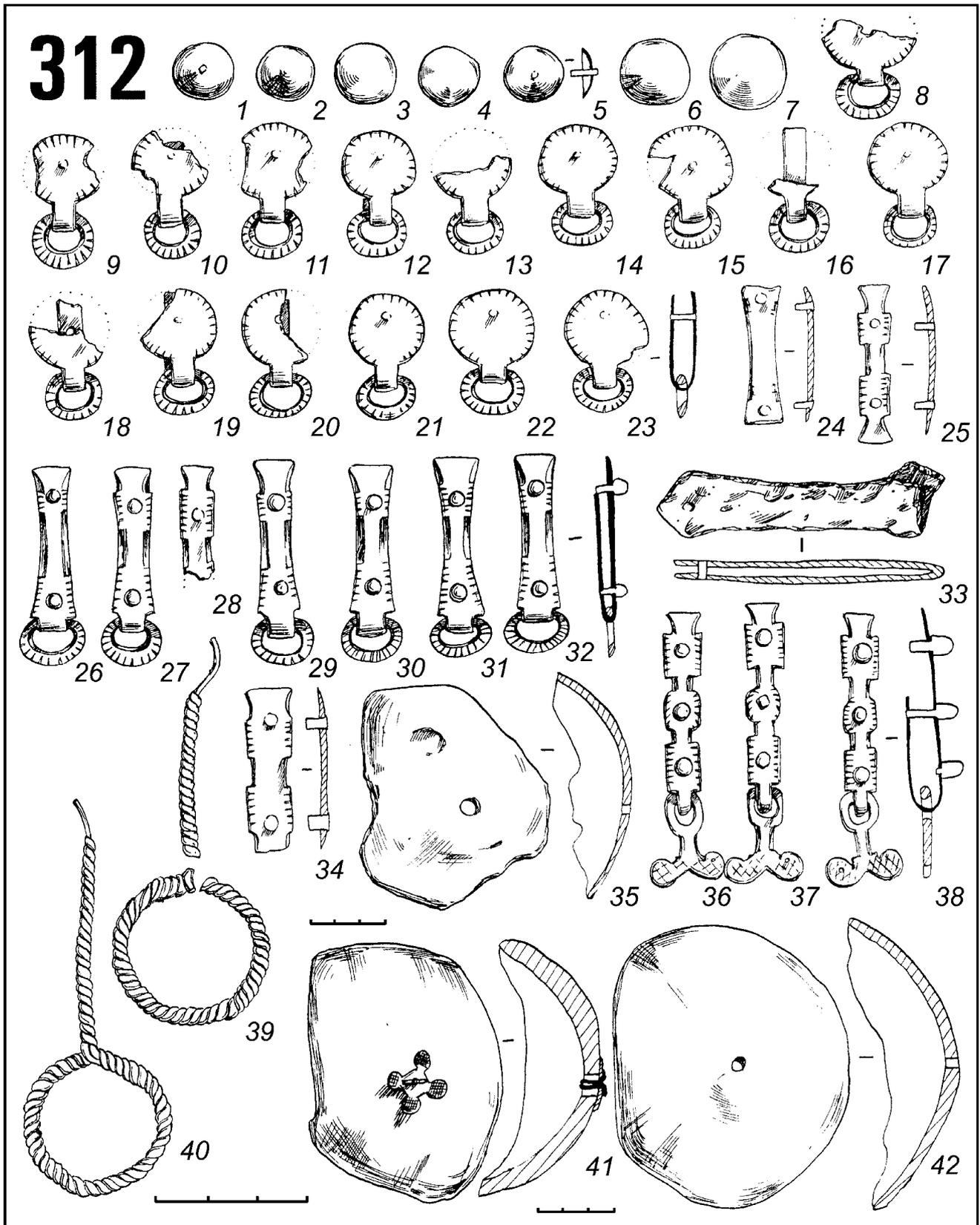

Рис. 44. Тарасовский могильник. Погребение 312 [Голдина, 2003. Табл. 140]:
 1-32, 34, 36-38 – накладки; 33 – наконечник ремня; 35, 41, 42 – бляхи-раковины;
 39, 40 – височные подвески. Материал указан без масштаба

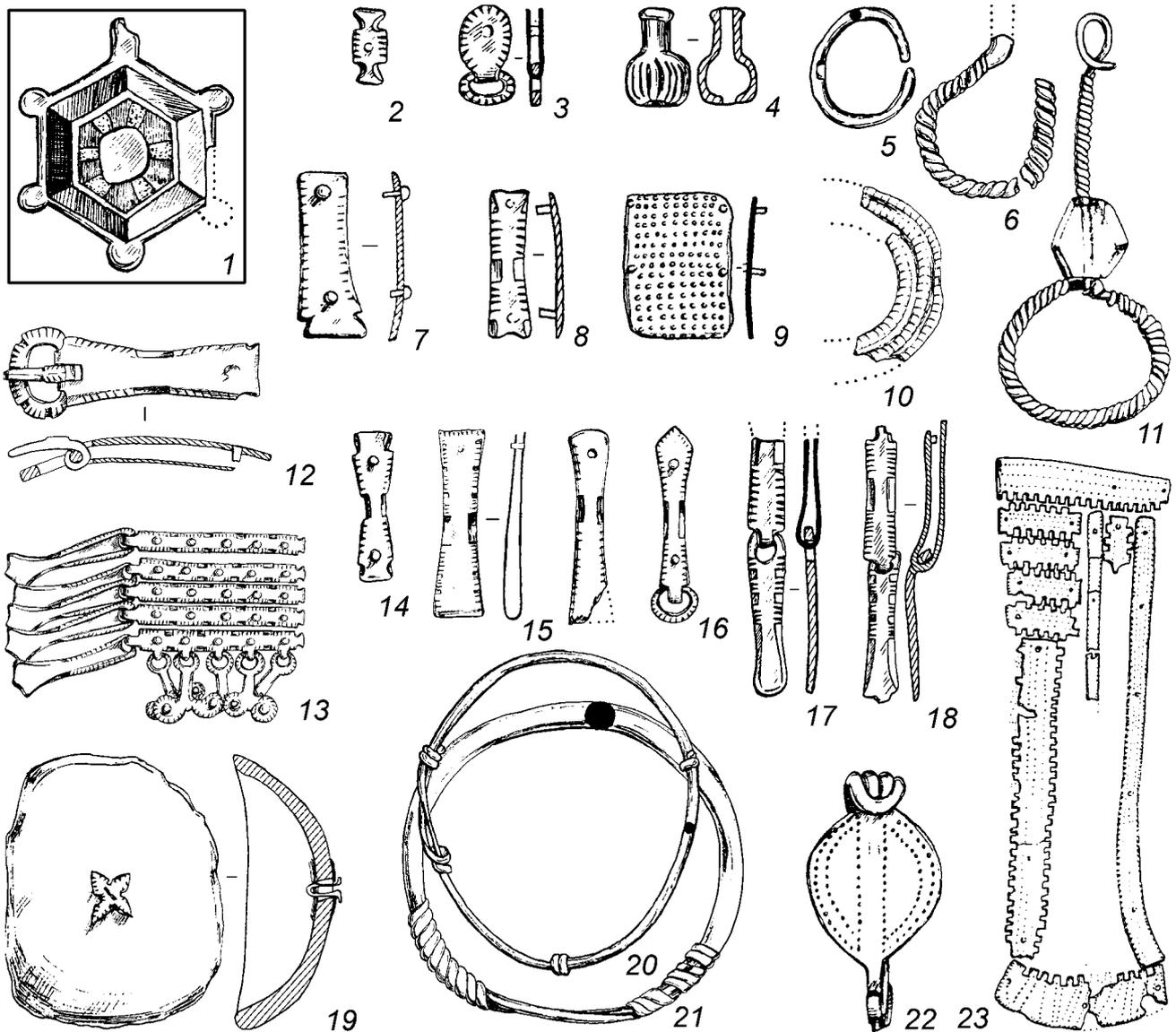

Рис. 45. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Амброз-8 (шарнирные фибулы-броши): 1,22 – фибулы; 2,3,7-9,14-18 – накладки; 4 – флаконовидная пронизка; 5 – височное кольцо; 6,11 – височные подвески; 10 – фрагмент застёжки; 12 – пряжка; 13 – наборный наконечник ремня; 19 – бляха-раковина; 20,21 – браслеты; 23 – ножны. Материал указан без масштаба

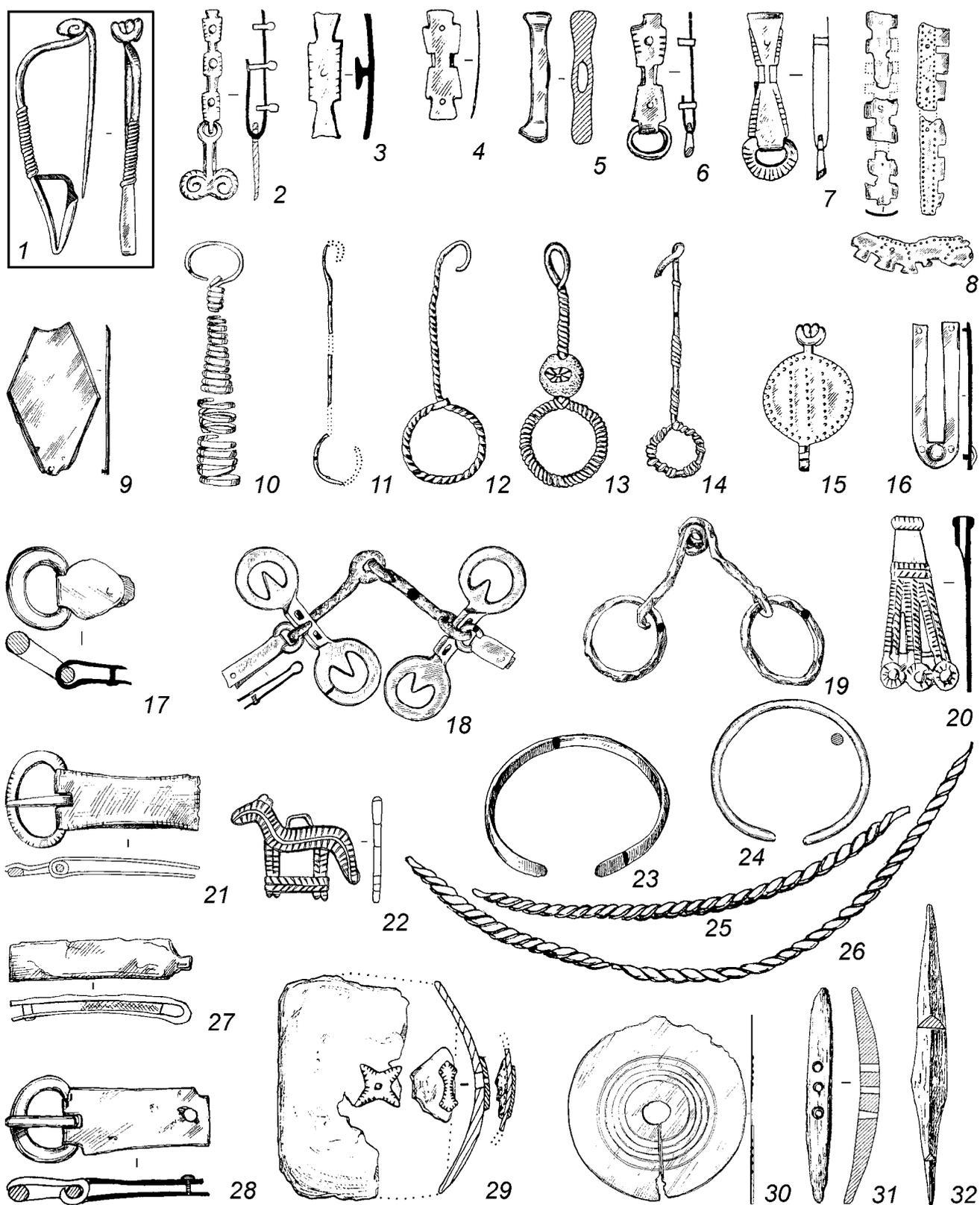

Рис. 46. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Амброз-15 (лучковые подвязные): 1,15 – фибулы; 2-4,6,7,9,16 – накладки; 3 – пронизка; 8 – ножны; 10-14 – височные подвески; 17,21,28 – пряжки; 18,19,31 – детали конской упряжи; 20,22 – подвески; 23,24 – браслеты; 25,26 – фрагменты гривен; 27 – наконечник ремня; 29 – бляха-раковина; 30 – застёжка-бляха; 32 – наконечник стрелы. Материал указан без масштаба

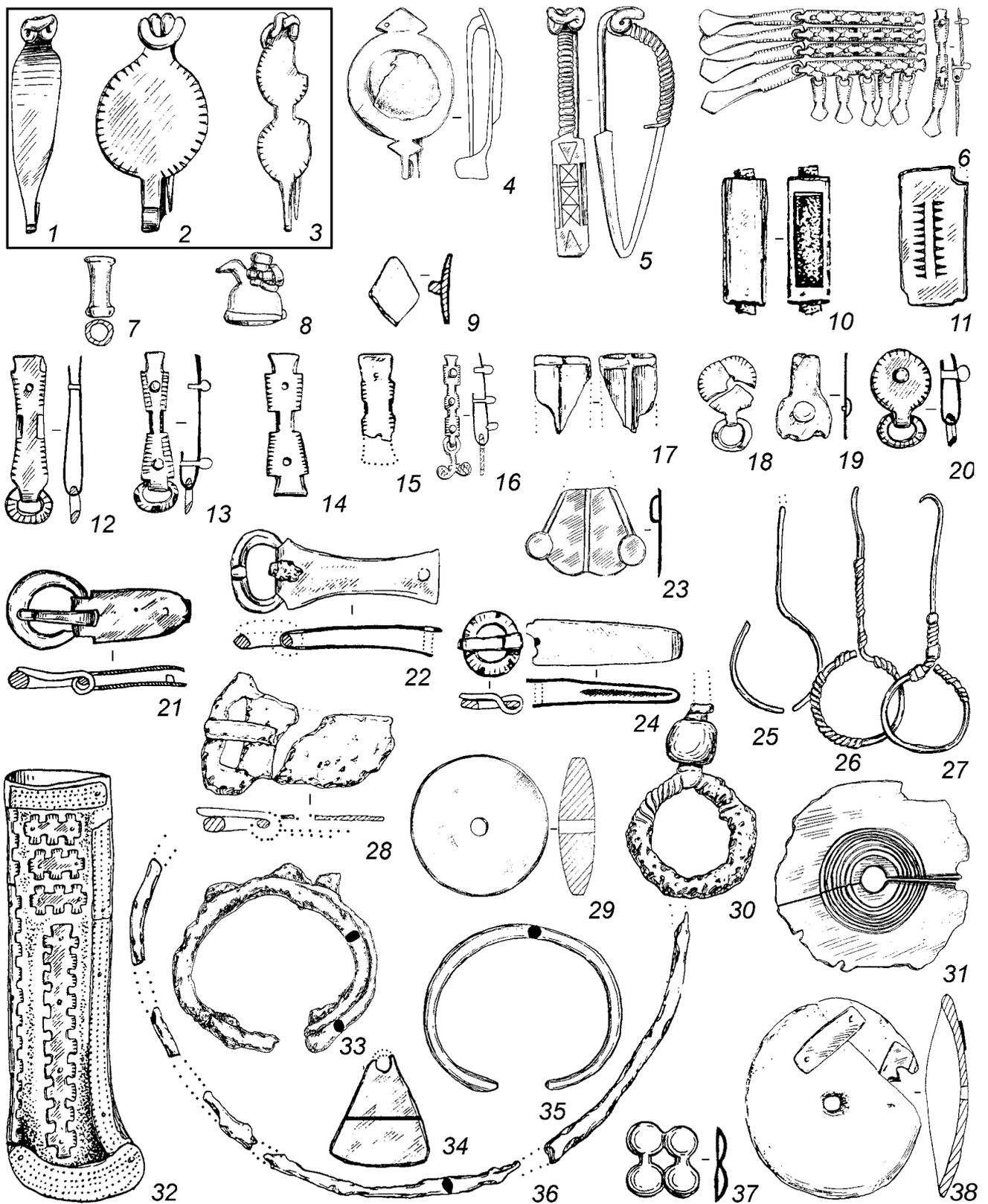

Рис. 47. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Амброз-13 (фибулы с завитком на конце сплошного приёмника). 1-5 – фибулы; 6 – наборный наконечник ремня; 7,10,17 – пронизки; 8,23,34 – подвески; 9,11-16,18-20,37 – накладки; 21,22,24,28 – пряжки; 25-27,30 – височные подвески; 29 – халцедоновый диск; 31 – застёжка-бляха; 32 – ножны; 33,35 – браслеты; 36 – гривна; 38 – бляха-раковина. Материал указан без масштаба

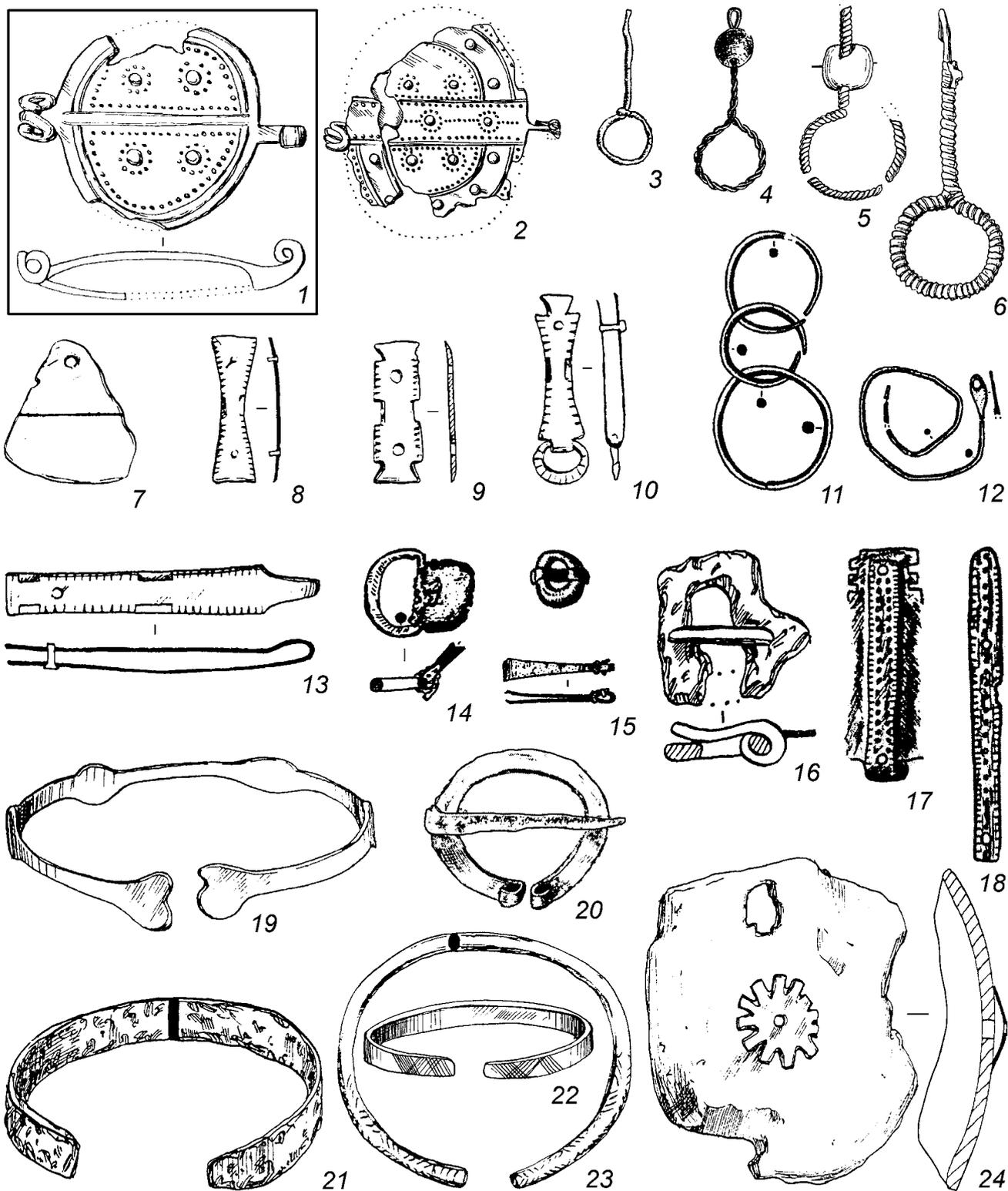

Рис. 48. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-1 (бабочковидные). 1,2 – фибулы; 3-6 – височные подвески; 7 – подвеска; 8-10 – накладки; 11 – височные кольца; 12 – гривны; 13 – наконечник ремня; 14-16 – пряжки; 17,18 – ножны; 19,21-23 – браслеты; 20 – сьюльгама; 24 – бляха-раковина. Материал указан без масштаба

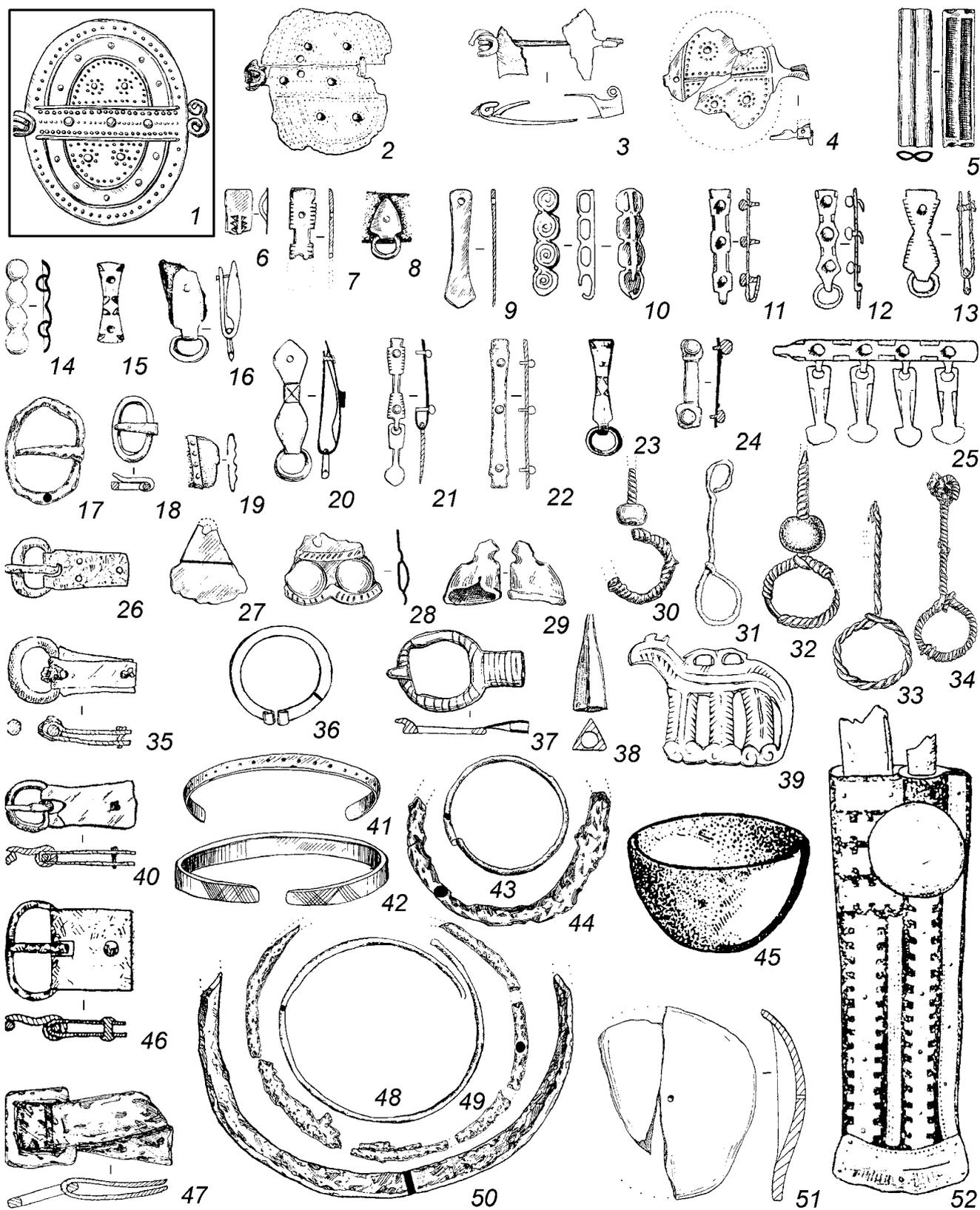

Рис. 49. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-2 (бабочковидные). 1-4 – фибулы; 5 – пронизка; 6-16, 19-25 – накладки; 17, 18, 26, 35, 40, 46, 47 – пряжки; 27, 29, 39 – подвески; 28 – фрагмент эполетообразной застёжки; 30-34 – височные подвески; 36 – сьюльгама; 37 – застёжка с неподвижным крючком; 38 – наконечник стрелы; 41-44 – браслеты; 45 – сосуд; 48-50 – гривны; 51 – бляха-раковина; 52 – ножны. Материал указан без масштаба

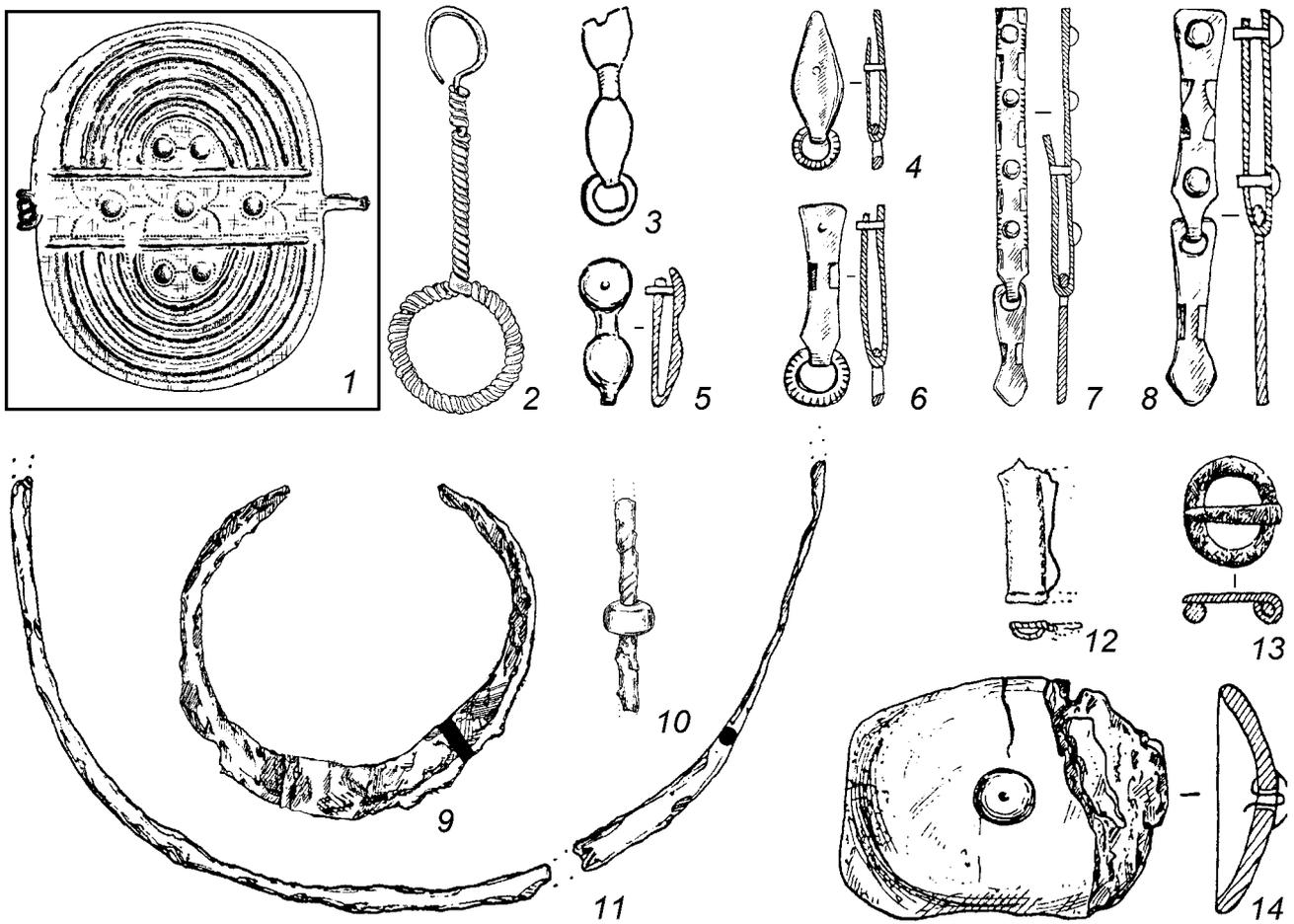

Рис. 50. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-3 (бабочковидные). 1 – фибула; 2,10 – височные подвески; 3-8 – накладки; 9 – браслет; 11 – гривна; 12 – пронизка; 13 – пряжка; 14 – бляха-раковина. Материал указан без масштаба

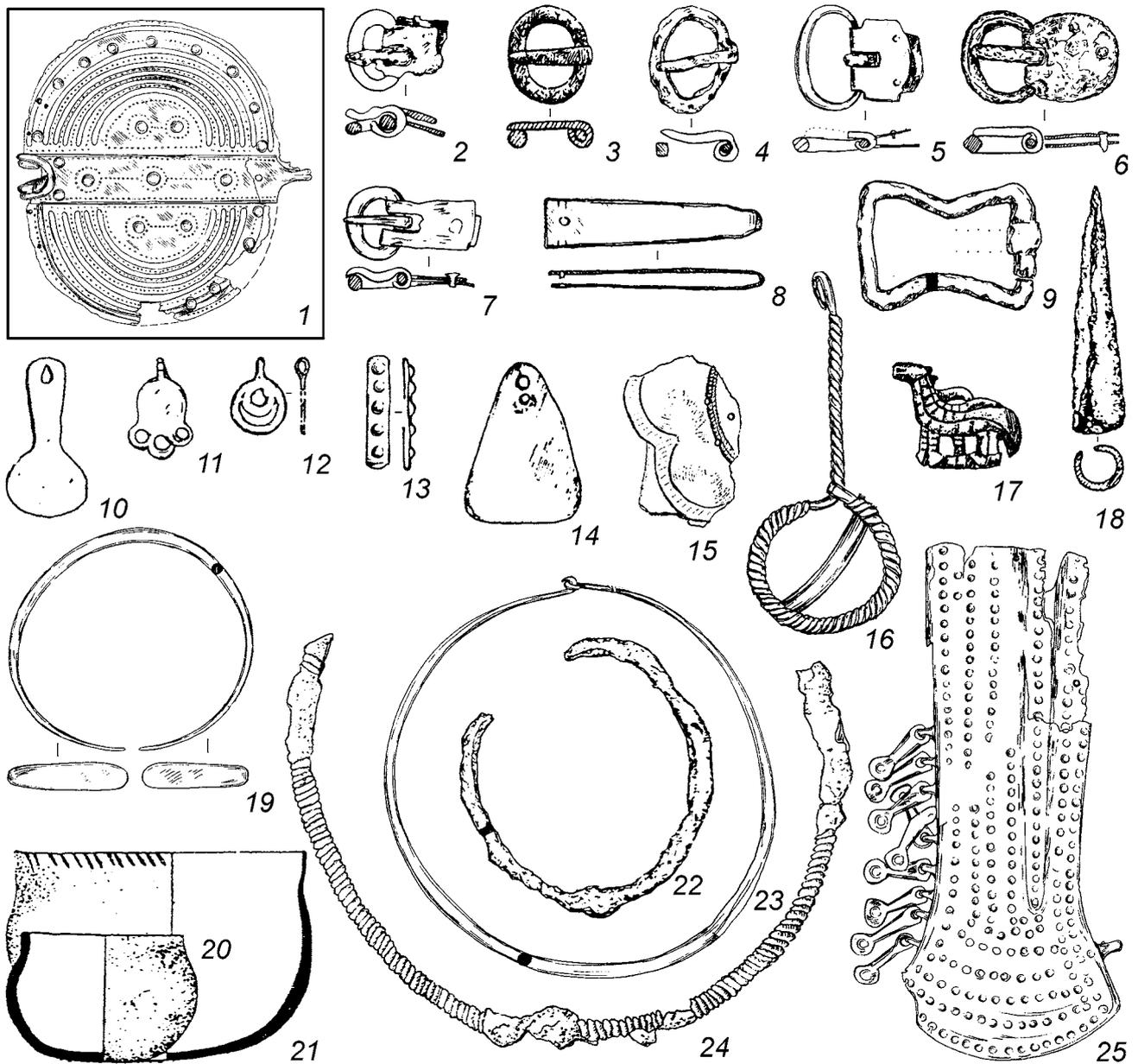

Рис. 51. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-4 (бабочковидные). 1 – фибула; 2-7,9 – пряжки; 8 – наконечник ремня; 10-12,14,17 – подвески; 13 – накладка; 15 – фрагмент эполетообразной застёжки; 16 – височная подвеска; 18 – наконечник стрелы; 19,22 – браслеты; 20,21 – сосуды; 23,24 – гривны; 25 – ножны.
Материал указан без масштаба

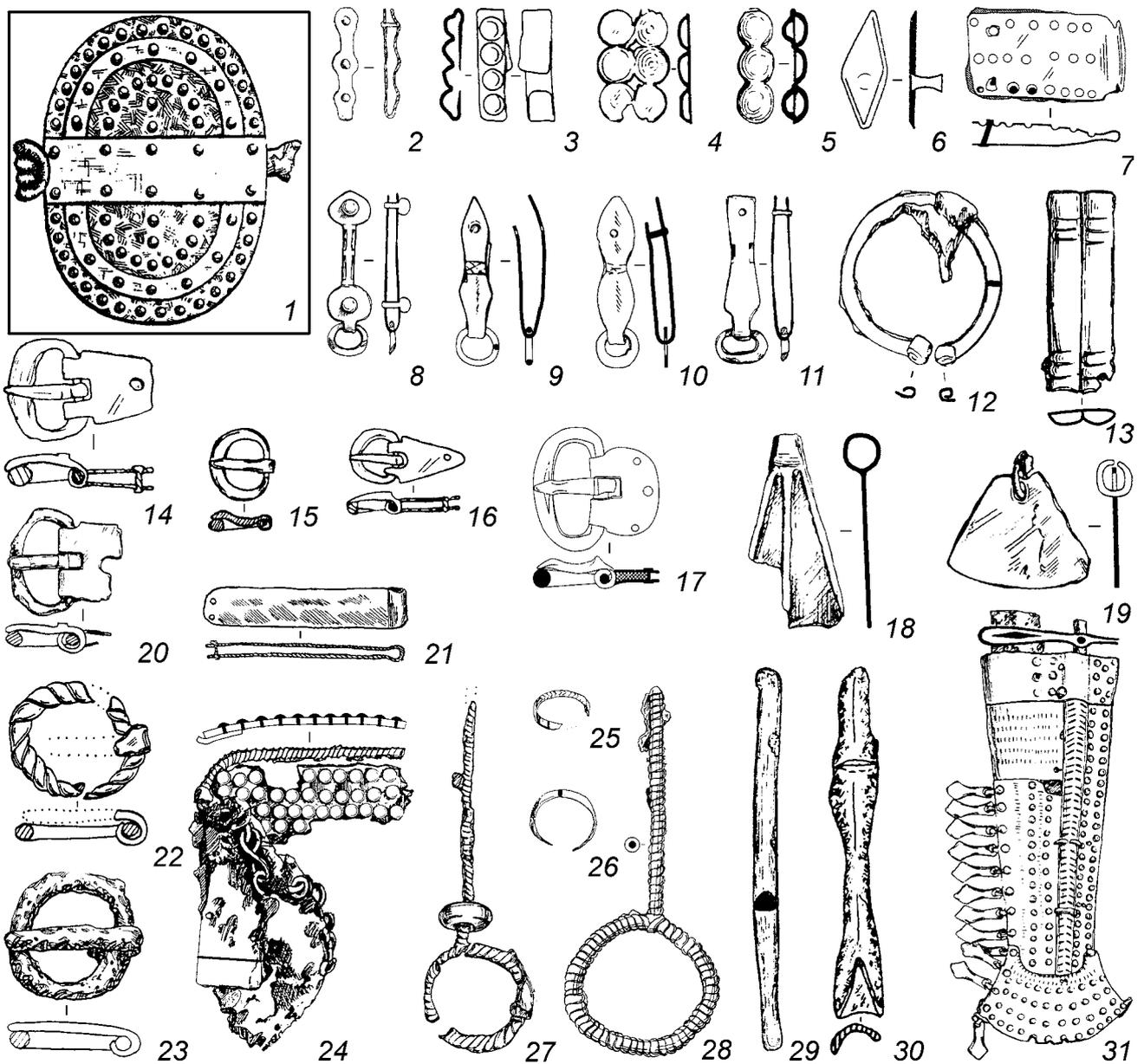

Рис. 52. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-5 (биметаллические бабочковидные с одним рядом пластинок).
 1,24 – фибулы; 2-6,7-11 – накладки; 12 – сьюлгама; 13 – пронизка; 14-17,20,22,23 – пряжки;
 18,19 – подвески; 21 – наконечник ремня; 25,26 – перстни; 27,28 – височные подвески;
 29 – слиток цветного металла; 30 – наконечник копья; 31 – ножны.

Материал указан без масштаба

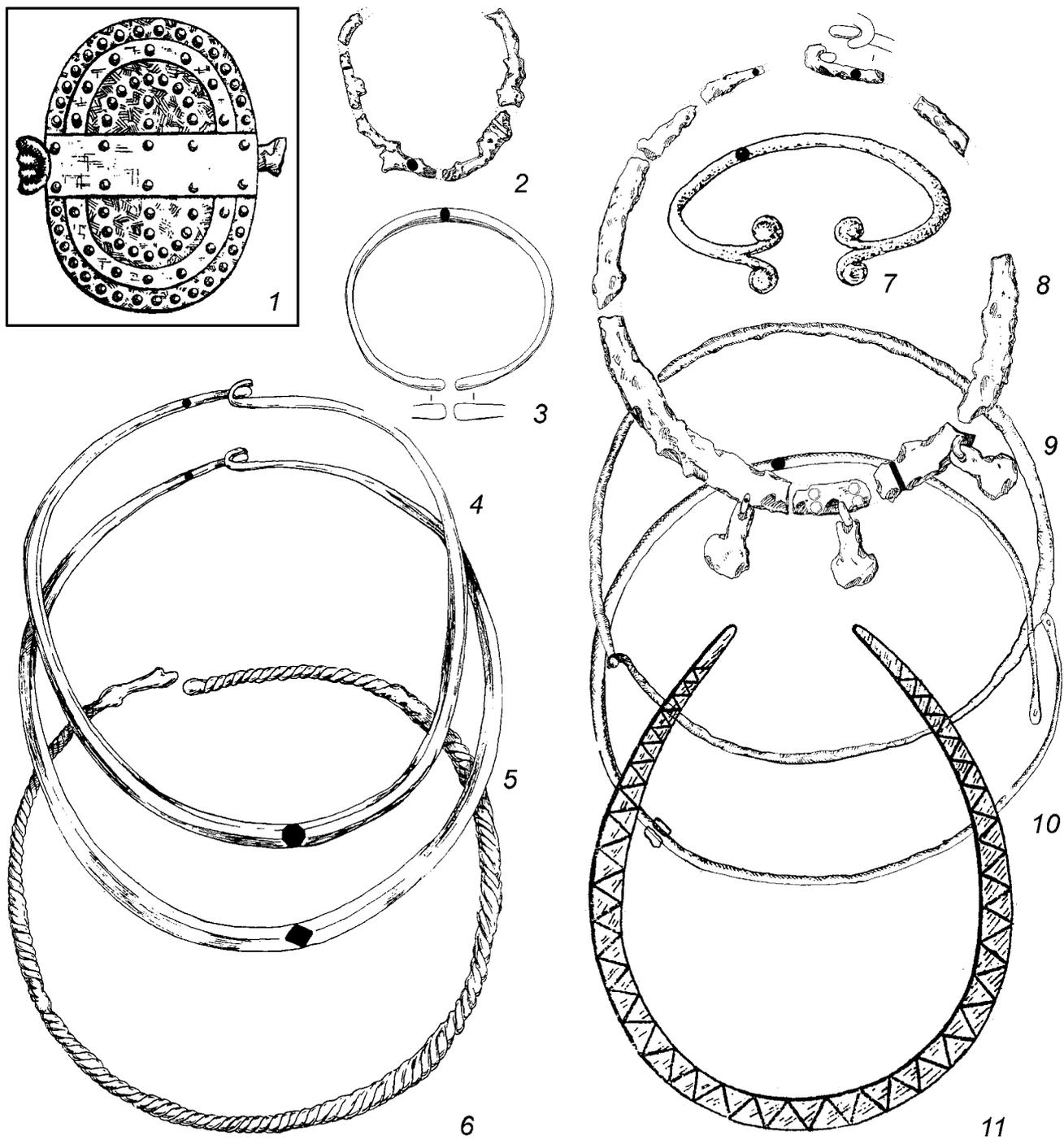

Рис. 53. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-5 (биметаллические бабочковидные с одним рядом пластинок). 1 – фибула; 2,3,7 – браслеты; 4-6,8-11 – гривны. Материал указан без масштаба

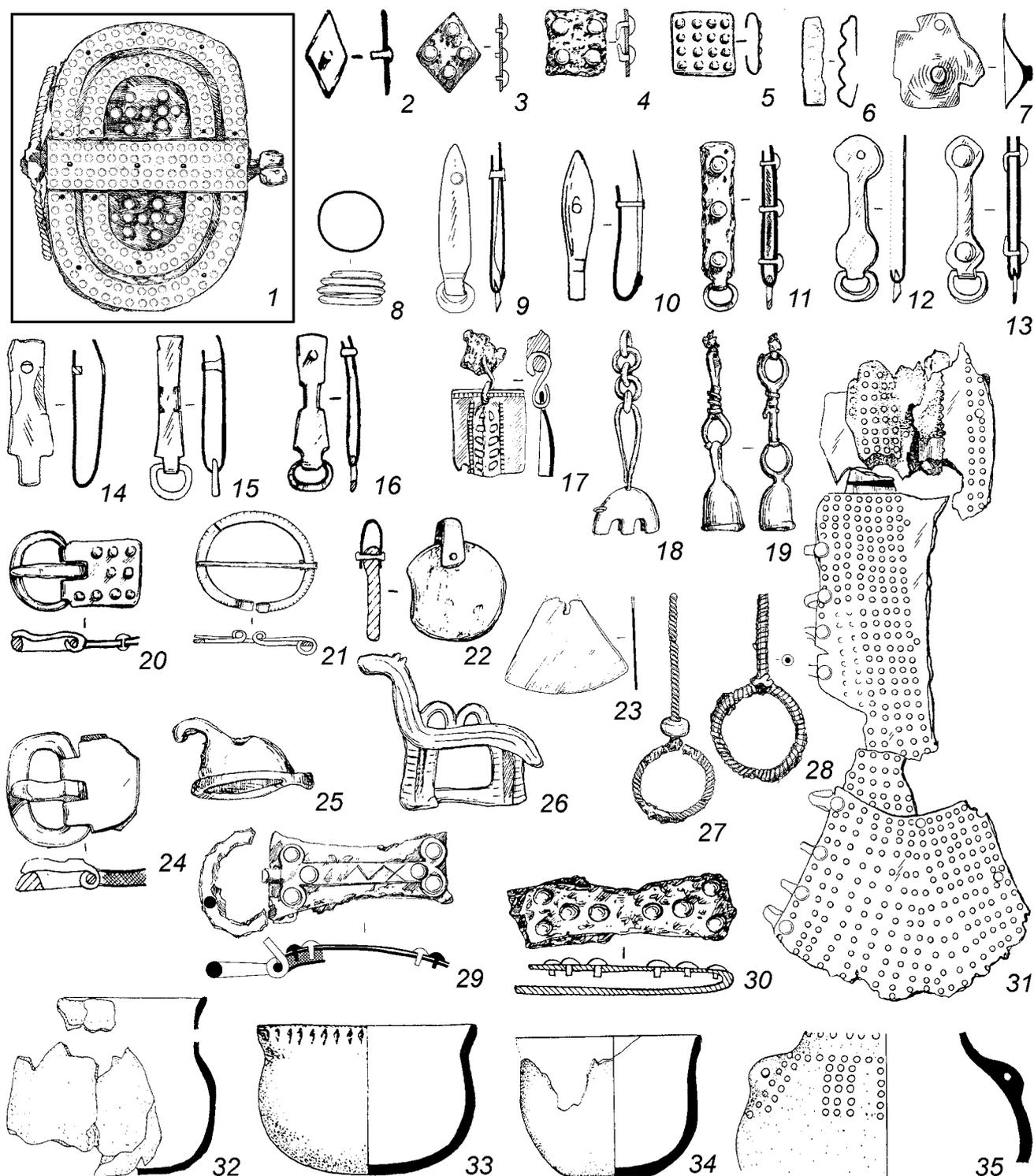

Рис. 54. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-5 (биметаллические бабочковидные с двумя рядами пластинок). 1 – фибула; 2-6,9-16 – накладки; 7 – фрагмент эполетообразной застёжки; 8 – перстень; 17-19,22,23,25,26 – подвески; 20,24,29 – пряжки; 21 – сьюльгама; 27,28 – височные подвески; 30 – наконечник ремня; 31 – ножны; 32-35 – сосуды. Материал указан без масштаба

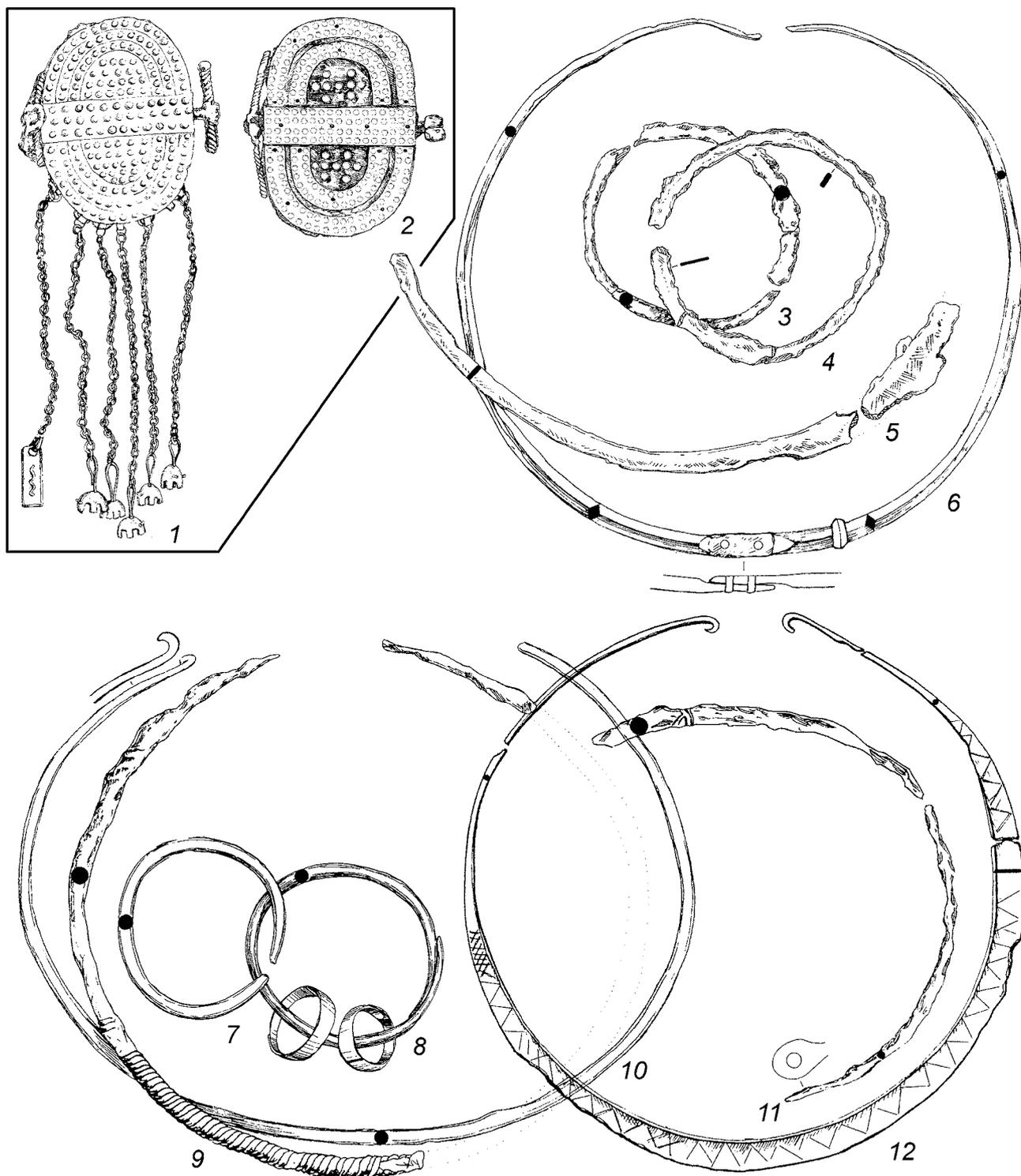

Рис. 55. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 1-5 (биметаллические бабочковидные с двумя рядами пластинок). 1,2 – фибулы; 3,4,7,8 – браслеты; 5,6,9-12 – гривны. Материал указан без масштаба

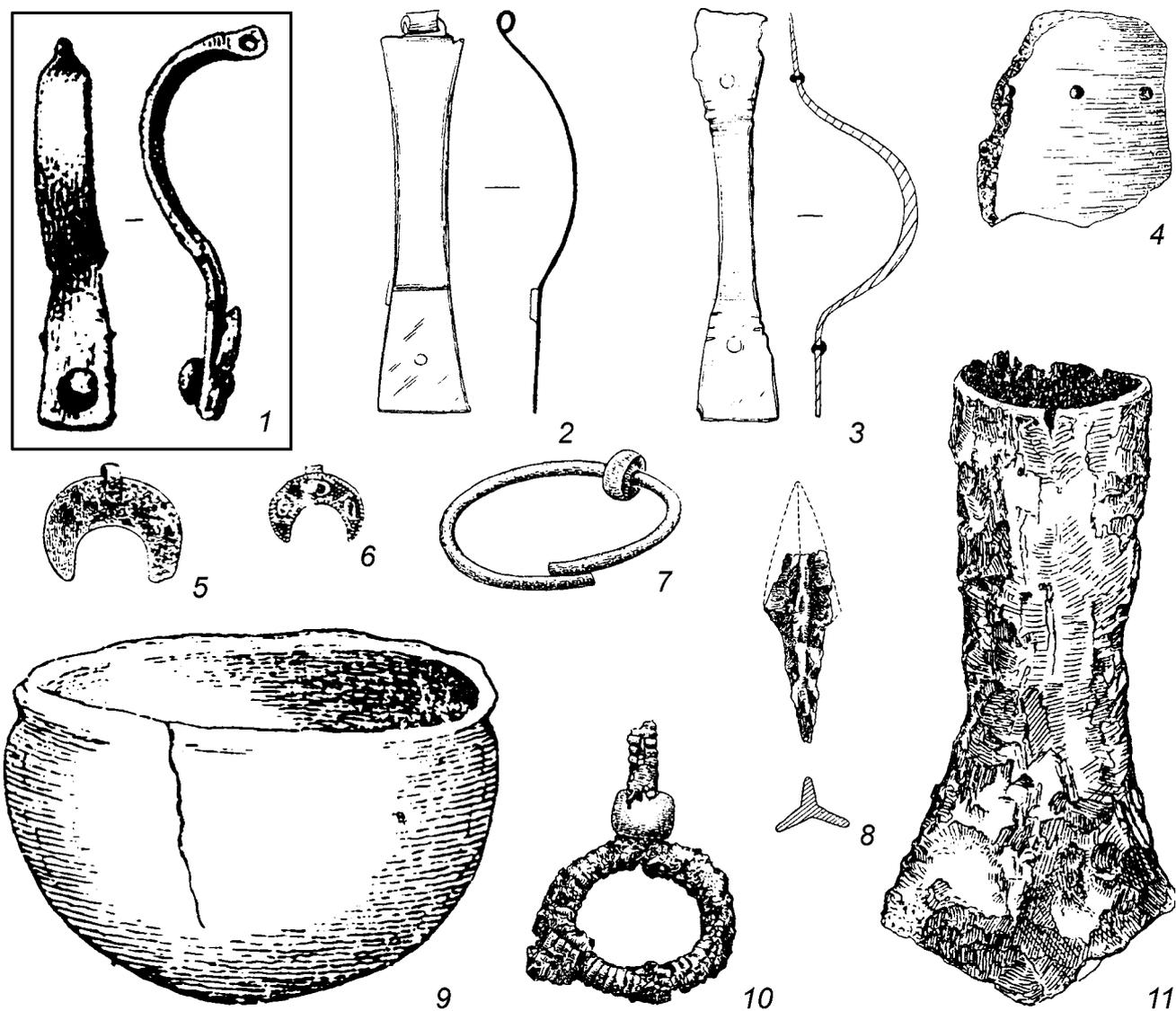

Рис. 56. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Амброз-16 (двучленные прогнутые подвязные фибулы). 1-3 – фибулы; 4,9 – сосуд и фрагменты сосуда; 5,6 – подвески; 7 – кольцо; 8 – наконечник стрелы; 10 – височная подвеска; 11 – тесло (?).
 Материал указан без масштаба

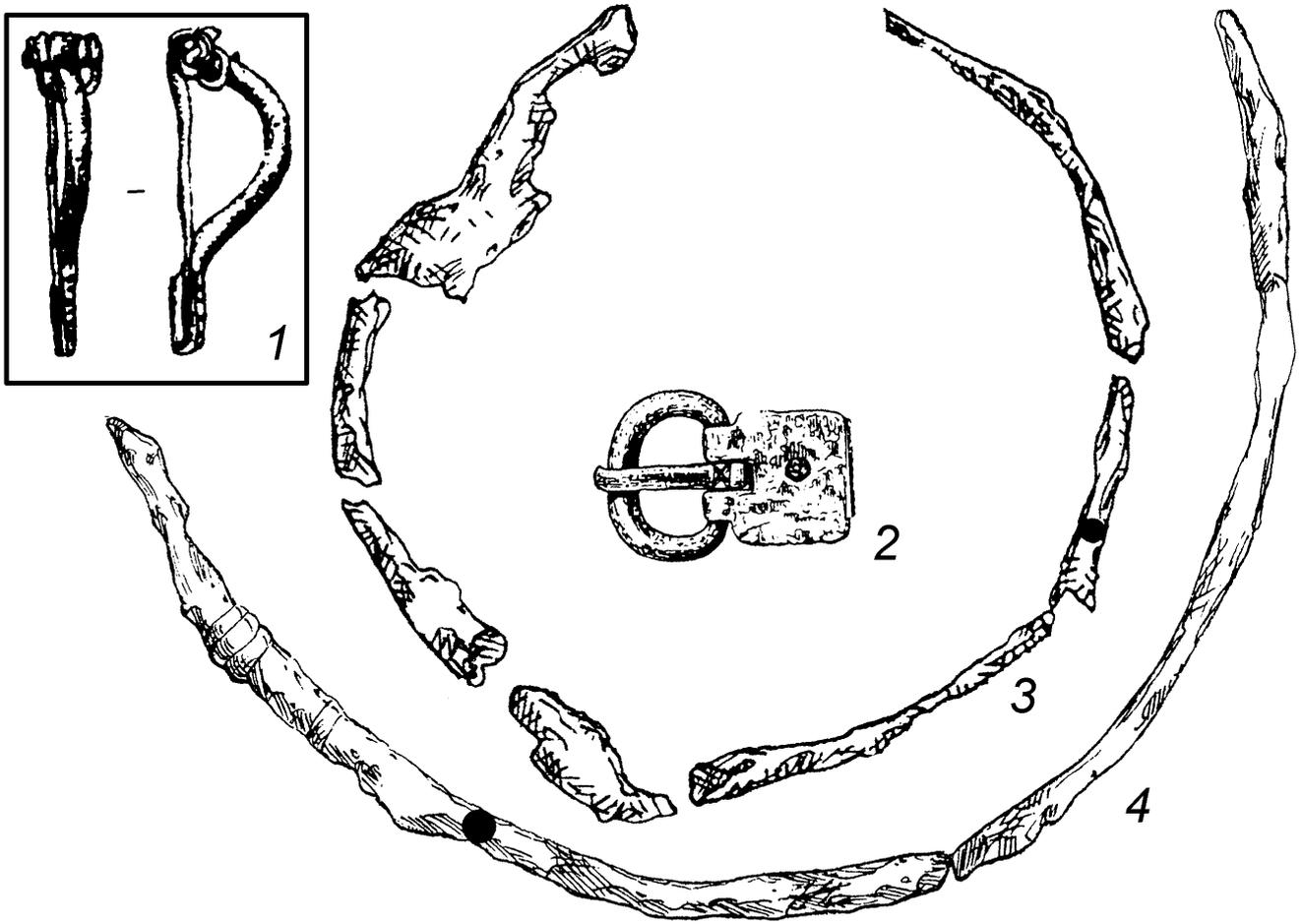

Рис. 57. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Амброз-17 (двучленные «воинские» фибулы). 1 – фибула; 2 – пряжка; 3,4 – гривны. Материал указан без масштаба

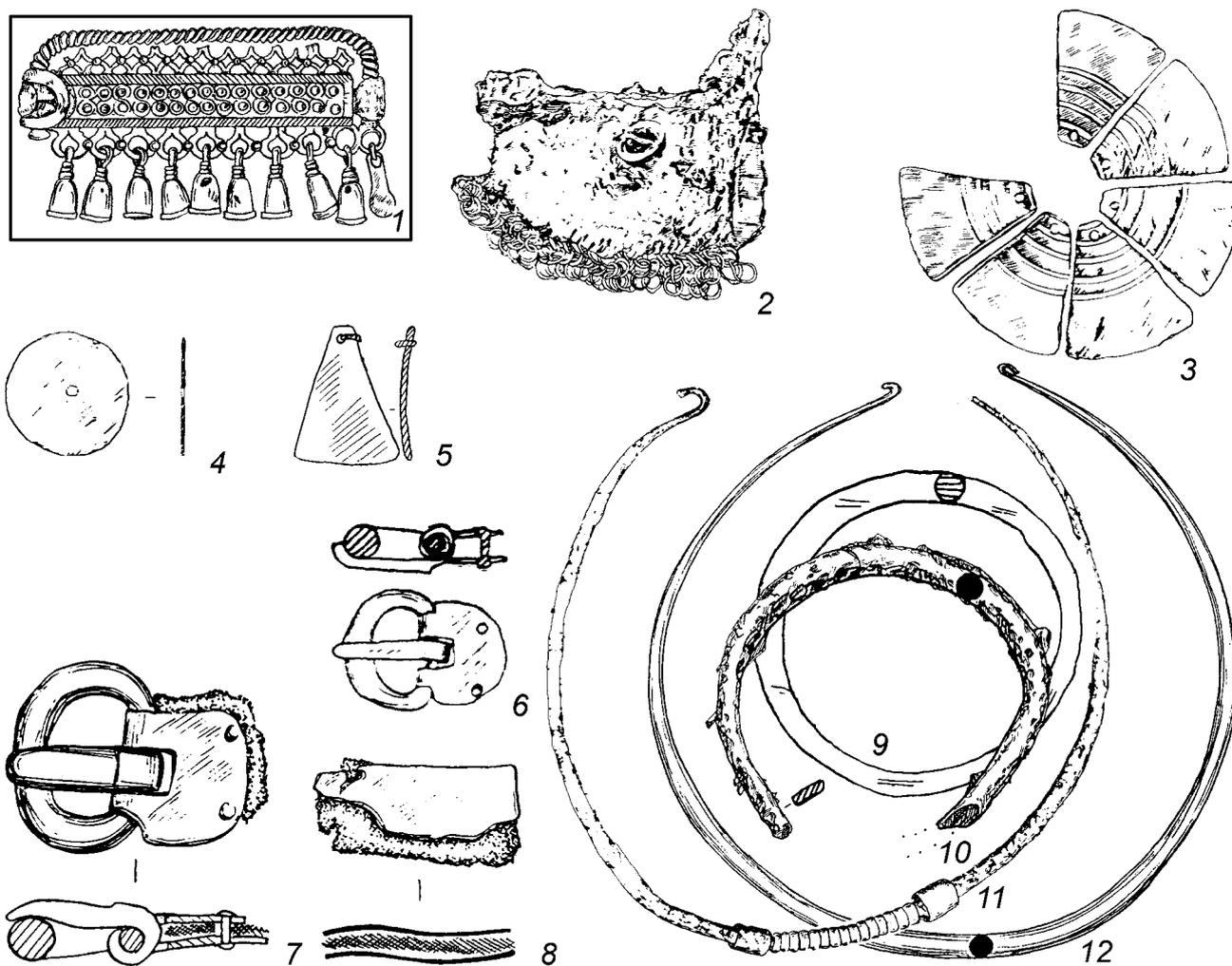

Рис. 58. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 2 (фибулы сайгатского типа с ажурной спинкой). 1 – фибула; 2 – фрагмент головного украшения; 3,5 – подвески; 4 – накладка; 6,7 – пряжки; 8 – наконечник ремня; 9,10 – браслеты; 11,12 – гривны. Материал указан без масштаба

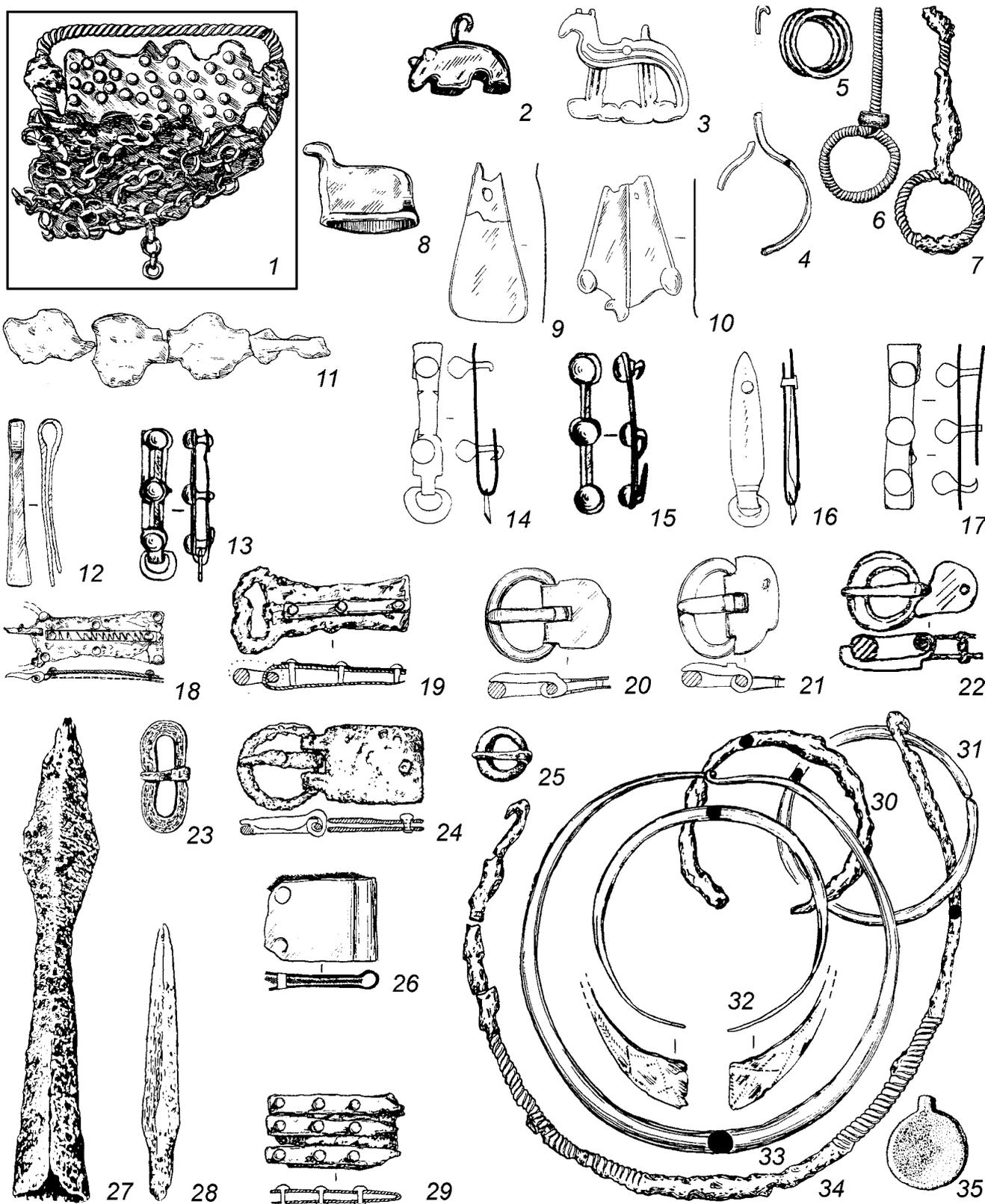

Рис. 59. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 2 (фибулы сайгатского типа со спинкой с выступами). 1,11 – фибулы; 2,3,8-10,35 – подвески; 4,6,7 – височные подвески; 5 – перстень; 12 – пинцет; 13-17 – накладки; 18-25 – пряжки; 26,29 – наконечники ремня; 27 – наконечник копья; 28 – наконечник стрелы; 30-32 – браслеты; 33,34 – гривны. Материал указан без масштаба

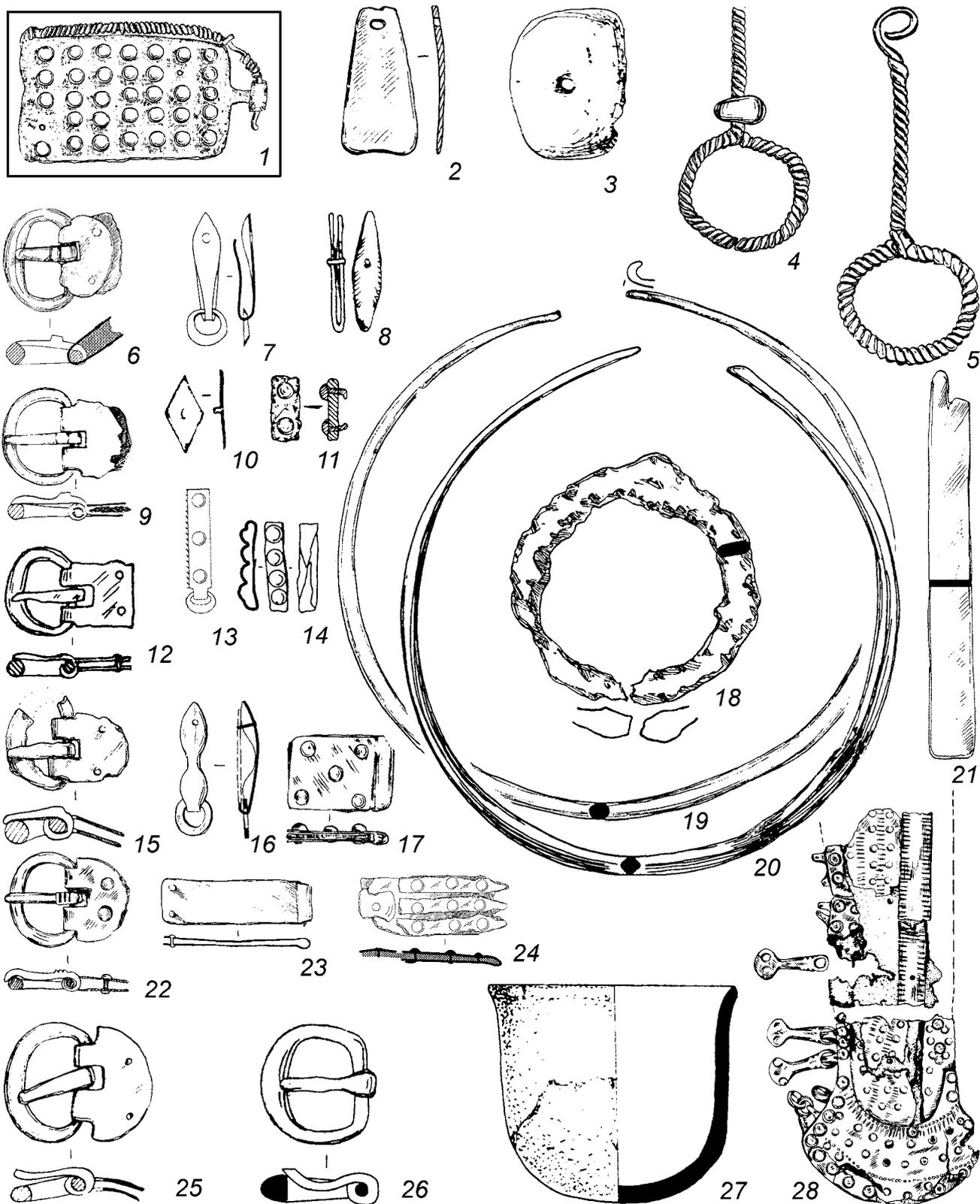

Рис. 60. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 2 (фибулы сайгатского типа с прямоугольной спинкой). 1 – фибула; 2 – подвеска; 3 – бляха-раковина; 4,5 – височные подвески; 6,9,12,15,22,25,26 – пряжки; 7,8,10,11,13,14,17 – накладки; 17,23,24 – наконечники поясов; 18 – браслет; 19,20 – гривны; 21 – слиток цветного металла; 27 – сосуд; 28 – ножны. Материал указан без масштаба

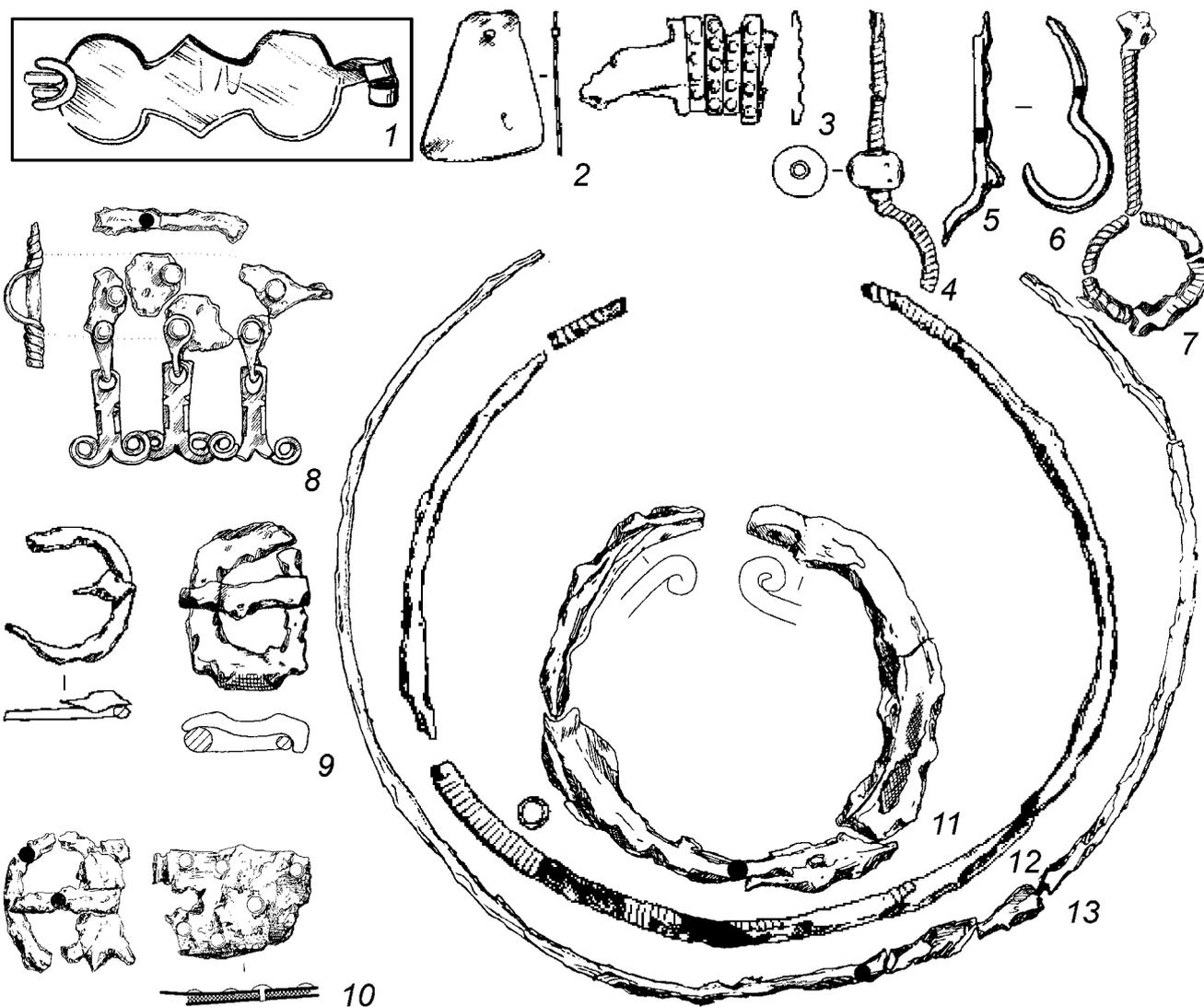

Рис. 61. Сопроводительный материал из погребений с трёхщитковыми фибулами. 1,8 – фибулы; 2 – подвеска; 3 – накладки; 4-7 – височные подвески; 9,10 – пряжки; 11 – браслет; 12,13 – гривны. Материал указан без масштаба

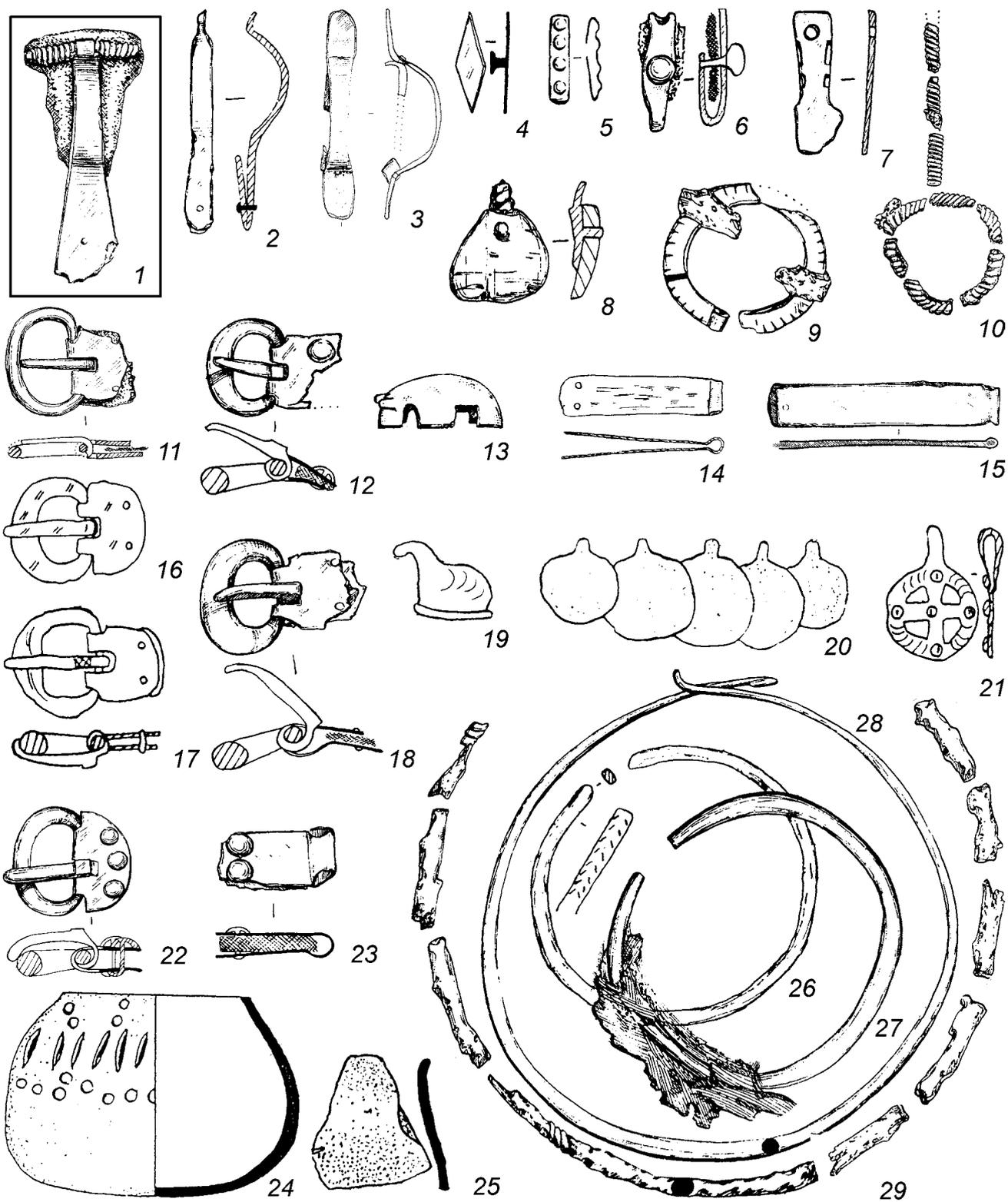

Рис. 62. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 3А (двучленные бантикообразные фибулы с с кольцом для оси пружины). 1-3 – фибулы; 4-7 – накладки; 8,13,19,20,21 – подвески; 9 – сюльгама; 10 – височная подвеска; 11,12,16-18,22,23 – пряжки; 24,25 – сосуд и фрагменты сосуда; 26,27 – браслеты; 28,29 – гривны

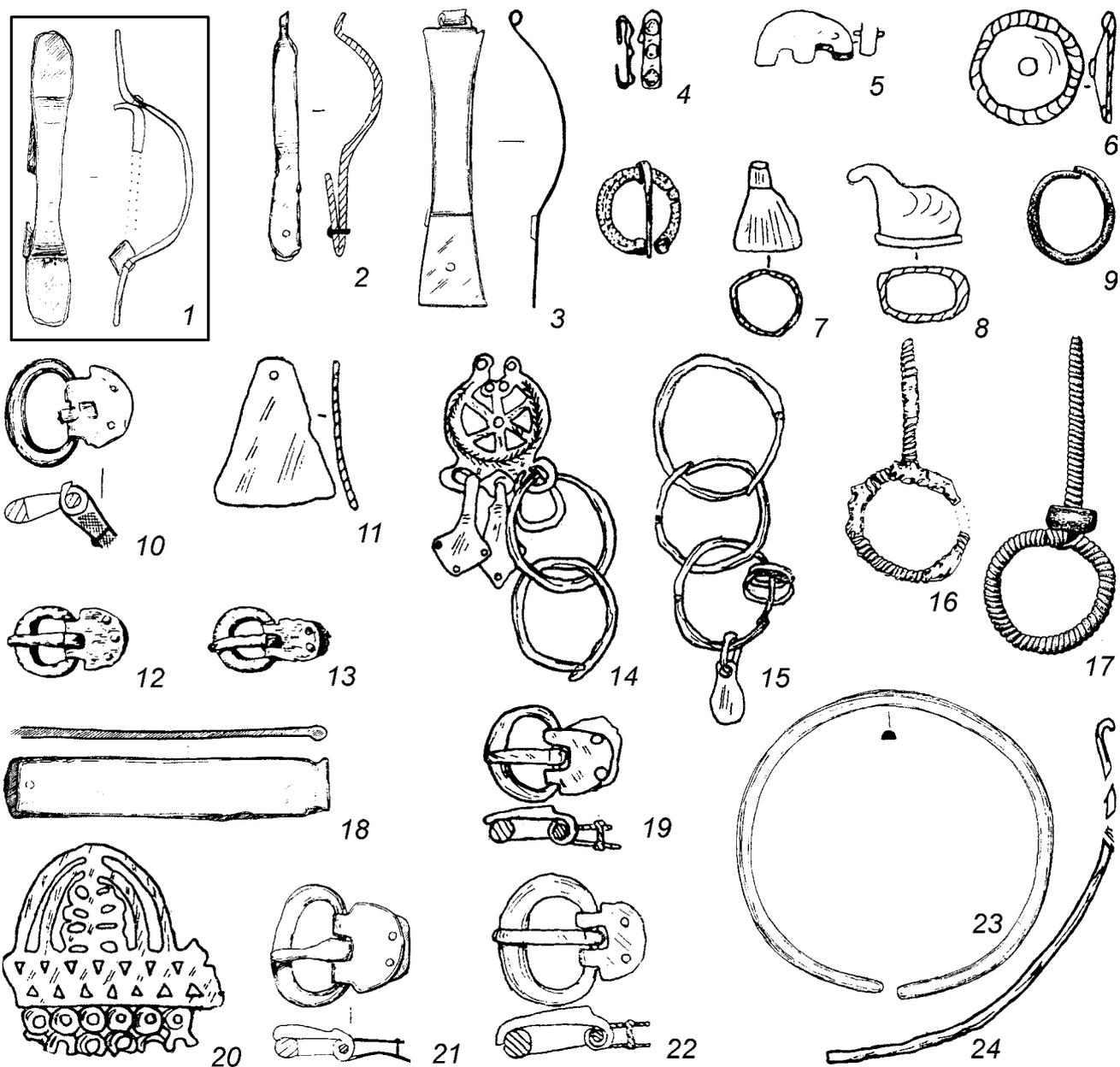
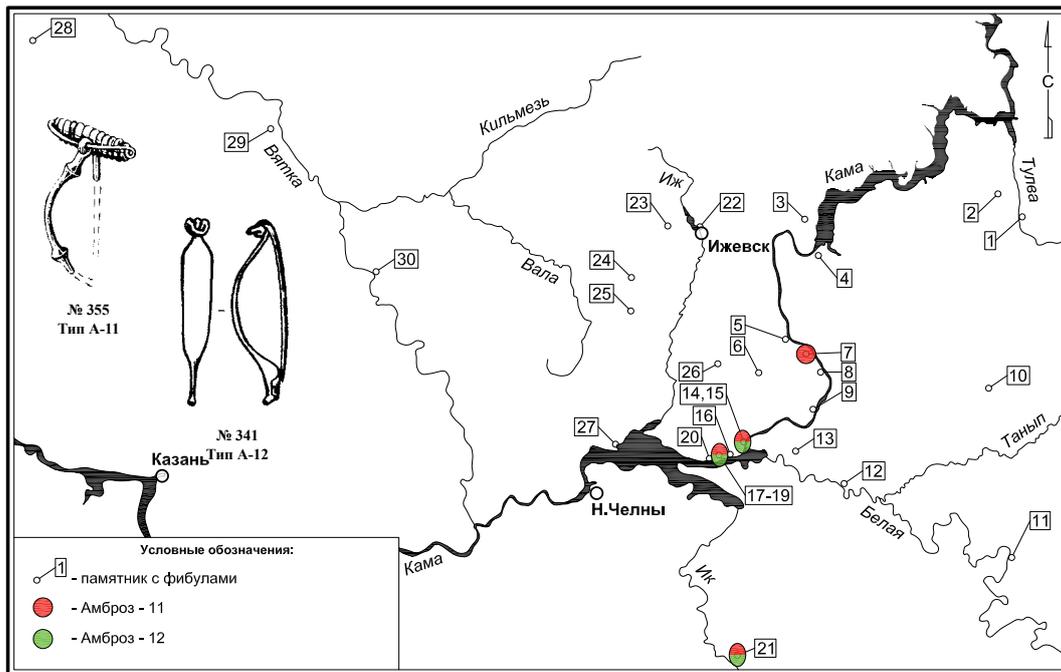

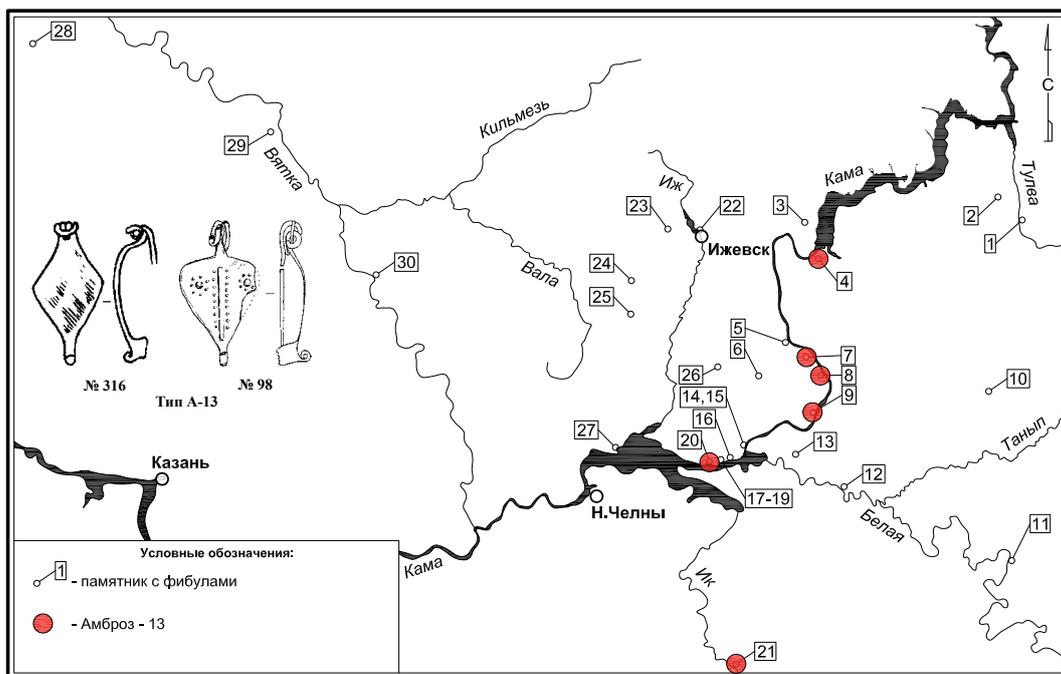
Рис. 63. Сопроводительный материал из погребений с фибулами типа Останина 3А (двучленные бантикообразные фибулы без пружины). 1-3 – фибулы; 4,20 – накладки; 5,7,8,11 – подвески, 6 – бляшка; 9,14,15 – височные кольца; 10,12,13,19,21,22 – пряжки; 16,17 – височные подвески; 18 – наконечник ремня; 23 – браслет; 24 – гривны

Рис. 64. Области распространения фибул разных типов на площадке Тарасовского могильника

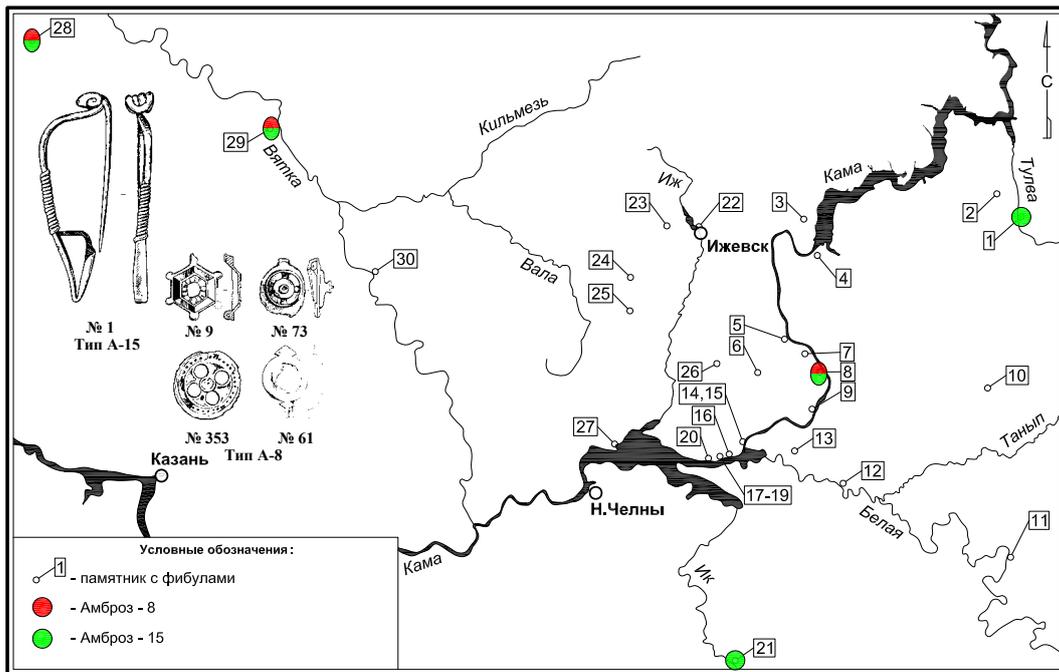

1

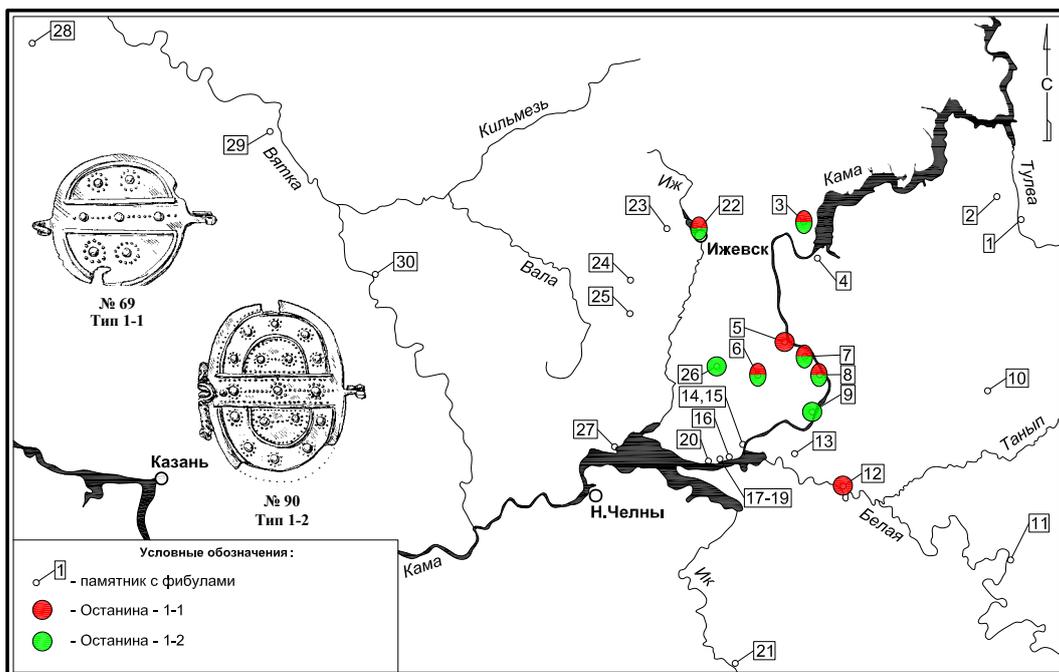

2

Рис. 65. Карта-схема мест находок фибул типа Амброс-11,12 (1), фибул типа Амброс-13 (2):
 1 – Красноярский могильник, 2 – Кудашевский могильник, 3 – Нивский могильник,
 4 – Сайгатский могильник, 5 – Усть-Сарапульский могильник, 6 – Заборьинский могильник,
 7 – Мазунинский могильник, 8 – Тарасовский могильник, 9 – Боярский «Арай» могильник,
 10 – Югомашевский могильник, 11 – Бирский могильник, 12 – Старо-Муштинский могильник,
 13 – Старо-Кабановский могильник, 14 – Чегандинский II могильник, 15 – Чегандинское I
 городище, 16 – Быргындинский I могильник, 17 – Нырғындинский I могильник, 18 – Нырғын-
 динский II могильник, 19 – Нырғындинское III городище, 20 – Зуевключевское I городище,
 21 – Сасыкульский могильник, 22 – Ижевский могильник, 23 – Чужьяловское городище,
 24 – Покровский могильник, 25 – Бобья-Учинский могильник, 26 – Дубровский могильник,
 27 – Тураевский I могильник, 28 – Худяковский могильник, 29 – Ошкинский могильник,
 30 – Аргыжское городище

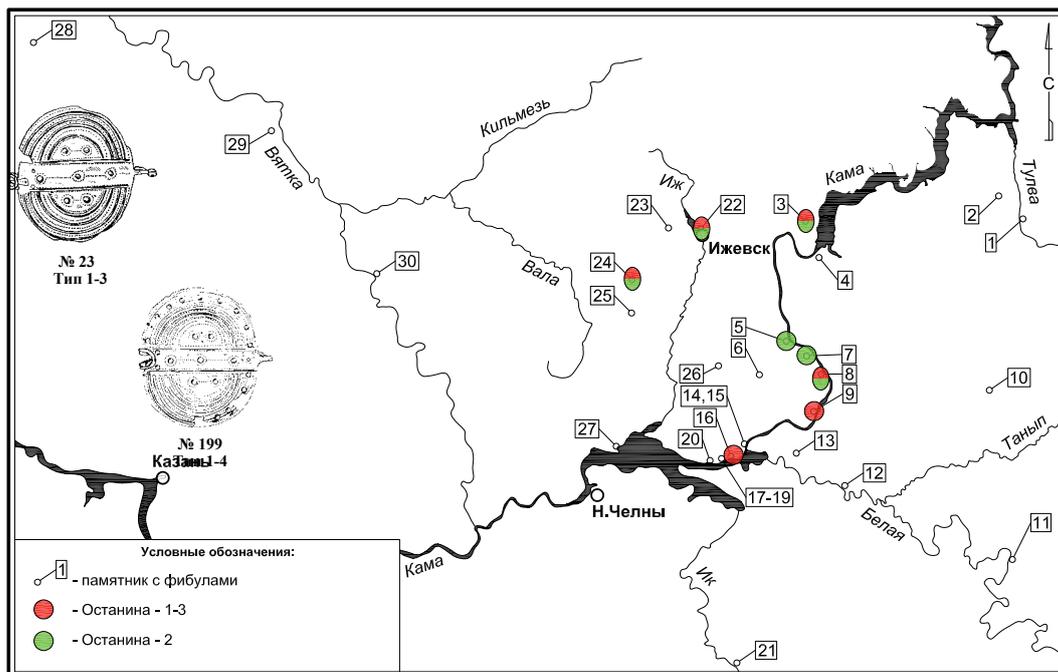

1

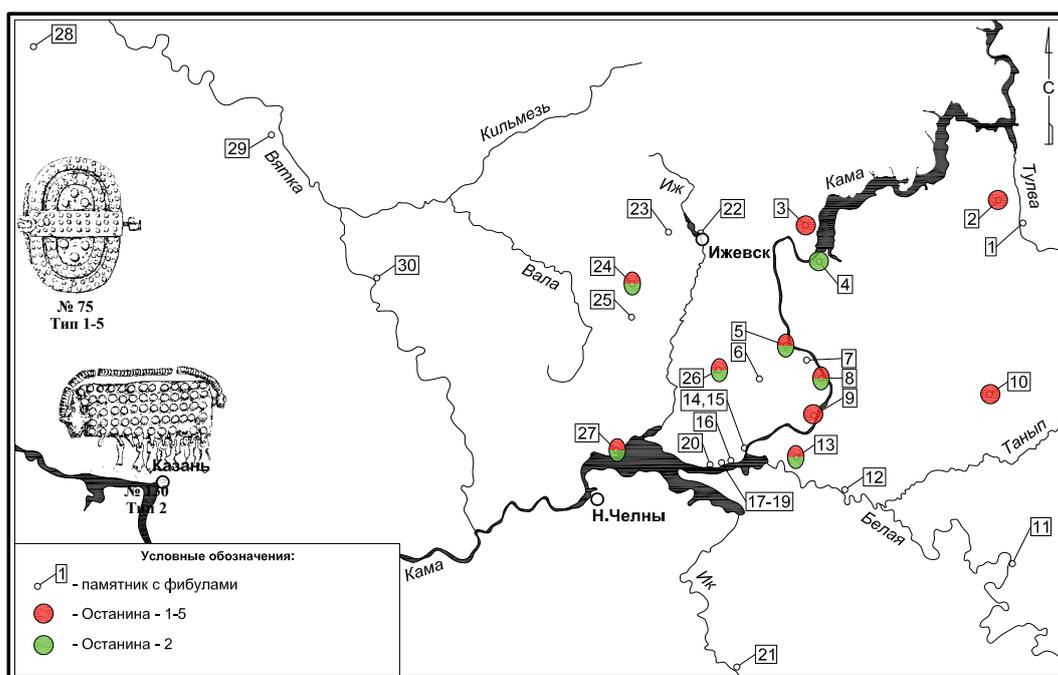

2

Рис. 66. Карта-схема мест находок фибул типа Амброз-8,15 (1), фибул типа Останина 1-1,1-2 (2):
 1 – Красноярский могильник, 2 – Кудашевский могильник, 3 – Нивский могильник,
 4 – Сайгатский могильник, 5 – Усть-Сарапульский могильник, 6 – Заборьинский могильник,
 7 – Мазунинский могильник, 8 – Тарасовский могильник, 9 – Боярский «Арай» могильник,
 10 – Югомашевский могильник, 11 – Бирский могильник, 12 – Старо-Муштинский могильник,
 13 – Старо-Кабановский могильник, 14 – Чегандинский II могильник, 15 – Чегандинское I
 городище, 16 – Быргындинский I могильник, 17 – Нырғындынский I могильник, 18 – Нырғын-
 дынский II могильник, 19 – Нырғындынское III городище, 20 – Зуевоключевское I городище,
 21 – Сасыкульский могильник, 22 – Ижевский могильник, 23 – Чужьяловское городище,
 24 – Покровский могильник, 25 – Бобья-Учинский могильник, 26 – Дубровский могильник,
 27 – Тураевский I могильник, 28 – Худяковский могильник, 29 – Ошкинский могильник,
 30 – Арғыжское городище

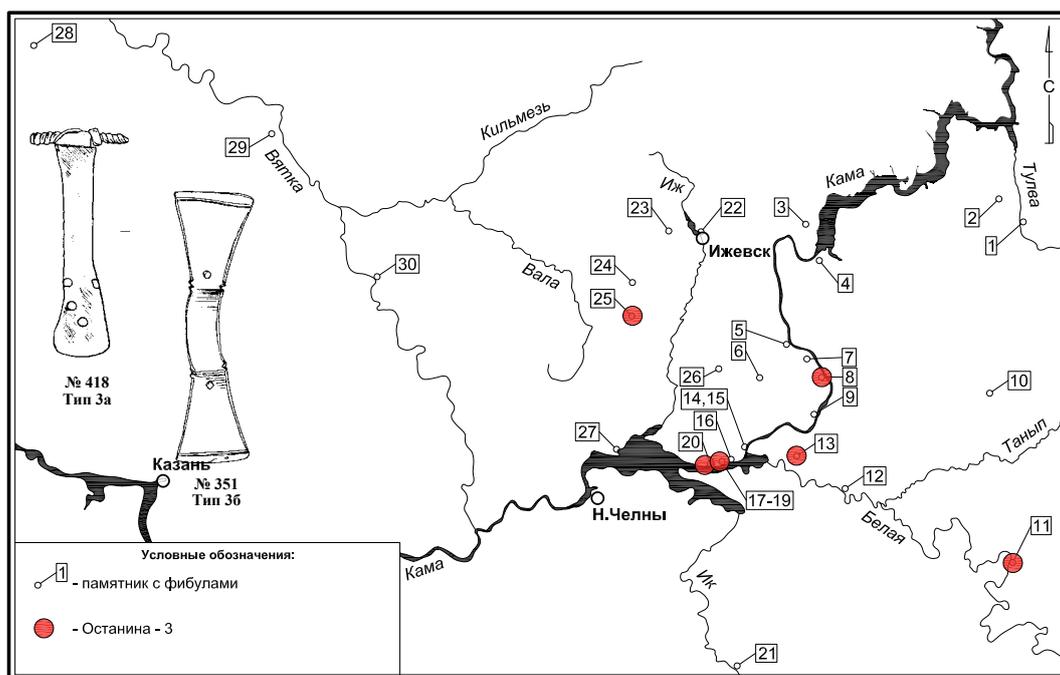
1

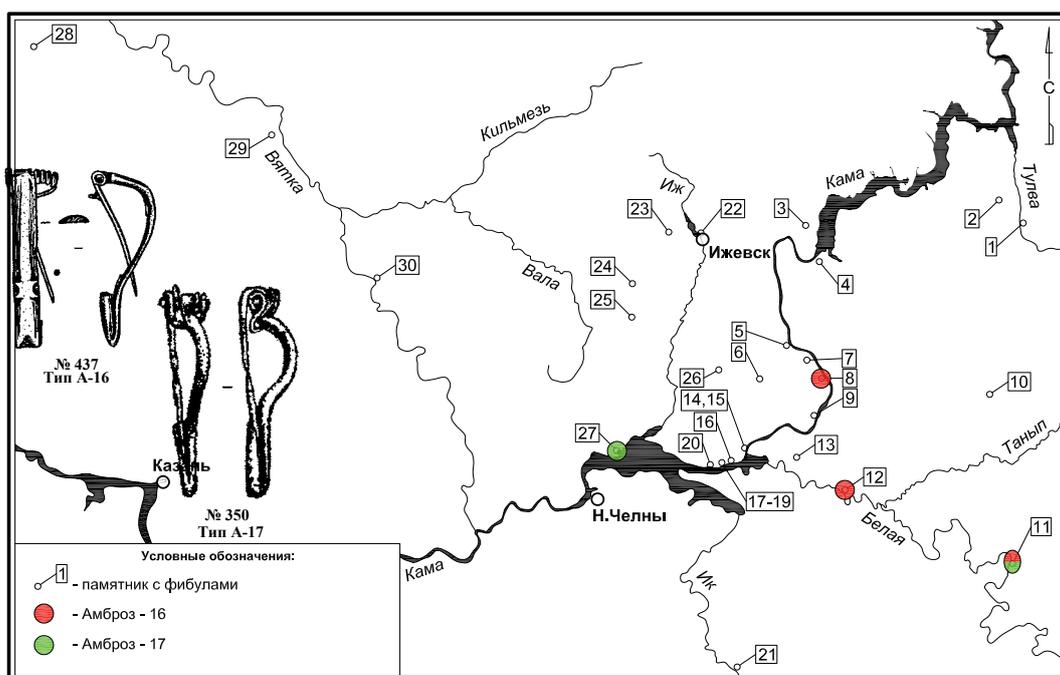
2

Рис. 67. Карта-схема мест находок фибул типа Останина 1-3,1-4 (1), фибул типа Останина 1-5,2 (2):

- 1 – Красноярский могильник, 2 – Кудашевский могильник, 3 – Нивский могильник, 4 – Сайгатский могильник, 5 – Усть-Сарапульский могильник, 6 – Заборьинский могильник, 7 – Мазунинский могильник, 8 – Тарасовский могильник, 9 – Боярский «Арай» могильник, 10 – Югомашевский могильник, 11 – Бирский могильник, 12 – Старо-Муштинский могильник, 13 – Старо-Кабановский могильник, 14 – Чегандинский II могильник, 15 – Чегандинское I городище, 16 – Быргындинский I могильник, 17 – Нырғындинский I могильник, 18 – Нырғындинский II могильник, 19 – Нырғындинское III городище, 20 – Зуевключевское I городище, 21 – Сасыкульский могильник, 22 – Ижевский могильник, 23 – Чужьяловское городище, 24 – Покровский могильник, 25 – Бобья-Учинский могильник, 26 – Дубровский могильник, 27 – Тураевский I могильник, 28 – Худяковский могильник, 29 – Ошкинский могильник, 30 – Аргыжское городище

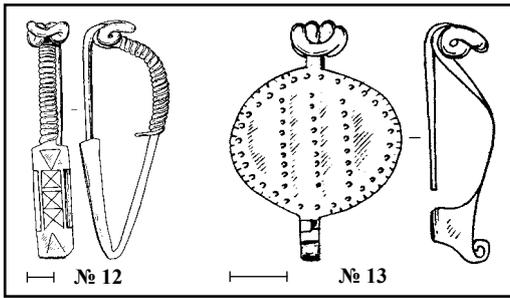

1

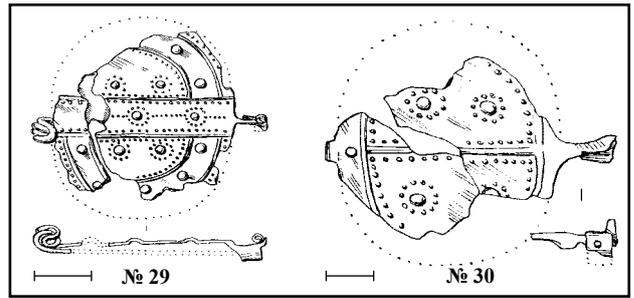

2

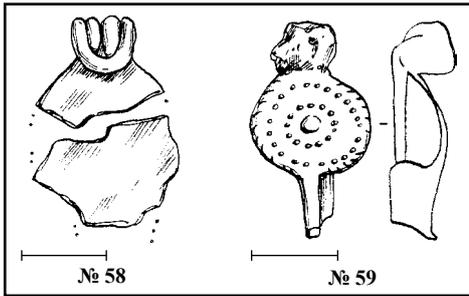
Рис. 68. Карта-схема мест находок фибул типа Останина-3 (1), фибул типа Амброз 16,17 (2)
 1 – Красноярский могильник, 2 – Кудашевский могильник, 3 – Нивский могильник,
 4 – Сайгатский могильник, 5 – Усть-Сарапульский могильник, 6 – Заборьинский могильник,
 7 – Мазунинский могильник, 8 – Тарасовский могильник, 9 – Боярский «Арай» могильник,
 10 – Югомашевский могильник, 11 – Бирский могильник, 12 – Старо-Муштинский могильник,
 13 – Старо-Кабановский могильник, 14 – Чегандинский II могильник, 15 – Чегандинское I
 городище, 16 – Быргындинский I могильник, 17 – Нырғындынский I могильник, 18 – Нырғын-
 дынский II могильник, 19 – Нырғындынское III городище, 20 – Зуевключевское I городище,
 21 – Сасыкульский могильник, 22 – Ижевский могильник, 23 – Чужьяловское городище,
 24 – Покровский могильник, 25 – Бобья-Учинский могильник, 26 – Дубровский могильник,
 27 – Тураевский I могильник, 28 – Худяковский могильник, 29 – Ошкинский могильник,
 30 – Аргыжское городище

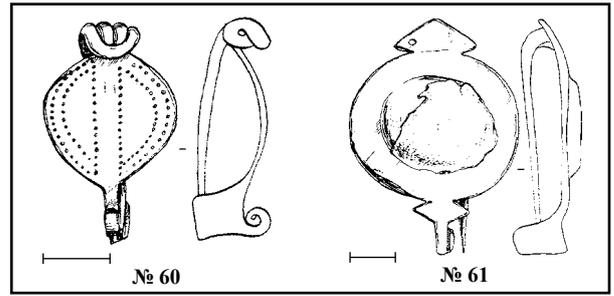
Тарасовский могильник, погр.52

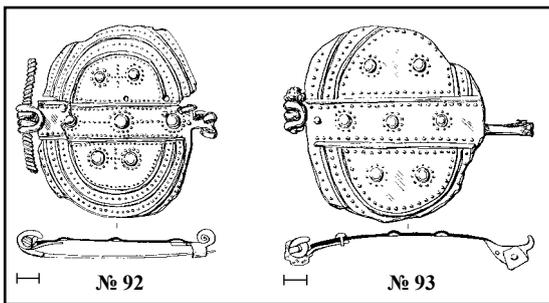
Тарасовский могильник, погр.130

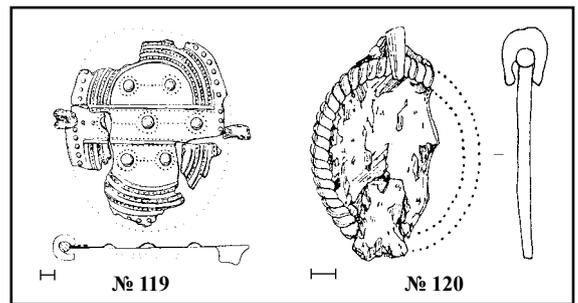
Тарасовский могильник, погр.306А

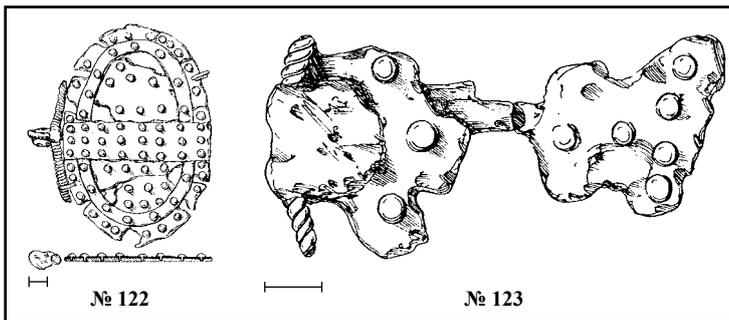
Тарасовский могильник, погр.307

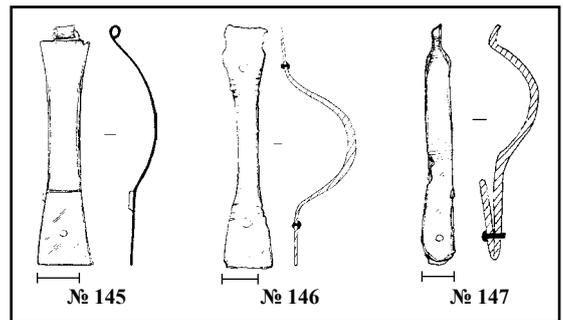
Тарасовский могильник, погр.680А

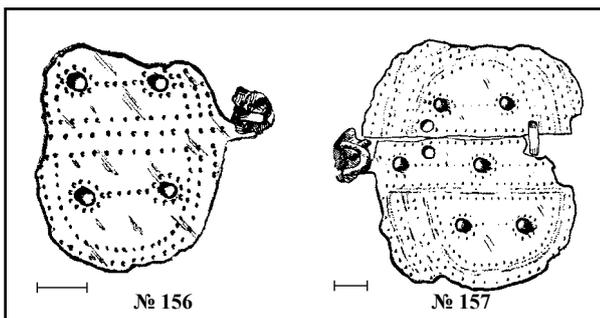
Тарасовский могильник, погр.999

Тарасовский могильник, погр.1010

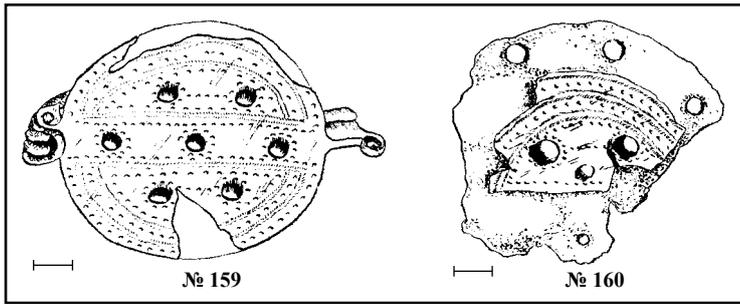

Тарасовский могильник, погр.1848

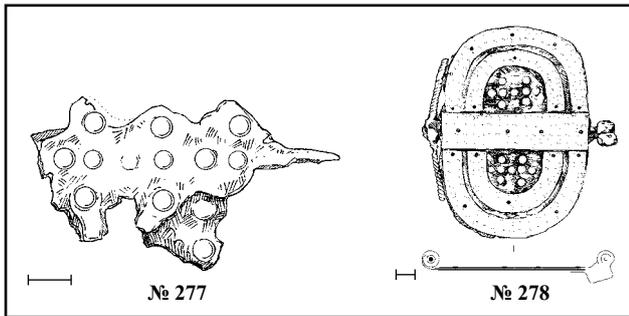

Ижевский могильник, погр.48

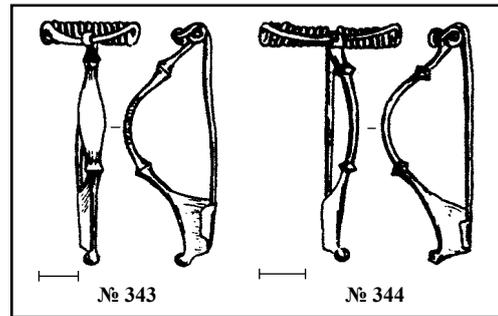
Рис. 69. Синхронные пары фибул (номера фибул соответствуют индивидуальным номерам застёжек в Каталоге – см. Приложение II)

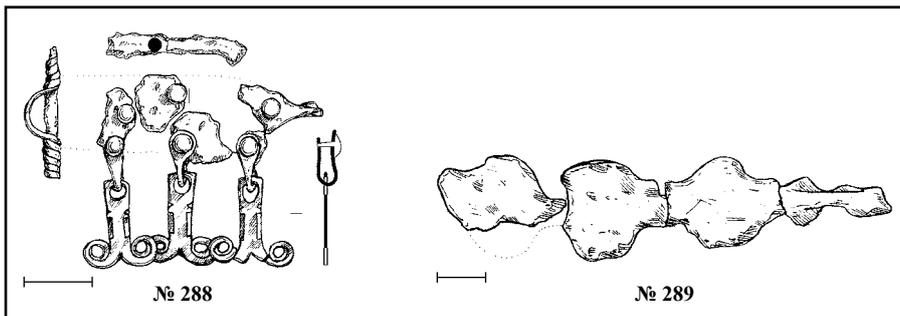
Ижевский могильник, погр.51

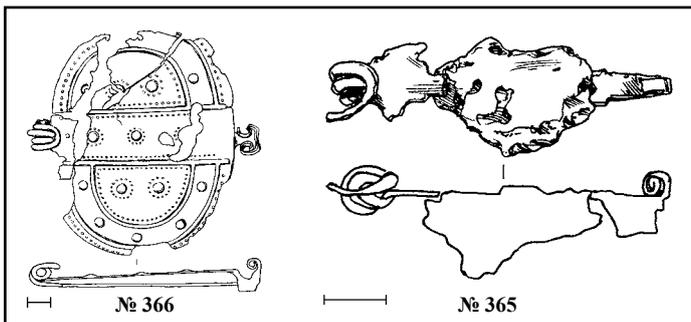
Тураевский I могильник, погр.165

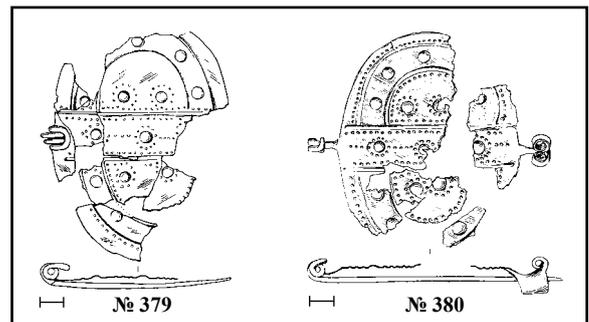
Сасыкульский могильник, погр.309

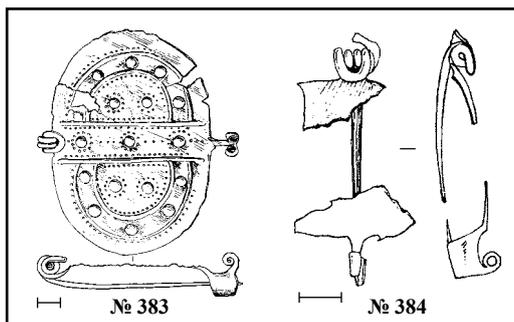
Тураевский I могильник, погр.201А

Боярский "Арай" могильник, погр.115

Заборьинский могильник, погр.24

Заборьинский могильник, погр.30

Рис. 70. Синхронные пары фибул (номера фибул соответствуют индивидуальным номерам застёжек в Каталоге – см. Приложение II)

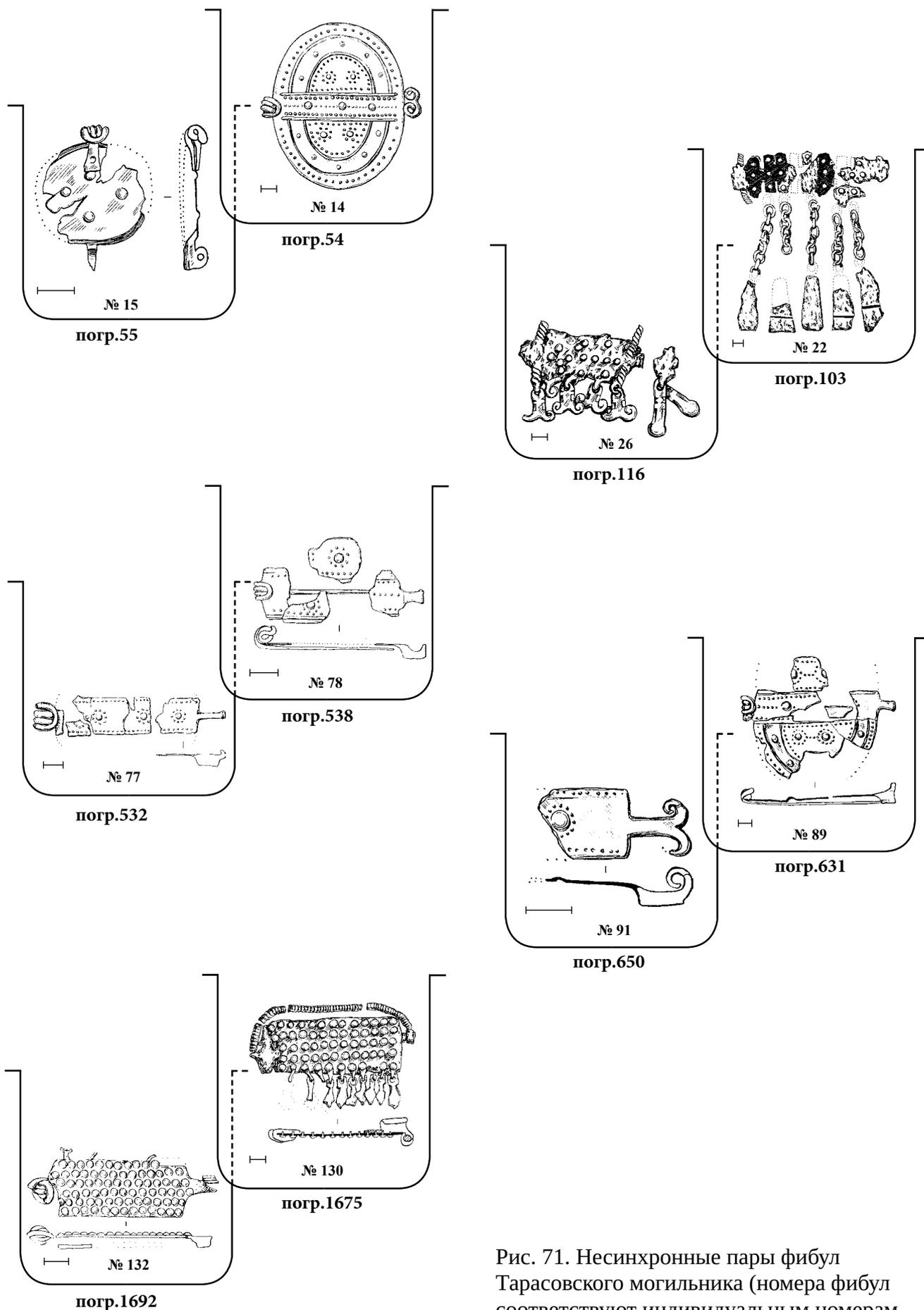

Рис. 71. Несинхронные пары фибул Тарасовского могильника (номера фибул соответствуют индивидуальным номерам застёжек в Каталоге – см. Приложение II)

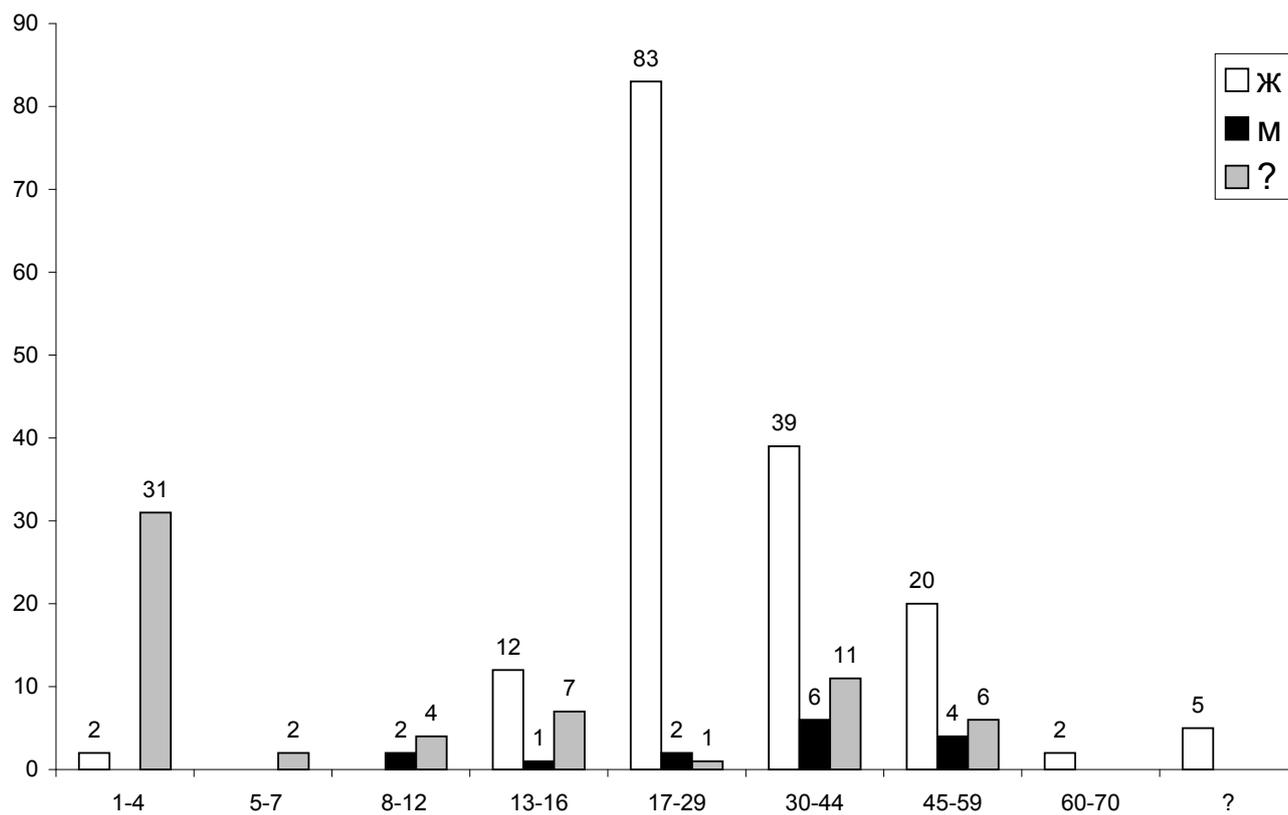

Рис. 72. Визуальное количественное распределение умерших с фибулами в составе погребального инвентаря по полу и возрасту

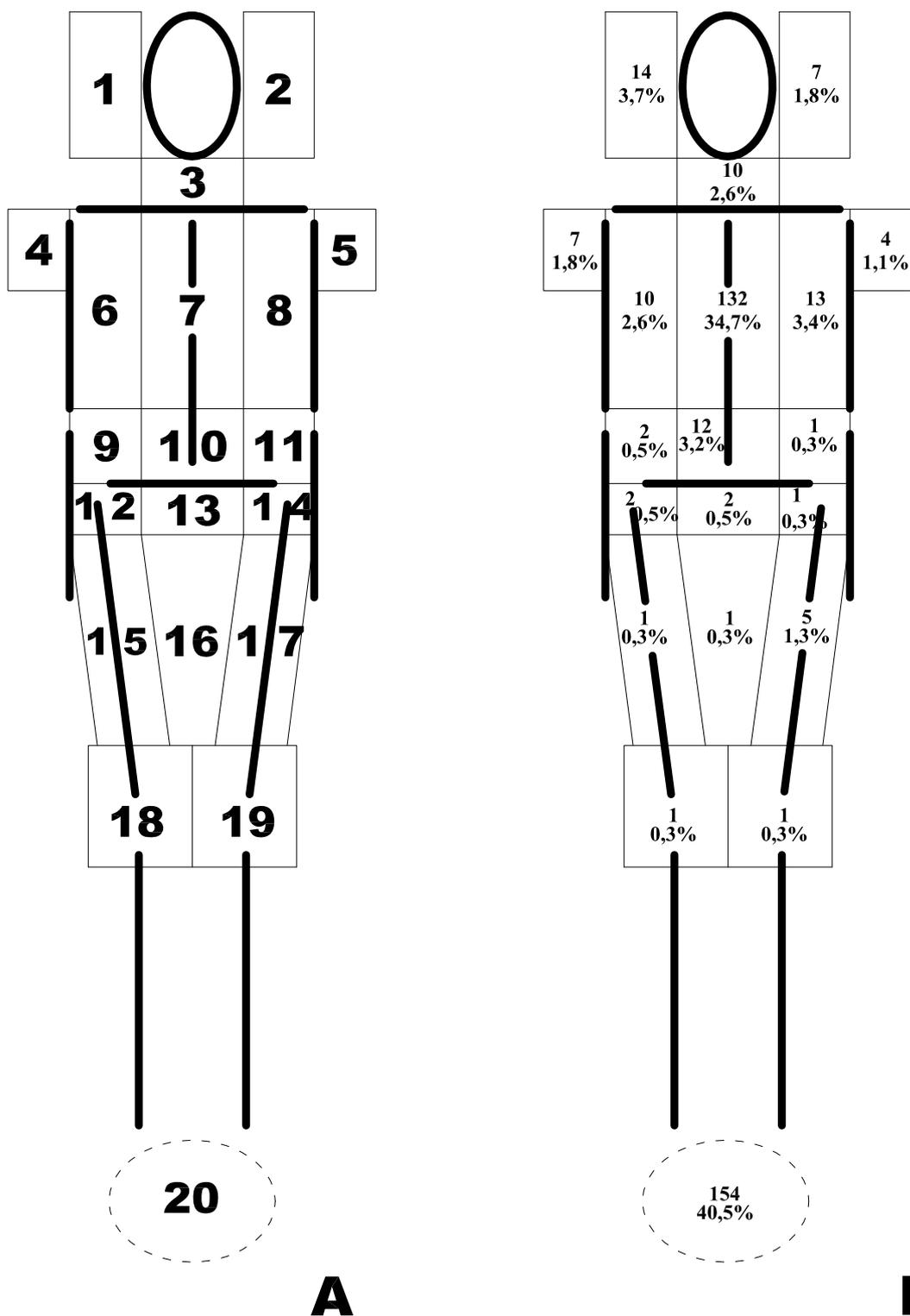
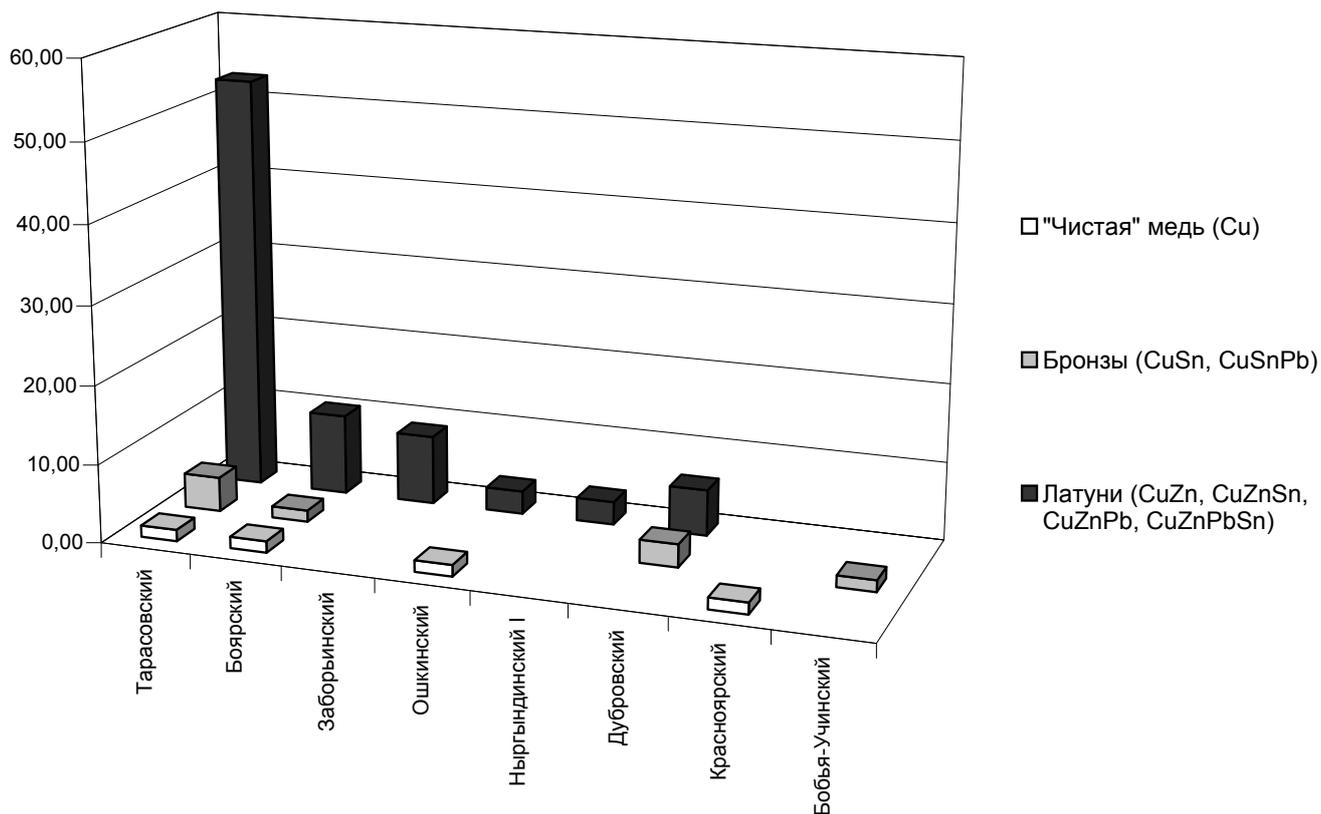

Рис. 73. Местоположение фибул относительно костяка умерших.

А – схема деления на зоны (1 – череп справа, 2 – череп слева, 3 – область шеи, 4 – плечо справа, 5 – плечо слева, 6 – грудь справа, 7 – грудь, 8 – грудь слева, 9 – пояс справа, 10 – пояс, 11 – пояс слева, 12 – таз справа, 13 – таз, 14 – таз слева, 15 – бедро справа, 16 – между бёдер, 17 – бедро слева, 18 – колено правое, 19 – колено левое, 20 – подарочный набор;

Б – количественное и процентное распределение случаев местоположения фибул относительно костяка умерших

	Тарасовский	Боярский	Заборьинский	Ошкинский	Ныргындинский I	Дубровский	Красноярский	Бобья-Учинский
□ "Чистая" медь (Cu)	1,47	1,47		1,47			1,47	
■ Бронзы (CuSn, CuSnPb)	4,41	1,47				2,94		1,47
■ Латунь (CuZn, CuZnSn, CuZnPb, CuZnPbSn)	52,94	10,29	8,82	2,94	2,94	5,88		

Рис. 74. Процентное распределение типов сплавов фибул в изученных памятниках

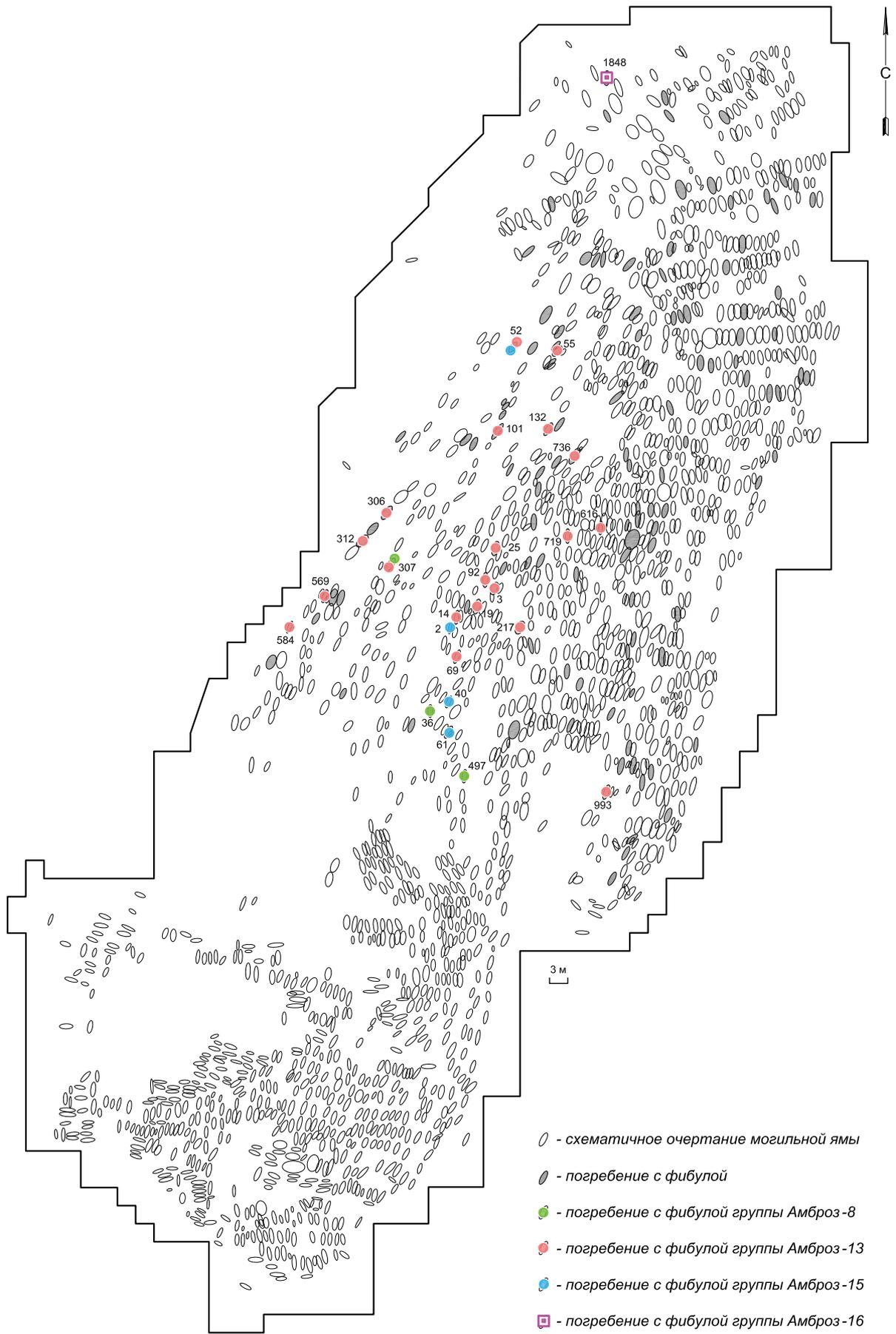
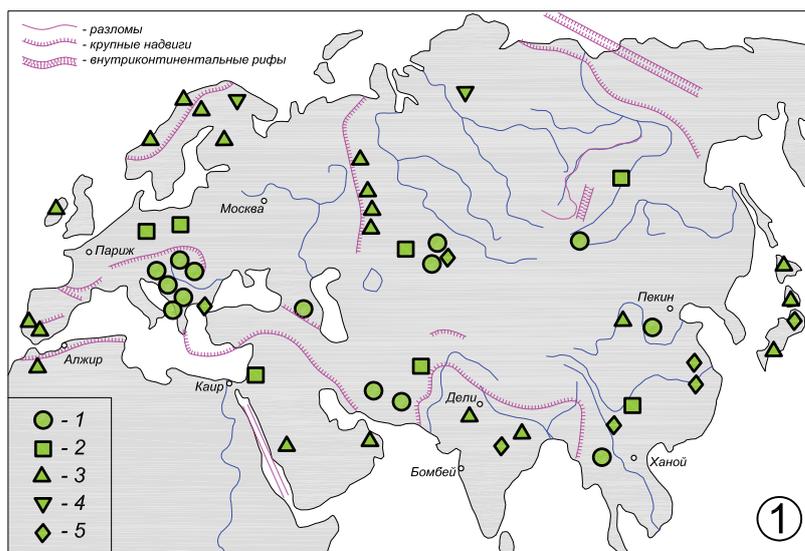

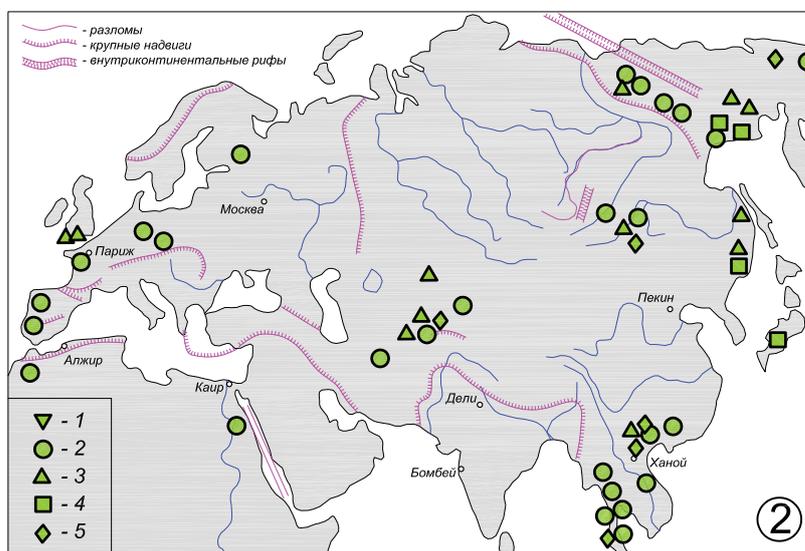
Рис. 75. Размещение привозных фибул на площадке Тарасовского могильника

Геолого-промышленные типы месторождений:

- 1 - медно-порфировый,
- 2 - медистые песчаники и сланцы,
- 3 - медно-колчеданный,
- 4 - медно-никелевый,
- 5 - прочие.

- 1 - оловоносные пегматиты,
- 2 - касситерит-кварцевый,
- 3 - касситерит-силикатный,
- 4 - касситерит-сульфидный,
- 5 - оловоносные россыпи.

- 1 - колчеданно-полиметаллический,
- 2 - стратиформный,
- 3 - «скарповый»,
- 4 - жильный.

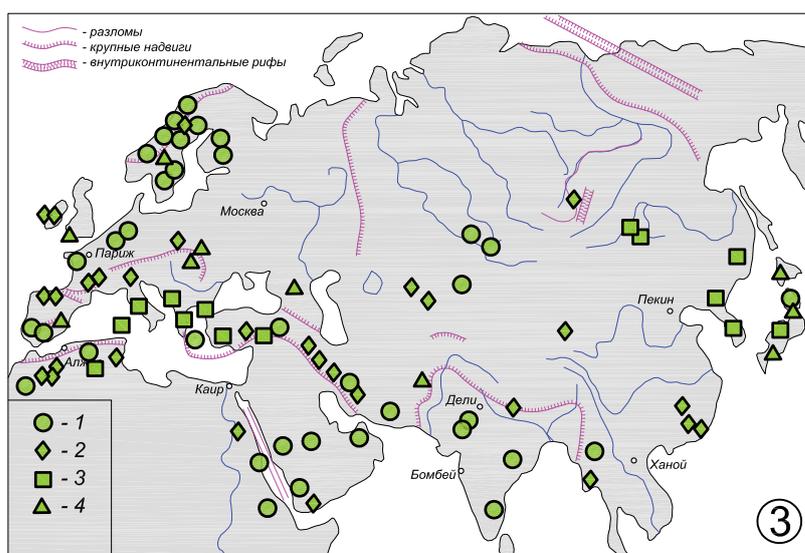

Рис. 76. Карты-схемы месторождений полезных ископаемых:

1 – медные руды, 2 – оловянные руды, 3 – свинцово-цинковые руды

(По: Горная энциклопедия, 1987, с. 276–277, 564–565; Горная энциклопедия, 1989, с. 472–473)

1

2

3

4

Рис. 77. Эксперимент № 1. 1 – необработанные створки литейной формы; 2 – процесс шлифовки створок литейной формы; 3 – промежуточный результат шлифовки; 4 – все плоскости формы притёрты друг к другу

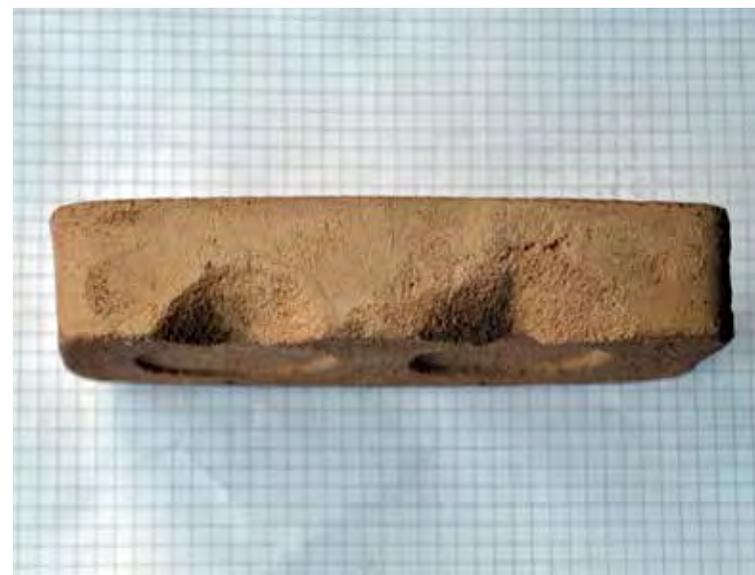
1

2

3

4

Рис. 78. Эксперимент № 1. 1 – разметка на рабочей плоскости формы; 2 – набор резцов по дереву; 3 – вырезанные в теле формы литейные ложа и литниковые каналы; 4 – воронкообразный профиль литниковых каналов

1

2

3

4

Рис. 79. Эксперимент № 1. 1 – прорезание выпоров для выхода газов при заливке металла; 2 – подготовка формы к обжигу: предварительный нагрев около источника огня; 3 – створки формы после обжига; 4 – створки формы после закопчения поверхностей, соприкасающихся с металлом

1

2

3

4

Рис. 80. Эксперимент № 1. 1 – плавка металла внутри тигля; 2 – устройство рычажных двухкамерных мехов; 3 – принцип работы двух парных однокамерных мехов; 4 – форма после заливки металла

1

2

Рис. 81. Эксперимент № 1. 1 – извлечение отливки из створки формы; 2 – результат отливки

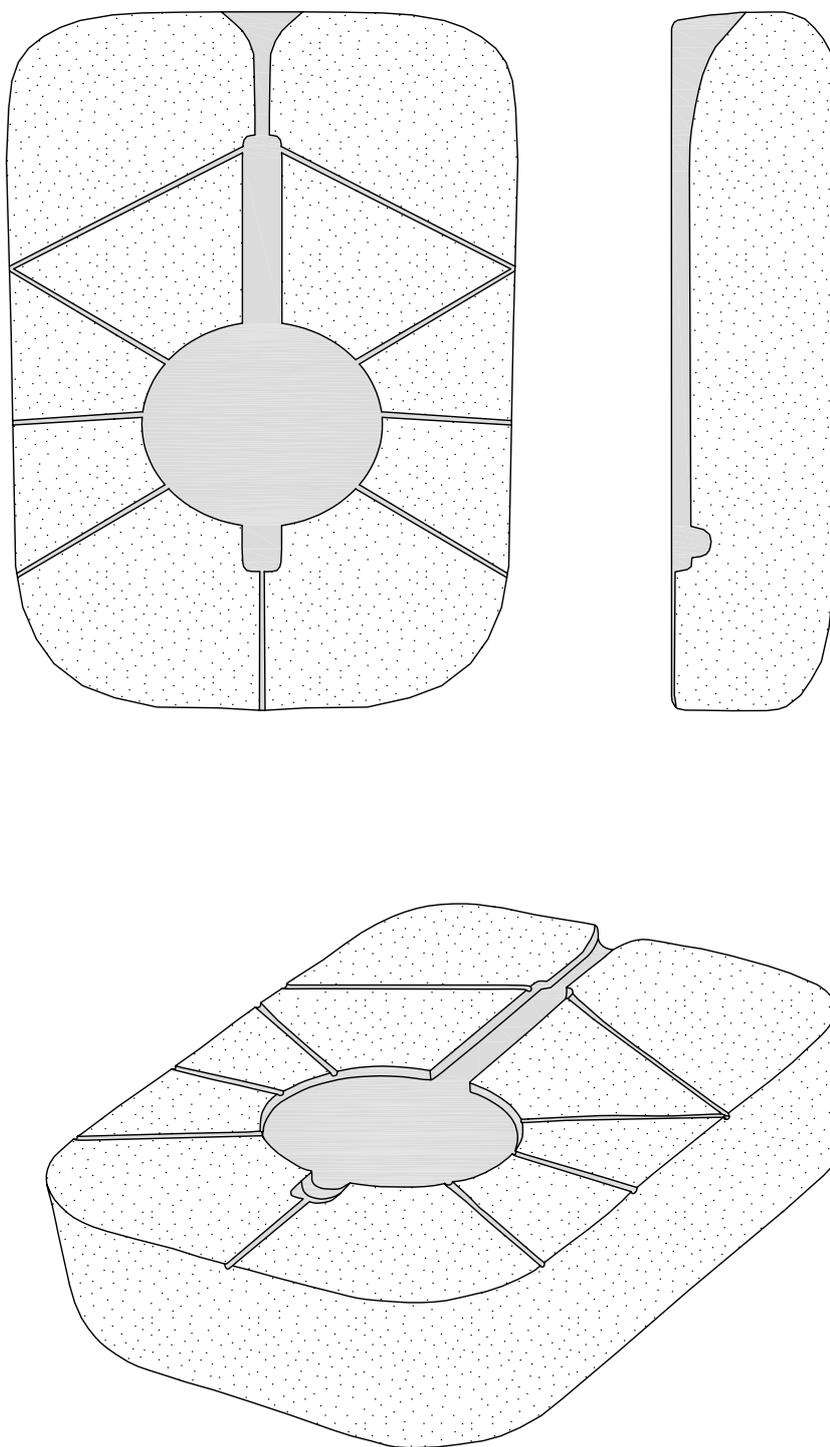

Рис. 82. Схематичная реконструкция литейной формы для отливки заготовки для одночленной бабочковидной фибулы

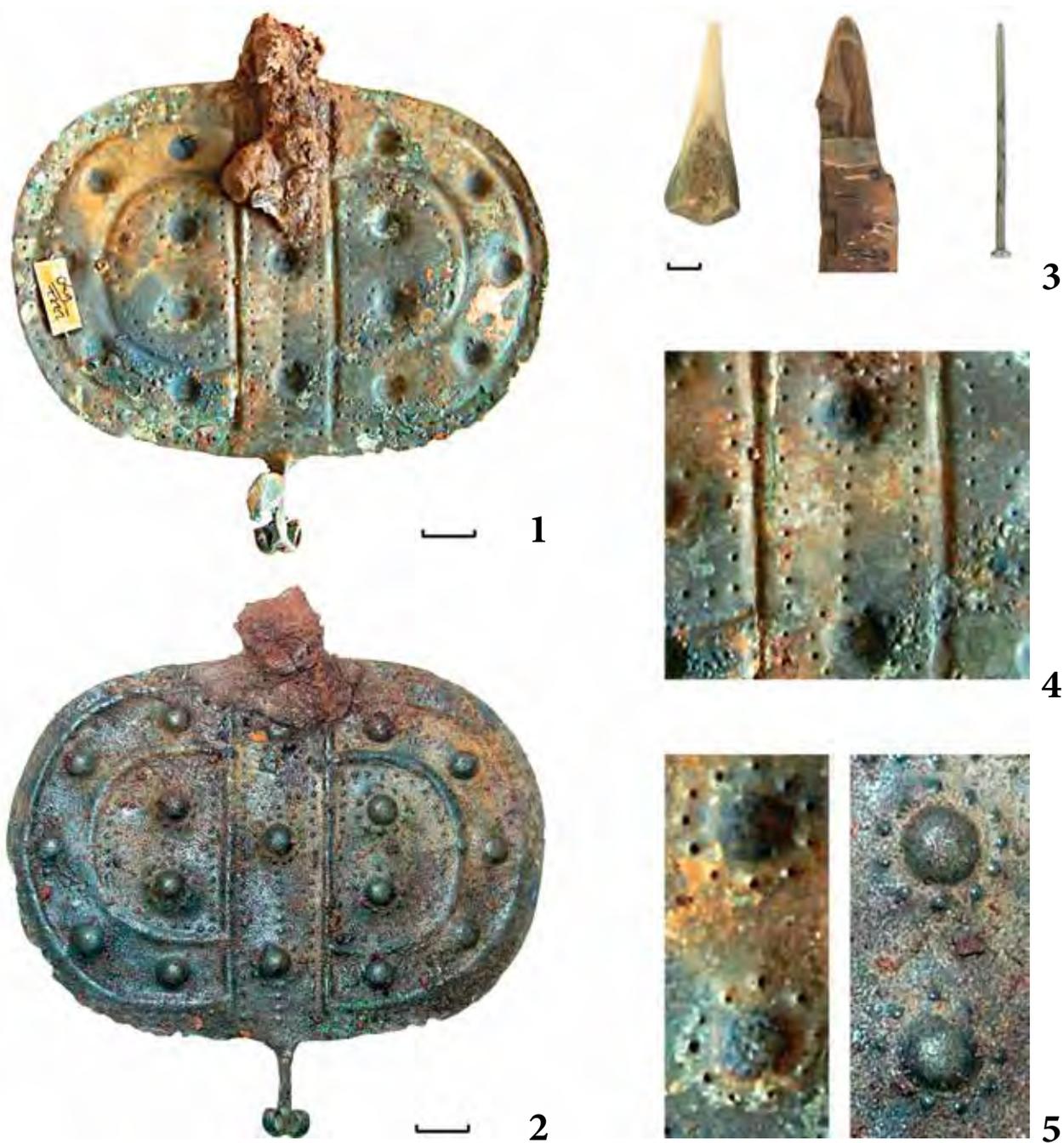
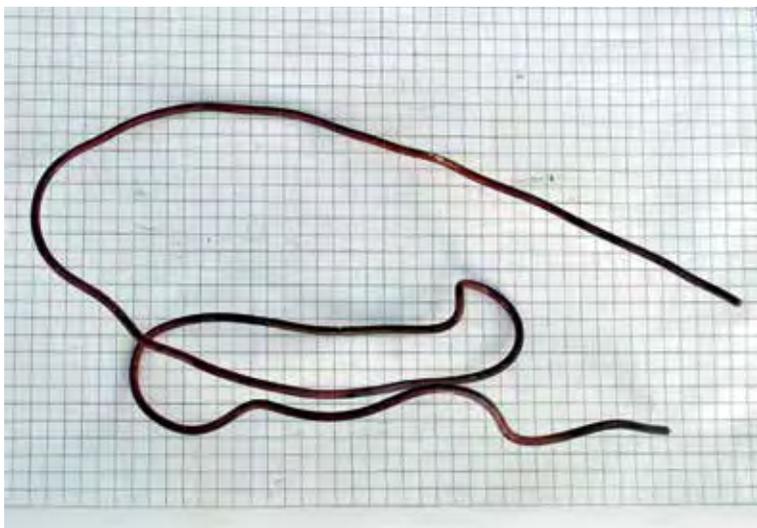

Рис. 83. Чеканка щитка фибулы: 1 – следы использования чеканов на оборотной стороне фибулы; 2 – рельеф лицевой поверхности фибулы; 3 – возможные инструменты для нанесения полугорошин (кость, дерево, железо); 4 – фиксация точечных следов при нанесении прямолинейного точечного орнамента на оборотной стороне; 5 – фиксация следов правки полугорошины после нанесения точечного орнамента

1

2

3

4

Рис. 84. Эксперимент № 2. 1 – отожжённая проволока сечением 2 мм – заготовка для изготовления пружинного устройства; 2 – ударный инструмент (кварцитовая галька) со следами металла; 3 – готовая площадка для крепления пружинного устройства к щитку фибулы; 4 – деревянная основа и стержни (гвозди) для изготовления шаблона

1

2

3

4

Рис. 85. Эксперимент № 2. 1 – рабочая площадка у источника огня; 2 – промежуточный вид пружинного устройства после отжига; 3 – промежуточный этап в накрутке проволоки на шаблон; 4 – готовое пружинное устройство

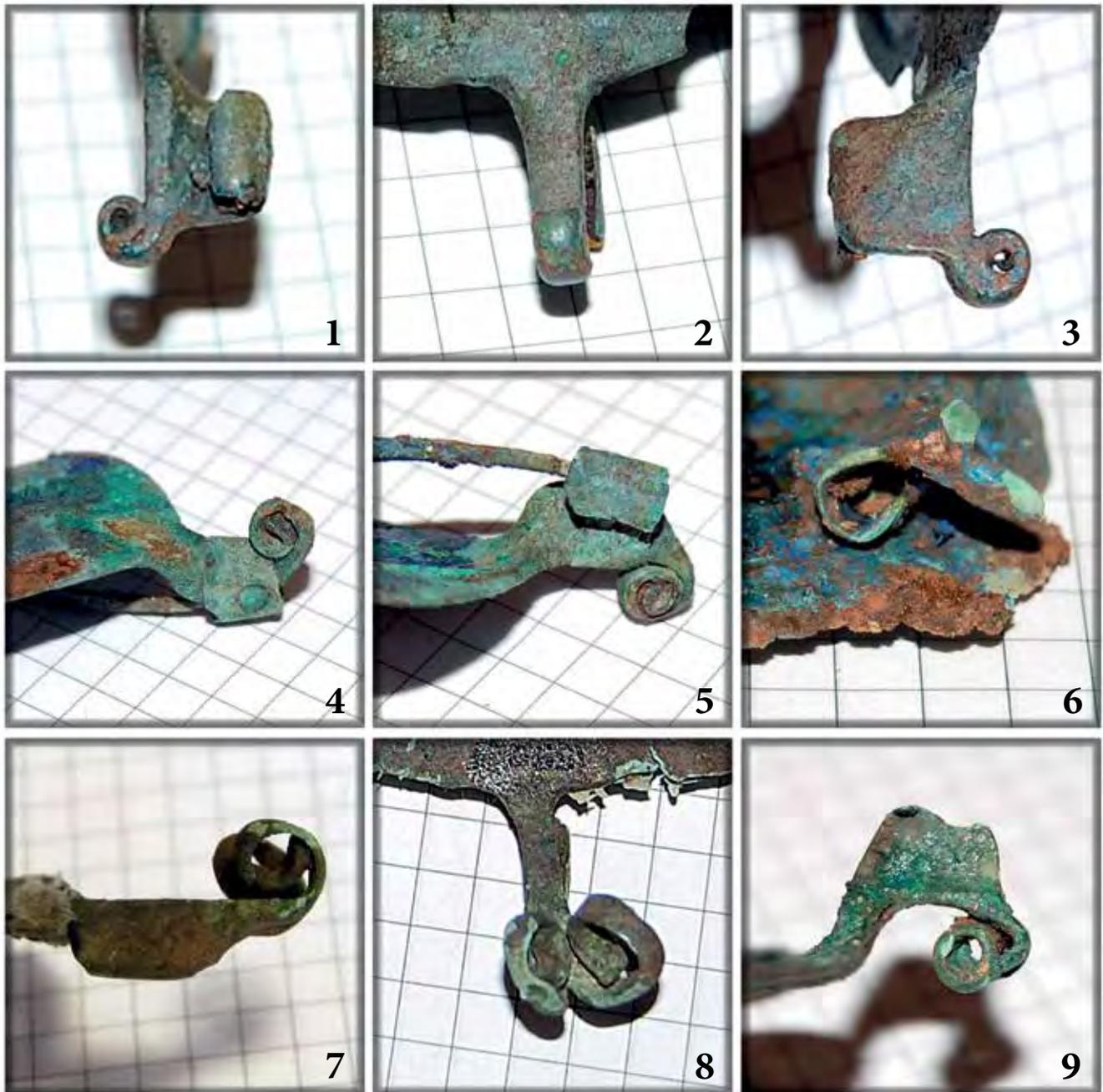

Рис. 86. Приемное устройство бабочковидных одночленных фибул.

1-3 – внешний вид приёмника полной сохранности с одним завитком; 4-5 – следы ремонта приёмника импортной фибулы; 6 – фиксация следов сгибания пластины приёмника по шаблону/прутку; 7 – профиль приёмника и завитков на его конце; 8 – завитки на конце приёмника; 9 – рельефный профиль приёмника

Рис. 87. Биметаллические фибулы: особенности изготовления.

1,2 – фиксация следов использования полугорошин-заклёпок на лицевой и оборотной сторонах фибулы; 3-4 – крепление при помощи заклёпок пластинок, пружинного устройства и приёмника; 5-6 – крепление (ремонт?) пружинного устройства при помощи гвоздиков из цветного металла

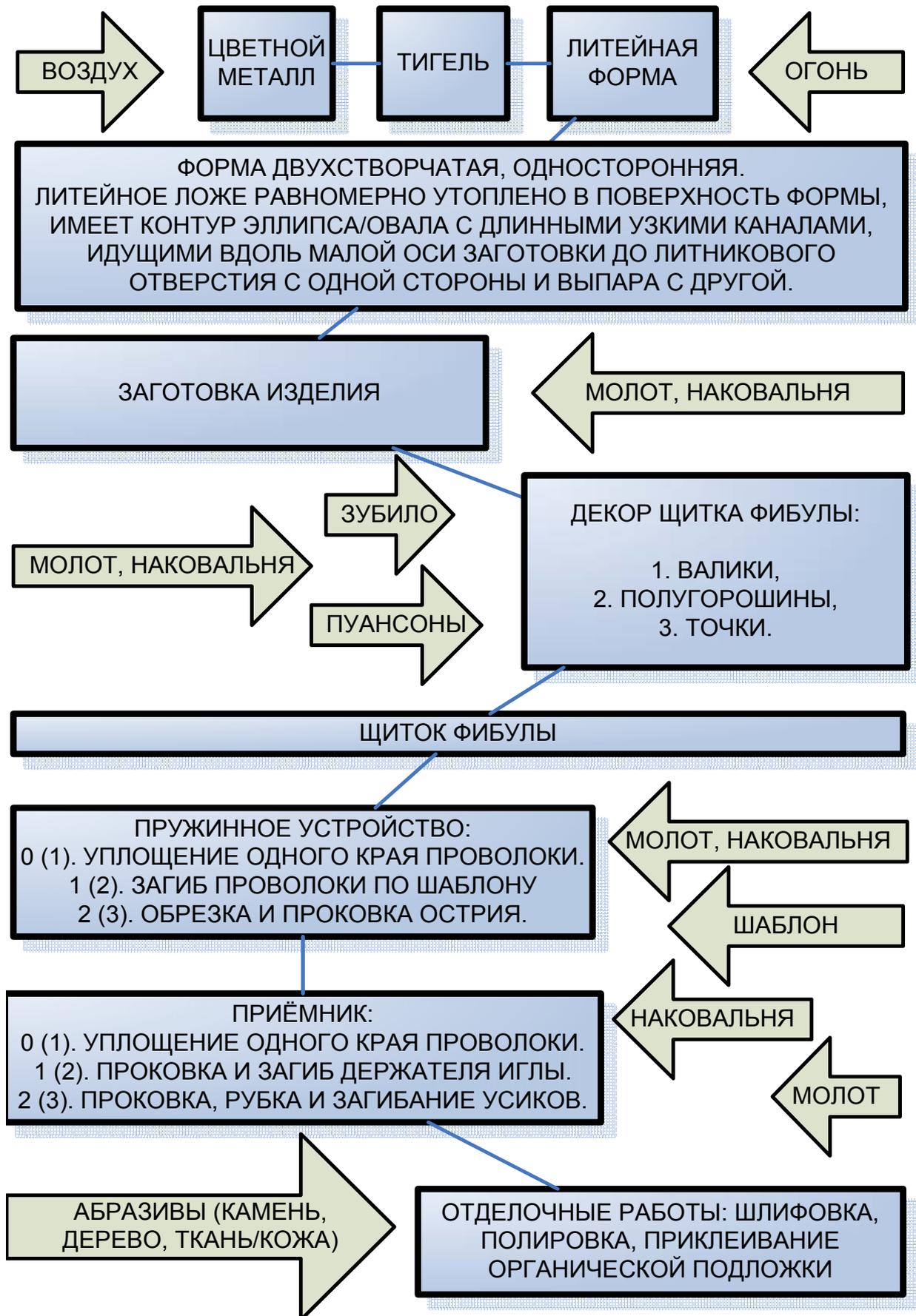

Рис. 88. Технологическая схема изготовления одночленных бабочковидных фибул

Приложение II

ТАБЛИЦЫ

Справочно-информационная характеристика памятников пьяноборской культурно-исторической общности с фибулами

№	Памятник	Кол-во погр. фиб.	Погр с фиб.	Люде и с фиб.	Кол-во фибул.	№№ в каталоге	Автор/год изучения	Расположение	Датировка памятника, источник
1	Красноярский могильник	144	-	-	1	352.	Казанцева О.А. (1986-1989).	дд. Краснояр 1,2, Бардымский район, ПК.	I-V вв. [Казанцева, 2012].
2	Кудашевский могильник	335	-	-	1	408.	Казанцева О.А. (1989, 1990-1991, 1993-1994, 1999, 2004-2011), Бернц В.А. (2003).	д.Кудаш, Бардымский район ПК.	IV-V вв. [Казанцева, 2004].
3	Нивский могильник	156	17	17	17	389-405.	Семенов В.А. (1956), Генинг В.Ф. (1972), Останина Т.И. (1974).	д.Нива, Воткинский район УР.	III-V вв. [Останина, 1978].
4	Сайгатский могильник	47	7	7	7	314-320.	Беркутов Л.А. (1914), Генинг В.Ф. (1956), Попова Н.Б. (1966).	пристань Сайгатка, Фокинский район ПК.	конец III-первая половина IV вв. [Останина, 1997].
5	Усть-Сарапульский могильник	115	9	10	10	321-330.	Вологало Н.В. (1983), Арматынская О.В. (1984-86)	д.Усть-Сарапулка, Сарапульский район УР.	IV-V вв. [Арматынская, 1986].
6	Заборьинский могильник	31	6	6	10	376-385.	Решетников Н.Л. (1983), Бернц В.А. (1998, 2002).	д.Заборье, Сарапульский район УР.	IV в. [Бернц, 2008].
7	Мазунинский могильник	69	9	9	9	302-310.	Смирнов Н.И. (1984), Беркутов Л.А. (1913), Давыко М.А. (1954), Генинг В.Ф. (1955-1956).	с.Мазуново, Каракулинский район УР.	III-V вв. [Генинг, Мырзина, 1967].
8	Тарасовский могильник	1880	135	138	147	1-147.	Решетников Н.Л. (1979), Голдина Р.Д. (1979-1997).	с.Тарасово, Сарапульский район УР.	I-V вв. [Голдина, 2003].
9	Боярский "Арай" могильник	186	11	12	16	360-375.	Черных Е.М. (2002-2005, 2007-2009).	с.Боярка, Каракулинский район УР.	III-V вв. [Черных, отчет за 2009].
10	Югомашевский могильник	81	-	-	1	438.	Мажитов Н.А. (1967), Васюткин С.М. (1975).	д.Югомашево, Янаульский район РБ.	V в. [Останина, 1997].
11	Бирский могильник	73	5	5	6	345-350.	Мажитов Н.А. (1958-1960, 1962, 1978, 1981, 1983-1985, 1990-1991).	г.Бирск, РБ.	I-V вв. [Мажитов, 1968].
12	Старо-Муштинский могильник	102	2	2	2	436-437.	Гарустович Г.Н. (1982, 1988-1989, 1991, 2002).	с.Старая Мушта, Краснокамский район РБ.	III-IV вв. [Сунгатов, Гарустович, Юсупов,
13	Старо-Кабановский могильник	155	21	21	22	409-430.	Мажитов Н.А. (1959), Васюткин С.М. (1967-1971).	д.Старо-Кабаново, Краснокамский район РБ.	IV-V вв. [Васюткин, Останина, 1986]
14	Чегандинский II могильник	220	2	2	2	354-355.	Генинг В.Ф. (1954-1956).	с.Чеганда, Каракулинский район УР.	III в. до н.э. - II в. н.э. [Генинг, 1971].
15	Чегандинское I городище	-	-	-	1	388.	Спицын А.А. (1887-1888); Беркутов Л.А. (1910); Генинг В.Ф. (1954-1956); Останина Т.И. (1998).	с.Чеганда, Каракулинский район УР.	III в. до н.э. - 2-я пол. I тыс. н.э. [Голдина, Черных, 2011].
16	Быргындинский I могильник	12	1	1	1	148.	Стоянов В.Е. (1956), Голдина Р.Д. (1969).	д.Быргында, Каракулинский район УР.	V в. [Голдина, Черных, 2011].

№	Памятник	Кол-во погр.	Погр с фиб.	Люде й с фиб.	Кол-во фибул	№№ в каталоге	Автор/год изучения	Расположение	Датировка памятника, источник
17	Ныргындинский I могильник	323	2	2	2	386-387.	Спицын А.А. (1898), Беркутов Л.А. (начало XX в.), Генинг В.Ф. (1956), Голдина Р.Д. (1969-1971), Ашихмина Л.И. (1975), Клоева Г.Н. (1979).	пристань Барановская, Каракулинский район УР.	II-III вв. [Голдина, Красноперов, 2012].
18	Ныргындинский II могильник	268	4	4	4	356-359.	Спицын А.А. (1898), Генинг В.Ф. (1954, 1968-1969).	с.Ныргында, Каракулинский район УР.	III в. до н.э. - II в. н.э. [Голдина, Черных, 2011].
19	Ныргындинское III городище	-	-	-	1	351.	Спицын А.А. (1898), Беркутов Л.А. (1912), Бухтеева М.А. (1954), Стоянов В.Е. (1956-1957), Голдина Р.Д. (1970).	с.Ныргында, Каракулинский район УР.	III-V вв. Голдина, Черных, 2011].
20	Зуевоключевское I городище	-	-	-	2	406-407.	Спицын А.А. (1887-88); Беркутов Л.А. (1912); Карпова Г.И. (1954); Клоева Г.Н. (1977); Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Ашихмина Л.И. (1970-1972, 1975); Пастушенко И.Ю. (1992); Черных Е.М. (1997-2005).	д.Зуевы Ключи, Каракулинский район УР.	VI в. до н.э. - V в. н.э. [Голдина, Черных, 2011].
21	Саськульский могильник	418	13	13	14	331-344.	Васюткин С.М., Калинин В.К. (1976-1977, 1979-1980).	д.Ново-Саськуль, Бакалинский район РБ.	I-III вв. [Васюткин, Калинин, 1986].
22	Ижевский могильник	211	41	41	43	149-191.	Генинг В.Ф. (1957), Останина Т.И., Голдина Р.Д. (1975).	г.Ижевск, УР.	IV-V вв. [Генинг, 1967а], III-V вв. [Останина, 1984].
23	Чужьяловское городище	-	-	-	2	433-434.	Матвеев С.Г. (1926), Семенов В.А. (1955, 1971), Останина Т.И. (1978-1979).	д.Чужьялово, Завьяловский район УР.	IV-V вв. [Останина, 1988].
24	Покровский могильник	364	54	55	55	192-246.	Корепанов К.И. (1973), Голдина Р.Д. (1975), Останина Т.И. (1977, 1980, 1982-1984).	с.Покровское, Малопургинский район	IV-V вв. [Останина, 1992].
25	Бобья-Учинский могильник	-	-	-	1	435.	Смирнов А.П. (1932), Останина Т.И. (1980), Вязников А.М. (2009).	с.Бобья-Уча, Малопургинский район	III-IV вв. [Вязников, 2009].
26	Дубровский могильник	144	13	13	13	440-452.	Бернц В.А. (2009-2011), Черных Е.М. (2012-2013).	д.Дубровский, Клясовский район УР.	III-IV вв. [Бернц, отчет за 2010].
27	Тураевский I могильник	269	50	51	55	247-301.	Генинг В.Ф. (1959-1960, 1969-1970), Вололага Н.В. (1986-1990).	д.Тураево, Бондюжский район РТ.	IV-V вв. [Голдина, Бернц, 2010].
28	Худяковский могильник	120	1	1	2	431-432.	Талицкий М.В. (1929), Клоева Г.Н. (1975), Макаров Л.Д. (1976-1978), Голдина Р.Д. (1979-1980).	д.Худяки, Тужинский район КО.	III-нач.IV в. [Лещинская, 2014].
29	Ошкнский могильник	32	3	3	4	311-313, 353.	Лещинская Н.А. (1986-1987).	д.Ошки, Уржумский район КО.	кон.I-III вв. [Лещинская, 2014].
30	Аргыжское городище	-	-	-	1	439.	Пonomarev A.A. (1887); Збруева А.В. (1928-1931); Стоянов В.Е. (1960-е); Черных Е.М. (1988-1989); Черных Е.М., Ванчиков В.В. (1991).	д.Аргыж, Малмыжский район КО.	VII в. до н.э. - нач. II тыс. н.э. [Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002].

Принципы классификации прикамских фибул, разработанной Т. И. Останиной [Останина, 1997, с. 42–47]

Т*	Описание	В*	Описание	Датировка
1		1	Бронзовые односторонние фибулы округлой формы малых размеров, средний диаметр 4-6 см. Узор на пластинчатом щитке прост и состоит в основном из линий точек и полугорошин, валики почти отсутствуют. Средняя полоса едва намечена, чеканка нечеткая. Часть фибул самых малых размеров имеет едва выпуклый щиток.	конец III – начало IV вв.
		2	Бронзовые односторонние фибулы эллипсовидной формы средних размеров. Длина короткой оси в пределах 6,5-9,5 см, длиной - 8,0-11,0 см. Количество валиков равно двум-трем.	IV в.
		3	Бронзовые односторонние фибулы эллипсовидной формы крупных размеров. Длина короткой оси 10,0-11,3 см, длинной - 12-14,1 см. Количество валиков на полях равно 4-5.	конец IV – начало V вв.
		4	Бронзовые двусторонние фибулы эллипсовидной формы сверхкрупных размеров. Длина короткой оси - 11-13,5(14-15) см, длинной - 13,8-16,5 см (и более). Число валиков равно 6 и более.	V в.
2		5	Железные фибулы двусторонние эллипсовидной формы, украшенные узкими бронзовыми полосами и большим количеством бронзовых полугорошин - шпиками заклепок. Кроме этого, в некоторых случаях имеются каплевидные подвески или цепочки. Они почти всегда имеют одинаковые элементы щитка: средняя полоса в виде бронзовой прямоугольной пластины, вместо валиков - одна-две бронзовые полукруглости. Остальное пространство щитка украшено полугорошинами. Имеют сравнительно незначительные размеры (как фибулы 2 и 3 просторанство щитка украшено полугорошинами. Имеют сравнительно незначительные размеры (как фибулы 2 и 3	IV – V вв.
			Фибулы сайгатского типа. Ассиметричные дуголеночные фибулы имеют подпрямоугольную железную (бронзовую) пластину-спинку, украшенную бронзовыми полугорошинами, подвесками, ажурным литьем, скрепленна с дугой, окаймляющей с трех сторон. Дуга, в основном, состоит из железной оси и намотанной на нее бронзовой тонкой проволоки. Соединяясь с передней частью спинки фибулы, она входит в состав пружинного устройства, а с задней - приемника, который всегда выполнен из железа. Размеры щитка: 2,5-5,2x6,0-9,5 см. В случае незначительных размеров щитка, дуга отводилась на большее расстояние от него, за счет чего создавалась иллюзия крупных размеров.	V вв., единично – с IV в.
3		А	Двучленные с кольцом для оси пружины. Передний конец корпуса загибался в кольцо вокруг бронзовой или железной оси. Затем на ось навивались бронзовая пружина, оканчивающаяся иглой. В месте начала сгиба на корпусе с двух сторон делались прямоугольные вырезы. Приемник (железный или бронзовый) закреплялся с помощью заклепки, прорезной через отверстие в передней части ножи, в начале прогиба корпуса. Корпус украшался фасетками, отверстиями по краю. Длина фибул 5,3-9,0 см при ширине ножи 1,0-3,0 см.	V в.
		Б	Двучленные беспружинные. Если передний конец фибул варианта "а" загнут в кольцо, то здесь он симметричен по форме ножи и удлиннен на 1,7-2,1 см, то есть на столько, сколько нужно для загиба в кольцо фибул варианта "а". Железная игла крепилась с помощью железной заклепки, прорезной через отверстие в месте перехода передней части корпуса в его изгиб. Спинка приобретала форму прямоугольника с выемками посередине с двумя симметричными отверстиями. Имеют крупные размеры: длина 8,9-10,9 см при наибольшей ширине 1,4-2,9 см. Иногда они украшались крупными отверстиями, насечками.	V в.
Прочие фибулы		Единичные находки из погребений Бирского, Мазунинского, Сайгатского, Тарасовского, Покровского могильников		

* - Т – тип, В - вариант

Классификация местных прикамских фибул (с дополнениями)

Тип фибулы	Номер фибулы в Каталоге (см. Приложение III):	Могильник и номер погребения:
Останина: 1-1	30, 57, 63, 69, 97, 150, 156, 187, 303, 305, 308, 309, 324, 381, 382, 398, 436.	Тарасовский: 130, 305, 328а, 451, 717; Ижевский: 5, 48, 171; Мазунинский: 24, 40, 50, 51; Усть-Сарапульский: 15г; Заборьинский: 26, 27; Нивский: 96б; Старо-Муштинский: 6.
Останина: 1-2	7, 8, 14, 27-29, 32, 37, 43, 44, 48, 55, 56, 65, 70, 80, 83, 89, 90, 92, 93, 95, 96, 104-106, 108, 115, 149, 151, 152, 154, 157-159, 163, 165, 166, 168, 169, 175, 177, 184-186, 188, 274, 298, 302, 364, 366, 369, 374, 375, 377-380, 383, 389, 390, 394, 397, 399, 440, 442.	Тарасовский: 27, 32, 54, 118, 127, 130, 133, 160, 203, 212, 225, 276, 292, 383, 467, 549, 577, 631, 638, 680а, 680б, 681, 682б, 829, 835, 845, 863, 955; Ижевский: 1, 6, 8, 40, 48, 50, 51, 57, 61, 64, 89, 92, 108, 119в, 163, 166, 170, 181; Тураевский I: 157, 225; Мазунинский: 14; Боярский «Арай»: 102, 115г, 134, сбор; Заборьинский: 2, 13, 24, 24, 30; ; Нивский: 5, 14а, 79а, 92, 104; Дубровский: 5, 14.
Останина: 1-3	23, 119, 148, 153, 162, 171, 173, 176, 178, 181, 183, 191, 236, 361, 403.	Тарасовский: 107, 999; Быргындинский I: ?; Ижевский: 22, 54, 94, 100, 111, 120а, 139, 162, 209; Покровский: 258а; Боярский «Арай»: 42; Нивский: 148.
Останина: 1-4	107, 131, 155, 170, 172, 174, 179, 199, 209, 310, 322, 326, 393, 405.	Тарасовский: 848а, 1691; Ижевский: 46, 93, 96, 103, 124а; Покровский: 316, 92; Мазунинский: 63; Усть-Сарапульский: 11г, 45; Нивский: 77, 155.
Останина: 1-5	19, 39, 40, 47, 50, 53, 64, 74, 75, 118, 121, 122, 125, 126, 128, 140, 206, 208, 215, 216, 249, 252, 254, 257, 260, 263, 265, 268, 271, 273, 275, 276, 278-281, 284-286, 297, 299, 300, 321, 360, 362, 371-373, 395, 400, 404, 408, 414, 424, 438, 439, 448, 450, 451.	Тарасовский: 85, 185, 188, 223, 232, 245, 374, 504, 505, 998, 1006, 1010, 1027, 1028, 1540, 1762; Покровский: 71, 88, 127, 135; Тураевский I: 29, 39, 44, 73, 101, 119, 137, 142, 153, 162, 164, 165, 172, 174, 176, 182, 185, 189, 221, 235, 250; Усть-Сарапульский: 1; Боярский «Арай»: 7, 89, 141, 168, 176а; Нивский: 395, 120, 150а; Кулашевский: ?; Старо-Кабановский: 69а, 115; Югомашевский: ?; Аргыжское городище: клад, Дубровский: 77а, 98в, 133.
Останина: 2-А	67, 218, 314, 416, 423.	Тарасовский: 402; Покровский: 147; Сайгатский: 8; Старо-Кабановский: 71, 107.
Останина: 2-Б	18, 22, 38, 68, 88, 135, 197, 250, 256, 264, 267, 277, 283, 287, 288, 325, 328, 345, 421.	Тарасовский: 74, 103, 169а, 429, 627; Покровский: 28а; Тураевский I: 33, 66, 108, 135, 165, 177а, 195, 201а; Усть-Сарапульский: 26, 69; Бирский: 25; Старо-Кабановский: 100.
Останина: 2-В	26, 42, 54, 124, 130, 132-134, 136, 144, 203, 211, 247, 253, 258, 261, 291, 293, 295, 301, 411, 420, 447, 449, 452.	Тарасовский: 116, 194, 257, 1019а, 1675, 1692, 1693, 1709, 1721, 1822; Покровский: 56, 109в; Тураевский I: 12, 39, 77, 102, 204, 217, 2196, 257; Старо-Кабановский: 19, 98; Дубровский: 68, 85, 136.
Останина: 3-А	66, 114, 137, 141, 143, 145, 388, 409, 410, 413, 415, 418, 425, 429.	Тарасовский: 392, 931, 1723, 1783, 1802, 1848а, Чегандинское I городище: сбор; Старо-Кабановский: 2, 16, 47, 70а, 84, 133, 152.
Останина: 3-Б	129, 146, 346, 351, 407, 412, 419, 422, 428, 430, 435.	Тарасовский: 1549, 1848б; Бирский: 40; Ныргындинское III городище: сбор; Зуевоклоческое I городище: сбор; Старо-Кабановский: 20, 92, 102, 141, сбор; Бобья-Учинский: сбор.
Трёхщит- ковые	248, 251, 289, 290, 444, 445.	Тураевский I: 13, 38, 201г, 202; Дубровский: 40, 63.

Количественная представленность различных типов местных фибул
в прикамских могильниках

Памятник	Какие типы бытовали:	Типы фибул	О:1-1	О:1-2	О:1-3	О:1-4	О:1-5	О:2а	О:2б	О:2в	О:3а	О:3б	Трёх- щит- ковые
		Датировка могильника											
Старо-Муштинский могильник	1-1.	III-IV вв.	1										
Заборьинский могильник	1-1, 1-2.	IV в.	2	5									
Ижевский могильник	1-1, 1-2, 1-3, 1-4.	III-V вв.	3	18	9	5							
Мазунинский могильник	1-1, 1-2, 1-4.	III-V вв.	4	1		1							
Нивский могильник	1-1, 1-2, 1-3, 1-4, 1-5.	III-V вв.	1	3	1	2	3						
Усть-Сарапульский могильник	1-1, 1-4, 1-5, 2б.	IV-V вв.	1			2	1		2				
Тарасовский могильник	1-1,1-2,1-3,1-4,1- 5,2а,2б,2в,3а,3б.	I-V вв.	5	28	2	2	16	1	6	10	6	2	
Боярский ("Арай") могильник	1-2, 1-3, 1-5.	III-V вв.		5	1		5						
Дубровский могильник	1-2, 1-5, 2в, трёхщитковые	III-IV вв.		2			3			3			2
Тураевский I могильник	1-2, 1-5, 2б, 2в, трёхщитковые	IV-V вв.		2			22		8	8			4
Быргындинский I могильник	1-3.	V в.			1								
Покровский могильник	1-3, 1-4, 1-5, 2а,2б,2в.	IV-V вв.			1	2	4	1	1	2			
Старо-Кабановский могильник	1-5, 2а, 2б, 2в, 3а, 3б.	IV-V вв.					2	2	1	2	7	5	
Аргыжское городище	1-5.	VII в. до н.э. - нач. II тыс.					1						
Кудашевский могильник	1-5.	IV-V вв.					1						
Югомашевский могильник	1-5.	V в.					1						
Сайгатский могильник	2а.	кон. III - пер. пол. IV вв.						1					
Чегандинское I городище	3а.	III в. до н.э. - 2-я пол. I тыс. н.э.									1		
Бирский могильник	2б, 3б.	IV-V вв.							1			1	
Бобья-Учинский могильник	3б	III-IV вв.										1	
Зуевключевское I городище	3б	VI в. до н.э. - V в. н.э.										1	
Ныргындинское III городище	3б.	III-V вв.										1	

Таблица 5

Количественная представленность различных типов привозных фибул в прикамских могильниках

Памятник	Какие типы бытовали:	Типы фибул	Амброз-...													Т-образные	Амброз-17	Амброз-16
			Амброз-5	Амброз-11	Амброз-12	Амброз-15	Амброз-8	Амброз-13	Т-образные	Амброз-17	Амброз-16							
Сасыкульский могильник	Амброз-5, 11, 12, 13, 15.	Датировка могильника I - III вв.	2	4	6	3						1						
Ныргандинский I могильник	Амброз-11.	II-III вв.		2														
Чегандинский II могильник	Амброз-11, 12.	III в. до н.э. - II в. н.э.		1	1													
Ныргандинский II могильник	Амброз-12.	III-V вв.			3													
Мазунинский могильник	Амброз-12, 13.	III-V вв.			1							1						
Худяковский могильник	Амброз-15.	IV-V вв.				1												
Ошкинский могильник	Амброз-8, 15.	кон. I - III вв.				3	1											
Тарасовский могильник	Амброз-8, 13, 15, 16.	I-V вв.				4	3	1				21						1
Боярский ("Арай") могильник	Амброз-13.	III-V вв.										1						
Зуевское I городище	Амброз-13.	VI в. до н.э. - V в. н.э.										1						
Сайгатский могильник	Амброз-13.	кон. III - пер. пол. IV вв.										1						
Покровский могильник	Т-образные.	IV-V вв.													2			
Тураевский I могильник	Амброз-17.	IV-V вв.															1	
Старо-Мушгинский могильник	Амброз-16.	III-IV вв.																1
Бирский II могильник	Амброз-16, 17, 21.	I-V вв.															2	2

Привески к прикамским фибулам

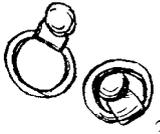
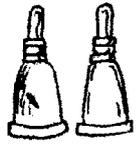
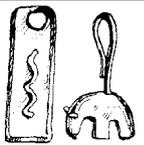
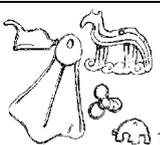
Тип декора	Порядковый номер фибулы в каталоге:
 <p>1</p>	<p>№№ 18, 22, 38, 140 (Тарасовский могильник); № 197 (Покровский могильник); №№ 247, 249, 253, 256, 261, 300 (Тураевский I могильник); № 461 (Бирский могильник).</p>
 <p>2</p>	<p>№№ 26, 128, 130, 136 (Тарасовский могильник); №№ 247, 264, 288, 291 (Тураевский I могильник); № 321 (Усть-Сарапульский могильник); №404 (Нивский могильник); № 449 (Дубровский могильник).</p>
 <p>3</p>	<p>№№ 19, 39, 74, 140 (Тарасовский могильник); № 293 (Тураевский I могильник); №№ 362, 371 (Боярский "Арай" могильник), № 420 (Старо-Кабановский могильник), №№ 448, 450 (Дубровский могильник).</p>
 <p>4</p>	<p>№№ 26, 124 (Тарасовский могильник); № 288 (Тураевский I могильник).</p>
 <p>5</p>	<p>№№ 35, 36, 47, 64 (Тарасовский могильник); № 261 (Тураевский I могильник).</p>
 <p>6</p>	<p>№№ 264, 280, 291, 301 (Тураевский I могильник); № 404 (Нивский могильник); № 449 (Дубровский могильник).</p>
 <p>7</p>	<p>№ 130 (Тарасовский могильник); № 321 (Усть-Сарапульский могильник); № 423 (Старо-Кабановский могильник).</p>
 <p>8</p>	<p>№ 218 (Покровский могильник).</p>
 <p>9</p>	<p>№ 22 (Тарасовский могильник).</p>
 <p>10</p>	<p>№ 140 (Тарасовский могильник).</p>
 <p>11</p>	<p>№ 256 (Тураевский I могильник).</p>

Таблица 8

Ориентировка погребений с фибулами по сторонам света

Могильник	Ориентировка погр.		С	ССВ	СВ	ВСВ	В	ВЮВ	ЮВ	ЮЮВ	Ю	ЮЮЗ	ЮЗ	ЗЮЗ	ЗСЗ	СЗ	ССЗ	Итого:
	кол-во	%%																
Бирский могильник	кол-во	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	3
	%%	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	54,5	45,5	-
Боярский "Арай" могильник	кол-во	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3	7	-	-	-	-	12
	%%	-	-	-	-	-	-	-	-	25,0	-	25,0	58,3	-	-	-	-	-
Дубровский могильник	кол-во	-	-	-	-	-	-	-	3	6	2	-	-	-	-	-	1	12
	%%	-	-	-	-	-	-	-	25,0	50,0	16,7	-	-	-	-	-	8,3	-
Заборьинский могильник	кол-во	2	3	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
	%%	33,3	50,0	16,7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ижевский могильник	кол-во	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	23	14	41
	%%	-	-	4,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2,4	56,1	34,2	-
Мазунинский могильник	кол-во	-	5	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8
	%%	-	62,5	37,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Нивский могильник	кол-во	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	1	2	1	14
	%%	21,4	-	-	7,1	-	-	-	-	-	-	-	-	21,4	7,1	14,3	7,1	-
Ныргандинский I могильник	кол-во	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
	%%	-	-	-	-	100,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ошкинский могильник	кол-во	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3
	%%	-	-	100,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Покровский могильник	кол-во	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	7	42	5	-	-	55
	%%	-	-	-	1,8	-	-	-	-	-	-	-	12,7	76,4	9,1	-	-	-
Сайгатский могильник	кол-во	-	-	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7
	%%	-	-	100,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Старо-Кабановский могильник	кол-во	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	14	4	1	21
	%%	-	-	-	-	-	-	4,8	-	-	-	-	-	4,8	66,7	18,9	4,8	-
Тарасовский могильник	кол-во	39	49	21	-	-	-	-	-	3	5	-	-	-	-	2	8	127
	%%	30,7	38,6	16,5	-	-	-	-	-	2,4	3,9	-	-	-	-	1,6	6,3	-
Тураевский I могильник	кол-во	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	43	2	-	1	-	49
	%%	-	-	4,1	-	-	-	-	-	-	-	2,0	87,8	4,1	-	2,0	-	-
Усть-Сарапульский могильник	кол-во	-	4	3	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	9
	%%	-	44,0	34,0	-	-	-	-	-	-	-	-	22,0	-	-	-	-	-
Чегандинский II могильник	кол-во	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
	%%	-	50,0	-	50,0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого:	кол-во	44	62	42	3	2	2	4	6	5	9	9	59	49	10	16	33	27
	%%	11,7	16,4	11,1	0,8	0,5	0	0,8	1,3	1,3	1,3	2,4	15,6	13,0	2,7	4,2	10,2	8,0

Таблица 9

Половозрастная характеристика умерших с фибулами в составе погребального инвентаря

Могильник	Есть поло- возр. опре- деления	Возраст		1-4	5-7	8-12	13-16	17-29	30-44	45-59	60-70	?
		Пол										
Боярский "Арай"	5	ж	5					3	1			1
		м										
		?										
Дубровский	10	ж	5				1	2	1	1		
		м										
		?	5			1	1	2	1			
Заборьинский	1	ж	1									1
		м										
		?										
Ижевский	16	ж	14	1				8	3	2		
		м	2					1	1			
		?										
Ошкинский	2	ж										
		м	1							1		
		?	1			1						
Покровский	33	ж	28				2	11	10	4	1	
		м	4						4			
		?	1						1			
Тарасовский	94	ж	68	1			4	40	12	9	1	1
		м	6			1	1	1	1	2		
		?	20	1	4	2		9	4			
Тураевский I	46	ж	40				5	19	12	4		
		м	2			1				1		
		?	4	1		3						
Чегандинский II	2	ж	2									2
		м										
		?										
Итого (количество)	209	ж	163	2			12	83	39	20	2	5
		м	15			2	1	2	6	4		
		?	31	2	4	7	1	11	6			

Местоположение фибул относительно костяков умерших

Зона:	Номер фибулы в Каталоге (см. Приложение III):	Могильник и номер погребения:
1*	5, 9, 19, 80, 114, 125, 184, 194, 314, 356, 357, 386, 409, 410.	Тарасовский: 256, 36, 85, 549, 931, 1027; Ижевский: 163; Покровский: 7, Сайгатский: 8, Ныргындинский II: 15, 76; Ныргындинский I: 211; Старо-Кабановский: 2, 16.
2*	8, 18, 204, 227, 330, 411, 424.	Тарасовский: 328а, 383, 392, 627, 906в; Ижевский: 161; Тураевский: 33, 119, 182; Ныргындинский I: 316.
3*	63, 65, 66, 88, 113, 182, 250, 265, 284, 387.	Тарасовский: 829; Покровский: 92; Тураевский I: 139, 164, 174; Усть-Сарапульский: 15г; Чегалдинский II: 38.
4*	104, 209, 269, 276, 280, 324, 355.	Покровский: 3, 77; Тураевский I: 176; Старо-Кабановский: 71.
5*	192, 207, 281, 416.	Тарасовский: 27, 1762; Покровский: 232; Тураевский: 12, 38, 142, 204, 2196, 221; Боярский: 115г.
6*	7, 140, 233, 247, 251, 271, 291, 295, 297, 366.	Тарасовский: 14, 51, 52, 54, 55, 103, 107, 108, 116, 130-1, 130-2, 133, 144, 146, 154, 160, 193, 212, 232, 238, 374, 451, 467, 497, 504, 532, 571, 586б, 596, 631, 638, 650, 680б, 682б, 717, 736б, 750, 784, 787а, 883-1, 883-2, 895, 1675, 1691, 1709, 1718, 1783, 1786, 1848а, 1848б, 1848в; Ижевский: 1, 5, 6, 22, 40, 46, 50, 51, 53, 54, 57, 61, 65, 89, 92, 94, 96, 100, 103, 108, 111, 119а, 120а, 134б, 139, 166, 181, 201; Покровский: 286, 139, 151, 185, 199, 212б; Тураевский: 13, 29, 39-1, 39-2, 60, 66, 73, 77, 80, 101, 102, 120, 135, 137, 149, 153, 157, 177а, 185, 189, 195, 201а, 201г, 202, 215, 217, 218а, 220, 225; Мауунинский: 13, 29, 39-1, 39-2, 60, 66, 73, 77, 80, 101, 102, 120, 135, 137, 149, 153, 157, 177а, 185, 189, 195, 201а, 201г, 202, 215, 217, 218а, 220, 225; Сайгатский: 1, 14; Сайгатский: 10, 27; Усть-Сарапульский: 26, 50, 69; Чегалдинский II: 16; Старо-Кабановский: 84, 102, 141, 152; Дубровский: 36, 68, 98в.
8*	4, 106, 108, 115, 127, 156, 157, 254, 263, 300, 301, 361, 420.	Тарасовский: 19, 845, 863, 955, 1531; Ижевский: 48-1, 48-2; Тураевский: 44, 103, 250, 257; Боярский: 42; Старо-Кабановский: 98.
9*	31, 426.	Тарасовский: 132; Старо-Кабановский: 135.
10*	1, 83, 170, 191, 318-320, 346, 415, 421, 423, 425.	Тарасовский: 2, 577; Ижевский: 93, 209; Сайгатский: 30, 33, 41; Бирский: 40; Старо-Кабановский: 70а, 100, 107, 133.
11*	270.	Тураевский I: 140б.
12*	2, 376.	Тарасовский: 3; Заборынский: 2.
13*	87, 98.	Тарасовский: 616, 719.
14*	92.	Тарасовский: 680а.
15*	56.	Тарасовский: 292.
16*	28.	Тарасовский: 127.
17*	17, 52, 76, 235, 417.	Тарасовский: 69а, 243, 515а; Покровский: 247; Старо-Кабановский: 80.
18*	116.	Тарасовский: 963.
19*	164.	Ижевский: 58.
20*	6, 10, 12, 16, 20, 21, 25, 27, 36, 38, 39, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 67, 68, 75, 84, 94, 95, 105, 107, 109, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 126, 128, 129, 132, 133, 136, 137, 143, 144, 152, 159, 166, 179, 186, 187, 193, 195, 196, 197, 199, 200, 202, 203, 205, 206, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 219, 221, 222, 223, 225, 229, 230, 231, 232, 234, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 262, 275, 277, 278, 282, 299, 302, 304, 305, 308, 309, 310, 316, 321, 322, 323, 326, 329, 345; 347; 358, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 367, 368, 369, 371, 372, 373, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 412, 413, 414, 419, 427, 436, 437, 440, 441, 442, 444, 445, 446, 448, 449, 451, 452.	Тарасовский: 256, 40, 52, 61, 92, 101а, 115, 118, 157, 169а, 185, 194, 203, 217а, 222, 223, 225, 257, 305, 306а-1, 306а-2, 307-1, 307-2, 312, 402, 429, 505, 584, 680б, 681, 835, 848а, 873, 998, 999-1, 999-2, 1006, 1010-1, 1010-2, 1019а, 1028, 1540, 1549, 1692, 1693, 1721, 1723, 1802, 1822; Ижевский: 8, 51, 64, 124а, 170, 171; Покровский: 4, 10, 25, 28а, 316, 37, 53, 56, 66, 71, 88, 102, 109в, 111, 118, 125, 127, 135, 147, 149, 154, 156, 159, 193, 218, 220, 228а, 229а, 234, 258а, 273, 278, 286б, 300, 309, 322, 338, 350а, 351, 356; Тураевский I: 103, 162, 165-1, 165-2, 177а; Мауунинский: 14, 37, 40, 50, 51, 63; Сайгатский: 14; Усть-Сарапульский: 1, 11г-1, 11г-2, 45, 77; Бирский: 25, 61; Ныргындинский II: 79, 97; Боярский: 7, 89, 91, 102, 1156, 132, 134-1, 134-2, 141, 168, 176а; Заборынский: 2, 13, 24-1, 24-2, 26, 27, 30-1, 30-2, 30-3; Старо-Кабановский: 20, 47, 69а, 92, 139; Старо-Муштинский: 6 (курган 2), 3 (курган 15); Дубровский: 5, 7, 14, 40, 63, 66, 77а, 85, 133, 136.
?*	40, 49, 53, 55, 71, 72, 78, 79, 81, 101, 117, 138, 139, 148, 183, 189, 201, 264, 279, 313, 331-344, 348-353, 370, 374, 375, 388-408, 430-435, 438, 439.	Тарасовский: 188, 229, 245, 276, 477, 488, 538, 541, 569, 783, 993, 1739, 1743; Бирский: 162, 187; Покровский: 50; Тураевский: 108, 172; Оштинский: 31; Ново-Саяккульский: 1, 10, 13, 43, 75, 139, 144, 164, 224, 253, 281, 300, 309-1, 309-2; Бирский: 114, 35, 36; Ныргындинское III городище: сбор; Красноярский могильник: сбор; Оштинский могильник: сбор; Боярский: 141, сбор-1, сбор-2; Чегалдинское I: из слоя-1, Нивский: 5, 14а, 64, 73, 77, 79а, 81, 836, 92, 966, 104, 120, 132, 133, 148, 150а, 155; Зуевское I: из слоя-1, из слоя-2; Кулашевский: ?; Старо-Кабановский: сбор; Худяковский: 78, сбор; Чужьяловское: из слоя-1, из слоя-2; Бобья-Учинский: сбор; Югомашевский: 6; Артыжский клад.

* 1 - череп справа, 2 - череп слева, 3 - шей, 4 - плечо правое, 5 - плечо левое, 6 - грудь левое, 7 - грудь, 8 - грудь слева, 9 - пояс справа, 10 - пояс, 11 - пояс слева, 12 - кости таза справа, 13 - кости таза, 14 - кости таза слева, 15 - бедро правое, 16 - между бедер, 17 - бедро левое, 18 - бедро левое, 19 - колени левое, 20 - подарочный набор, ? - не установлено.

Состав подарочных наборов с фибулами (единица измерения - факт наличия категории инвентаря в наборе)

Могильник	височная подвеска	бусина	браслет	гривна	пронизка	шило	бисер	подвеска	нож	еще фибула	накладка	петочка	головной убор	перстень	пряжка	сюльгама	бляшка	пинцет	сосуд	застёжка-бляха	слиток/дрот	наконечник стрелы	привеска	наконечник ремня	точильный камень	пряслице	кинжал	крючок	наконик	в среднем
Тарасовский	33	21	13	13	16	12	7	6	9	5	7	-	-	3	1	2	-	1	2	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	3,3
Ижевский	5	6	3	-	3	1	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,8
Покровский	35	26	12	18	12	8	7	4	6	-	3	1	13	-	1	-	2	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	3,8
Тураевский I	2	4	3	3	2	4	3	1	4	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	5,8
Мазунинский	3	5	2	-	1	1	-	2	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,6
Сайгатский	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Усть-Сарапульский	4	3	3	2	2	-	3	1	-	1	-	2	-	-	1	-	-	-	1	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-	6,5
Боярский («Арай»)	9	6	3	4	3	3	2	3	2	1	1	2	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	-	-	-	4,3
Заборьинский	5	6	5	2	3	5	5	3	2	2	2	2	-	3	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,8
Старо-Кабановский	4	4	-	-	4	-	1	4	-	-	-	1	2	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	5,0
Дубровский	7	4	5	2	3	3	3	2	2	-	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4,4
Итого:	108	86	49	44	49	37	31	27	28	10	15	9	15	6	7	7	4	4	3	3	2	2	2	2	1	1	1	1	1	4,0

Классификация сплавов на основе меди [Коновалов и др., 2008. Таблица 2.8. С. 131]

№ сплава	Формула состава сплава	Название сплава	Характеристика содержания основных элементов сплава (%)									
			Cu	Sn	Zn	Pb	Au	Ag	Доп. условие			
1	Cu	"Чистая" медь	$96 \leq x \leq 100$	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	-	
2	CuSn	Оловянная бронза	$50 \leq x \leq 99$	$1 \leq x \leq 50$	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	-	
3	CuPb	Свинцовая бронза	$50 \leq x \leq 99$	< 1	< 1	$1 \leq x \leq 50$	< 1	< 1	< 1	< 1	-	
4	CuZn	Латунь двухкомпонентная	$70 \leq x \leq 99$	< 1	$1 \leq x \leq 30$	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	-	
5	CuSnPb	Оловянно-свинцовая бронза	$50 \leq x \leq 98$	$1 \leq x \leq 49$	< 1	$1 \leq x \leq 49$	< 1	< 1	< 1	< 1	-	
6	CuSnZn	Оловянно-цинковая бронза	$50 \leq x \leq 98$	$1 \leq x \leq 49$	$1 \leq x \leq 30$	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	$Sn > Zn$	
7	CuZnSn	Латунь оловянная	$50 \leq x \leq 98$	$1 \leq x \leq 25$	$1 \leq x \leq 30$	< 1	< 1	< 1	< 1	< 1	$Zn \geq Sn$	
8	CuZnPb	Латунь свинцовая	$50 \leq x \leq 98$	< 1	$1 \leq x \leq 30$	$1 \leq x \leq 49$	< 1	< 1	< 1	< 1	-	
9	CuSnPbZn	Многокомпонентная бронза	$50 \leq x \leq 97$	$1 \leq x \leq 48$	$1 \leq x \leq 30$	$1 \leq x \leq 48$	< 1	< 1	< 1	< 1	$Sn > Zn$	
10	CuZnPbSn	Многокомпонентная латунь	$50 \leq x \leq 97$	$1 \leq x \leq 24$	$1 \leq x \leq 30$	$1 \leq x \leq 48$	< 1	< 1	< 1	< 1	$Zn \geq Sn$	
11	CuAg, CuAu	Сплавы на основе меди с повышенным содержанием серебра и золота	Каждый предмет этой группы должен рассматриваться специально, т. к. драгоценные металлы могут быть как в составе сплава, так и в составе покрытия предмета.									

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа фибул

№ фибулы	Могильник и № погребения	№ анализа	Состояние образца:	Al	Fe	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Sn	Sb	Pb	Тип сплава
ЧИСТАЯ МЕДЬ:														
84	Тарасовский: №584	405	металл+пatina		1,76	95,75*	0,77	0,12		0,35	0,55		0,31	Cu
312	Ошкинский: №14	318	металл		0,32	98,34	0,09	0,03		0,10	0,52	0,03		Cu
361	Боярский: №42	392	металл		0,52	98,73		0,02		0,26	0,32			Cu
352	Красноярский: сбор	623	металл		0,73	99,00				0,23				Cu
ОЛОВЯННАЯ БРОНЗА:														
360	Боярский: №7	387	патина		2,15	91,95		0,01	0,03	0,34	5,26	0,08	0,17	CuSn
442	Дубровский: №14	617	металл		0,38	90,43	0,53		0,10	0,36	6,99	0,05	0,96	CuSn
ОЛОВЯННО-СВИНЦОВАЯ БРОНЗА:														
75	Тарасовский: №505	420	патина		2,73	72,35				0,62	22,90		1,41	CuSnPb
135	Тарасовский: №1718	379	металл+патина		12,37	72,40			0,04	0,37	5,16		1,45	CuSnPb
140	Тарасовский: №1762	4216	патина		0,61	93,90					2,69		2,52	CuSnPb
435	Бобья-Учинский: сбор	361	металл		0,41	70,58	0,25	0,46		0,20	1,59	0,10	15,89	CuSnPb
450	Дубровский: №98в	619	металл		6,53	76,13		0,01	0,19	0,43	13,50	0,03	1,17	CuSnPb
ЛАТУНЬ ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ:														
62	Тарасовский: №312	408	металл+патина		0,76	84,60	12,80	0,71		0,31		0,06	0,37	CuZn
93	Тарасовский: №680б	423	патина		0,39	93,65	4,37	0,20		0,32	0,59		0,28	CuZn
100	Тарасовский: №750	396б	патина		1,09	87,65	8,76	0,51	0,04	0,42	0,99		0,28	CuZn
104	Тарасовский: №829	383	металл		0,28	80,70	18,00	0,09		0,28	0,27		0,03	CuZn
105	Тарасовский: №835	293	металл		0,31	77,27	18,97	0,13		0,16	0,56	0,09	0,41	CuZn
115	Тарасовский: №955	357	металл		0,40	88,14	7,97	0,40		0,31	0,92	0,16		CuZn
147	Тарасовский: №1848в	378	металл		2,15	83,65	8,69	0,11		0,08	0,17	0,02	0,44	CuZn
311	Ошкинский: №1	266а	металл	1,75	0,09	85,05	10,92	0,23		0,11	0,41	0,06		CuZn

* - процент содержания в сплаве меди (Cu) меньше положенного для этой группы сплава из-за патинированной поверхности образца

№ фи-булы	Могильник и № погребения	№ ана-лиза	Состояние образца:	Al	Fe	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Sn	Sb	Pb	Тип сплава
ЛАТУНЬ ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ:														
311	Ошклинский: №1	266Б	металл	2,64	0,27	79,74	16,10	0,53		0,09	0,40	0,08		CuZn
311	Ошклинский: №1	266В	металл	2,05	0,30	79,43	17,04	0,46		0,06	0,43	0,07		CuZn
313	Ошклинский: №31	289	металл	7,12	0,26	81,96	7,33	0,21		0,11	0,11	0,05		CuZn
366	Боярский: №115Г	401	пatina		0,56	78,25	20,00			0,31	0,39		0,26	CuZn
379	Заборьинский: №24	399	пatina		1,04	83,60	14,60	0,03		0,29	0,15		0,04	CuZn
381	Заборьинский: №26	413	пatina		0,40	84,35	13,85	0,65		0,31			0,11	CuZn
382	Заборьинский: №27	412	пatina		0,47	77,25	21,30	0,28		0,28			0,20	CuZn
386	Ныргында I: №211	145	металл		0,27	88,60	10,50			0,28		0,08	0,05	CuZn
440	Дубровский: №5	620	пatina		1,06	85,57	12,37	0,01		0,31	0,12		0,28	CuZn
446	Дубровский: №66	618	металл		0,29	83,50	14,87	0,13		0,35	0,43		0,05	CuZn
ЛАТУНЬ ОЛОВЯННАЯ:														
87	Тарасовский: №616	409	металл		0,90	81,80	13,87	1,04		0,35	1,43	0,05	0,38	CuZnSn
91	Тарасовский: №650	373	металл		0,13	81,08	14,90	0,55		0,09	1,11	0,06		CuZnSn
96	Тарасовский: №6826	395	металл+пatina		0,35	71,90	24,43	0,18	0,04	0,30	1,24		0,66	CuZnSn
98	Тарасовский: №719	390	металл+пatina		1,11	89,00	6,06	0,18		0,36	2,34		0,82	CuZnSn
126	Тарасовский: №1028	415	пatina		4,81	81,05	10,09		0,02	0,35	1,47		0,95	CuZnSn
131	Тарасовский: №1691	376	металл		1,31	87,95	2,18	0,40		0,18	4,54	0,10	0,56	CuZnSn
146	Тарасовский: №18486	372	металл		1,31	83,84	7,40	0,37		0,14	2,74	0,10	0,70	CuZnSn
364	Боярский: №102	411	пatina		0,78	88,20	8,21			0,32	1,59		0,71	CuZnSn
369	Боярский: №134	124	металл		0,15	80,12	16,20	0,09		0,06	1,22	0,04	0,12	CuZnSn
372	Боярский: №168	398	пatina		1,17	81,35	12,50			0,42	3,87		0,52	CuZnSn
378	Заборьинский: №13	394	металл		0,35	84,40	12,83	0,02		0,29	1,42		0,40	CuZnSn
380	Заборьинский: №24	400	пatina		1,72	83,35	6,56		0,09	0,39	7,35	0,11	0,30	CuZnSn
387	Ныргында I: №316	152	металл		0,37	87,20	7,35	0,24		0,32	3,90		0,16	CuZnSn

№ фи-булы	Могильник и № погребения	№ ана-лиза	Состояние образца:	Al	Fe	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Sn	Sb	Pb	Тип сплава
59	Тарасовский: №306а	407	пatina		0,74	75,55	6,16			0,33	0,82		16,15	CuZnPb
МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ ЛАТУНЬ:														
44	Тарасовский: №212	389	металл		0,56	78,57	10,97	0,44	0,08	0,53	6,14		2,30	CuZnPbSn
50	Тарасовский: №232	419	пatina		1,94	73,15	11,30			0,51	4,30		8,81	CuZnPbSn
53	Тарасовский: №245	416	пatina		6,90	81,75	4,01			0,48	2,58		4,20	CuZnPbSn
57	Тарасовский: №305	388	металл+пatina		0,97	82,13	7,67	0,58	0,07	0,36	4,48		3,43	CuZnPbSn
58	Тарасовский: №306а	406	металл+пatina		2,29	87,80	6,84	0,02		0,40	1,38		1,06	CuZnPbSn
60	Тарасовский: №307	294	металл		0,06	70,69	9,49	0,25		0,05	1,17	0,06	1,87	CuZnPbSn
61	Тарасовский: №307	288	металл		0,16	75,36	14,45	0,34		0,31	7,14	0,22	1,38	CuZnPbSn
69	Тарасовский: №451	418	металл		0,62	89,87	3,08			0,42	4,34		1,54	CuZnPbSn
73	Тарасовский: №497	404	пatina		4,17	38,55*	3,55		0,21	0,73	11,52	2,65	38,00	CuZnPbSn
89	Тарасовский: №631	402	пatina		0,98	72,10	13,20		0,18	0,48	10,75	0,06	2,21	CuZnPbSn
90	Тарасовский: №638	382	пatina		0,79	79,30	12,85			0,39	1,07		5,43	CuZnPbSn
95	Тарасовский: №681	391	металл		0,49	76,00	13,97		0,01	0,36	2,98		5,81	CuZnPbSn
99	Тарасовский: №736б	403	пatina		1,17	77,75	10,90		0,13	0,37	4,84		4,54	CuZnPbSn
100	Тарасовский: №750	396а	пatina		2,29	69,40	4,31	0,16	0,25	0,71	13,10		9,69	CuZnPbSn
130	Тарасовский: №1675	417	металл		0,82	76,23	1,26	0,23	0,09	0,65	5,59		14,97	CuZnPbSn
140	Тарасовский: №1762	421а	пatina		1,57	86,90	3,44			0,50	3,49	0,06	3,99	CuZnPbSn
141	Тарасовский: №1783	374	металл		0,16	91,51	1,03	0,35		0,17	3,76	0,13	2,46	CuZnPbSn
145	Тарасовский: №1848а	377	металл		0,19	86,39	1,13	0,38		0,12	8,86	0,12	2,31	CuZnPbSn
117	Тарасовский: №993	375	металл		0,22	77,90	15,04	0,42		0,13	1,11	0,07	2,70	CuZnPbSn
119	Тарасовский: №999	385	металл		0,65	85,33	7,79	0,17		0,34	3,12	0,05	2,36	CuZnPbSn
447	Дубровский: №68	621	металл		3,02	85,63	1,35		0,01	0,62	3,70	0,02	2,94	CuZnPbSn
449	Дубровский: №85	622	металл		3,88	80,87	3,74	0,21	0,16	0,41	8,44		2,11	CuZnPbSn

№ фи-булы	Могильник и № погребения	№ анализа	Состояние образца:	Al	Fe	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Sn	Sb	Pb	Тип сплава
МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ ЛАТУНЬ:														
122	Тарасовский: №1010	386	металл		0,52	82,10	9,77			0,33	3,62		3,54	CuZnPbSn
139	Тарасовский: №1743	380	металл		0,58	84,97	8,91	1,39	0,01	0,46	1,81		1,51	CuZnPbSn
362	Боярский: №89	384	металл		2,29	83,97	8,23	0,39		0,62	1,83		1,41	CuZnPbSn
367	Боярский: №132	410	металл		2,06	85,70	6,65	0,06	0,01	0,33	3,04		2,01	CuZnPbSn
371	Боярский: №141	393	металл		2,79	83,23	8,00			0,41	3,25		2,23	CuZnPbSn
384	Заборьинский: №30	414	металл		0,30	85,20	9,53			0,30	2,16		2,39	CuZnPbSn

Распределение фибул по типам и сплавам
(номера фибул соответствуют номерам фибул в каталоге)

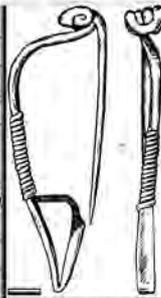
Типы фибул	Датировка	Медь	Бронзы	Латуни
Амброз-11	II в. - начало III в.			386, 387.
Амброз-15	III в.	312, 352.		311, 313.
Амброз-8	середина III в.			61, 73.
Амброз-13	конец II в. - III в.	84.		98, 59, 58, 60, 99, 117, 367, 62, 87.
Останина-1-1	конец III - начало IV в.			381, 382, 57, 69.
Останина-1-2	IV в.		442.	93, 104, 105, 115, 366, 379, 440, 96, 364, 369, 378, 380, 44, 89, 90, 95.
Останина-1-3	IV в.			119.
Останина-1-4	конец IV - начало V в.		360, 75, 140, 150.	131.
Останина-1-5	середина IV - V вв.			126, 372, 50, 53, 140, 122, 362, 371.
Амброз-16	IV - V в.			147.
Останина-2	V в.		135.	130, 447, 449.
Останина-3	V в.		435.	141, 145, 146.
?	?			100, 446, 91, 100, 139, 384.

Приложение III

КАТАЛОГ ФИБУЛ

№ фибулы 1

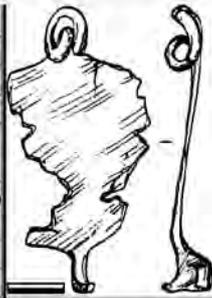
Тарасовский могильник
 Погр. 2 Шифр 1029/1248
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 10; Голдина, 2003. Табл. 1-6.

№ фибулы 2

Тарасовский могильник
 Погр. 3 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: таз справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 10; Голдина, 2003. Табл. 3-1.

№ фибулы 3

Тарасовский могильник
 Погр. 14 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 5-6 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 12; Голдина, 2004. Табл. 7-3.

№ фибулы 4

Тарасовский могильник
 Погр. 19 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 35-45 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 13; Голдина, 2004. Табл. 8-2.

№ фибулы 5

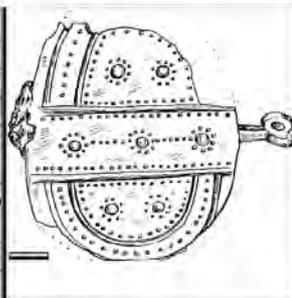
Тарасовский могильник
 Погр. 25Б Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 14; Голдина, 2004. Табл. 10-5.

№ фибулы 6

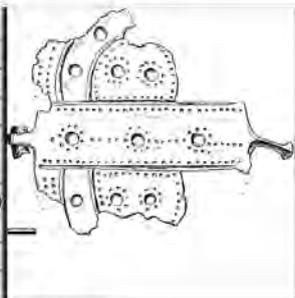
Тарасовский могильник
 Погр. 25Б Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 14; Голдина, 2004. Табл. 10-6-1.

№ фибулы 7

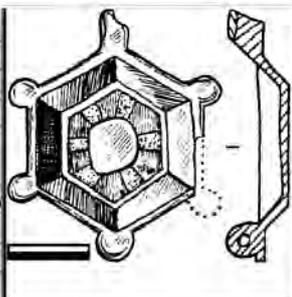
Тарасовский могильник
 Погр. 27 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 14-15; Голдина, 2004. Табл. 11-2.

№ фибулы 8

Тарасовский могильник
 Погр. 32 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: череп слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 15; Голдина, 2004. Табл. 12-1.

№ фибулы 9

Тарасовский могильник
 Погр. 36 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 30-40 лет
 Тип фибулы: Амброз: 8
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:

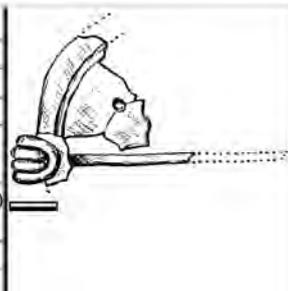
№ фибулы 10

Тарасовский могильник
 Погр. 40 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 15-25 лет
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:

№ фибулы 11

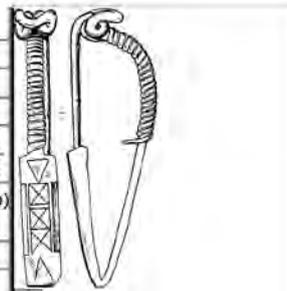
Тарасовский могильник
 Погр. 51 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 15-25 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 18-19; Голдина, 2004. Табл. 18-6.

№ фибулы 12

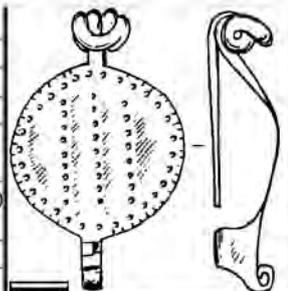
Тарасовский могильник
 Погр. 52 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 19; Голдина, 2004. Табл. 19-6-5.

№ фибулы 13

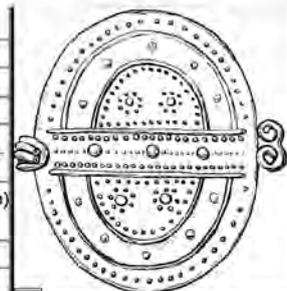
Тарасовский могильник
 Погр. 52 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 19; Голдина, 2003. Табл. 19-3.

№ фибулы 14

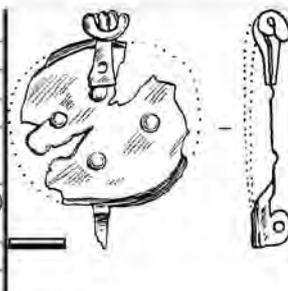
Тарасовский могильник
 Погр. 54 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 15-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 19-20; Голдина, 2003. Табл. 20-2.

№ фибулы 15

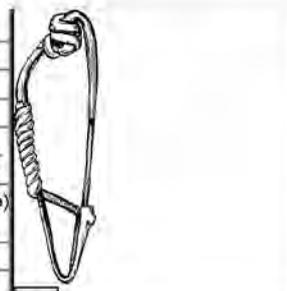
Тарасовский могильник
 Погр. 55 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброз: 13-3
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 20; Голдина, 2003. Табл. 21-6.

№ фибулы 16

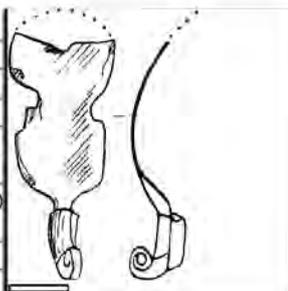
Тарасовский могильник
 Погр. 61 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 21; Голдина, 2003. Табл. 24-1-4.

№ фибулы 17

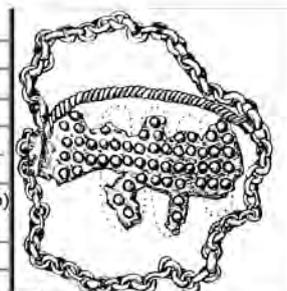
Тарасовский могильник
 Погр. 69А Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: бедро левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 22; Голдина, 2003. Табл. 26-2.

№ фибулы 18

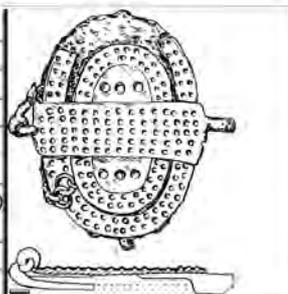
Тарасовский могильник
 Погр. 74 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: череп слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 23; Голдина, 2003. Табл. 27-2.

№ фибулы 19

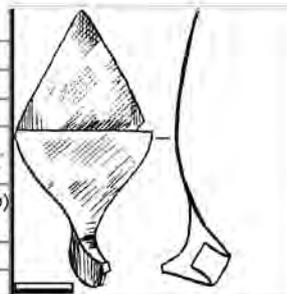
Тарасовский могильник
 Погр. 85 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 17-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 25; Голдина, 2003. Табл. 31-1.

№ фибулы 20

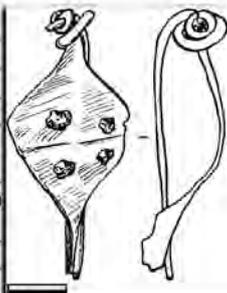
Тарасовский могильник
 Погр. 92 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 25-26; Голдина, 2003. Табл. 32-1-3.

№ фибулы 21

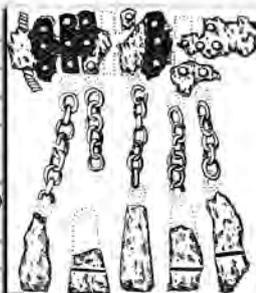
Тарасовский могильник
 Погр. 101А Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 15-17 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 26-27; Голдина, 2003. Табл. 34-1-19.

№ фибулы 22

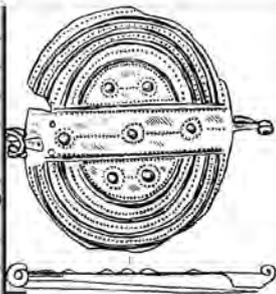
Тарасовский могильник
 Погр. 103 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 6-7 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 27; Голдина, 2003. Табл. 36-6.

№ фибулы 23

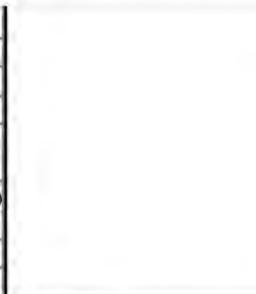
Тарасовский могильник
 Погр. 107 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 28; Голдина, 2003. Табл. 37-2.

№ фибулы 24

Тарасовский могильник
 Погр. 108 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 15-25 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 28.

№ фибулы 25

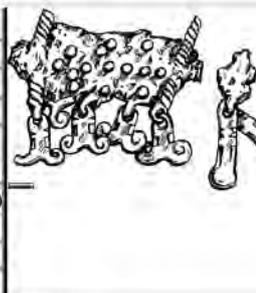
Тарасовский могильник
 Погр. 115 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 29.

№ фибулы 26

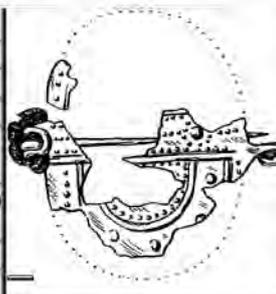
Тарасовский могильник
 Погр. 116 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 3-5 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 29; Голдина, 2003. Табл. 41-19.

№ фибулы 27

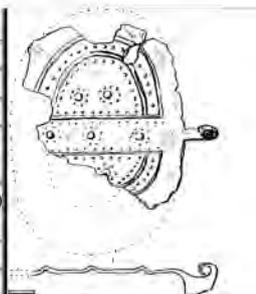
Тарасовский могильник
 Погр. 118 Шифр 1029
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 29-30; Голдина, 2003. Табл. 42-1-3.

№ фибулы 28

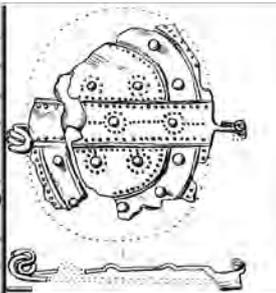
Тарасовский могильник
 Погр. 127 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: между бедрами
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 31; Голдина, 2003. Табл. 44-6.

№ фибулы 29

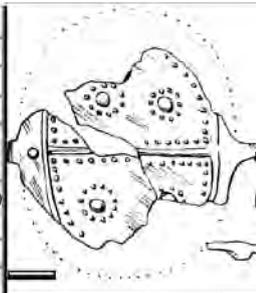
Тарасовский могильник
 Погр. 130 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 32; Голдина, 2003. Табл. 46-9.

№ фибулы 30

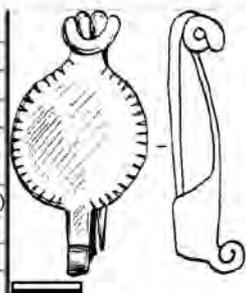
Тарасовский могильник
 Погр. 130 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 32; Голдина, 2003. Табл. 46-13.

№ фибулы 31

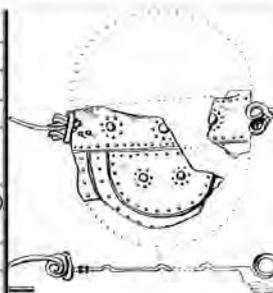
Тарасовский могильник
 Погр. 132 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: пояс справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет

Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 32; Голдина, 2003. Табл. 48-6.

№ фибулы 32

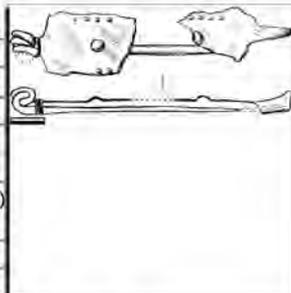
Тарасовский могильник
 Погр. 133 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет

Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 32-33; Голдина, 2003. Табл. 50-2.

№ фибулы 33

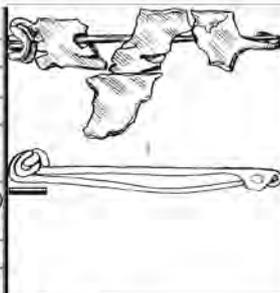
Тарасовский могильник
 Погр. 144 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 34; Голдина, 2003. Табл. 55-2.

№ фибулы 34

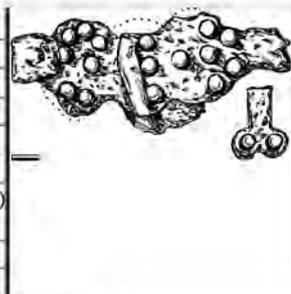
Тарасовский могильник
 Погр. 146 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет

Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 35; Голдина, 2003. Табл. 56-2.

№ фибулы 35

Тарасовский могильник
 Погр. 154 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-40 лет

Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 36; Голдина, 2003. Табл. 59-3.

№ фибулы 36

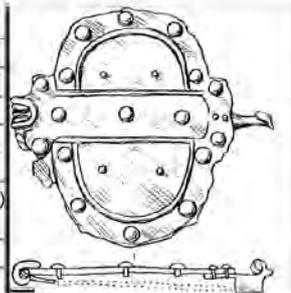
Тарасовский могильник
 Погр. 157 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 36; Голдина, 2003. Табл. 60-1-3.

№ фибулы 37

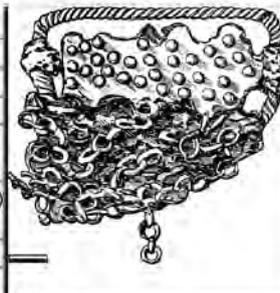
Тарасовский могильник
 Погр. 160 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 20-35 лет

Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 37; Голдина, 2003. Табл. 61-3.

№ фибулы 38

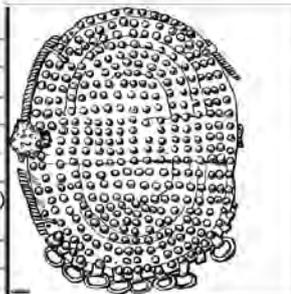
Тарасовский могильник
 Погр. 169А Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 39; Голдина, 2003. Табл. 67-4-8.

№ фибулы 39

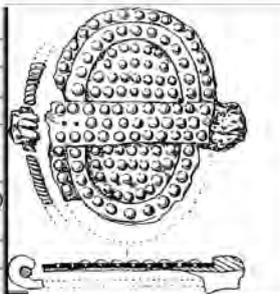
Тарасовский могильник
 Погр. 185 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 15-25 лет

Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 41-42; Голдина, 2003. Табл. 75-2-7.

№ фибулы 40

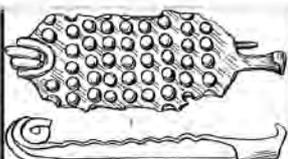
Тарасовский могильник
 Погр. 188 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 42; Голдина, 2003. Табл. 76-1.

№ фибулы 41

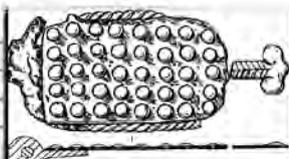
Тарасовский могильник
 Погр. 193 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 43; Голдина, 2003. Табл. 78-2.

№ фибулы 42

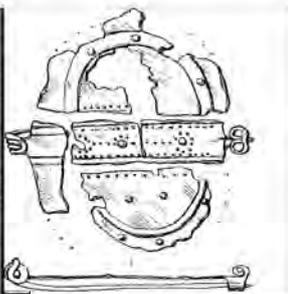
Тарасовский могильник
 Погр. 194 Шифр 1050/2581
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 43; Голдина, 2003. Табл. 77-1-1.

№ фибулы 43

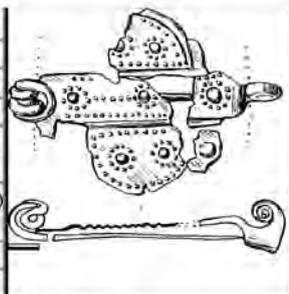
Тарасовский могильник
 Погр. 203 Шифр 1050/2208-11
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 15-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 45; Голдина, 2003. Табл. 84-1-3.

№ фибулы 44

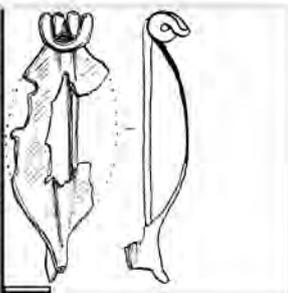
Тарасовский могильник
 Погр. 212 Шифр 1050/2583
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 8 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 46; Голдина, 2003. Табл. 86-1.

№ фибулы 45

Тарасовский могильник
 Погр. 217А Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 50-55 лет
 Тип фибулы: Амброс: 13-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 46; Голдина, 2003. Табл. 88-1-8.

№ фибулы 46

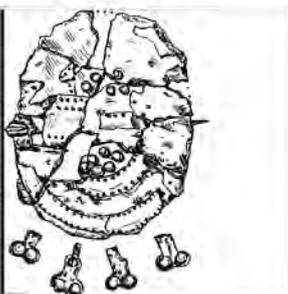
Тарасовский могильник
 Погр. 222 Шифр 1050/2589
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 30-50 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 47; Голдина, 2003. Табл. 89-2-6.

№ фибулы 47

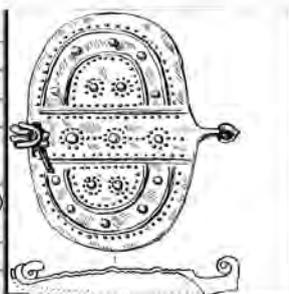
Тарасовский могильник
 Погр. 223 Шифр 1050/4922
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 47; Голдина, 2003. Табл. 90-1-1.

№ фибулы 48

Тарасовский могильник
 Погр. 225 Шифр 1050/2179
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 48; Голдина, 2003. Табл. 91-1-3.

№ фибулы 49

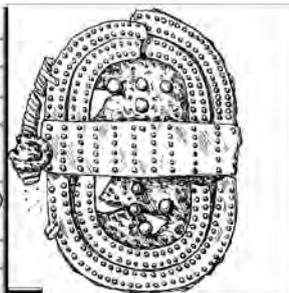
Тарасовский могильник
 Погр. 229 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 48.

№ фибулы 50

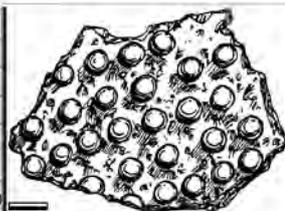
Тарасовский могильник
 Погр. 232 Шифр 1050/4571
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 49; Голдина, 2003. Табл. 95-2.

№ фибулы 51

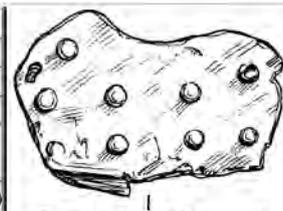
Тарасовский могильник
 Погр. 238 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 50; Голдина, 2003. Табл. 101-1.

№ фибулы 52

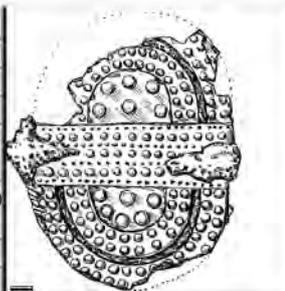
Тарасовский могильник
 Погр. 243 Шифр 1050
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: бедро левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 18-20 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 51; Голдина, 2003. Табл. 105-9.

№ фибулы 53

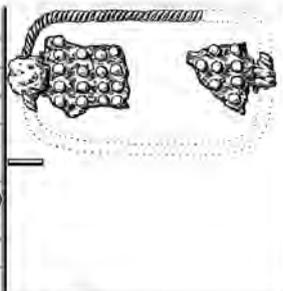
Тарасовский могильник
 Погр. 245 Шифр 1050/3187
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 4-6 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 52; Голдина, 2003. Табл. 107-7.

№ фибулы 54

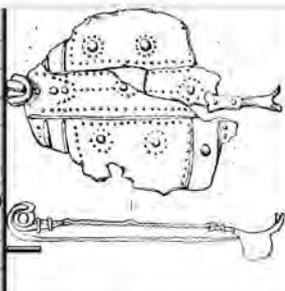
Тарасовский могильник
 Погр. 257 Шифр 1050/3741
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1981
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 54; Голдина, 2003. Табл. 112-1-10.

№ фибулы 55

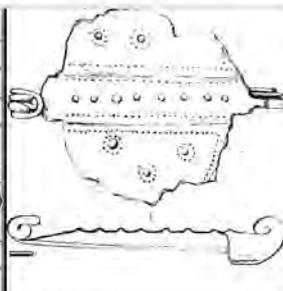
Тарасовский могильник
 Погр. 276 Шифр 1304
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 56; Голдина, 2003. Табл. 118-2.

№ фибулы 56

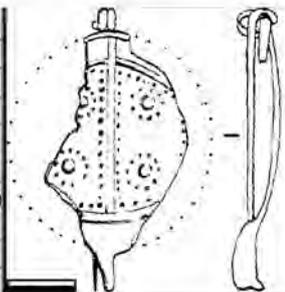
Тарасовский могильник
 Погр. 292 Шифр 1304
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: бедро справа и под
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 58-59; Голдина, 2003. Табл. 123-6.

№ фибулы 57

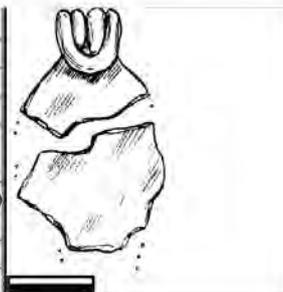
Тарасовский могильник
 Погр. 305 Шифр 1304
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 61; Голдина, 2003. Табл. 120-20-4.

№ фибулы 58

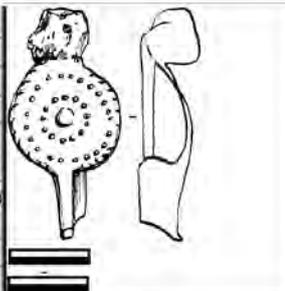
Тарасовский могильник
 Погр. 306А Шифр 1050/4945
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 61; Голдина, 2003. Табл. 131-1-13.

№ фибулы 59

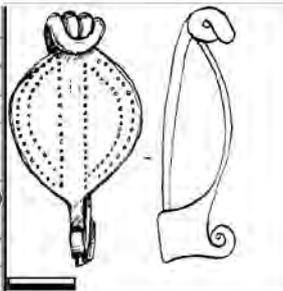
Тарасовский могильник
 Погр. 306А Шифр 1050/4467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: CuZnPb

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 61; Голдина, 2003. Табл. 131-1-14.

№ фибулы 60

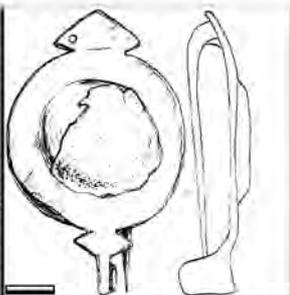
Тарасовский могильник
 Погр. 307 Шифр 1050/4469
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: CuZnPbSn

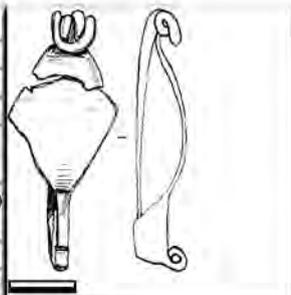
Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 61; Голдина, 2003. Табл. 135-1-23.

№ фибулы 61

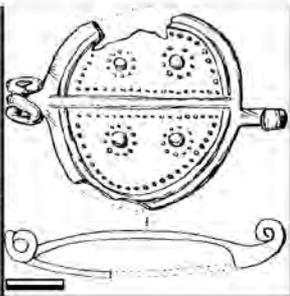
Тарасовский могильник
 Погр. 307 Шифр 1050/5004
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброз: 8
 Основа сплава: CuZnPbSn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 61; Голдина, 2003. Табл. 135-1-25.

№ фибулы 62

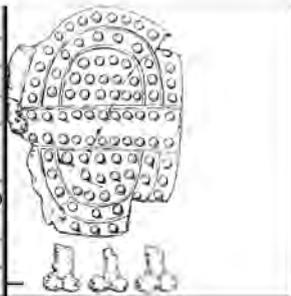
Тарасовский могильник
 Погр. 312 Шифр 1050/5081
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброз: 13-2
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 62; Голдина, 2003. Табл. 139-1-2.

№ фибулы 63

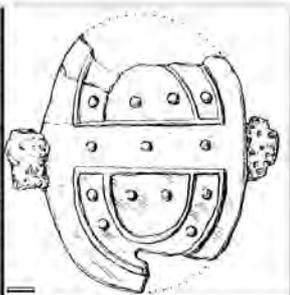
Тарасовский могильник
 Погр. 328А Шифр 1304
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 64-65; Голдина, 2003. Табл. 146-8.

№ фибулы 64

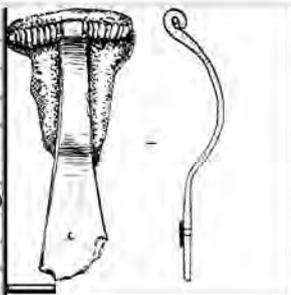
Тарасовский могильник
 Погр. 374 Шифр 1304
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1982
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 72; Голдина, 2003. Табл. 166-3.

№ фибулы 65

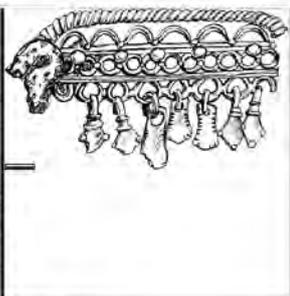
Тарасовский могильник
 Погр. 383 Шифр 1372
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 14-16 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 73-74; Голдина, 2003. Табл. 171-3.

№ фибулы 66

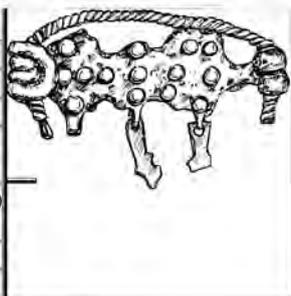
Тарасовский могильник
 Погр. 392 Шифр 1372
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 75; Голдина, 2003. Табл. 174-5.

№ фибулы 67

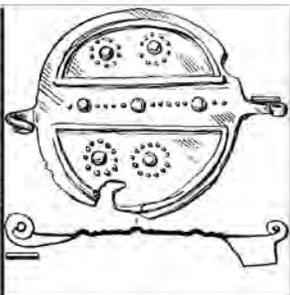
Тарасовский могильник
 Погр. 402 Шифр 1372
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 77; Голдина, 2003. Табл. 178-1-1.

№ фибулы 68

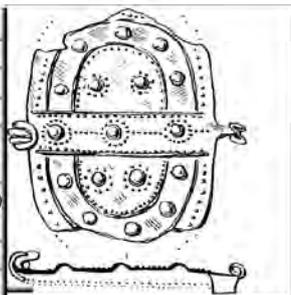
Тарасовский могильник
 Погр. 429 Шифр 1372
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 81-82; Голдина, 2003. Табл. 185-3-1.

№ фибулы 69

Тарасовский могильник
 Погр. 451 Шифр 1372/1284
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: CuZnPbSn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 86; Голдина, 2003. Табл. 197-2.

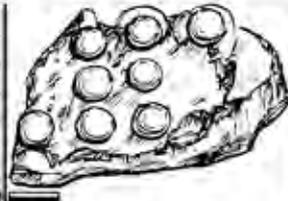
№ фибулы 70

Тарасовский могильник
 Погр. 467 Шифр 1372/978
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 88; Голдина, 2003. Табл. 203-3.

№ фибулы 71

Тарасовский могильник
 Погр. 477 Шифр 1372/1032
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 90; Голдина, 2003. Табл. 207-12.

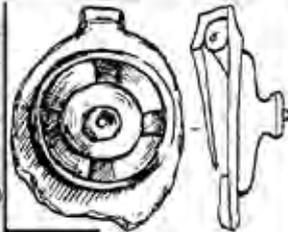
№ фибулы 72

Тарасовский могильник
 Погр. 488 Шифр 1372
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1983
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 92.

№ фибулы 73

Тарасовский могильник
 Погр. 497 Шифр 980/20
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 женский 20-25 лет
 Тип фибулы: Амброс; 8
 Основа сплава: $CuZnPb5n$

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 93; Голдина, 2003. Табл. 214-13.

№ фибулы 74

Тарасовский могильник
 Погр. 504 Шифр 980/497
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 женский 20-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 94; Голдина, 2003. Табл. 217-2.

№ фибулы 75

Тарасовский могильник
 Погр. 505 Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: $CuSnPb$

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 94; Голдина, 2003. Табл. 216-2-5.

№ фибулы 76

Тарасовский могильник
 Погр. 515А Шифр 980/684-5
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: бедро левое
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 95-96; Голдина, 2003. Табл. 220-43.

№ фибулы 77

Тарасовский могильник
 Погр. 532 Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 женский 14-16 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 98; Голдина, 2003. Табл. 226-13.

№ фибулы 78

Тарасовский могильник
 Погр. 538 Шифр 980/563
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 99; Голдина, 2003. Табл. 229-2.

№ фибулы 79

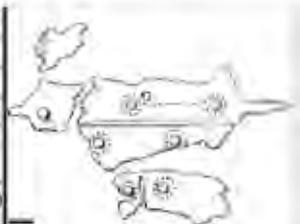
Тарасовский могильник
 Погр. 541 Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 99; Голдина, 2003. Табл. 230-3.

№ фибулы 80

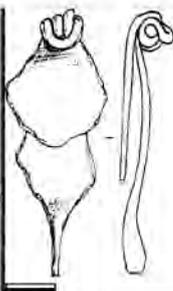
Тарасовский могильник
 Погр. 549 Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 101; Голдина, 2003. Табл. 234-3.

№ фибулы 81

Тарасовский могильник
 Погр. 569 Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: не установлено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 104; Голдина, 2003. Табл. 245-46.

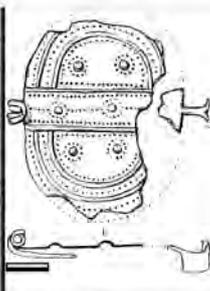
№ фибулы 82

Тарасовский могильник
 Погр. 571 Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 104-105.

№ фибулы 83

Тарасовский могильник
 Погр. 577 Шифр 980/829
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 105; Голдина, 2003. Табл. 247-1.

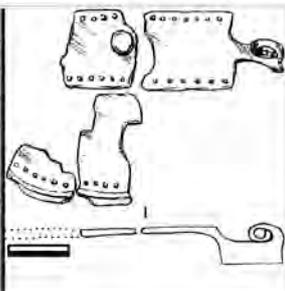
№ фибулы 84

Тарасовский могильник
 Погр. 584 Шифр 980/1070
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: Cu

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 106; Голдина, 2003. Табл. 249-1-2.

№ фибулы 85

Тарасовский могильник
 Погр. 586Б Шифр 980
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 106-107; Голдина, 2003. Табл. 250-4.

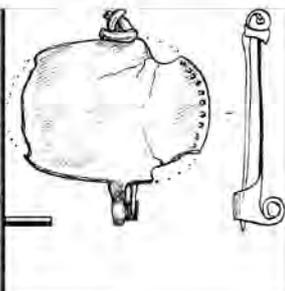
№ фибулы 86

Тарасовский могильник
 Погр. 596 Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 6 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 108.

№ фибулы 87

Тарасовский могильник
 Погр. 616 Шифр 1467/454
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: таз
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 14 лет
 Тип фибулы: Амброз: 13-1
 Основа сплава: CuZnSn

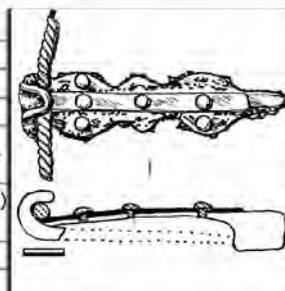

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 111; Голдина, 2003. Табл. 259-5.

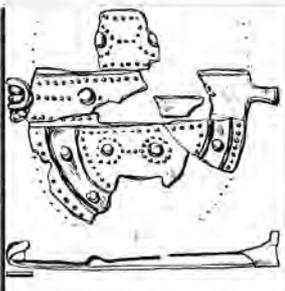
№ фибулы 88

Тарасовский могильник
 Погр. 627 Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 112; Голдина, 2003. Табл. 265-1.

№ фибулы 89

Тарасовский могильник
 Погр. 631 Шифр 1467/524
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnPbSn

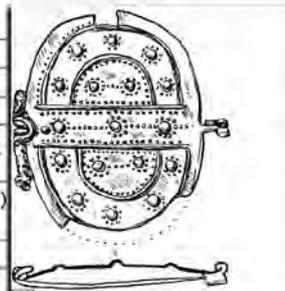

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 113; Голдина, 2003. Табл. 266-3.

№ фибулы 90

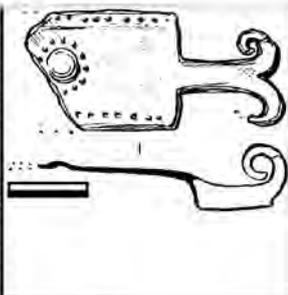
Тарасовский могильник
 Погр. 638 Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 15-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 114; Голдина, 2003. Табл. 268-4.

№ фибулы 91

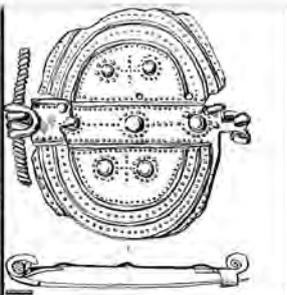
Тарасовский могильник
 Погр. 650 Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 116; Голдина, 2003. Табл. 271-1.

№ фибулы 92

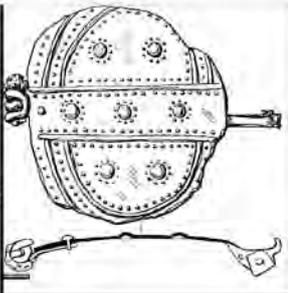
Тарасовский могильник
 Погр. 680А Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: таз слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 35-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 120; Голдина, 2003. Табл. 286-9.

№ фибулы 93

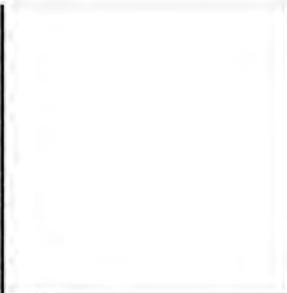
Тарасовский могильник
 Погр. 680Б Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 120; Голдина, 2003. Табл. 286-12.

№ фибулы 94

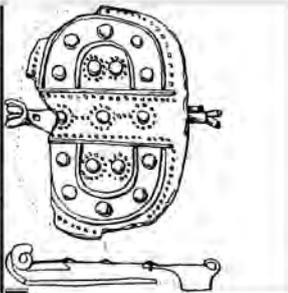
Тарасовский могильник
 Погр. 680Б Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-35 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 120.

№ фибулы 95

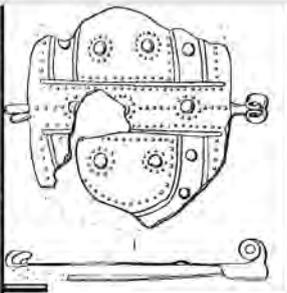
Тарасовский могильник
 Погр. 681 Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 60-70 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 120-121; Голдина, 2003. Табл. 287-1-4.

№ фибулы 96

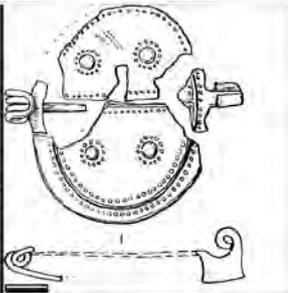
Тарасовский могильник
 Погр. 682Б Шифр 1467
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1985
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 121; Голдина, 2003. Табл. 288-2.

№ фибулы 97

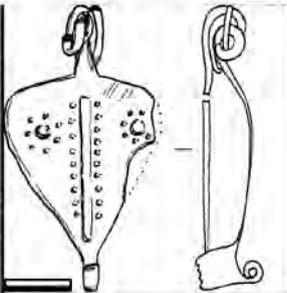
Тарасовский могильник
 Погр. 717 Шифр 929
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 127; Голдина, 2003. Табл. 306-14.

№ фибулы 98

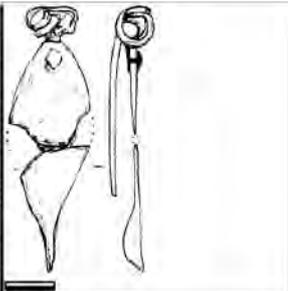
Тарасовский могильник
 Погр. 719 Шифр 929/418
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: таз
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-25 лет
 Тип фибулы: Амброс: 13-1
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 127; Голдина, 2003. Табл. 308-17.

№ фибулы 99

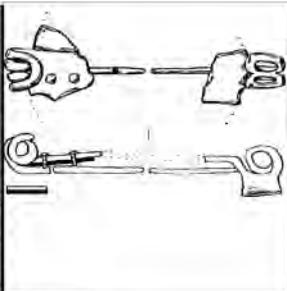
Тарасовский могильник
 Погр. 736Б Шифр 929
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Амброс: 13-1
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 130; Голдина, 2003. Табл. 317-34.

№ фибулы 100

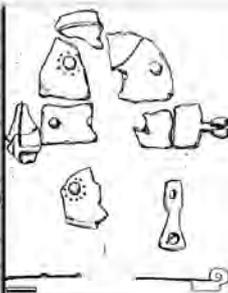
Тарасовский могильник
 Погр. 750 Шифр 929
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: CuZn, CuZnPbSn

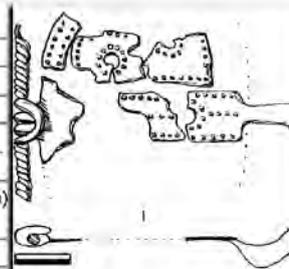
Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 132-133; Голдина, 2003. Табл. 322-1.

№ фибулы 101

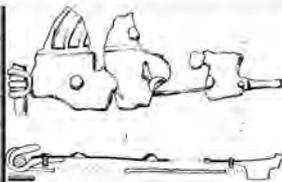
Тарасовский могильник
 Погр. 783 Шифр 929
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 8 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 138; Голдина, 2003. Табл. 343-8.

№ фибулы 102

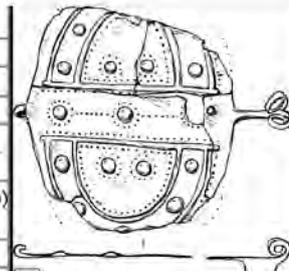
Тарасовский могильник
 Погр. 784 Шифр 929
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 138-139; Голдина, 2003. Табл. 344-2.

№ фибулы 103

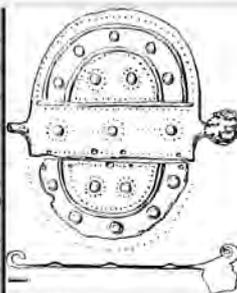
Тарасовский могильник
 Погр. 787А Шифр 929
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 139; Голдина, 2003. Табл. 345-2.

№ фибулы 104

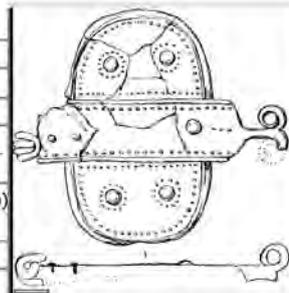
Тарасовский могильник
 Погр. 829 Шифр 1550/6
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 45-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 144-145; Голдина, 2003. Табл. 358-1.

№ фибулы 105

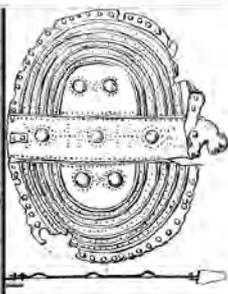
Тарасовский могильник
 Погр. 835 Шифр 1550/19
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 145; Голдина, 2003. Табл. 360-1-1.

№ фибулы 106

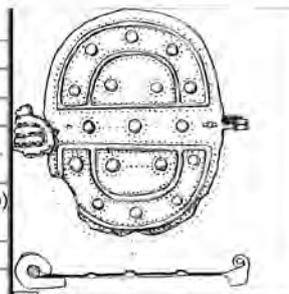
Тарасовский могильник
 Погр. 845 Шифр 1550/570
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 147; Голдина, 2003. Табл. 364-13.

№ фибулы 107

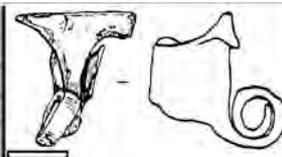
Тарасовский могильник
 Погр. 848А Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 148; Голдина, 2003. Табл. 366-2-7.

№ фибулы 108

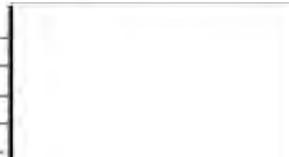
Тарасовский могильник
 Погр. 863 Шифр 1550/336
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 150; Голдина, 2003. Табл. 372-3.

№ фибулы 109

Тарасовский могильник
 Погр. 873 Шифр 1550/572
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 151; Голдина, 2003. Табл. 374-1-2.

№ фибулы 110

Тарасовский могильник
 Погр. 883 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 153.

№ фибулы 111

Тарасовский могильник
 Погр. 883 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 153.

№ фибулы 112

Тарасовский могильник
 Погр. 895 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-35 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 155; Голдина, 2003. Табл. 381-2.

№ фибулы 113

Тарасовский могильник
 Погр. 906В Шифр 1550/4118
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-45 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 156-157; Голдина, 2003. Табл. 386-3.

№ фибулы 114

Тарасовский могильник
 Погр. 931 Шифр 1550/703
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 9 лет
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 161; Голдина, 2003. Табл. 393-1.

№ фибулы 115

Тарасовский могильник
 Погр. 955 Шифр 1550/831
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-55 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 164; Голдина, 2003. Табл. 397-1.

№ фибулы 116

Тарасовский могильник
 Погр. 963 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: колено правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 165; Голдина, 2003. Табл. 399-1.

№ фибулы 117

Тарасовский могильник
 Погр. 993 Шифр 1550/1008
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Амброс: 13-1
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 168-169; Голдина, 2003. Табл. 407-3.

№ фибулы 118

Тарасовский могильник
 Погр. 998 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 17-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 169; Голдина, 2003. Табл. 409-1-5.

№ фибулы 119

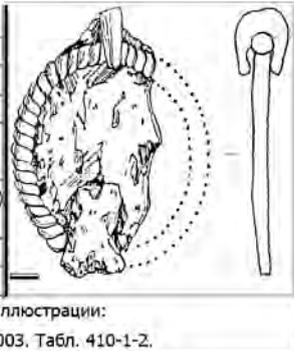
Тарасовский могильник
 Погр. 999 Шифр 1550/1072
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 169-170; Голдина, 2003. Табл. 410-1-1.

№ фибулы 120

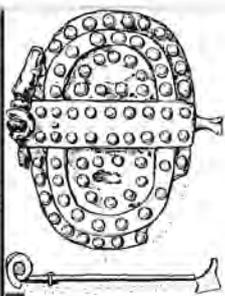
Тарасовский могильник
 Погр. 999 Шифр 1550/1075
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-25 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 169-170; Голдина, 2003. Табл. 410-1-2.

№ фибулы 121

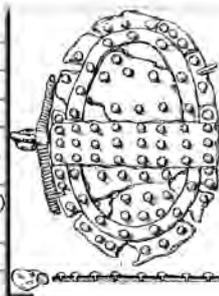
Тарасовский могильник
 Погр. 1006 Шифр 1550/1097
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 171; Голдина, 2003. Табл. 413-2-3.

№ фибулы 122

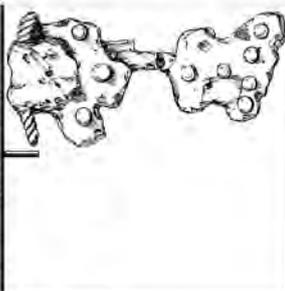
Тарасовский могильник
 Погр. 1010 Шифр 1550/1313
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 171; Голдина, 2003. Табл. 415-1-3.

№ фибулы 123

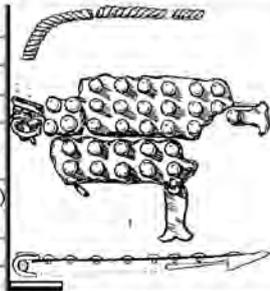
Тарасовский могильник
 Погр. 1010 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 171; Голдина, 2003. Табл. 415-1-7.

№ фибулы 124

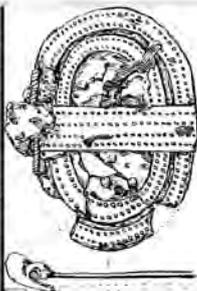
Тарасовский могильник
 Погр. 1019А Шифр 1550/1593
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 173; Голдина, 2003. Табл. 417-1-4.

№ фибулы 125

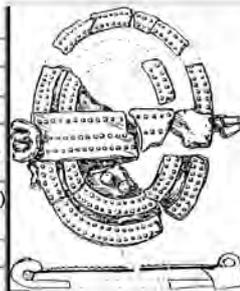
Тарасовский могильник
 Погр. 1027 Шифр 1550/1873
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 14 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 174; Голдина, 2003. Табл. 419-1.

№ фибулы 126

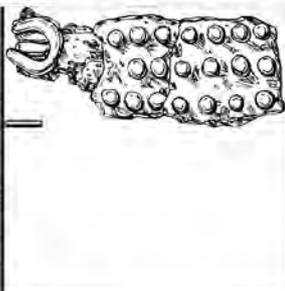
Тарасовский могильник
 Погр. 1028 Шифр 1550
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 174; Голдина, 2003. Табл. 424-1-14.

№ фибулы 127

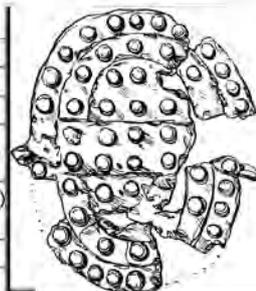
Тарасовский могильник
 Погр. 1531 Шифр 1842
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1990
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 235; Голдина, 2003. Табл. 574-2.

№ фибулы 128

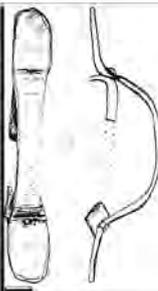
Тарасовский могильник
 Погр. 1540 Шифр 1842/3747
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1990
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 236; Голдина, 2003. Табл. 576-2-1.

№ фибулы 129

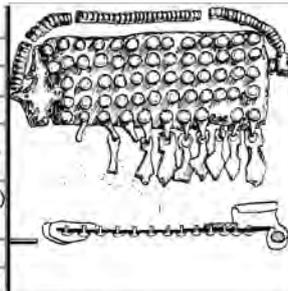
Тарасовский могильник
 Погр. 1549 Шифр 1842
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1990
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 3-б
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 238; Голдина, 2003. Табл. 579-1-4.

№ фибулы 130

Тарасовский могильник
 Погр. 1675 Шифр 1872/195
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1991
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 253; Голдина, 2003. Табл. 611-6.

№ фибулы 131

Тарасовский могильник

Погр. 1691 Шифр 1872

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: грудь

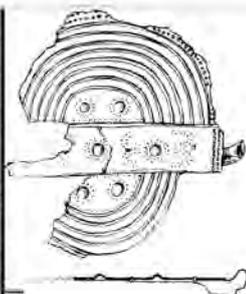
Антропологические данные (пол/возр)
женский 15-18 лет

Тип фибулы: Останина: 1-4

Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 256-257; Голдина, 2003. Табл. 626-4.

№ фибулы 132

Тарасовский могильник

Погр. 1692 Шифр 1872/263

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: подарочный набор

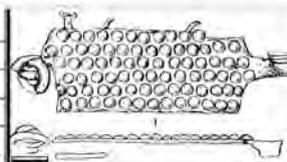
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 2-в

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 257; Голдина, 2003. Табл. 627-1-5.

№ фибулы 133

Тарасовский могильник

Погр. 1693 Шифр 1872/289

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: подарочный набор

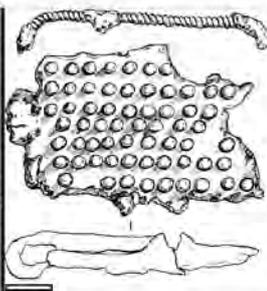
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 2-в

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 257; Голдина, 2003. Табл. 628-1-3.

№ фибулы 134

Тарасовский могильник

Погр. 1709 Шифр 1872/533

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: грудь

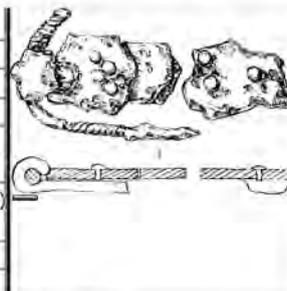
Антропологические данные (пол/возр)
женский 20-30 лет

Тип фибулы: Останина: 2-в

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 259-260; Голдина, 2003. Табл. 634-2.

№ фибулы 135

Тарасовский могильник

Погр. 1718 Шифр 1872/621

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
женский 40-50 лет

Тип фибулы: Останина: 2-б

Основа сплава: CuSnPb

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 261; Голдина, 2003. Табл. 637-9.

№ фибулы 136

Тарасовский могильник

Погр. 1721 Шифр 1872/576

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: подарочный набор

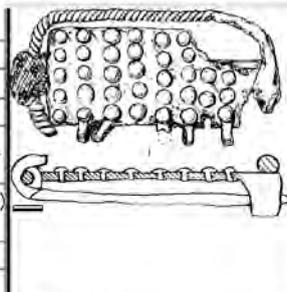
Антропологические данные (пол/возр)
женский 20-25 лет

Тип фибулы: Останина: 2-в

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 261; Голдина, 2003. Табл. 638-3-5.

№ фибулы 137

Тарасовский могильник

Погр. 1723 Шифр 1872

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1991

Местоположение: подарочный набор

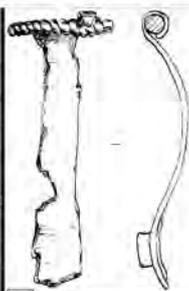
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 3-а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 262; Голдина, 2003. Табл. 639-1-1.

№ фибулы 138

Тарасовский могильник

Погр. 1739 Шифр 1938

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1992

Местоположение: не определено

Антропологические данные (пол/возр)
мужской 40-50 лет

Тип фибулы: плохая сохранность

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 264.

№ фибулы 139

Тарасовский могильник

Погр. 1743 Шифр 1938/41

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1992

Местоположение: не определено

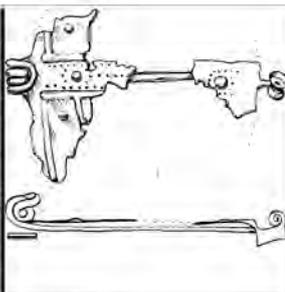
Антропологические данные (пол/возр)
женский 18-20 лет

Тип фибулы: плохая сохранность

Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 265; Голдина, 2003. Табл. 645-1.

№ фибулы 140

Тарасовский могильник

Погр. 1762 Шифр 1938/161

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Голдина Р.Д. 1992

Местоположение: грудь справа

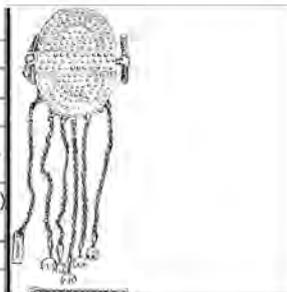
Антропологические данные (пол/возр)
женский 18 лет

Тип фибулы: Останина: 1-5

Основа сплава: CuSnPb, CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Голдина, 2004. С. 267-268; Голдина, 2003. Табл. 653-22.

№ фибулы 141

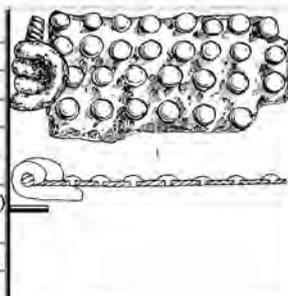
Тарасовский могильник
 Погр. 1783 Шифр 1958/118
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1993
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 271-272; Голдина, 2003. Табл. 664-6.

№ фибулы 142

Тарасовский могильник
 Погр. 1786 Шифр 1958/320
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1993
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 273; Голдина, 2003. Табл. 671-1.

№ фибулы 143

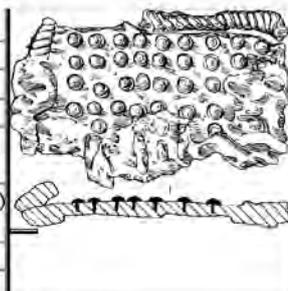
Тарасовский могильник
 Погр. 1802 Шифр 1958/423
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1993
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 275; Голдина, 2003. Табл. 680-1-10.

№ фибулы 144

Тарасовский могильник
 Погр. 1822 Шифр 1958/474
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1993
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 278; Голдина, 2003. Табл. 686-2-1.

№ фибулы 145

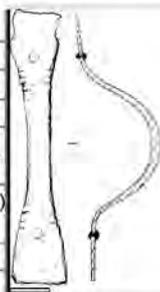
Тарасовский могильник
 Погр. 1848А Шифр 1969/630
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1994
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 280; Голдина, 2003. Табл. 692-2.

№ фибулы 146

Тарасовский могильник
 Погр. 1848Б Шифр 1969/634
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1994
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 17-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 3-б
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 280; Голдина, 2003. Табл. 692-9.

№ фибулы 147

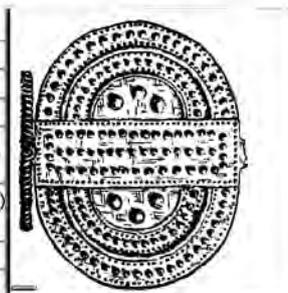
Тарасовский могильник
 Погр. 1848В Шифр 1969/1149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1994
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 3-4 года
 Тип фибулы: Амброс: 16-2
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, 2004. С. 280; Голдина, 2003. Табл. 692-5.

№ фибулы 148

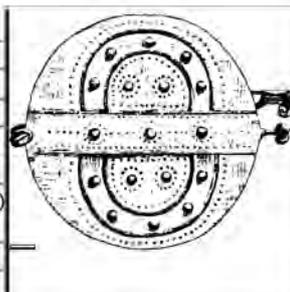
Быргындинский I могильник
 Погр. 1-9? Шифр -
 Место хранения: НМУР, УрГУ
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Генинг, 1967. С. 23-24. Табл. 1-14.

№ фибулы 149

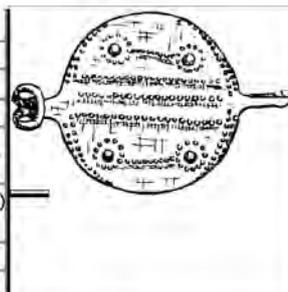
Ижевский могильник
 Погр. 1 Шифр 194 УРМ/3132
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф. 1957
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Генинг, 1967. С. 131. Табл. II-4.

№ фибулы 150

Ижевский могильник
 Погр. 5 Шифр 194 УРМ/3132
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф. 1957
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Генинг, 1967. С. 133. Табл. II-6.

№ фибулы 151

Ижевский могильник

Погр. 6 Шифр 194 УРМ/3132

Место хранения: НМУР

Автор и год: Генинг В.Ф. 1957

Местоположение: грудь

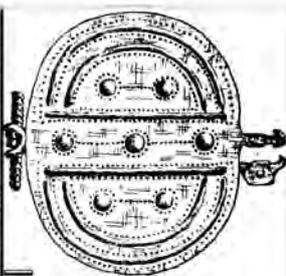
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Генинг, 1967. С. 133. Табл. II-3.

№ фибулы 152

Ижевский могильник

Погр. 8 Шифр 194 УРМ/3132

Место хранения: НМУР

Автор и год: Генинг В.Ф. 1957

Местоположение: подарочный набор

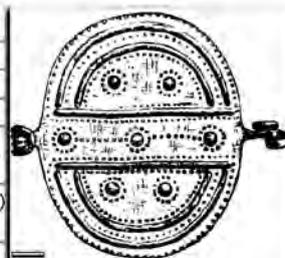
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Генинг, 1967. С. 133. Табл. II-2.

№ фибулы 153

Ижевский могильник

Погр. 22 Шифр 194 УРМ/3132

Место хранения: НМУР

Автор и год: Генинг В.Ф. 1957

Местоположение: грудь

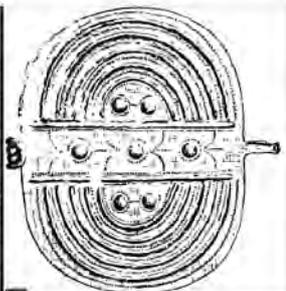
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-3

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Генинг, 1967. С. 135. Табл. II-5.

№ фибулы 154

Ижевский могильник

Погр. 40 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

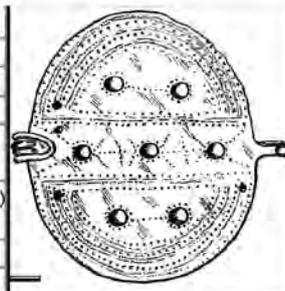
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 45. Табл. 1-8.

№ фибулы 155

Ижевский могильник

Погр. 46 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

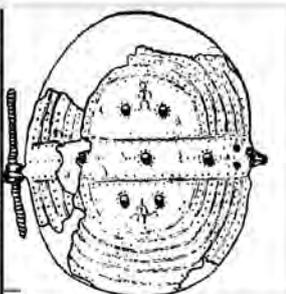
Антропологические данные (пол/возр)
женский 20-30 лет

Тип фибулы: Останина: 1-4

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 46. Табл. 2-5.

№ фибулы 156

Ижевский могильник

Погр. 48 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь слева

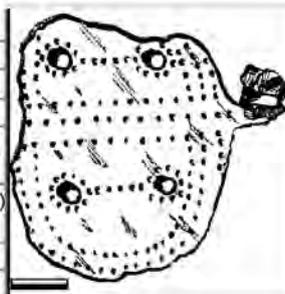
Антропологические данные (пол/возр)
женский 17-18 лет

Тип фибулы: Останина: 1-1

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 46. Табл. 2-6.

№ фибулы 157

Ижевский могильник

Погр. 48 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь слева

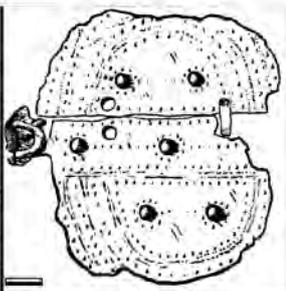
Антропологические данные (пол/возр)
женский 17-18 лет

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 46, табл. 2-17.

№ фибулы 158

Ижевский могильник

Погр. 50 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

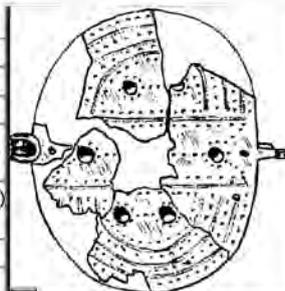
Антропологические данные (пол/возр)
женский 20-25 лет

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 46. Табл. 3-3.

№ фибулы 159

Ижевский могильник

Погр. 51 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: подарочный набор

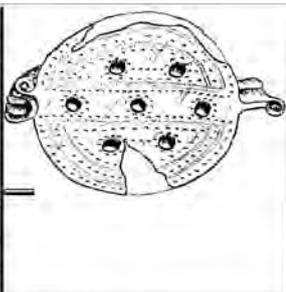
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 46. Табл. 3-5.

№ фибулы 160

Ижевский могильник

Погр. 51 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

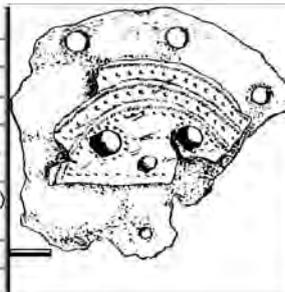
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: плохая сохранность

Основа сплава: -

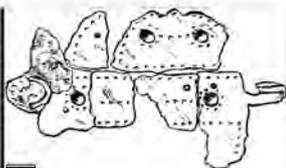
Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Останина, 1984. С. 46. Табл. 3-6.

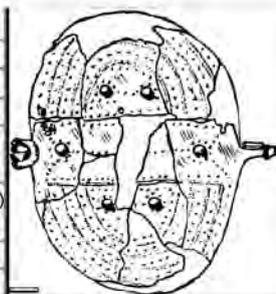

№ фибулы 161

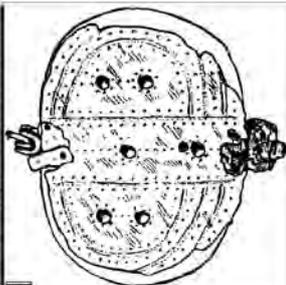
Ижевский могильник
 Погр. 53 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 46. Табл. 3-7.

№ фибулы 162

Ижевский могильник
 Погр. 54 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 46. Табл. 3-10.

№ фибулы 163

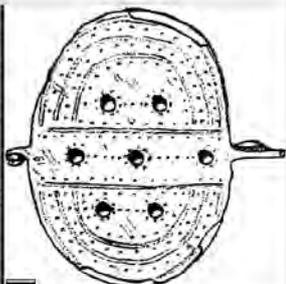
Ижевский могильник
 Погр. 57 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 45-55 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 46. Табл. 4-9.

№ фибулы 164

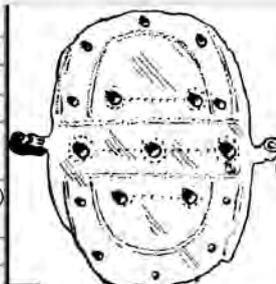
Ижевский могильник
 Погр. 58 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: колено левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 46. Табл. 4-11.

№ фибулы 165

Ижевский могильник
 Погр. 61 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 46-47. Табл. 5-2.

№ фибулы 166

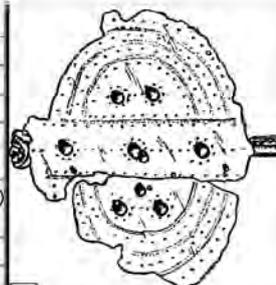
Ижевский могильник
 Погр. 64 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский до 35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 47. Табл. 6-4.

№ фибулы 167

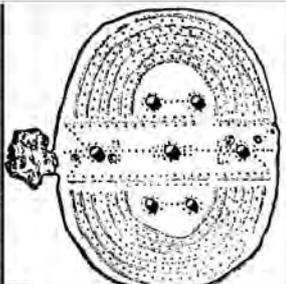
Ижевский могильник
 Погр. 65 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-45 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 47.

№ фибулы 168

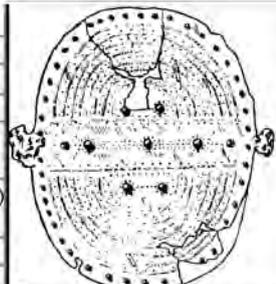
Ижевский могильник
 Погр. 89 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 48. Табл. 9-10.

№ фибулы 169

Ижевский могильник
 Погр. 92 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 48. Табл. 9-15.

№ фибулы 170

Ижевский могильник
 Погр. 93 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 49. Табл. 10-6.

№ фибулы 171

Ижевский могильник

Погр. 94 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

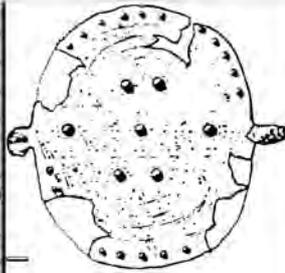
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
женский 40-50 лет

Тип фибулы: Останина: 1-3

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 49. Табл. 10-11.**№ фибулы 172**

Ижевский могильник

Погр. 96 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

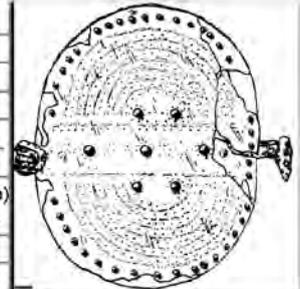
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-4

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 49. Табл. 11-7.**№ фибулы 173**

Ижевский могильник

Погр. 100 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

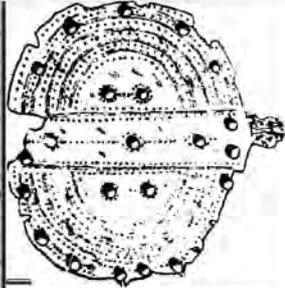
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-3

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 49. Табл. 11-20.**№ фибулы 174**

Ижевский могильник

Погр. 103 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

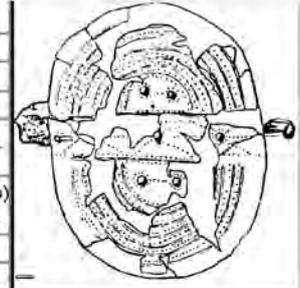
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-4

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 49. Табл. 12-10.**№ фибулы 175**

Ижевский могильник

Погр. 108 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

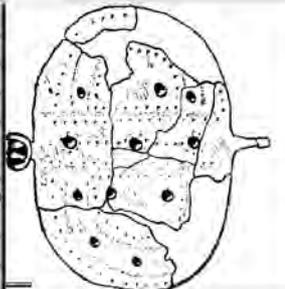
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
женский 20-25 лет

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 50. Табл. 13-1.**№ фибулы 176**

Ижевский могильник

Погр. 111 Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

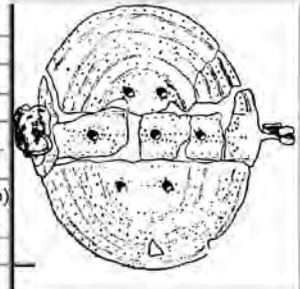
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-3

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 50. Табл. 13-10.**№ фибулы 177**

Ижевский могильник

Погр. 119в Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

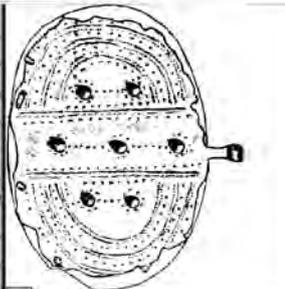
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 50. Табл. 13-17.**№ фибулы 178**

Ижевский могильник

Погр. 120а Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

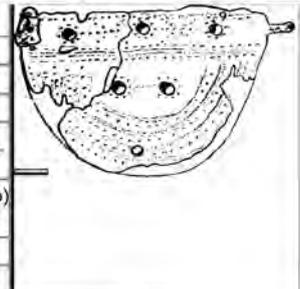
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-3

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 50. Табл. 14-5.**№ фибулы 179**

Ижевский могильник

Погр. 124а Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

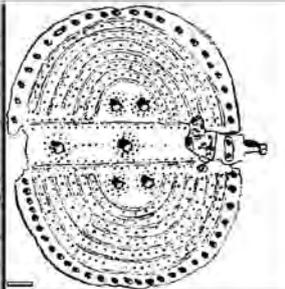
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: подарочный набор

Антропологические данные (пол/возр)
женский 20-30 лет

Тип фибулы: Останина: 1-4

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 50-51. Табл. 14-15.**№ фибулы 180**

Ижевский могильник

Погр. 134б Шифр 315 УРМ/9946

Место хранения: НМУР

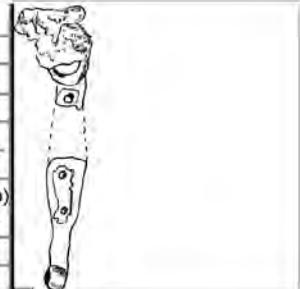
Автор и год: Останина Т.И. 1975

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

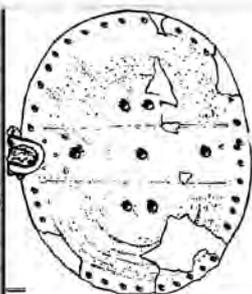
Тип фибулы: плохая сохранность

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Останина, 1984. С. 51. Табл. 15-9.

№ фибулы 181

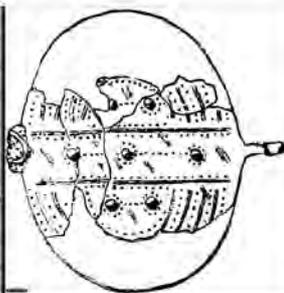
Ижевский могильник
 Погр. 139 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 51-52. Табл. 16-17.

№ фибулы 182

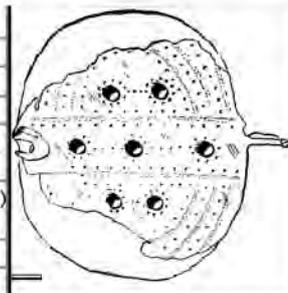
Ижевский могильник
 Погр. 161 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 52. Табл. 17-16.

№ фибулы 183

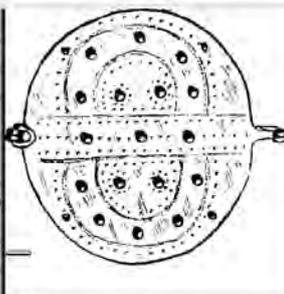
Ижевский могильник
 Погр. 162 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 52. Табл. 17-17.

№ фибулы 184

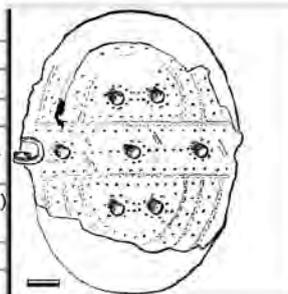
Ижевский могильник
 Погр. 163 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 52-53. Табл. 17-21.

№ фибулы 185

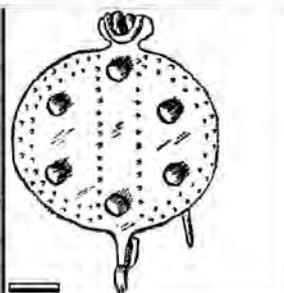
Ижевский могильник
 Погр. 166 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С. 53. Табл. 18-13.

№ фибулы 186

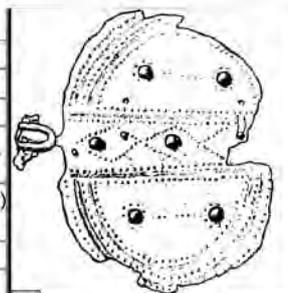
Ижевский могильник
 Погр. 170 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С.53. Табл. 19-1.

№ фибулы 187

Ижевский могильник
 Погр. 171 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 3 года
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С.53. Табл. 19-7.

№ фибулы 188

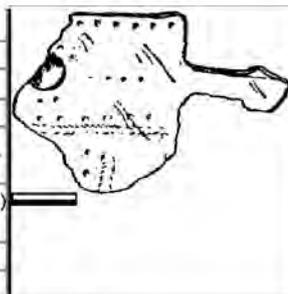
Ижевский могильник
 Погр. 181 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С.54. Табл. 21-1.

№ фибулы 189

Ижевский могильник
 Погр. 187 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С.54.

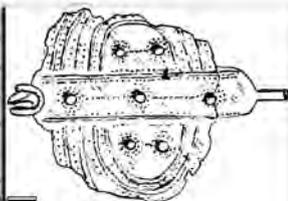
№ фибулы 190

Ижевский могильник
 Погр. 201 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С.54. Табл. 21-14.

№ фибулы 191

Ижевский могильник
 Погр. 209 Шифр 315 УРМ/9946
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1975
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1984. С.54. Табл. 22-6.

№ фибулы 192

Покровский могильник
 Погр. 3 Шифр 59
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Корепанов К.И. 1973
 Местоположение: плечо левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 16.

№ фибулы 193

Покровский могильник
 Погр. 4 Шифр 59
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Корепанов К.И. 1973
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 16.

№ фибулы 194

Покровский могильник
 Погр. 7 Шифр 1261УРМ/322
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1975
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 16.

№ фибулы 195

Покровский могильник
 Погр. 10 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1975
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 16.

№ фибулы 196

Покровский могильник
 Погр. 25 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 25-35 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 17.

№ фибулы 197

Покровский могильник
 Погр. 28а Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 17-18. Рис. 6-16.

№ фибулы 198

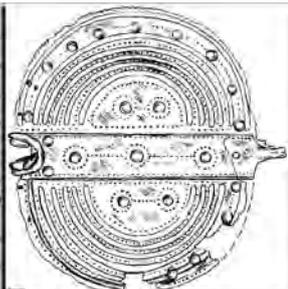
Покровский могильник
 Погр. 28б Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 18. Рис. 6-15.

№ фибулы 199

Покровский могильник
 Погр. 31б Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 18. Рис. 5-15.

№ фибулы 200

Покровский могильник
 Погр. 37 Шифр 1261УРМ/322
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 30-50 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 18.

№ фибулы 201

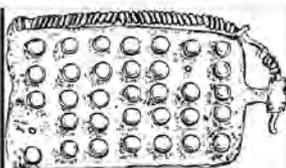
Покровский могильник
 Погр. 50 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 19.

№ фибулы 202

Покровский могильник
 Погр. 53 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 19.

№ фибулы 203

Покровский могильник
 Погр. 56 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 19. Рис. 7-5

№ фибулы 204

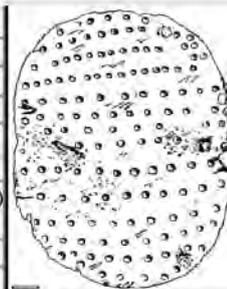
Покровский могильник
 Погр. 60 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: череп слева под
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 19.

№ фибулы 205

Покровский могильник
 Погр. 66 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-45 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 20.

№ фибулы 206

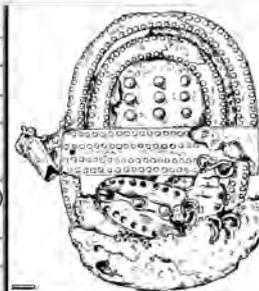
Покровский могильник
 Погр. 71 Шифр 1261УРМ/322
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 20. Рис. 10-8

№ фибулы 207

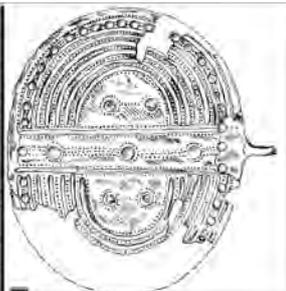
Покровский могильник
 Погр. 77 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: плечо левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 20.

№ фибулы 208

Покровский могильник
 Погр. 88 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 12-14 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 21. Рис. 32-10

№ фибулы 209

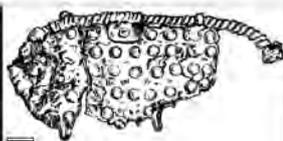
Покровский могильник
 Погр. 92 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 21. Рис. 11-7

№ фибулы 210

Покровский могильник
 Погр. 102 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-50 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 22.

№ фибулы 211

Покровский могильник
 Погр. 109в Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 22. Рис. 17-10.

№ фибулы 212

Покровский могильник
 Погр. 111 Шифр 1261УРМ/322
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 23.

№ фибулы 213

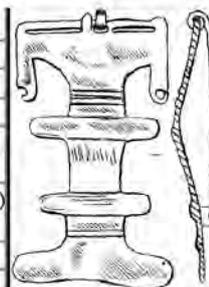
Покровский могильник
 Погр. 118 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-40 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 23.

№ фибулы 214

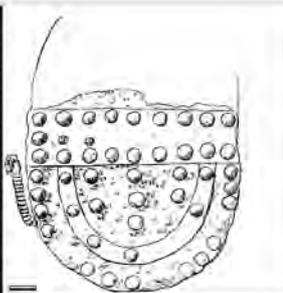
Покровский могильник
 Погр. 125 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: Т-образная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 24. Рис. 21-14.

№ фибулы 215

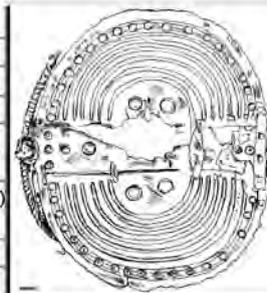
Покровский могильник
 Погр. 127 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 24. Рис. 22-9.

№ фибулы 216

Покровский могильник
 Погр. 135 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 25-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 24. Рис. 24-9.

№ фибулы 217

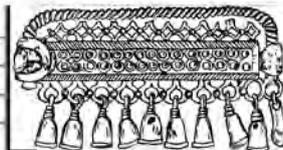
Покровский могильник
 Погр. 139 Шифр 1261УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1977
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 25.

№ фибулы 218

Покровский могильник
 Погр. 147 Шифр 14037УРМ/347
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 25. Рис. 27-9.

№ фибулы 219

Покровский могильник
 Погр. 149 Шифр 14037УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-18 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 25-26.

№ фибулы 220

Покровский могильник
 Погр. 151 Шифр 14037УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1980
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 26.

№ фибулы 221

Покровский могильник
 Погр. 154 Шифр 14037УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 26.

№ фибулы 222

Покровский могильник
 Погр. 156 Шифр 14037УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 26.

№ фибулы 223

Покровский могильник
 Погр. 159 Шифр 14037УРМ
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1980
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 35-45 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 26.

№ фибулы 224

Покровский могильник
 Погр. 185 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 27.

№ фибулы 225

Покровский могильник
 Погр. 193 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 27.

№ фибулы 226

Покровский могильник
 Погр. 199 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 27-28.

№ фибулы 227

Покровский могильник
 Погр. 203 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: череп слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 28.

№ фибулы 228

Покровский могильник
 Погр. 2126 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 28.

№ фибулы 229

Покровский могильник
 Погр. 218 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 29.

№ фибулы 230

Покровский могильник
 Погр. 220 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 14-15 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 29.

№ фибулы 231

Покровский могильник
 Погр. 228а Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 30.

№ фибулы 232

Покровский могильник
 Погр. 229а Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 30.

№ фибулы 233

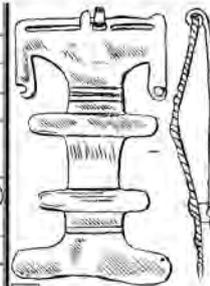
Покровский могильник
 Погр. 232 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 30.

№ фибулы 234

Покровский могильник
 Погр. 234 Шифр 16051УРМ/358
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1982
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Т-образная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 30.

№ фибулы 235

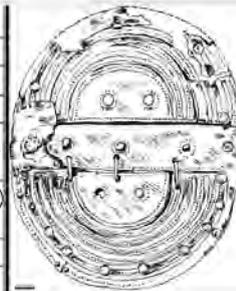
Покровский могильник
 Погр. 247 Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: бедро левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 31.

№ фибулы 236

Покровский могильник
 Погр. 258а Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 32. Рис. 29-1.

№ фибулы 237

Покровский могильник
 Погр. 273 Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-35 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 33.

№ фибулы 238

Покровский могильник
 Погр. 278 Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 33.

№ фибулы 239

Покровский могильник
 Погр. 286б Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 33-34.

№ фибулы 240

Покровский могильник
 Погр. 300 Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 34.

№ фибулы 241

Покровский могильник
 Погр. 309 Шифр 17093УРМ/366
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 34.

№ фибулы 242

Покровский могильник
 Погр. 322 Шифр 18070УРМ/375
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-30 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 35-36.

№ фибулы 243

Покровский могильник
 Погр. 338 Шифр 18070УРМ/375
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский больше 60 лет
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 37.

№ фибулы 244

Покровский могильник
 Погр. 350а Шифр 18070УРМ/375
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 37-38.

№ фибулы 245

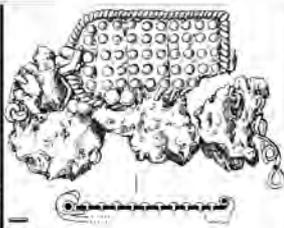
Покровский могильник
 Погр. 351 Шифр 18070УРМ/375
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 38.

№ фибулы 246

Покровский могильник
 Погр. 356 Шифр 18070УРМ/375
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1992. С. 38.

№ фибулы 247

Тураевский I могильник
 Погр. 12 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1986
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 13. Табл. 10-2.

№ фибулы 248

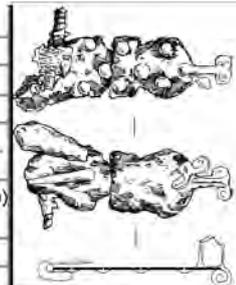
Тураевский I могильник
 Погр. 13 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25 лет
 Тип фибулы: 3-основная
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 13. Табл. 11-2.

№ фибулы 249

Тураевский I могильник
 Погр. 29 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 16-17. Табл. 25-1.

№ фибулы 250

Тураевский I могильник
 Погр. 33 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 17. Табл. 27-3.

№ фибулы 251

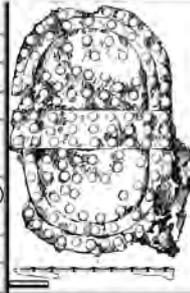
Тураевский I могильник
 Погр. 38 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-30 лет
 Тип фибулы: 3-основная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 18. Табл. 30-2.

№ фибулы 252

Тураевский I могильник
 Погр. 39 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 18-19. Табл. 34-1.

№ фибулы 253

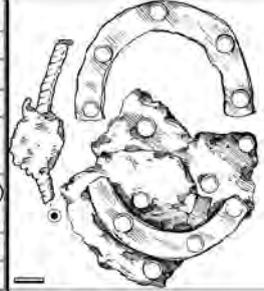
Тураевский I могильник
 Погр. 39 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 18-19. Табл. 34-2.

№ фибулы 254

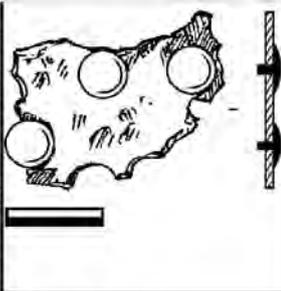
Тураевский I могильник
 Погр. 44 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 45-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 20. Табл. 40-2.

№ фибулы 255

Тураевский I могильник
 Погр. 60 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-18 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 22. Табл. 45-2.

№ фибулы 256

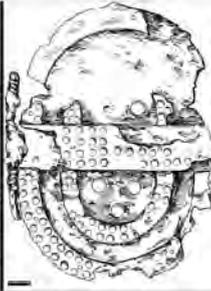
Тураевский I могильник
 Погр. 66 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-б
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 23-24. Табл. 51-2.

№ фибулы 257

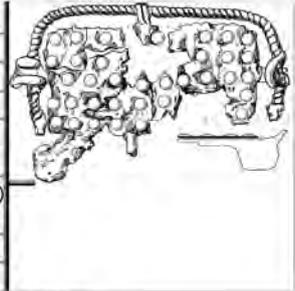
Тураевский I могильник
 Погр. 73 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 25. Табл. 56-16.

№ фибулы 258

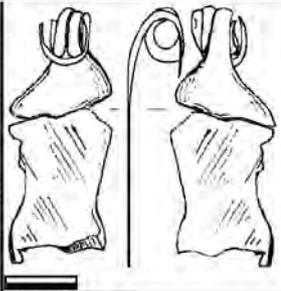
Тураевский I могильник
 Погр. 77 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 25-26. Табл. 58-16.

№ фибулы 259

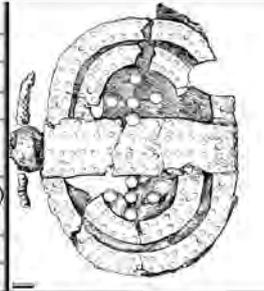
Тураевский I могильник
 Погр. 80 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-40 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 26. Табл. 59-2.

№ фибулы 260

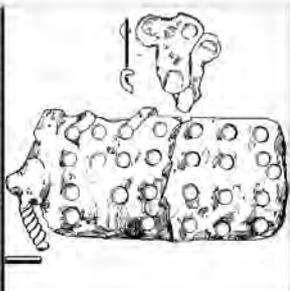
Тураевский I могильник
 Погр. 101 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 13-14 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 30. Табл. 75-6.

№ фибулы 261

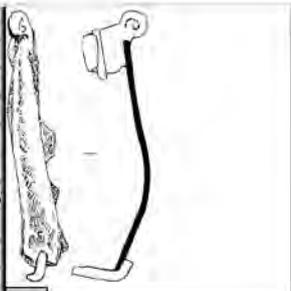
Тураевский I могильник
 Погр. 102 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 14-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 30-31. Табл. 76-1.

№ фибулы 262

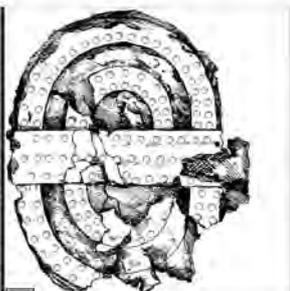
Тураевский I могильник
 Погр. 103 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 31-32. Табл. 80-1-3.

№ фибулы 263

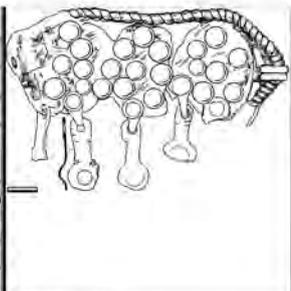
Тураевский I могильник
 Погр. 103 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-45 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 31-32. Табл. 79-5.

№ фибулы 264

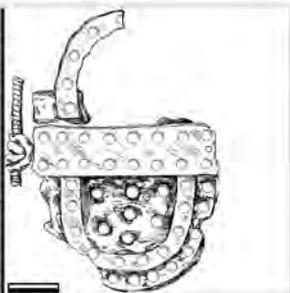
Тураевский I могильник
 Погр. 108 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-б
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 32-33. Табл. 83-6.

№ фибулы 265

Тураевский I могильник
 Погр. 119 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 34, табл. 87-1.

№ фибулы 266

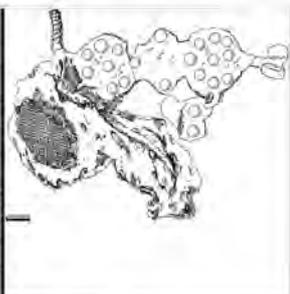
Тураевский I могильник
 Погр. 120 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 34, табл. 88-5.

№ фибулы 267

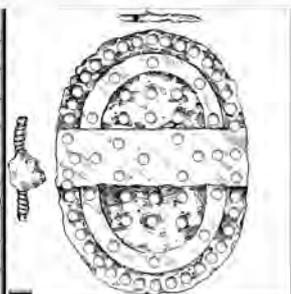
Тураевский I могильник
 Погр. 135 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-б
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 35-36. Табл. 93-2.

№ фибулы 268

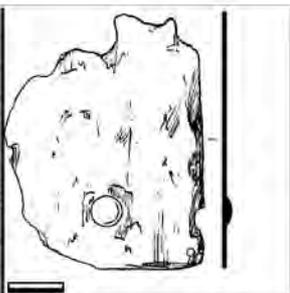
Тураевский I могильник
 Погр. 137 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-17 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 36. Табл. 94-3.

№ фибулы 269

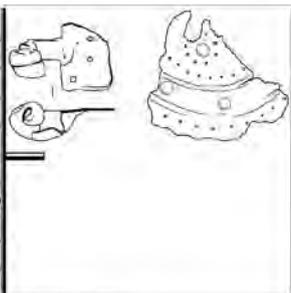
Тураевский I могильник
 Погр. 139 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 40-50 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 36. Табл. 96-5.

№ фибулы 270

Тураевский I могильник
 Погр. 1406 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолога Н.В. 1987
 Местоположение: пояс слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-17 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 36-37. Табл. 97-1, 2.

№ фибулы 271

Тураевский I могильник
 Погр. 142 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1987
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 17-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 37. Табл. 98-7.

№ фибулы 272

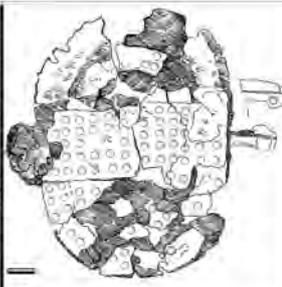
Тураевский I могильник
 Погр. 149 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 50-60 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 38-39. Табл. 103-10.

№ фибулы 273

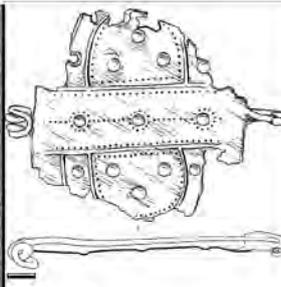
Тураевский I могильник
 Погр. 153 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 39. Табл. 105-3.

№ фибулы 274

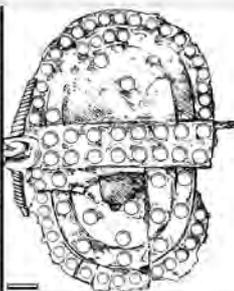
Тураевский I могильник
 Погр. 157 Шифр ?
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 40. Табл. 108-14.

№ фибулы 275

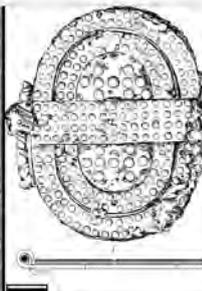
Тураевский I могильник
 Погр. 162 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1988
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 41. Табл. 111-1-9.

№ фибулы 276

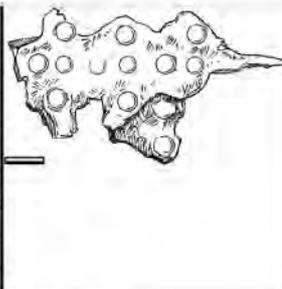
Тураевский I могильник
 Погр. 164 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1988
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 41-42. Табл. 113-3.

№ фибулы 277

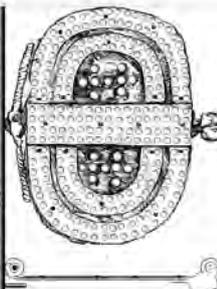
Тураевский I могильник
 Погр. 165 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1988
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 42-43. Табл. 118-1-5.

№ фибулы 278

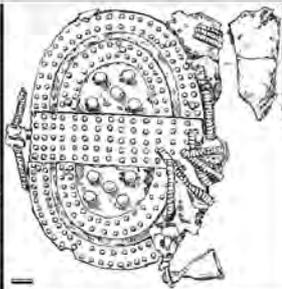
Тураевский I могильник
 Погр. 165 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1988
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 42-43. Табл. 118-1-7.

№ фибулы 279

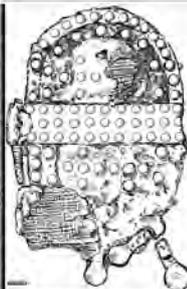
Тураевский I могильник
 Погр. 172 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1988
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 15 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 44-45. Табл. 123-7.

№ фибулы 280

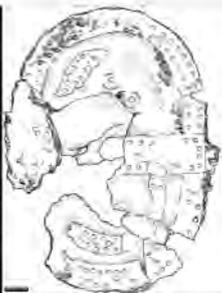
Тураевский I могильник
 Погр. 174 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолага Н.В. 1988
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 45-46. Табл. 129-1.

№ фибулы 281

Тураевский I могильник
 Погр. 176 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: плечо левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 46. Табл. 131-7.

№ фибулы 282

Тураевский I могильник
 Погр. 177а Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 46.

№ фибулы 283

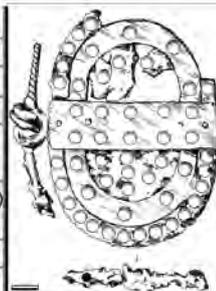
Тураевский I могильник
 Погр. 177а Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 46. Табл. 132-2.

№ фибулы 284

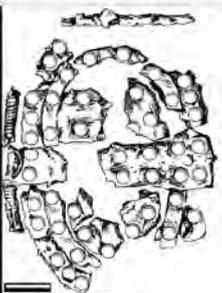
Тураевский I могильник
 Погр. 182 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 30-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 47. Табл. 136-1.

№ фибулы 285

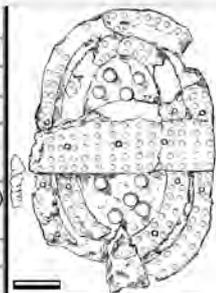
Тураевский I могильник
 Погр. 185 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 48. Табл. 138-2.

№ фибулы 286

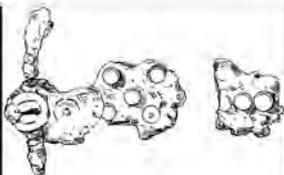
Тураевский I могильник
 Погр. 189 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-25 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 48. Табл. 140-18.

№ фибулы 287

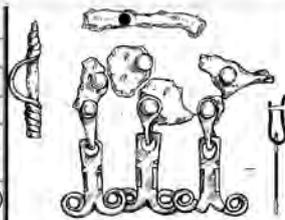
Тураевский I могильник
 Погр. 195 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 11 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 49. Табл. 142-16, 17.

№ фибулы 288

Тураевский I могильник
 Погр. 201а Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 8 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 50-51. Табл. 147-4.

№ фибулы 289

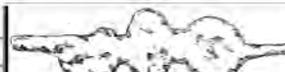
Тураевский I могильник
 Погр. 201г Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 7-8 лет
 Тип фибулы: 3-основная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 50-51. Табл. 148-2.

№ фибулы 290

Тураевский I могильник
 Погр. 202 Шифр 1720
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1988
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 7-8 лет
 Тип фибулы: 3-основная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 51. Табл. 148-2.

№ фибулы 291

Тураевский I могильник
 Погр. 204 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-40 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 52. Табл. 149-2.

№ фибулы 292

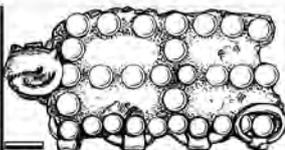
Тураевский I могильник
 Погр. 215 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 35-40 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 53-54. Табл. 155-2

№ фибулы 293

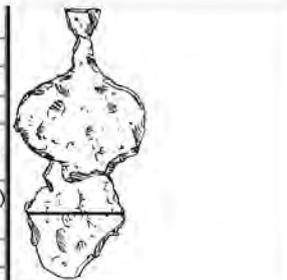
Тураевский I могильник
 Погр. 217 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 16-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 54. Табл. 157-3.

№ фибулы 294

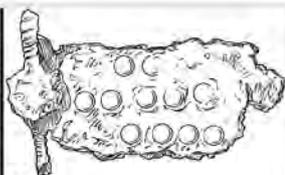
Тураевский I могильник
 Погр. 218a Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 54. Табл. 158-1.

№ фибулы 295

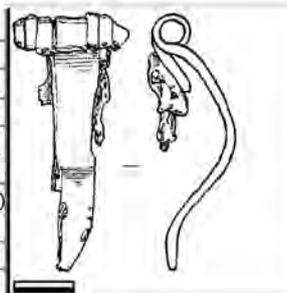
Тураевский I могильник
 Погр. 2196 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-45 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 54-55. Табл. 159-7.

№ фибулы 296

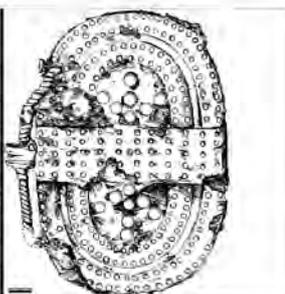
Тураевский I могильник
 Погр. 220 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен 1 год
 Тип фибулы: Амброз: 17
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 56. Табл. 157-1.

№ фибулы 297

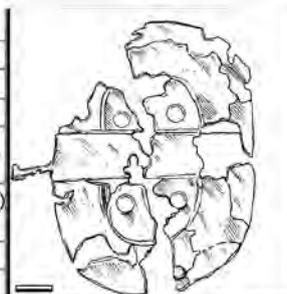
Тураевский I могильник
 Погр. 221 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 56. Табл. 160-3.

№ фибулы 298

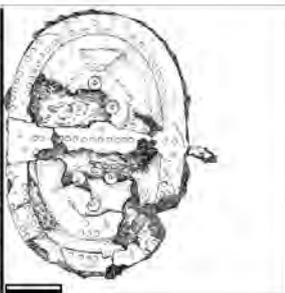
Тураевский I могильник
 Погр. 225 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 56. Табл. 162-6.

№ фибулы 299

Тураевский I могильник
 Погр. 235 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 57. Табл. 166-1-11.

№ фибулы 300

Тураевский I могильник
 Погр. 250 Шифр 1809
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1989
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

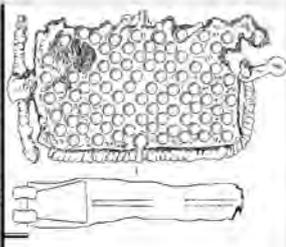
Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Бернц, 2010. С. 59-60. Табл. 175-1-3

№ фибулы 301

Тураевский I могильник
Погр. 257 Шифр 1858
Место хранения: УдГУ
Автор и год: Водолага Н.В. 1990
Местоположение: грудь слева
Антропологические данные (пол/возр)
женский 40-50 лет
Тип фибулы: Останина: 2-в
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Голдина, Бернц, 2010. С. 60-61. Табл. 177-2.

№ фибулы 302

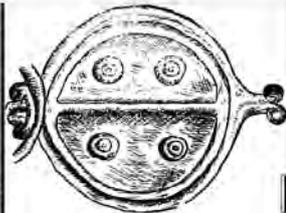
Мазунинский могильник
Погр. 14 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: подарочный набор
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Останина: 1-2
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 99. Табл. I-5.

№ фибулы 303

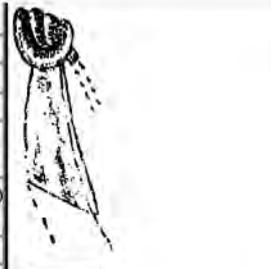
Мазунинский могильник
Погр. 24 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: грудь
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Останина: 1-1
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 100. Табл. II-3.

№ фибулы 304

Мазунинский могильник
Погр. 37 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: подарочный набор
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Амброс: 12-4а
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 102. Табл. II-7.

№ фибулы 305

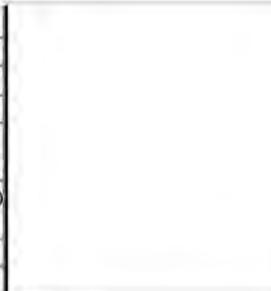
Мазунинский могильник
Погр. 40 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: подарочный набор
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Останина: 1-1
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 102. Табл. II-1.

№ фибулы 306

Мазунинский могильник
Погр. 41 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: грудь
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: плохая сохранность
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 102.

№ фибулы 307

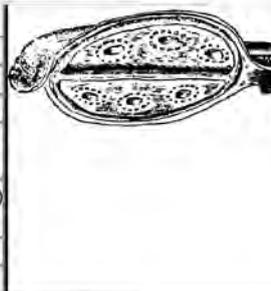
Мазунинский могильник
Погр. 47 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: грудь
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Амброс: 13-2
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 104.

№ фибулы 308

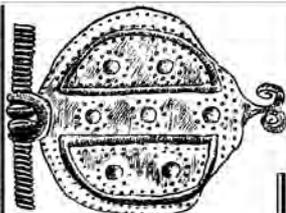
Мазунинский могильник
Погр. 50 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: подарочный набор
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Останина: 1-1
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 104. Табл. II-2.

№ фибулы 309

Мазунинский могильник
Погр. 51 Шифр 109 УРМ/2822
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1955
Местоположение: подарочный набор
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Останина: 1-1
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 104. Табл. II-4.

№ фибулы 310

Мазунинский могильник
Погр. 63 Шифр 117 УРМ/3133
Место хранения: НМУР
Автор и год: Генинг В.Ф. 1956
Местоположение: подарочный набор
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён
Тип фибулы: Останина: 1-3
Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
Генинг, 1967. С. 107. Табл. II-6.

№ фибулы 311

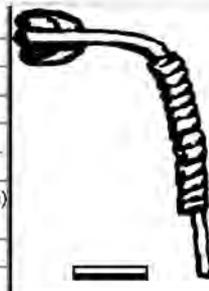
Ошкинский могильник
 Погр. 1 Шифр 1527
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Лещинская Н.А. 1986
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 11-12 лет
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Лещинская, 2000. С. 13. Рис. 2-37.

№ фибулы 312

Ошкинский могильник
 Погр. 14 Шифр 1560
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Лещинская Н.А. 1987
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 мужской 50-60 лет
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: Cu

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Лещинская, 2000. С. 16. Рис. 13-19.

№ фибулы 313

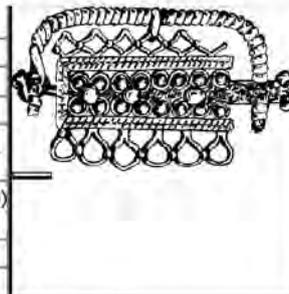
Ошкинский могильник
 Погр. 31 Шифр 1560
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Лещинская Н.А. 1987
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Лещинская, 2000. С. 19. Рис. 21-21.

№ фибулы 314

Сайгатский могильник
 Погр. 8 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 2-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 118. Рис. 50-14.

№ фибулы 315

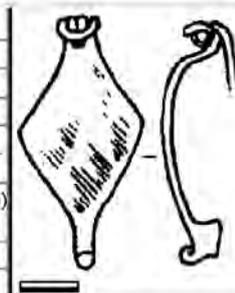
Сайгатский могильник
 Погр. 10 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 118.

№ фибулы 316

Сайгатский могильник
 Погр. 14 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 13-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 120.

№ фибулы 317

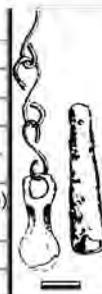
Сайгатский могильник
 Погр. 27 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 122.

№ фибулы 318

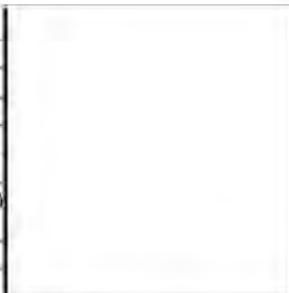
Сайгатский могильник
 Погр. 30 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 122-124. Рис. 50-10,15.

№ фибулы 319

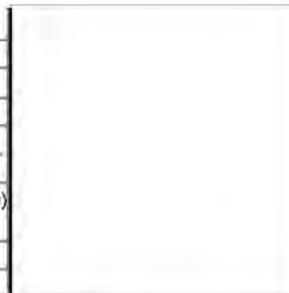
Сайгатский могильник
 Погр. 33 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 124.

№ фибулы 320

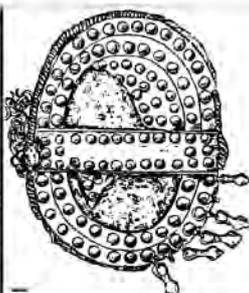
Сайгатский могильник
 Погр. 41 Шифр ?
 Место хранения: Пермь
 Автор и год: Стоянов В.Е. 1956
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определен
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -

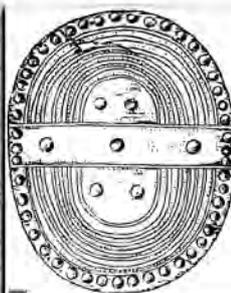
Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Стоянов, 1962. С. 125.

№ фибулы 321

Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 1 Шифр 1416
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 29. Рис. 5-28.

№ фибулы 322

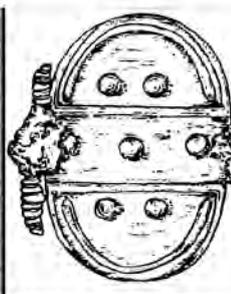
Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 11г Шифр 1416
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 33. Рис. 5-29.

№ фибулы 323

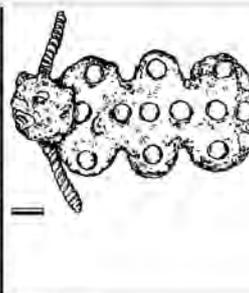
Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 11г Шифр 1416
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 33.

№ фибулы 324

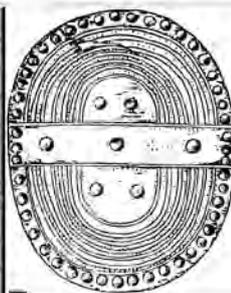
Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 15г Шифр 1416
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1983
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 33-34. Рис. 5-27.

№ фибулы 325

Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 26 Шифр 1416
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Водолаго Н.В. 1983
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 35. Рис. 5-25.

№ фибулы 326

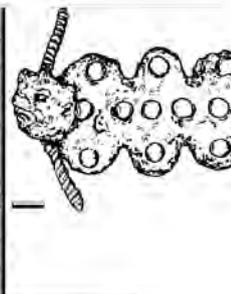
Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 45 Шифр 1427
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Арматынская О. 1984
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 37, типа рис. 5-29.

№ фибулы 327

Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 50 Шифр 1427
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Арматынская О. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 37.

№ фибулы 328

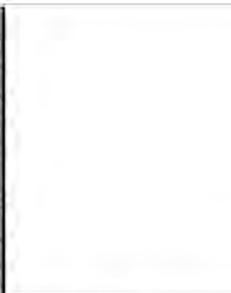
Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 69 Шифр 1427
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Арматынская О. 1984
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-6
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 38. Рис. 5-25.

№ фибулы 329

Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 77 Шифр 1492? 1543?
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Арматынская О. 1985?
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 39.

№ фибулы 330

Усть-Сарапульский могильник
 Погр. 99 Шифр 1492? 1543?
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Арматынская О. 1985?
 Местоположение: череп слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Арматынская, 1986. С. 41.

№ фибулы 341

Сасыкульский могильник

Погр. 281 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Калинин В.К. 1976-

Местоположение: не определено

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 12-4а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Калинин, 1986. С. 106-107. Рис. 9-7

№ фибулы 342

Сасыкульский могильник

Погр. 300 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Калинин В.К. 1976-

Местоположение: не определено

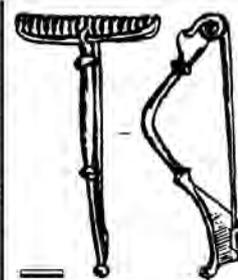
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 11-I-2а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Калинин, 1986. С. 106-107. Рис. 9-10.

№ фибулы 343

Сасыкульский могильник

Погр. 309 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Калинин В.К. 1976-

Местоположение: не определено

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 11-I-2б

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Калинин, 1986. С. 106-107. Рис. 9-11.

№ фибулы 344

Сасыкульский могильник

Погр. 309 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Калинин В.К. 1976-

Местоположение: не определено

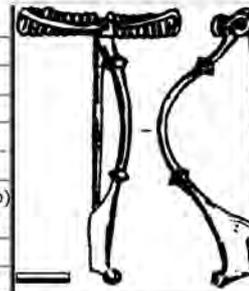
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 11-I-2а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Калинин, 1986. С. 106-107. Рис. 9-12.

№ фибулы 345

Бирский могильник

Погр. 25 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Мажитов Н.А. 1958-

Местоположение: подарочный набор

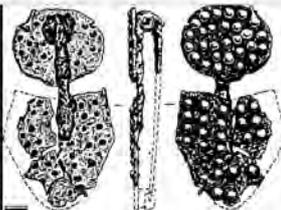
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 2-б

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Мажитов, 1968. С. 88; Амброз, 1980. Табл. 2-2.

№ фибулы 346

Бирский могильник

Погр. 40 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Мажитов Н.А. 1958-

Местоположение: пояс

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 3-б

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Мажитов, 1968. С. 90. Табл. 3-9.

№ фибулы 347

Бирский могильник

Погр. 61 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Мажитов Н.А. 1958-

Местоположение: подарочный набор

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 16-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Мажитов, 1968. С. 93. Табл. 8-5.

№ фибулы 348

Бирский могильник

Погр. 114 Шифр ?

Место хранения: Уфа

Автор и год: Мажитов Н.А. 1958-

Местоположение: не определено

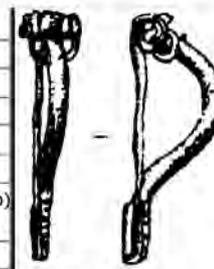
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 17

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Мажитов, 1968. С. 100. Табл. 8-3.

№ фибулы 349

Бирский могильник

Погр. 35 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Мажитов Н.А. 1958-

Местоположение: не определено

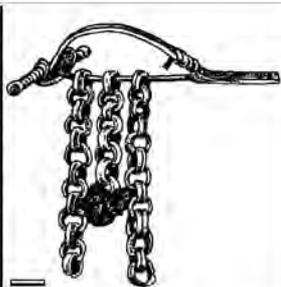
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Амброз: 16-2

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Мажитов, 1968. С. 89-90. Табл. 13-3..

№ фибулы 350

Бирский могильник

сбор Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Мажитов Н.А. 1958-

Местоположение: не определено

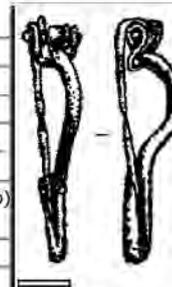
Антропологические данные (пол/возр)
-

Тип фибулы: Амброз: 17

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Мажитов, 1968. Табл. 8-4.

№ фибулы 351

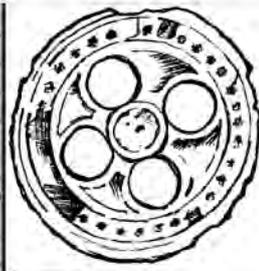
Ныргындинское III городище
 сбор Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: -
 Местоположение: -
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Останина: 3-6
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Черных, 2011. С. 73, рис. 36.

№ фибулы 352

Красноярский могильник
 сбор Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Казанцева О.А.
 Местоположение: -
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: Cu
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Казанцева, 2012. Табл. 78-7.

№ фибулы 353

Ошкинский могильник
 сбор Шифр
 Место хранения: Уржум
 Автор и год: -
 Местоположение: -
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Амброз: 8
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Лещинская, 2014. С. 261. Табл. 42-1.

№ фибулы 354

Чегандинский II могильник
 Погр. 16 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф. 1954
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 12-4а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Генинг, 1971. С. 12. Табл. II-21.

№ фибулы 355

Чегандинский II могильник
 Погр. 3В Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф. 1954
 Местоположение: плечо правое
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 11-I-2а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Генинг, 1971. С. 16. Табл. II-20.

№ фибулы 356

Ныргындинский II могильник
 Погр. 15 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф.
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 12-4а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 из личного архива А.А. Красноперова

№ фибулы 357

Ныргындинский II могильник
 Погр. 76 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф.
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 12-4а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 из личного архива А.А. Красноперова

№ фибулы 358

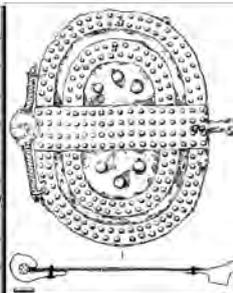
Ныргындинский II могильник
 Погр. 79 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф.
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 12-46
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 из личного архива А.А. Красноперова

№ фибулы 359

Ныргындинский II могильник
 Погр. 27 Шифр
 Место хранения:
 Автор и год: Спицын А.А.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Амброз: 12-4а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 из личного архива А.А. Красноперова

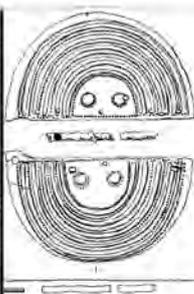
№ фибулы 360

Боярский "Арай" могильник
 Погр. 7 Шифр 2121,2137
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определен возраст не определен
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuSn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2002 г.. С. 11; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 361

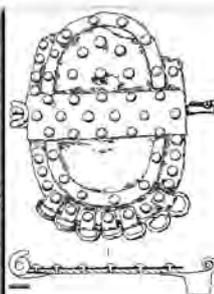
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 42 Шифр 2139
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2003
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: Cu

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2003 г.. С. 13-14; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 362

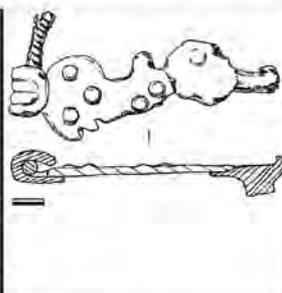
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 89 Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 7; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 363

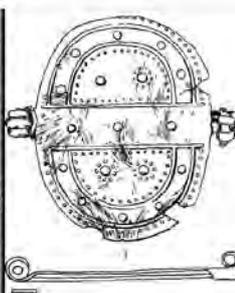
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 91 Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 7-8; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 364

Боярский "Арай" могильник
 Погр. 102 Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 11; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 365

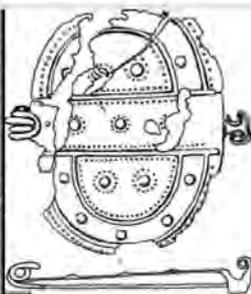
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 1156 Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 15-16; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 366

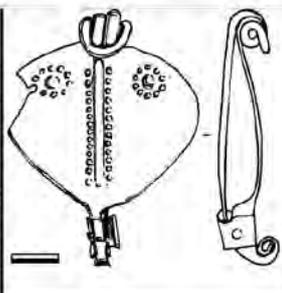
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 115г Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: грудь справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 20-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 15-16; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 367

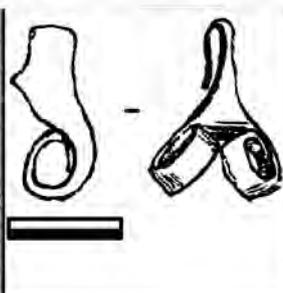
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 132 Шифр 2149/316
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброс: 13-1
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 20; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 368

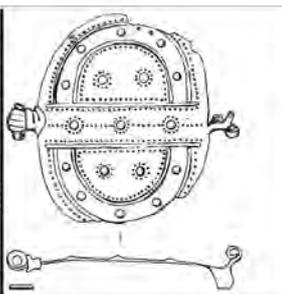
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 134 Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 21; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 369

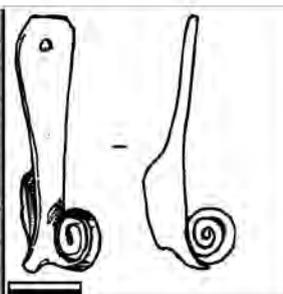
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 134 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 21; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 370

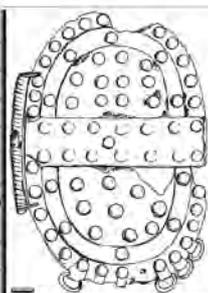
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 141 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 23-24; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 371

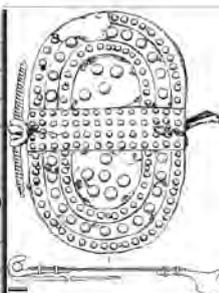
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 141 Шифр 2149
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2004
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-30 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2004 г.. С. 23-24; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 372

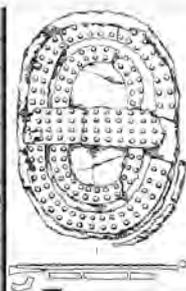
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 168 Шифр 2186
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2007
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2007 г.. С. 9-10; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 373

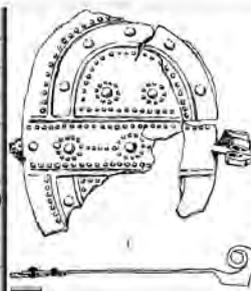
Боярский "Арай" могильник
 Погр. 176а Шифр 2191
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2008
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2008 г.. С. 16-17; рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 374

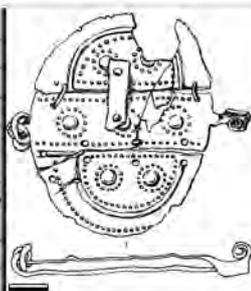
Боярский "Арай" могильник
 сбор Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2008
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2008 г. Рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 375

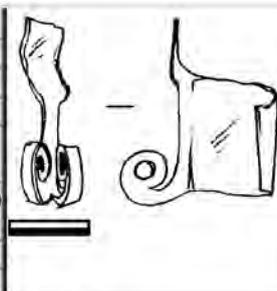
Боярский "Арай" могильник
 сбор Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2008
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2008 г. Рис. Л.И. Липиной.

№ фибулы 376

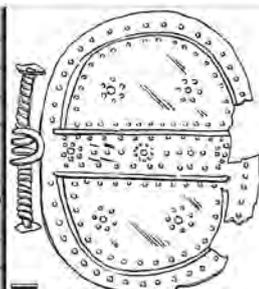
Заборьинский могильник
 Погр. 2 Шифр ?
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Решетников Н.Л. 1983
 Местоположение: таз справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 357. Рис.3-5,6.

№ фибулы 377

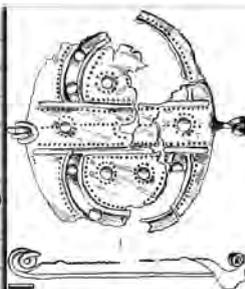
Заборьинский могильник
 Погр. 2 Шифр ?
 Место хранения: Сарапул
 Автор и год: Решетников Н.Л. 1983
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 357. Рис.3-5,6.

№ фибулы 378

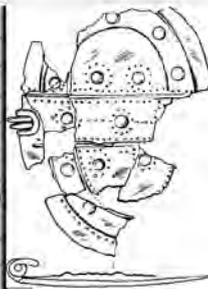
Заборьинский могильник
 Погр. 13 Шифр 2110/48
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 358. Рис.4-1-25.

№ фибулы 379

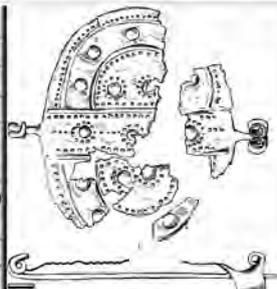
Заборьинский могильник
 Погр. 24 Шифр 2110/1150
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 360. Рис.11-1-4.

№ фибулы 380

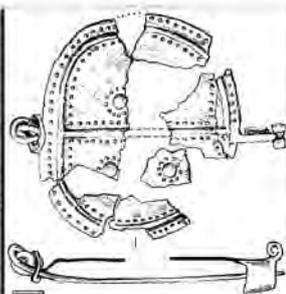
Заборьинский могильник
 Погр. 24 Шифр 2110/1151
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZnSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 360. Рис.11-1-5.

№ фибулы 381

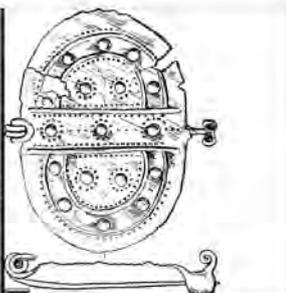
Заборьинский могильник
 Погр. 26 Шифр 2110/280-6
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 360. Рис.16-1-34.

№ фибулы 382

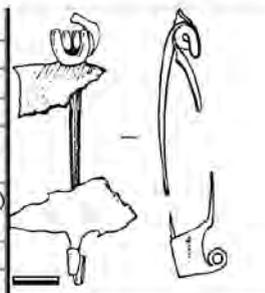
Заборьинский могильник
 Погр. 27 Шифр 2110/372
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 361. Рис.17-1-25.

№ фибулы 383

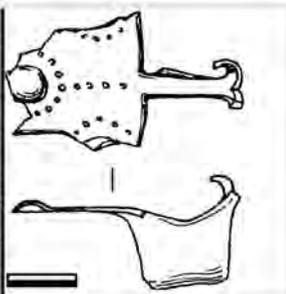
Заборьинский могильник
 Погр. 30 Шифр 2110/181
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 361. Рис.20-1-7.

№ фибулы 384

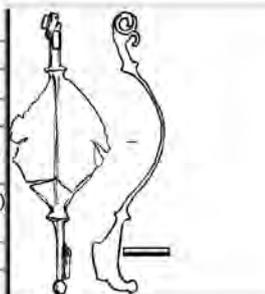
Заборьинский могильник
 Погр. 30 Шифр 2110
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: CuZnPbSn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 361. Рис.20-1-8.

№ фибулы 385

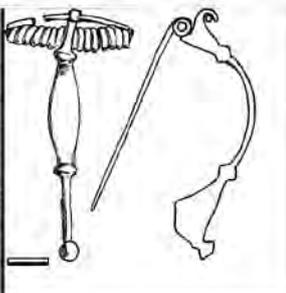
Заборьинский могильник
 Погр. 30 Шифр 2110
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2002
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, 2006. С. 361. Рис.20-1-9.

№ фибулы 386

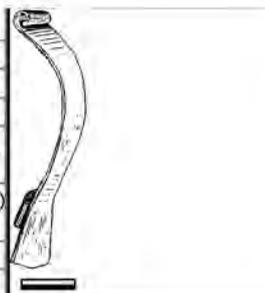
Ныргындинский I могильник
 Погр. 211 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1969-
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброс: 11-1-26
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Красноперов, 2012. С. 28. Табл. 116-29.

№ фибулы 387

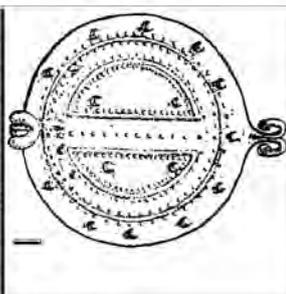
Ныргындинский I могильник
 Погр. 316 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Голдина Р.Д. 1969-
 Местоположение: шея
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброс: 11-1-25
 Основа сплава: CuZnSn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Голдина, Красноперов, 2012. С. 38. Табл. 189-3.

№ фибулы 388

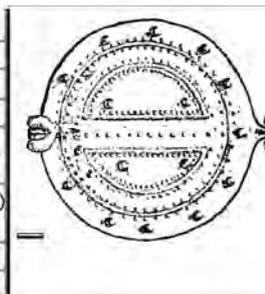
Чегандинское I городище
 слой Шифр ?
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Генинг В.Ф. -
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Генинг, 1970. Табл. 24-7.

№ фибулы 389

Нивский могильник
 Погр. 5 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. .

№ фибулы 390

Нивский могильник
 Погр. 14 а ил Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. .

№ фибулы 401

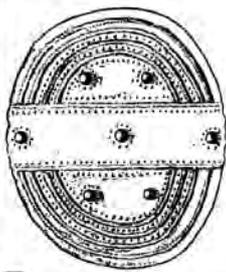
Нивский могильник
 Погр. 132 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. .

№ фибулы 402

Нивский могильник
 Погр. 133 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: нет изображения
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. .

№ фибулы 403

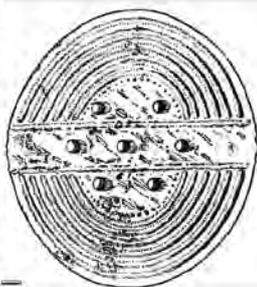
Нивский могильник
 Погр. 148 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. . Табл. VII-1.

№ фибулы 404

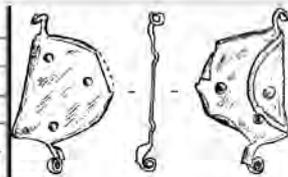
Нивский могильник
 Погр. 150а Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. . Табл. VI-6.

№ фибулы 405

Нивский могильник
 Погр. 155 Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-4
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1978. С. . Табл. VII-2.

№ фибулы 406

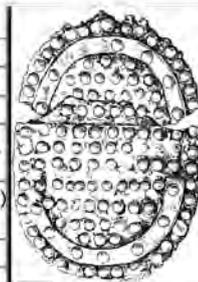
Зуевключевское I городище
 слой Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Амброз: 13-3
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, 2004

№ фибулы 407

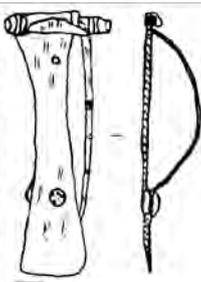
Зуевключевское I городище
 слой Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 -
 Тип фибулы: Останина: 3-б
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, 2004

№ фибулы 408

Кудашевский могильник
 Погр.? Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Казанцева О.А.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Казанцева, 2004

№ фибулы 409

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 2 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 1, 3

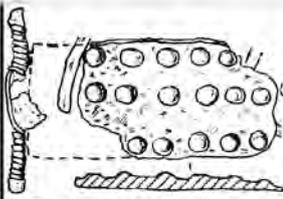
№ фибулы 410

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 16 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: череп справа
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 2, 36

№ фибулы 411

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 19 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: череп слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 3, 2

№ фибулы 412

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 20 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-б
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 3, 15

№ фибулы 413

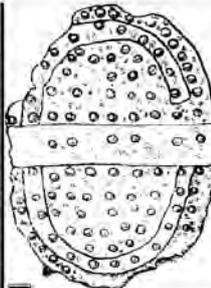
Старо-Кабановский могильник
 Погр. 47 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 6, 8

№ фибулы 414

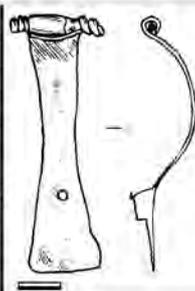
Старо-Кабановский могильник
 Погр. 69а Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 7, 21

№ фибулы 415

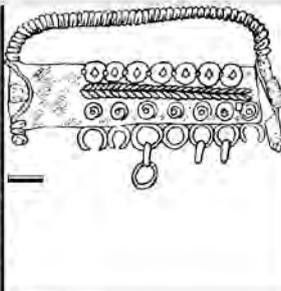
Старо-Кабановский могильник
 Погр. 70а Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: пояс
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 9, 1

№ фибулы 416

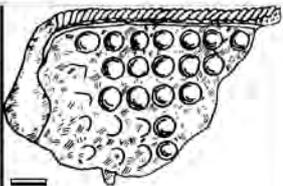
Старо-Кабановский могильник
 Погр. 71 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: плечо левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 8, 8

№ фибулы 417

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 80 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: бедро левое
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 9, 8

№ фибулы 418

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 84 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-а
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 9, 14

№ фибулы 419

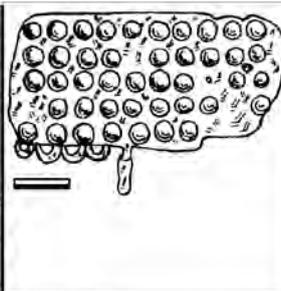
Старо-Кабановский могильник
 Погр. 92 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 3-б
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 10, 4

№ фибулы 420

Старо-Кабановский могильник
 Погр. 98 Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М.
 Местоположение: грудь слева
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин, Останина, 1986. Табл. 11, 11

№ фибулы 421

Старо-Кабановский могильник

Погр. 100 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: пояс

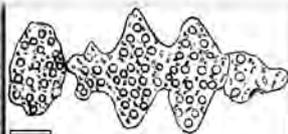
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 2-б

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 11, 24

№ фибулы 422

Старо-Кабановский могильник

Погр. 102 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: грудь

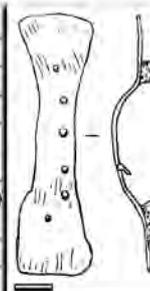
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 3-б

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 12, 5

№ фибулы 423

Старо-Кабановский могильник

Погр. 107 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: пояс

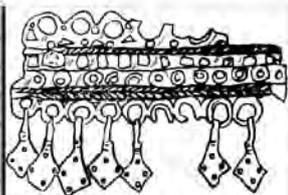
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 2-а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 14, 1

№ фибулы 424

Старо-Кабановский могильник

Погр. 115 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: череп слева

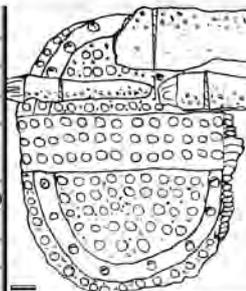
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 1-5

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 14, 11

№ фибулы 425

Старо-Кабановский могильник

Погр. 133 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: пояс

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 3-а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 16, 2

№ фибулы 426

Старо-Кабановский могильник

Погр. 135 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: пояс справа

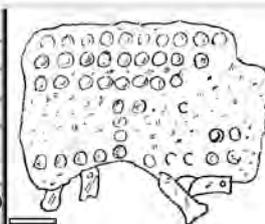
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: плохая сохранность

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 16, 14

№ фибулы 427

Старо-Кабановский могильник

Погр. 139 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: подарочный набор

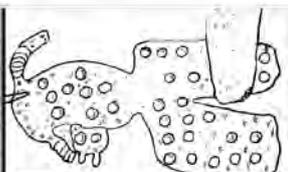
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: плохая сохранность

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 17, 10

№ фибулы 428

Старо-Кабановский могильник

Погр. 141 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: грудь

Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 3-б

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 17, 20

№ фибулы 429

Старо-Кабановский могильник

Погр. 152 Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: грудь

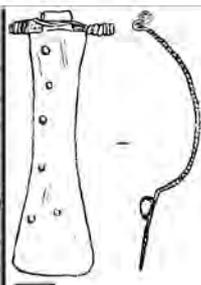
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определён возраст не определён

Тип фибулы: Останина: 3-а

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 19, 2

№ фибулы 430

Старо-Кабановский могильник

сбор Шифр

Место хранения: Уфа

Автор и год: Васюткин С.М.

Местоположение: не определено

Антропологические данные (пол/возр)
-

Тип фибулы: Останина: 3-б

Основа сплава: -

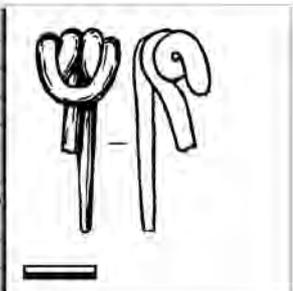
Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Васюткин, Останина, 1986. Табл. 19, 12

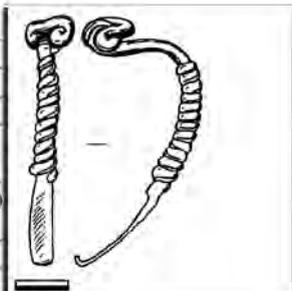

№ фибулы 431

Худяковский могильник
 Погр. 78 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Лещинская Н. А.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Лещинская, 2014. С. 292. Табл. 89-16.

№ фибулы 432

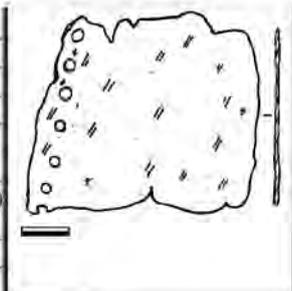
Худяковский могильник
 сбор Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Лещинская Н. А.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 -
 Тип фибулы: Амброз: 15
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Лещинская, 2014. С. 371. Табл. 128-38.

№ фибулы 433

Чужьяловское городище
 слой Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1978-
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 -
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1988. С. 76. Рис. 6-28.

№ фибулы 434

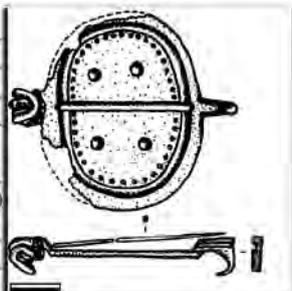
Чужьяловское городище
 слой Шифр
 Место хранения: НМУР
 Автор и год: Останина Т.И. 1978-
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 -
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Останина, 1988. С. 76. Рис. 6-31.

№ фибулы 435

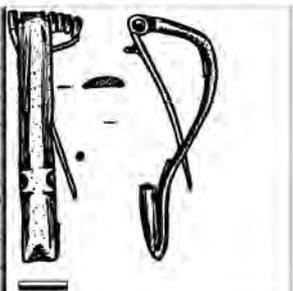
Бобья-Учинский могильник
 сбор Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Вязников А.М. 2010
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 -
 Тип фибулы: Останина: 3-Б
 Основа сплава: CuSnPb
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Вязников, 2010. С. 15. Рис. 40-3.

№ фибулы 436

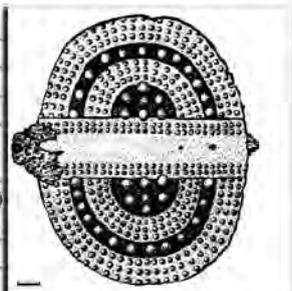
Старо-Муштинский могильник
 Погр. 6, курга Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Гарустович Г.Н. 1988
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-1
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. Рис. 62-8.

№ фибулы 437

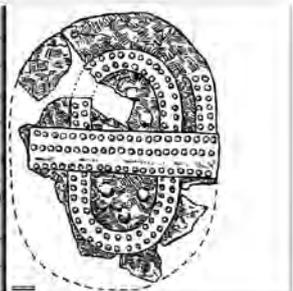
Старо-Муштинский могильник
 Погр. 3, курга Шифр
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Гарустович Г.Н. 1988-
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Амброз: 16-2
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004. Рис. 62-7.

№ фибулы 438

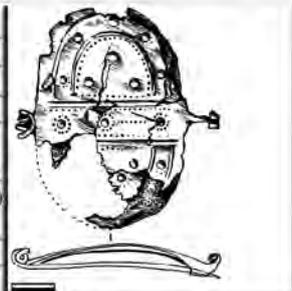
Югомашевский могильник
 Погр. 6 Шифр ?
 Место хранения: Уфа
 Автор и год: Васюткин С.М. 1975
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Васюткин и др., 1975. С. 164.

№ фибулы 439

Аргыжское городище
 клад Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М.
 Местоположение: не определено
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 -
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С. 65-66. Рис. 81-6.

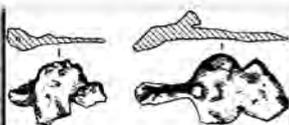
№ фибулы 440

Дубровский могильник
 Погр. 5 Шифр 2222/31
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2009
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/ возраст)
 женский 25-35 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuZn
 Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, отчет за 2009 г.. С. 13-14. Рис. 59-2.

№ фибулы 441

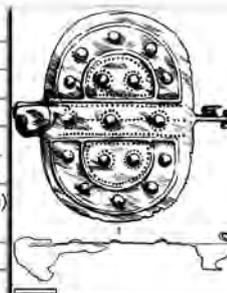
Дубровский могильник
 Погр. 7 Шифр 2222/52
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2009
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 12-20 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, отчет за 2009 г., С. 15-16. Рис. 78-2,3.

№ фибулы 442

Дубровский могильник
 Погр. 14 Шифр 2222/630
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2009
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 40-50 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-2
 Основа сплава: CuSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, отчет за 2009 г., С. 20-21. Рис. 145.

№ фибулы 443

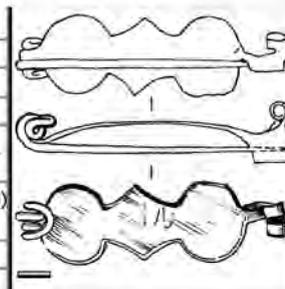
Дубровский могильник
 Погр. 36 Шифр 2222/241
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2009
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 11-13 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, отчет за 2009 г., С. 35-36. Рис. 303-7.

№ фибулы 444

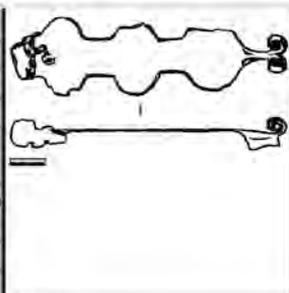
Дубровский могильник
 Погр. 40 Шифр 2222/427
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2009
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 45-55 лет
 Тип фибулы: 3-основная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, отчет за 2009 г., С. 38-39. Рис. 329-5.

№ фибулы 445

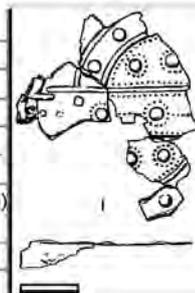
Дубровский могильник
 Погр. 63 Шифр 2251/1061
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Бернц В.А. 2010
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён возраст не определён
 Тип фибулы: 3-основная
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Бернц, отчет за 2010 г., С. 27-28. Рис. 143-5.

№ фибулы 446

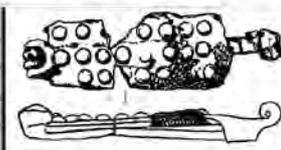
Дубровский могильник
 Погр. 66 Шифр 2251/142
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2012
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 20-35 лет
 Тип фибулы: плохая сохранность
 Основа сплава: CuZn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2012 год.

№ фибулы 447

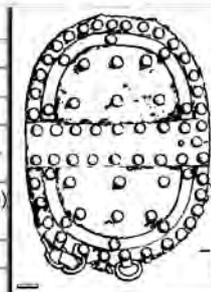
Дубровский могильник
 Погр. 68 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2012
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён 18-20 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2012 год.

№ фибулы 448

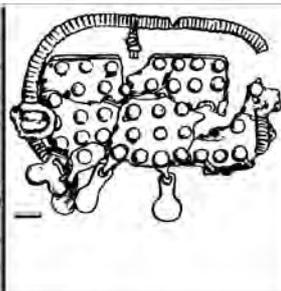
Дубровский могильник
 Погр. 77а Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2012
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 18-22 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2012 год.

№ фибулы 449

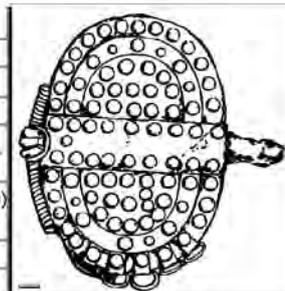
Дубровский могильник
 Погр. 85 Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2012
 Местоположение: подарочный набор
 Антропологические данные (пол/возр)
 пол не определён старше 35 лет
 Тип фибулы: Останина: 2-в
 Основа сплава: CuZnPbSn

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2012 год.

№ фибулы 450

Дубровский могильник
 Погр. 98в Шифр
 Место хранения: УдГУ
 Автор и год: Черных Е.М. 2012
 Местоположение: грудь
 Антропологические данные (пол/возр)
 женский 14-18 лет
 Тип фибулы: Останина: 1-5
 Основа сплава: CuSnPb

Источник текстового описания и/или иллюстрации:
 Черных, отчет за 2012 год.

№ фибулы 451

Дубровский могильник

Погр. 133 Шифр 2299/26

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Черных Е. М. 2013

Местоположение: подарочный набор

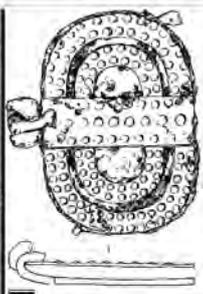
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 1-5

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Черных, отчет за 2013 год. С. 15-16. Рис. 91-4.

№ фибулы 452

Дубровский могильник

Погр. 136 Шифр 2299/13

Место хранения: УдГУ

Автор и год: Черных Е. М. 2013

Местоположение: подарочный набор

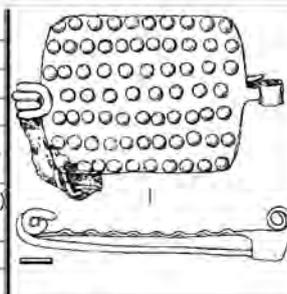
Антропологические данные (пол/возр)
пол не определен возраст не определен

Тип фибулы: Останина: 2-в

Основа сплава: -

Источник текстового описания и/или иллюстрации:

Черных, отчет за 2013 год. С. 17. Рис. 115-2, 116-2.

Научное издание

Татьяна Михайловна Сабирова

**ФИБУЛЫ СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э.**

Монография

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Оригинал-макет Т. Р. Сабирова, И. В. Ширококовой
Дизайн обложки Т. Р. Сабирова

Подписано в печать 18.09.2019. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,66. Уч.-изд. л. 35,44.
Тираж 300 экз. Заказ № 310.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru

ISBN 978-5-6042700-4-2

9 785604 270042